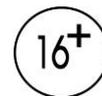


МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
Федеральное государственное бюджетное образова-  
тельное учреждение высшего образования  
«Пермский государственный гуманитарно-  
педагогический университет»



**ТРУДЫ  
КАМСКОЙ  
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ  
ЭКСПЕДИЦИИ**

**Выпуск XIV**

**Средневековая археология Евразии:  
от Ямала до Карпат**

Сборник научных трудов  
к 60-летию юбилею А.М. Белавина



Пермь  
ПГГПУ  
2018

УДК 902  
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)  
Т 782

**Труды Камской археолого-этнографической  
Т 782 экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология  
Евразии: от Ямала до Карпат: сб. науч. тр. к 60-  
летнему юбилею А.М. Белавина / под общ. ред.  
Н.Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. –  
Пермь, 2018. – 353 с.: ил. и табл.**

**ISBN 978-5-85218-964-6**

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Настоящий сборник посвящён 60-летнему юбилею доктора исторических наук, профессора Андрея Михайловича Белавина, организатора и руководителя КАЭЭ и Пермской археолого-этнографической научной школы. Публикуются материалы по археологии различных территорий Евразии эпохи средневековья, отвечающие научным интересам А.М. Белавина.

Сборник будет интересен специалистам по истории, искусству и археологии Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев и всем, кто интересуется историей и культурой таинственной эпохи Средневековья.

УДК 902  
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)



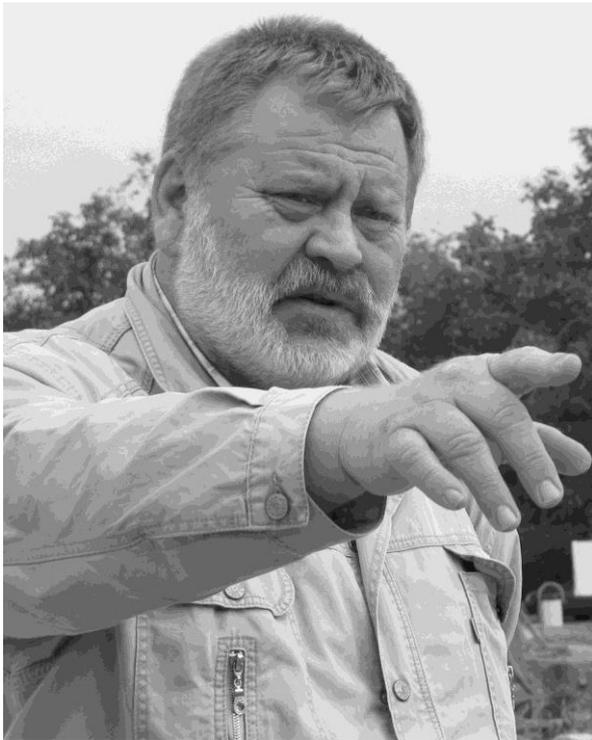
Редакционная коллегия:

д-р ист. наук проф. *Н.Б. Крыласова*;  
канд. ист. наук доц. *Е.Л. Лычагина*; канд. ист. наук, доц. *Ю.А. Подосенова*; канд.  
ист. наук, доц. *А.Н. Сарпулов*

Печатается по решению редакционно-издательского совета  
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ISBN 978-5-85218-964-6

© Коллектив авторов, 2018  
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2018  
© Пермский государственный  
гуманитарно-педагогический университет, 2018



*5 июля 2018 г. мы отмечаем славный юбилей – 60 лет основателя Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Андрея Михайловича Белавина!*

*25-летним парнем он устроился работать на вновь открывшееся историческое отделение Пермского педагогического института, и сразу организовал экспедицию, которая, чтобы отличаться от Камской археологической экспедиции классического университета (КАЭ ПГУ), была названа археолого-этнографической (КАЭЭ ПГПИ). Поэтому с юбилеем Андрея Михайловича совпадает юбилей экспедиции – нам нынче 35 лет!*

Андрей Михайлович всегда стремился держать на уровне материальную базу экспедиции (чтобы не хуже, чем у ижевцев и москвичей), да и сейчас может запросто купить из своего кармана то, что нам неожиданно понадобилось. Но самое главное – он всегда собирал вокруг себя хороших людей, создающих костяк экспедиции. Добряк, весельчак и романтик, он притягивал их к себе, увлекал археологией и экспедиционной жизнью, так, что они многие годы продолжали ездить в поле. По каким-то невероятным приметам он выделял студентов на практике, которые связывали потом свою жизнь с археологией. Например, Юлия Подосенова покорила умением «нырять» в зашнурованную палатку в узенькую щелку у земли, Артем Вострокнутов – любовью к Beatles, Наташа Крыласова – парадоксальным мышлением. Не все из тех, кто многие годы провел в экспедиции, связали свою жизнь с археологией, но полевой опыт им, безусловно, пригодился. К примеру, Таня Вострикова и Сергей Островский работают в Пермском краеведческом музее и уже несколько лет участвуют в раскопках уникального трогонтериевого слона; Женя Евдокимовская (Черепанова) руководит турагентством Биармия, возит группы по Пермскому краю, увлеченно рассказывая о его богатой истории.

Андрей Михайлович всегда стремится популяризировать археологию в Пермском крае, активно публиковать результаты исследований, чтобы оперативно вводить их в научный оборот. Для этого сначала было основано периодическое издание «Труды КАЭЭ» – сейчас выходит уже XIV выпуск. Позже, когда в 2003 г. был открыт учебный Музей археологии и этнографии Предуралья – «Вестник МАЭ». Наиболее основательной является серия монографий «Археология Пермского края. Свод археологических источников», в которой вышло уже 4 издания.

Мы точно знаем, у нас сложившаяся научная школа, и лидер ее – Андрей Михайлович. Весь коллектив – его ученики и ученики его учеников от всей души поздравляют юбиляра и желают дальнейших успехов, здоровья и процветания!

**РЕДКОЛЛЕГИЯ**

УДК 902/904

**А.Н. Сарапулов****А.М. БЕЛАВИН: ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ (К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ В ПЕРМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ)**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

*Статья посвящена юбилею Андрея Михайловича Белавина – известного российского археолога, специалиста по средневековой археологии Волго-Камья. Приведены основные вехи биографии, важные события его научного пути. Проведен анализ основных трудов А.М. Белавина, его концепций, оказавших большое влияние на археологию Волго-Камья. Рассмотрены признаки формирования научной школы и сделан вывод о том, что к началу XXI века в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете сформировалась новая научная археологическая школа под руководством А.М. Белавина.*

*Ключевые слова: научная школа, средневековая археология, Пермское Предуралье, этногенез финно-угорских народов, урбанизация, исламизация, А.М. Белавин.*

Научные школы, как сообщества ученых, придерживающиеся определенной системы взглядов, широко известны в различных науках. В общем науковедении это понятие также используется. Обращаясь к археологической науке, стоит отметить, что термин «научная школа» или просто «школа» постоянно употребляется. Нам известны научные школы Ф.К. Волкова, Д.Н. Анучина, В.А. Городцова, А.В. Арциховского, В.М. Массона, А.П. Окладникова (и его ученика и последователя А.П. Деревянко) О.Н. Бадера, В.Ф. Генинга, А.Х. Халикова и др.

В историографических работах исследователи затрагивали вскользь или более подробно вопросы существования научных школ в археологии. В.Ф. Генинг в «Очерках по истории советской археологии» использует понятие «школа» по отношению к коллективам, работающим под руководством Ф.К. Волкова в Петербурге и Д.Н. Анучина в Москве [23, с.78].

Г.С. Лебедев, пожалуй, один из первых в отечественной историографии археологической науки пытался дать свое понимание термину «научная школа». По его мнению, основу научных школ (течений) составляют подходы (направления), выдвигаемые несколькими или одним лидером. В качестве продукции научных школ Г.С. Лебедев видел концепции, конкретно-исторические реконструкции, теоретико-методологические системы [30, с.4]. То есть, исследователь выделил такие признаки научной школы, как наличие лидера (ов) и особые выдвигаемые подходы в виде идей и концепций.

Касался специфики научных школ в своих противоречивых работах известный историограф А.А. Формозов. Он, как исследователь-одиночка с очень сложным характером, как отмечали неоднократно его коллеги (например, [26, с.533-555]), высказывался о научных школах сугубо отрицательно, видя в них расчет-

ливость со стороны молодежи, заострение науки, конфликты учеников с учителем [42, с.169]. Основываясь на личных отношениях с археологами, А.А. Формозов в своих работах подверг их деятельность очень субъективной едкой критике. Так, например, писав про О.Н. Бадера, он высказал в его адрес множество нелицеприятных характеристик, и пришел к тому, что О.Н. Бадер не оставил никакой школы и его ученики школой не являются [42, с.55-65], с чем просто невозможно согласиться.

Другой представитель историографии археологии Л.С. Клейн в своей монографии тоже пользуется понятием «научная школа». Например, он считает, что «ученики Волкова в археологии, в Петрограде-Ленинграде составили разветвленную палеоэтнологическую школу – Руденко, Ефименко, Миллер, Бонч-Осмоловский и др.». Характеризуя А.П. Окладникова, Клейн пишет, что в Новосибирске у него сформировалась большая школа. В создании крупной разветвленной научной школы отмечается также роль М.П. Грязнова и т.п. [26, с.27, 320, 430-447]. А вот в очерке про своего постоянного визави по различным вопросам теории археологии – В.Ф. Генинга, Л.С. Клейн высказал сомнения в научной школе, сформировавшейся вокруг него. Хотя Лев Самойлович замечает, что все зависит от того, что понимать под школой. «Если понимать под школой именно плеяду личных учеников, подражающих учителю в своей работе и разрабатывающих смежные темы, то такая школа налицо. Если же требовать выдвижения и разработки некоей значительной концепции, активного отстаивания неких общих идей, то, пожалуй, этого не было» [26, с.459]. Возможно, в его словах есть рациональное зерно.

Безусловно, самый большой вклад в осмысление феномена научной школы в археологии внесла О.М. Мельникова. Ей удалось в полном объеме рассмотреть все подходы к пониманию этого понятия, выделить его признаки и на конкретных примерах рассмотреть сущность научной школы, алгоритм ее складывания и развития. О.М. Мельникова пишет о научных археологических школах О.Н. Бадера, В.Ф. Генинга, Р.Д. Голдиной [31, 32, 33, 34]. Передо мной не стоит задачи в этой статье повторять размышления О.М. Мельниковой о различных подходах к пониманию научной школы. Единственное, что следует отметить, так как это важно для нашего дальнейшего описания пермской школы А.М. Белавина, инвариантные признаки понятия «научная школа», которые выделяет О.М. Мельникова вслед за А.А. Никишенковым:

- 1) научная школа – это коллектив ученых (принадлежность к одному научному учреждению не обязательна);
- 2) в рамках такого коллектива под руководством лидера научной школы осуществляется деятельность в четырех основных аспектах:
  - а) разработка конкретных проблем по исследовательской программе, в основе которой лежат идеи главы научной школы;
  - б) подготовка молодого поколения исследователей;
  - в) организация и координация общих усилий;

г) утверждение особых норм взаимоотношений между членами научной школы как исследовательского коллектива [34, с. 25].

Осмысливая приведенные выше признаки можно отметить, что в конце XX – начале XXI вв. в урало-поволжской археологии сформировались научные школы на базе научных и образовательных учреждений под руководством Р.Д. Голдиной (г. Ижевск), А.М. Белавина (г. Пермь), Н.Л. Моргуновой (г. Оренбург), А.А. Выборнова (г. Самара), Ф.Ш. Хузина и А.Г. Ситдикова (как продолжателей школы А.Х. Халикова) (г. Казань).

Все, кто хоть сколько-то знаком с коллективом археологов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета под руководством д.и.н., профессора А.М. Белавина, с их идеями и трудами, с научно-организационной структурой, согласятся с тем, что в начале XXI в. здесь сформировалась новая пермская научная археологическая школа. Я не буду в этой статье подробно останавливаться на доказательствах этого тезиса, так как мне это кажется очевидным. Думается, по ходу общего обзора, факты, доказывающие наличие научной школы, найдут свое отражение. Да и статья задумывалась, как юбилейная, поэтому, прежде всего, остановимся на личности основателя научной школы – А.М. Белавина. Определяющее значение при формировании научной школы имеет эрудиция, особенности личности, круг интересов, идеи, стиль работы и руководства, организаторские способности ее лидера. Вот и посмотрим на нашего лидера – А.М. Белавина.

#### *А.М. Белавин: личность в науке*

Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни и тысячи исследователей, придерживавшихся господствующих взглядов...

*В.И. Вернадский*

Размышляя о личности и многогранных талантах А.М. Белавина, остановимся, прежде всего, на его таланте как ученого, внесшего весомый вклад в археологию Волго-Камского региона, на таланте организатора науки и образования, и на человеческих качествах, которые позволили ему создать научный коллектив в нашем университете.

А.М. Белавин родился 5 июля 1958 г. в г. Перми в семье ученого и учителя. Из-за работы родителей в 1959 г. семья переехала сначала в г. Свердловск, а затем в 1960 г. – в г. Челябинск-70 (ныне г. Снежинск). Этот город основан 23 мая 1957 г. для дублирования ядерной программы Сарова (Арзамас-16). Здесь расположился Всесоюзный научно-исследовательский институт приборостроения (затем – Всесоюзный научно-исследовательский институт технической физики) – разработчик ядерных боеприпасов. Отец Андрея Михайловича – Белавин Михаил Васильевич – был инженером, специалистом в области радиотехники и электроники, лауреатом Государственной премии СССР (за разработку и внедрение унифицированной системы автоматики подрыва ядерных зарядов).

Мать – Белавина Валентина Владимировна (урожд. Косолапова) – окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Молотовского университета, и в разные годы работала учителем в школе. В этой интеллигентной семье и прошло детство Андрея Михайловича. В Снежинске он закончил среднюю трудовую школу №125.

В статье, посвященной Андрею Михайловичу Белавину в Internet-энциклопедии «Википедия», написано, что его предки были пермскими дворянами, принимавшими активное участие в жизни губернии [1]. Действительно, предки Андрея Михайловича происходили из мелкопоместных дворян. Его дед – Белавин Василий Александрович – был сыном священника, сначала учился в семинарии, но ушел оттуда и экстерном закончил гимназию, затем продолжил образование на историко-филологическом факультете Императорского Московского государственного университета. Потом работал сначала учителем истории, а затем директором Чердынской женской гимназии. Работая в г. Чердыни, Василий Александрович Белавин стал членом Общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края, и возглавил сектор по охране памятников истории и культуры этого общества. Деятельность общества включала несколько основных направлений: охрана памятников археологии и архитектуры, собирание материалов по геологии, географии края, проведение историко-археологических исследований в Чердынском крае. Члены общества обращались в волостные правления, к частным лицам с просьбой принять меры по охране древних поселений, могильников; на места рассылались программы сбора этнографического материала. На собраниях общества заслушивались научные доклады, сообщения исследователей, отчеты о командировках, большинство которых опубликованы. Кроме 35 действительных членов в обществе было 9-13 почетных членов из числа видных исследователей Урала. Среди них – профессор Московского университета, этнограф и антрополог Д.Н. Анучин, президент Уральского общества любителей естествознания А.А. Миславский, член Императорской археологической комиссии А.А. Спицын, профессор Казанского университета, известный этнограф И.Н. Смирнов и другие. Об авторитете сектора по охране памятников истории и культуры Чердынского общества свидетельствует то, что в специальном положении «Об охранение древних памятников», выработанном в 1905 г. комиссией Министерства внутренних дел, территория страны была разделена на археологические округа, на Урале выделен Оренбургский округ, а охранительным местным органом определено Общество любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края [43]. Таким образом, дед Андрея Михайловича тоже имел прямое отношение к археологии и охране памятников истории и культуры в Пермской губернии.

По рассказам Андрея Михайловича, в детстве он увлекался геологией, его манила романтика геологоразведки и поиска полезных ископаемых на территории богатого в этом отношении Южного Урала. Но, так как математика в школе ему не очень давалась, а при поступлении на геологический факультет надо бы-

ло сдавать экзамен по математике, он отказался связать свою дальнейшую профессиональную карьеру с геологией. А поскольку археология была близка геологии и являлась не менее романтической, он переключился на нее. В детстве они с друзьями находили подъемный археологический материал на берегу озера Синара. Потом Андрей Михайлович увлекся чтением популярных книг об археологии В. Берестова, Г. Федорова, А. Никитина, и даже сам себе нарисовал «Открытый лист».

Все эти факторы определили желание Андрея Михайловича связать свою жизнь с историей. В 1975 г. он поступил на исторический факультет Пермского государственного университета. Сначала на вечернее отделение, так как для поступления на дневное ему не хватило на вступительных экзаменах половины балла (там засчитывались оценки по сданным экзаменам, и средний балл аттестата). Из-за этого археологическую практику Андрей Михайлович проходил не в экспедиции, а в кабинете археологии, обрабатывая материал, накопленный за лето. Там он слушал рассказы археологов об экспедициях, наблюдал за научными спорами, и его интерес к археологии усиливался. Через год увлеченный студент перевелся на дневное отделение, и в 1977 г. поехал в свою первую экспедицию – на раскопки в г. Соликамск и на городище Острая Грива под руководством В.А. Оборина. Во время его учебы на факультете сложился сильный преподавательский коллектив (благодаря декану И.С. Капцуговичу, который еще сыграет большую роль в дальнейшей судьбе Андрея Михайловича). Археологические дисциплины читали видные археологи – д.и.н., профессор В.А. Оборин, к.и.н. Ю.А. Поляков, А.Д. Вечтомов. Научные традиции, которые были заложены в Пермском университете О.Н. Бадером, передавались новым поколениям студентов. Андрей Михайлович прошел фундаментальную полевую школу и получил хорошую научную подготовку. Руководителем его научно-исследовательской работы стал В.А. Оборин, которого Андрей Михайлович считает одним из своих учителей. Темой дипломной работы были «Изразцы Прикамья (Соликамск, Усолье, Орел-городок)». Другим учителем А.М. Белавина в студенческие годы был В.П. Денисов, один из «трех Володей» (В. Оборина, В. Генинга, В. Денисова) – учеников О.Н. Бадера. В его экспедициях Андрей Михайлович учился полевой работе, умению снимать планы, вести документацию, понимать памятник. Владимир Петрович во всем любил порядок, в его экспедициях все должны были постоянно работать (даже после окончания работ на раскопе) и приносить пользу отряду. Андрей Михайлович хорошо усвоил эти правила и перенес потом их на свои экспедиции.

Закончил университет А.М. Белавин в 1980 году. У них был удивительно «звездный курс», его бывшие однокурсники – это целая плеяда известных ученых и преподавателей (д.и.н., профессор П.Ю. Павлов, д.и.н., профессор М.Н. Лукьянов, д.и.н., профессор И.К. Кирьянов, д.и.н., профессор Б.П. Дементьев, к.и.н. А.В. Вертинский, к.и.н. В.Р. Гуцин и др.).

В 1979 г., еще будучи студентом 5 курса, А.М. Белавин явился создателем такого, на мой взгляд, феномена, как Школа юных археологов (ШЮА) при Дворце пионеров г. Перми. Участие в первых археологических раскопках кружковцы приняли уже летом 1980 года. Ими совместно со студентами исторического факультета ПГУ под руководством А.Ф. Мельничука изучалась стоянка эпохи неолита Чашкинское озеро VI. Воспитанники школы постоянно участвовали в организации выставок археологических древностей, готовили доклады на конференции, участвовали в ежегодных экспедициях, а потом становились студентами исторических факультетов и будущими археологами. Юные археологи принимали участие во всех полевых исследованиях Пермского государственного университета и Пермского государственного педагогического института (университета). Всего ими исследовано 68 памятников археологии, на ряде которых работали экспедиции, состоявшие исключительно из кружковцев: селища Володин Камень (1983 г.) и Запоселье (1984 г.), Плотниковский могильник (1989 г.), Вильгортское селище (1990 г.), могильник Телячий Брод (1991 г.), Лаврятское городище (1992 г.), городище Посер (2005 г.) и др. [40, с.40]. После перехода в 1983 г. А.М. Белавина на работу в Педагогический институт, ШЮА в разные годы руководили ученики Андрея Михайловича – Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, В.В. Мингалев, А.Н. Сарапулов, Д.В. Шмуратко. На мой взгляд, Андрею Михайловичу удалось создать для пермской археологии совершенно уникальную институцию. Через ШЮА прошло более 500 учащихся, из них около 100 человек своей профессией избрали археологию, историю, этнографию, антропологию, палеонтологию. Среди выпускников ШЮА – сотрудники музеев, педагоги, работники культуры, органов охраны памятников, журналисты. Из числа юных археологов выросли 6 кандидатов и 2 доктора наук, избравшие своим образом жизни изучение историко-культурного наследия нашей Родины [21, с.71].

В 1979 г. в жизни Пермского педагогического института произошло значимое событие. На должность ректора был приглашен декан исторического факультета Пермского университета д.и.н., профессор И.С. Капцугович. В педагогическом институте тогда не было своего исторического факультета. Поэтому И.С. Капцугович, являясь историком, задумал восстановить там исторический факультет. В 1982 г. было открыто историческое отделение при филологическом факультете, а через три года в 1985 г. появился исторический факультет [25, с.242]. В 1983 г. И.С. Капцугович и будущий декан возрожденного факультета В.А. Шмыров пригласили А.М. Белавина на преподавательскую работу в пединститут. Так начался новый этап в жизни молодого археолога, связанный с преподавательской и научной работой. И.С. Капцугович в своей книге вспоминает это событие следующим образом: «Андрея Белавина я узнал, когда он был еще студентом, а я – деканом исторического факультета ПГУ. Этот молодой человек выделялся своей внешностью: здоровенный такой парень и чуть-чуть угрюмый. Он очень подходил на роли характерных персонажей в сценках, которые разыгрывал студенческий театр политической сатиры «ПОСАТ». Знал я

и о серьезном увлечении Белавина археологией и научной работой. После окончания университета он начал работать методистом по краеведению в пермском Дворце пионеров, создал школьный археологический клуб и руководил секцией археологии научного общества учащихся. В 1983 г. я пригласил А.М. Белавина для работы на историческом отделении нашего вуза. В сентябре 1983 г. на Ученом совете института он был избран ассистентом кафедры истории. С большой неохотой расставалась с ним директор Дворца пионеров А.М. Оленева, и с большим удовлетворением я потирал руки. С тех пор началась преподавательская, научная и административная деятельность А.М. Белавина» [25, с. 263].

Вместе с А.М. Белавиным на работу в пединститут была приглашена выпускница Пермского университета, работавшая тогда в Свердловске, молодой археолог Г.Т. Ленц. И уже в 1983 г. Ученый совет пединститута принял решение о создании Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ) для проведения археологической полевой практики студентов-историков [11, с.64]. Так началось постепенное строительство крупного научно-исследовательского центра института (переименован в университет в 1995 г.) – нашей экспедиции. В 1984 г. студенты исторического отделения в составе КАЭЭ выехали в первую экспедицию – на раскопки стоянки Огурдино (отряд А.М. Белавина при участии А.Ф. Мельничука) и Шумковского селища (отряд Г.Т. Ленц).

Начав работать в ВУЗе, А.М. Белавин задумался о подготовке кандидатской диссертации. На одной из конференций В.А. Оборин познакомил его с виднейшим археологом из г. Казани, д.и.н. А.Х. Халиковым, который пригласил его в аспирантуру. В 1985 г. А.М. Белавин поступил в заочную аспирантуру Института истории, языка и литературы КФ АН СССР им. Г. Ибрагимова. А.Х. Халиков стал его научным руководителем и главным учителем.

А.Х. Халиков являлся известным ученым, отличавшимся смелостью выдвигаемых идей и концепций. Его интересовали многие дискуссионные вопросы в археологии Урала и Поволжья: проблема соотношения памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой эпохи неолита; споры о приказанской культуре, ее ареале, этнокультурных составляющих; вопросы, связанные с ерзовской культурой; изучение ананьинской историко-культурной общности, именьковской археологической культуры; проблемы болгароведения; исследование процессов тюркизации Поволжья и Предуралья; история Казани и пр. А.М. Белавин пишет: «А.Х. Халиков был одним из немногих «китов» археологической науки, которые в эпоху «директивной истории» могли мыслить категориями не локальными, местечковыми, привязанными к той или иной административно-территориальной единице или национальной автономии, а рассматривать проблему на евразийском фоне, вне отрыва от постоянной готовности к полемике, без мелочной оглядки (за редким исключением) на свои собственные ранние высказывания, которые никогда не были для него чем-то «забронзовелым» или «вытесанным из гранита науки» [12, с.18]. В этой характеристике А.Х. Халикова есть важные принципы, которых, благодаря влиянию своего учителя, стал придерживаться и

А.М. Белавин. Он всегда вспоминает фразу, сказанную однажды Альфредом Хасановичем: «Андрей, не стесняйтесь бросить в воду камень, и посмотрите, как будут расходиться круги...». Разработанные Андреем Михайловичем концепции никогда не оставались незамеченными, не всегда принимались однозначно и вызвали научную полемику, но выдерживали испытание временем и получали многочисленные новые подтверждения, ложась в основу современных представлений об особенностях эпохи средневековья в Пермском крае.

В 1991 г. после окончания аспирантуры А.М. Белавин в Диссертационном совете Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург) защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии)» (оппоненты д.и.н. И.В. Дубов, к.и.н. Ф.Ш. Хузин) [3].

А свою докторскую диссертацию А.М. Белавин защитил в том же Диссертационном совете в 2000 г. на тему: «Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья» (оппоненты д.и.н. Д.Г. Савинов, д.и.н. В.А. Иванов, д.и.н. Е.П. Казаков) [7] (рис.1).

На протяжении многолетней научной карьеры А.М. Белавин генерировал идеи, которые ложились в основу детальности созданной им научной школы. На этих его концепциях мы остановимся подробнее.

***1. Концепция культурного и экономического взаимодействия Волжской Болгарии с населением Пермского Предуралья и существования Камского торгового пути, как ответвления Великого Волжского пути, связывающего Волжскую Болгарию с северными финно-угорскими территориями***

А.М. Белавину в кандидатской диссертации и в более поздних работах удалось доказать, что уже с X в. на территории Прикамья появились торговые фактории болгарских купцов, являвшиеся пунктами транзитной торговли, положившей основу экономического, политического и культурного взаимодействия между булгарами и финно-угорскими племенами. Булгары являлись посредниками между Средней Азией, Кавказом, Русью и Прикамьем. Булгарское хозяйство и ремесло оказало огромное влияние на развитие средневекового производства в Пермском Предуралье. Период X-XIII вв. рассматривается как время активного взаимодействия Волжской Болгарии и народов Предуралья, земли которых это мощное государственное образование фактически присоединило к себе (это дало право царю болгар собирать в Прикамье налоги – джизью и харадж) [13; 4; 2; 6]. В докторской диссертации А.М. Белавин пришел к выводу, что в период средневековья определяющей линией взаимодействия для народов Предуралья было направление связей вдоль Камского торгового пути с нижнекамскими-средневожскими землями и далее на юго-запад. После возникновения Волжской Болгарии это мощное государственное образование стало доминантой в этнокультурном взаимодействии предуральских народов с их окружением. Включение Предуралья в систему болгарской торговой политики интегрировало

его в систему Восточной торговли в целом, а эта территория превратилась, по мысли А.М. Белавина, в часть крупной торговой империи крайнего востока Европы, известной цивилизованному миру благодаря рассказам купцов, зафиксированным арабскими и болгарскими географами и историками. Помимо этого, народы Предуралья участвовали в торгово-обменных отношениях с территорией Зауралья, Русью, и опосредованно со скандинавами и прибалтийско-финскими племенами.

Проанализировав мощный пласт как археологических, так и письменных источников, А.М. Белавин выделил периоды в развитии взаимодействия средневекового Предуралья со своим окружением:

- VII-IX вв. – восстановление разрушенной в ходе Великого переселения народов системы связей с Востоком;

- X-XIII вв. – Пермское Предуралье становится основным северовосточным торговым партнером Волжской Булгарии и, возможно, начинает рассматриваться как часть этого государства;

- XIII-XV вв. – Волжская Булгария, став частью Золотой Орды, меняет основное направление торговой деятельности в северных землях на Зауралье и Западную Сибирь (Приобье). После распада Золотой Орды Предуралье стало частью территорий, активно осваивавшихся переселенцами из Северо-Восточной Руси [6; 8].

## ***2. Концепция урбанизации Пермского Предуралья и существования на этой территории «протогородских центров»***

На протяжении нескольких десятилетий в центре научного внимания А.М. Белавина и его коллег было Рождественское городище в Карагайском районе Пермского края. Через несколько лет после первых масштабных раскопок Ю.А. Полякова, в 1985 г. Андрей Михайлович возобновил изучение этого городища. С этого времени Рождественский комплекс (два городища – Рождественское и Филипповское и два могильника – языческий и мусульманский) изучаются с небольшими перерывами вплоть до сегодняшних дней А.М. Белавиным, а затем Н.Б. Крыласовой. Андрей Михайлович убедительно доказал, что Рождественский археологический комплекс можно ассоциировать с «касабой Афкула» (Афилун, Афтакун, Аваколь, Афкула, Акикул), расположенной в 20 днях пути от Булгара на север перед странами Чулыман (Джулман, Джулыман, Чулман), Сибир (Сибер) и Ибир (Ибер, Ибыр) или в их южных пределах [14; 9; 15 и др.]. Андрей Михайлович выдвинул тезис, поддержанный многими коллегами, что в случае, если населенный пункт упоминается в письменных источниках как город или городок, мы тоже вправе считать его таковым. Кроме того, А.М. Белавин локализовал в Прикамье «страну Вису» [5]. И уже на примере Рождественского городища (Древней Афкулы) Андрей Михайлович прослеживает особенности протогорода (раннего города) в Предуралье: сложная трехчленная структура, относительно крупный размер заселенной части и выразительность укреплений (особенно цитадели), существование ряда сложных ремесленных производств,

полиэтничность и поликультурность населения, имеющего более высокий уровень жизни, чем основная масса жителей иных поселений, и явные признаки включения в систему международной торговли [10, с. 11]. А.М. Белавин абсолютно прав в том, что главным мотивом урбанизационных процессов в Предуралье был путь возникновения торговых факторий, опорных центров международной транзитной торговли по Камскому торговому пути [22, с.12]. Сейчас уже очевидно, что протогородскими центрами могли являться и такие средневековые городища Пермского Предуралья как Анюшкар, Роданово, Саломатовское, Городищенское, Кудымкарское, Купросское. Более подробно идеи А.М. Белавина по вопросам урбанизации отражены в статье В.А. Иванова в этом сборнике.

### ***3. Концепция раннего вхождения ислама на территорию Пермского Предуралья***

Яркие материалы болгарского происхождения в культурном слое Рождественского городища доказывают, что выходцы из Волжской Булгарии – купцы и ремесленники с их семьями непосредственно там проживали. Главным свидетельством этого является наличие в структуре Рождественского археологического комплекса мусульманского кладбища. Изученные погребения привели А.М. Белавина и его коллег к выводу, что на Рождественском могильнике наряду с языческой частью, выделяется мусульманская часть, где погребенные захоронены по специальному обряду, имеющему аналогии в домонгольских мусульманских могильниках Волжской Булгарии. К этим особенностям принадлежат: расположение некрополя непосредственно у городских укреплений; положение покойного лицом к кыбле (костики ориентированы головой на запад или запад-юго-запад; черепа развернуты лицевой частью к югу, т.е. вправо; костики расположены в соответствии с позой погребенного «лежащие на спине», ноги чуть согнуты в коленях, остатки костей ступни развернуты вправо, правая рука вытянута вдоль бедренной кости или чуть подогнута, левая согнута в локте или уложена вдоль таза); находки железных «Г-образных» гвоздей, использовавшихся в Волжской Булгарии для сколачивания гробовищ; безинвентарность погребений [28, с.56-66]. Обозначенные особенности погребального обряда не дают усомниться в том, что А.М. Белавин с соавторами справедливо связывают эти погребения с мусульманским кладбищем домонгольского времени, где были захоронены выходцы из Волжской Булгарии – мусульмане, проживающие на Рождественском городище. Подобные мусульманские погребения обнаружены у внешнего тына на стрелке городища Анюшкар на р. Иньва и между внешним и внутренним валом на малой площадке выше городища Иднакар [28, с.67-69]. И то, и другое городища можно также считать протогородскими центрами, функционирующими как торгово-ремесленные фактории, где проживали волжские болгары.

На Рождественском городище обнаружена деталь хороса, подобные, по аналогиям в Волжской Булгарии, использовались как осветительные приборы в мечетях. Наличие этой детали в сочетании с находками фрагментов муравленой черепицы, применяемой для покрытия крыш мечетей, наличие мусульман-

ского кладбища, по мнению А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, указывают на возможное нахождение мечети на Рождественском городище, – самой ранней мечети в Пермском Предуралье [15, с.333].

Все вышеприведенные факты и привели А.М. Белавина к мысли о раннем появлении ислама на территории Пермского Предуралья [16].

#### ***4. Концепция о новой границе между ломоватовской и родановской археологическими культурами (XI-XII вв.)***

Многие исследователи (В.А. Оборин, Р.Д. Голдина и др.) границу между ломоватовской и родановской культурами видят в IX веке. В 2000 г. А.М. Белавин с соавторами впервые высказал идею о том, что следует отказаться от середины IX в., как некоего рубежа, и перенести границу между средневековыми культурами Прикамья на XI-XII вв. [20, с.322]. Позже в сборнике материалов XX Уральского археологического совещания А.М. Белавин вместе с Н.Б. Крыласовой убедительно доказали необходимость переноса этой границы. Проанализировав различные признаки археологических культур, они пришли к тому, что, например, керамическая посуда, как погребальная, так и поселенческая, до конца XI в. сохраняет абсолютно ломоватовский облик; все виды украшений, обеспечивающих специфику ломоватовского костюма сохраняются до рубежа XI-XII вв.; то же самое можно сказать и об особенностях погребального обряда [18, с.280-284]. Именно с XI в. в зверином стиле перестают встречаться изделия культовой металлопластики. На рубеже XI-XII в. в Пермском Предуралье происходит переход к пашенному земледелию, новому хозяйственно-культурному типу, который связан со сменой археологических культур [41, с.349-352].

Таким образом, на мой взгляд, перенос границы между ломоватовской и родановской археологическими культурами на рубеж XI-XII вв. видится очевидным.

#### ***5. Концепция о доминировании угров в составе финно-угорского населения средневекового Пермского Предуралья***

Пожалуй, из всех приведенных концепций, инициированных А.М. Белавиным, эта вызывает самые ярые споры среди исследователей. В советское время, когда в археологической науке по разным политическим причинам отстаивалась теория автохтонизма народов и культур, в финно-угорской археологии зародилась идея автохтонного проживания коми-пермяков (или предков коми-пермяков) на территории Пермского Предуралья начиная с ананьинского времени. Эта идея, совершенно без каких-либо приводимых убедительных доказательств, стала рассматриваться большинством исследователей как единственная предполагаемая историческая реальность. Хотя еще дореволюционные и ранние советские исследователи писали о том, что на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья преобладали угорские племена [37]. Я. Пилипчук отмечает, что некоторое время вопрос угорского присутствия в Прикамье табуировался. Оживление интереса к данной проблеме произошло в

80-х гг. XX в., когда этим вопросом занялись А.Х. Халиков, Е.А. Халикова и Е.П. Казаков [39, с.122].

Ну и собственно уже в 90-е гг., А.М. Белавин, следуя за материалом, как учил его А.Х. Халиков, вернулся к угорской концепции. В своих многочисленных статьях он доказывает (к нему присоединились и коллеги-единомышленники, прежде всего, Н.Б. Крыласова и В.А. Иванов), что в период до XI-XII вв. на территории Пермского Предуралья преобладал угорский этнический компонент. Т.е. неволинскую и ломоватовскую культуры можно считать угорскими, и только родановскую культуру (с XII в.) можно связывать предками коми-пермяков. Большое количество статей, связанных с разработкой этой концепции, аккумулировались в коллективной монографии [19]. У этой концепции имеются ярые противники, которые в своих работах ее оспаривают, оставаясь на принципах «советского автохтонизма» и считая историографической данностью, видимо, не требующей доказательств, финно-пермскую принадлежность средневековых археологических культур Пермского Предуралья [24, с.89-110; 35, с.140-153; 36, с.109-117; 38, с.41-42 и др.].

Наверное, следует остановиться на некоторых важных идеях этой концепции. Весь круг средневековых археологических культур Приуралья А.М. Белавин считает угорскими – неволинскую, ломоватовскую, паломскую, ванвиздинскую. Привлекая объемный археологический материал и широкие аналогии, авторы концепции выделяют этнические маркеры, которые, по их мнению, можно связывать с уграми. К этномаркерам они относят художественный металл, Пермский (как и Печерский и Обско-Иртышский) звериный стиль, сюжет с изображением медведя, т.н. бляхи с «сокольничими», арочные шумящие подвески, пронизки- и подвески-коньки, шумящие биконьковые подвески, изображения птиц с распахнутыми крыльями и антропоморфным изображением на груди, зооморфные пронизки, бронзовые рукояти ножей с навершием, некоторые виды височных украшений, наборные пояса, поясные кошельки (сумочки) [19, с.175-258], керамику с шнуровой и шнуро-гребенчатой орнаментацией [19, с.123-174]. Погребальный обряд, по мнению авторов, тоже имеет угорские черты (биобрядность, снабжение покойного транспортным средством и транспортным животным, снабжение покойника «дорожным набором» и вещами, необходимыми в загробном мире, обряд ритуального «умервщления» вещей, использование погребальных масок, наглазников и наротников, использование бересты) [19, с.92-122]. А.М. Белавин считает, что в эпоху раннего средневековья на пространстве Урала окончательно сложилась и функционировала несколько столетий единая уральская угорская ойкумена, расположенная по обе стороны Уральских гор на территории от Прикамья до Приобья и от бассейна Печоры и Средней Вычегды до бассейна р. Белой [9, с.259].

Огорчительно то, что порой споры вокруг этой концепции выходят за рамки научной этики и оппоненты реагируют агрессивными критическими статьями. Хочется надеяться, что когда-нибудь появится монографическая работа, где

с использованием широкого археологического материала противники угорской концепции будут доказывать финнно-пермскую этническую основу средневековых культур Приуралья. А статей, основанных лишь на критике, пожалуй, уже достаточно.

А лично я не исключаю того, что средневековое население Пермского Предуралья могло быть поликультурным и в разные периоды могли преобладать разные культурные компоненты (об этнических говорить не берусь).

Таким образом, обозначенные концепции, выдвинутые А.М. Белавиным, можно рассматривать как некое исследовательское поле, в рамках которого трудится научный коллектив под его руководством. Так или иначе в своих диссертационных исследованиях, монографиях, статьях, ученики А.М. Белавина касаются того круга научных вопросов и проблем, которые он обозначил в своих работах, которые обсуждаются на проводимых совещаниях и в личных беседах.

В сформировавшейся научной школе сотрудниками университета защищено 10 кандидатских и 2 докторских диссертации (см. приложение 1). Еще несколько диссертационных исследований готовятся к защите.

Помимо кабинетной научной работы, А.М. Белавин за более чем 35-летний период раскопал и изучил несколько десятков археологических объектов на территории Пермского края (Рождественское, Купросское, Карасово, Лаврятское, Городищенское, Саломатовское городища, селище и могильник Телячий Брод, Запосельское, Чашкинское II, Володин Камень селища и др.).

Не менее важными для развития археологии в Пермском крае и становления научной школы являются заслуги Андрея Михайловича, как организатора науки и образования.

Бурную полевую деятельность развила КАЭЭ, возглавляемая А.М. Белавиным. За 35 лет ее существования сотрудники экспедиции прошли более 70 разведочных маршрутов, осмотрели более 1000 археологических объектов, из которых около 100 открыто впервые. Начиная с 1986 г. КАЭЭ приступила к выполнению хоздоговорных археологических исследований [11, с.65]. По инициативе А.М. Белавина с 2005 г. в Пермском крае была запущена «Программа противоаварийных исследований», экспедиция получила возможность активизировать исследования средневековых археологических памятников, в особенности – могильников, в наибольшей степени страдающих от деятельности браконьеров. Н.Б. Крыласовой изучается Рождественский могильник, А.В. Даничем – Баяновский могильник, Н.Г. Брюховой – Плотниковский могильник, Д.В. Шмуратко – Митинский могильник. Кроме могильников противоаварийным исследованиям подверглись и разрушающиеся поселения – Купросское городище, Калинское селище, Роданово городище (раскопки А.Н. Сарапулова), Саломатовское городище (раскопки С.И. Абдуловой).

Важным направлением деятельности коллектива научной школы является работа по публикации результатов археологических исследований. По инициативе А.М. Белавина стали издаваться два серийных издания – Труды КАЭЭ (14

выпусков) и Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья (6 выпусков). Еще одной ценной задумкой является выпуск серии монографий, направленных на предельно полную публикацию материалов археологических памятников, где проводились многолетние исследования КАЭЭ: «Археология Пермского края. Свод археологических источников». Сейчас в этой серии вышло уже 4 монографии [15; 17; 29; 27].

Коллектив под руководством А.М. Белавина провел несколько крупных научных конференций: Полевой симпозиум «Проблемы возникновения и развития протогородских центров у народов Урала и Поволжья» (1991 г.), Международное (XVI Уральское) археологическое совещание (2003 г., при участии Пермского государственного университета), Круглый стол «Пути средневековых торговцев» (2003), XXXIX Урало-Поволжская студенческая археологическая конференция (2007), Всероссийская конференция «Университет и историко-культурное наследие региона – XII Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья» (2008), Всероссийская (с международным участием) конференция «VI Халиковские чтения. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования и проблемы сохранения и музеефикации» (2011).

Научные исследования коллектива неоднократно получали поддержку со стороны государства. Выиграно и реализовано 20 грантов РГНФ и РФФИ, 2 проекта госпрограммы «Культура России», 5 проектов Целевой программы фундаментальных и прикладных исследований Минобрнауки, мега-проект Государственного задания в области фундаментальных исследований Минобрнауки РФ.

Значимой для складывания и функционирования научной школы является преподавательская и организаторская работа А.М. Белавина в университете. В педагогическом институте (университете) на преподавательском поприще он прошел путь от ассистента до профессора, в разное время вел и продолжает вести такие курсы и спецкурсы как: «История России периода феодализма», «Археология», «История первобытного общества», «История Урала», «Археология Волжской Булгарии», «Памятники истории и культуры Пермского края», «Методология научного исследования», «Научно-исследовательский семинар». Из-под пера Андрея Михайловича вышло несколько учебных пособий, получивших поддержку среди студенческого и преподавательского сообщества (см. библиографию А.М. Белавина в этом сборнике). А.М. Белавин привлекает студентов своими лекциями, как преподаватель с ораторским талантом и научной фундаментальностью, яркими и интересными идеями.

С 1994 г. в течение нескольких лет А.М. Белавин был заместителем декана исторического факультета, в 2002 г. назначен на должность проректора по научной работе и внешним связям университета и занимает эту должность до сих пор. Благодаря усилиям А.М. Белавина, научные исследования в университете вышли на совершенно иной, более высокий уровень. Конечно, имея такой управленческий ресурс, Андрей Михайлович всячески поддерживает свое дети-

ще – КАЭЭ и научную школу археологов. С 2004 по 2017 гг. А.М. Белавин являлся заведующим кафедрой Древней и средневековой истории России. Под его руководством кафедра стала в университете постоянным лидером в научной работе. По инициативе Андрея Михайловича открыта единственная в Перми аспирантура по специальности 07.00.06 «археология», что позволило пополнять молодыми исследователями коллектив научной школы. В 2003 г. при поддержке А.М. Белавина открыт Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья, создателем и автором экспозиции которого стала д.и.н., профессор Н.Б. Крыласова. В основу экспозиции заложен оригинальный принцип ее построения: она строится, исходя из сквозной хронологии по разделам традиционных занятий и хозяйства, когда каждая отрасль показана от каменного века и до этнографической современности. Этот музей стал единственным учебным музеем по археологии и этнографии в Пермском крае, и единственным в Урало-Поволжье, построенном по такому принципу. В 2005 г. Министерство образования и науки признало музей уникальным объектом высшей школы.

В 2003 г. Андрей Михайлович стал одним из организаторов и директором Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, который позже был преобразован в отдел Истории, археологии и этнографии Пермского научного центра (ныне ПФИЦ) УрО РАН – одно из немногих гуманитарных академических подразделений в Пермском крае. Тогда к коллективу археологов присоединились еще и этнографы под руководством д.и.н., профессора, чл.-корр. РАН А.В. Черных.

Особые заслуги Андрея Михайловича как ученого и преподавателя отмечены государственными наградами (Почетный работник высшего образования РФ, «Медаль в честь 1000-летия Казани» и др.). Он является членом ученых советов ПГГПУ, Уральского отделения РАН, Пермского краеведческого музея, членом Комиссии по топонимике при главе г. Перми.

Очень важны для создания и развития научной школы личностные качества ее лидера. А.М. Белавин обладает всем тем набором качеств, которые можно назвать харизмой, и которые необходимы для организатора науки.

Каждому археологу когда-нибудь задавали вопрос о том, что самого ценного он находил в своих экспедициях. Такой вопрос задают и А.М. Белавину. По словам Андрея Михайловича, самой ценной находкой, безусловно, является Наталья Борисовна Крыласова, его ученица, жена, соавтор научных работ. Этот семейный и научный тандем является для всех нас, учеников и коллег Андрея Михайловича, образцовым. Благодаря их теплым взаимоотношениям, взаимопониманию, любви, строится атмосфера в нашем коллективе.

Меня всегда удивляло то, как А.М. Белавин, занимая много разных должностей, успевает еще и вести активную научную деятельность, имея успех на всех своих поприщах. Ведь не смотря на то, что он занимается административной и преподавательской деятельностью, главным для него всегда оставалась наука. Помогают особые личностные качества – трудолюбие, целеустремлен-

ность, внутренняя организованность и воля. В связи с этим можно привести интересную и точную характеристику И.С. Капцуговича: «Есть такой вид единоборства – армрестлинг, для победы в котором необходимо прижать к столу руку соперника. Если представить А.М. Белавина одним из участников армрестлинга, а его противником – все что мешает этой личности, то победу в единоборстве одержит Белавин. И не потому, что этот мужчина недюжинной физической силой. Целеустремленность и воля – его союзники» [25, с.266]. Значимыми чертами личности А.М. Белавина являются прекрасное чувство юмора, интуиция, доброта и забота по отношению к ученикам, принципиальность и честность. Конечно, все эти качества, закономерно определяющие все события, происходящие в жизни А.М. Белавина, сформировали его как крупного ученого, учителя, организатора науки. Без сомнения, Андрею Михайловичу удалось создать новую Пермскую археолого-этнографическую научную школу, активно исследующую этногенез и этническую историю народов Западного Урала на фоне Евроазиатского контекста. Сам А.М. Белавин считает, что исследовательская программа научной школы предусматривает археологическое и этнологическое изучение пространственных систем и различных проявлений их содержания, нашедших отражения в различных комплексах материальной, духовной, экологической и соционормативной культуры. Это подразумевает исследование культур и культурных традиций региона, процессов их формирования и трансформации, взаимодействия и взаимовлияния, связанных с ним обществ, технологий, а также соответствующих когнитивных систем. На материалах сравнительно ограниченной культурно-экологической области – Предуралья предоставляется возможность проследить особенности формирования и размещения коренного финно-угорского населения и сопредельных с ним русского и тюркского, формирования направлений хозяйственной деятельности, особенности этнической культуры в целом и менталитета, в частности в зависимости от почвенных, ландшафтных, климатических условий. Таким образом, научная программа, как важный критерий существования научной школы, имеется и соответствует исследованиям, проводимым коллективом ученых.

Ну и напоследок, юбилейная статья все-таки должна заканчиваться пожеланиями и поздравлениями. Уважаемый Андрей Михайлович, с юбилеем, а вернее с тремя юбилеями – Вашим, КАЭЭ (35-летие) и Отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН (15-летие). Мы Вам очень благодарны и желаем крепкого здоровья, семейного счастья, творческих сил и дальнейших научных свершений!

#### Библиографический список

1. Белавин Андрей Михайлович // [https://ru.wikipedia.org/wiki/Белавин,\\_Андрей\\_Михайлович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Белавин,_Андрей_Михайлович) [Дата обращения 16.04.2018 г.]

2. Белавин А.М. Связи финно-угорских племен Прикамья с Волжской Болгарией в X-XIV вв. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов [24-30 июля 1985 г., Сыктывкар]. Т. 1. – М.: Наука, 1989. – С.16-19.
3. Белавин А.М. Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии): дис. ... канд. ист. наук. – Казань: Ин-т археологии, 1989. – 300 с.
4. Белавин А.М. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе: [сб. ст.]. – Казань: ИЯЛИ, 1990. – С.125-131.
5. Белавин А.М. О локализации Страны Вису в Пермском Приуралье // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I междунар. науч.-практ. конф., г. Кудымкар, 26-27 мая 1995 г. – Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1997. – С.166-170.
6. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с.
7. Белавин А.М. Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья: дис. ... д-ра ист. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 306 с. + Прил. (95 с.: ил.).
8. Белавин А.М. Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 52 с.
9. Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы междунар. науч. конф., Казань, 1-3 июня 1999 г. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С. 122-126.
10. Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды КАЭЭ. – Вып. 4: Поселенческие памятники Предуралья Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации. – Пермь: ПГПУ, 2007. – С. 4-12.
11. Белавин А.М. Камская археолого-этнографическая экспедиция за двадцать пять лет // Труды КАЭЭ. – Вып. 5: Университет и историко-культурное наследие региона. – Пермь: ПГПУ, 2008. – С.63-70.
12. Белавин А.М. Археологические исследования Пермского Предуралья и идеи А.Х. Халикова // Труды КАЭЭ. – Вып.8: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГПУ, 2012. – С.18-24.
13. Белавин А.М., Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII в. // Волжская Булгария и Русь: (к 1000-летию русско-булгарского договора): сб. ст. – Казань: ИЯЛИ, 1986. – С.63–75.
14. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского

археологического комплекса) // Уржумка: науч. журн. Челяб. гос. пед. ин-та. – 1995. – № 1. – С.5-15.

15. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск: [монография]; Федер. агентство по образованию, ПГПУ, Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.

16. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула – исламская столица «Седьмого» климата» // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием в рамках Третьего Межрегионального форума мусульманской культуры "Мусульманский мир-2012" (г. Пермь, 16 марта 2012 г.). – Пермь: ПГПУ, 2012. – С.30-41.

17. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник: [монография]; Федер. агентство по образованию, ПГПУ, Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2012. – 259 с.

18. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. О необходимости переноса границы между ломоватовской и родановской археологическими культурами на рубеж XI-XII вв. // Археологическое наследие Урала от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием, 25-29 октября, 2016 г. – Ижевск: УдГУ, 2016. – С.280-284.

19. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века / Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, Перм. гос. пед. ун-т, Музей археологии и этнографии перм. Предуралья, Перм. фил. ин-та истории и археологии УрО РАН. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.

20. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В. Пермское Предуралье в эпоху средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы науч. конф., Ижевск, 28-30 марта: 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УдГУ, 2000. – С.318-321.

21. Белавин А.М., Рубцов А.В. Организация исследовательской работы с одаренными детьми на основе научного объединения учащихся // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 2. – С. 72-75.

22. Белавин А.М., Старков А.В. Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. – Екатеринбург: НПЦ ОПИК, 1997. – С.152-158.

23. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. – Киев, 1982. – 225 с.

24. Голдина Р.Д. Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II-й Международный Мадыарский симпозиум: сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О.Иванова. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 89-110.

25. Капцугович И.С. Пермский педагогический в судьбах людей. Документально-публицистический очерк. Книга третья. – Пермь, Книжный мир, 2011. – 312 с.
26. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с.
27. Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник [монография]; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО "Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т", Музей археологии и этнографии Перм. Предуралья. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – 259 с.
28. Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Ленц Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // Труды КАЭЭ. Вып. 3. – Пермь: ПГПУ, 2003. – С.56-71.
29. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера [монография]. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.
30. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. – СПб., 1992. – 495 с.
31. Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера. – Ижевск: УдГУ, 2003. – 183 с.
32. Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга. – Ижевск: УдГУ, 2003. – 194 с.
33. Мельникова О.М. Научные школы в археологии: Автореф. дис. ...док. истор. Наук. Ижевск, 2003. – 44 с.
34. Мельникова О.М. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете. – Ижевск: УдГУ, 2006. – 142 с.
35. Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 2 (14). – С. 140-153.
36. Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Шнуровой орнамент – этнический индикатор в культурах железного века Среднего Приуралья? // Труды КАЭЭ. – Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа: сб. науч. тр./ под ред. А.М. Белавина; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь: ПГПУ, 2009. – С.109-118.
37. Моряхина К.В., Сарапулов А.М. Представления о «пермской чуди» в отечественной историографии // Труды КАЭЭ. – Вып. XIII / под общ. ред. А.М. Белавина. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – С.90-100.
38. Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. – Екатеринбург-Сургут: Магелан, 2007. – С.41-43.
39. Пилипчук Я. Предыстория венгров и венгеро-пермская проблема // Газырлар Авазы – Эхо веков. – 2015. – №1/2. – С.121-132.

40. Рубцов А.В. История создания и деятельность Школы юных археологов при Пермском городском дворце пионеров // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (Пермь, ПГПУ, 31 января – 4 февраля 2007 г.). – Пермь: ПГПУ, 2007. – С.38-41.

41. Сарапулов А.Н. Смена хозяйственно-культурного типа как культурообразующий фактор (к вопросу о хронологической границе между ломоватовской и родановской археологическими культурами) // Археологическое наследие Урала от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием, 25-29 октября, 2016 г. – Ижевск: УдГУ, 2016. – С.349-352.

42. Формозов А.А. Человек и наука: из записей археолога. – М.: Знак, 2005. – 224 с.

43. Чагин Г.Н. Деятельность Общества любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края // Из прошлого Чердынского края. – Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1974. – С.71-82

## Приложение 1.

### Диссертации, защищенные археологами ПГГПУ (ПГПУ, ПГПИ)

№ п/п	ФИО	Год защиты	Место защиты	Научный руководитель	Ученая степень	Тема диссертации	Официальные оппоненты
1	Белавин Андрей Михайлович	1991	Ленинградское отделение Института археологии РАН	д.и.н. А.Х.Халиков	к.и.н.	Волжская Булгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. (К вопросу о культурном и экономическом взаимодействии)	д.и.н. И.В. Дубов, к.и.н. Ф.Ш. Хузин

2	Белавин Андрей Михайлович	2000	Институт истории материальной культуры РАН	-	Д.и.н.	Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья	Д.и.н. Д.Г. Савинов, д.и.н. В.А. Иванов, д.и.н. Е.П. Казаков
3	Крыласова Наталья Борисовна	2000	Центр этнологических исследований с Музеем УНЦ РАН	-	К.и.н.	Костом средневекового населения Пермского Предуралья: VII-XI вв.	Д.и.н. В.А. Иванов, к.и.н. А.Ф. Яминов
4	Бочаров Илья Валерьевич	2000	Центр этнологических исследований с Музеем УНЦ РАН	Д.и.н. В.А. Иванов	К.и.н.	Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона (опыт статистического анализа)	Д.и.н. Р.Д. Голдина, к.и.н. Г.Н. Гарустович
5	Лычагина Евгения Леонидовна	2004	Институт истории им. Ш. Марджани	Д.и.н. А.М. Белавин	К.и.н.	Поздний неолит Пермского Предуралья: К вопросу о соотношении памятников с накопчатой и гребенчатой керамикой	Д.и.н. В.Н. Никитин, к.и.н. Р.С. Габяшев
6	Игнатьева Оксана Валерьевна	2005	Институт истории и археологии УрО РАН	Д.и.н. А.М. Белавин	К.и.н.	История собирания и изучения археологических коллекций пермского звериного стиля	Д.и.н. В.А. Иванов, к.и.н. В.Д. Викторова

7	Крыласова Наталья Борисовна	2008	Институт истории материальной культуры РАН	-	Д.и.н.	Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья	Д.и.н. Г.Н. Белорыбкин, д.и.н. Т.Б. Никитина, д.и.н. Д.Г. Савинов
8	Подосенова Юлия Александровна	2009	Институт истории им. Ш. Марджани	Д.и.н. Н.Б.Крыласова	К.и.н.	Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья	Д.и.н. Т.Б. Никитина, к.и.н. О.А. Щеглова
9	Шмуратко Дмитрий Владимирович	2012	Институт истории им. Ш. Марджани	Д.и.н. В.А. Иванов	К.и.н.	Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов	Д.и.н. Т.Б. Никитина, к.и.н. Д.С. Коробов
10	Сарапулов Алексей Николаевич	2014	Институт истории материальной культуры РАН	Д.и.н. Н.Б.Крыласова	К.и.н.	Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным	Д.и.н. Ф.Ш. Хузин, к.и.н. Д.С. Иконников

11	Вострокнатов Артем Викторович	2016	Алтайский государственный университет	Д.и.н. Н.Б.Крыласова	К.и.н.	Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI-XIV вв. н.э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация	Д.и.н. Т.Б. Никитина, к.и.н. П.О. Сенотрусова
----	----------------------------------	------	---------------------------------------	-------------------------	--------	---	--



Рис.1. А.М. Белавин в фотоархиве ИИМК РАН, 2005 г.

УДК 902/904

**Д.В. Шмуратко, О.В. Полякова****СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ АРХЕОЛОГОВ В ПГГПУ В РАМКАХ  
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА А.М. БЕЛАВИНА<sup>1</sup>**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

*Описаны элементы системы подготовки студентов-археологов на историческом факультете Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Показана роль профессора А.М. Белавина и созданной им научной школы в организации мультивариантной образовательной среды факультета.*

*Ключевые слова: подготовка археологов; высшее образование; Пермская археолого-этнографическая научная школа; А.М. Белавин.*

**D.V. Shmuratko, O.V. Polyakova****SYSTEM OF TRAINING OF ARCHAEOLOGISTS IN PSHPU WITHIN THE  
FRAMEWORK OF THE PROFESSOR'S A.M. BELAVIN SCIENTIFIC  
SCHOOL**

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, RF

*Elements of the system of training of students-archeologists at the historical faculty of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University are described. The role of Professor A.M. Belavin and his scientific school in organization of the multivariant educational environment of the faculty is shown.*

*Keywords: training of archaeologists; higher education; Perm Archaeological and Ethnographic Scientific School; A.M. Belavin.*

В Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете в 2000-е годы, благодаря активной научной и административной деятельности профессора Андрея Михайловича Белавина, сложилась самостоятельная археолого-этнографическая научная школа. Организационной основой для ее формирования стала созданная еще в 1983 г. Камская археолого-этнографическая экспедиция. Исследовательская программа научной школы профессора А.М. Белавина предусматривает археологическое и этнологическое изучение пространственных систем и различных проявлений их содержания, нашедшее отражение в разноплановых комплексах материальной, духовной, экологической и соционормативной культуры. Это подразумевает исследование культур и культурных традиций региона, процессов их формирования и трансформации, взаимодействия и взаимовлияния, связанных с ними обществ, технологий, а также соответ-

---

<sup>1</sup> Авторы выражают огромную благодарность Е. Шмуратко (Шайдуровой), А. Пермяковой, Ю. Трушникову, А. Даничу, А. Сарапулову, И. Юркову, В. Петрову, Н. Брюховой, А. Голдобину, Д. Демакову за любезно предоставленные воспоминания об обучении и работе на историческом факультете ПГГПУ

ствующим когнитивным систем. За годы существования научной школы уже написаны сотни статей и десятки монографий, проведено огромное количество экспедиций и полевых обследований, организовано несколько крупных международных и всероссийских конференций. Но самым важным итогом работы научной школы, конечно же, стоит признать подготовленные и защищенные диссертации, поскольку именно они в наибольшей степени маркируют процесс прироста нового научного знания. На сегодняшний день в рамках научной школы А.М. Белавина подготовлено и защищено 8 кандидатских и 2 докторские диссертации по направлению 07.00.06 – археология. Важно подчеркнуть, что 90% диссертантов являются выпускниками исторического факультета ПГГПУ. Как это возможно, учитывая тот факт, что «классических историков» университет не готовил никогда? Основная задача педагогического университета – это подготовка школьных учителей. Видимо, тех компетенций, которые приобретают выпускники истфака ПГГПУ, вполне достаточно и для того, чтобы стать успешным учителем-предметником в школе, и для серьезной научной карьеры археолога-исследователя.

Действительно, если детально проанализировать образовательную среду исторического факультета, можно сделать вывод о её мультинаправленности. Именно поэтому истфак совсем не случайно называют «факультетом открытых возможностей». Благодаря А.М. Белавину, археология стала одним из векторов развития, доступных студентам.

Первое знакомство с археологией студенты получают уже на первом курсе. Образовательная программа, реализуемая сейчас истфаком ПГГПУ по профилю «История и Обществознание» и «История и дополнительное образование (музейно-экскурсионная деятельность)», включает в вариативной части учебного плана такие обязательные дисциплины археологической тематики, как «История первобытного общества» (72 часа) и «Археология» (72 часа), а также дисциплины по выбору: «Полевая археология Урала» / «Основы полевой археологии и антропологии» (72 часа). Стоит отметить, что А.М. Белавин долгое время сам лично читал курс археологии для студентов-первокурсников. Многие выпускники до сих пор помнят увлекательные лекции по позднему средневековью Прикамья. Вспоминает выпускница исторического факультета 2007 г. Елена Шмуратко (Шайдурова), в настоящее время – ведущий специалист отдела интернет решений компании «АйТи Ресурс»: *«Впервые на лекциях мы увидели Андрея Михайловича уже во втором семестре; конечно, замечали мы его и раньше – в коридорах главного корпуса, и уже тогда испытывали невольное уважение и некоторый трепет. Первая же лекция заметно увеличила уважение и чуточку снизила трепет. Андрей Михайлович, словно волшебник, вдыхал новую жизнь и новый смысл в далекую-далекую эпоху и археология стала нам на несколько тысяч лет ближе, полностью исписанная тетрадь с гордым заглавием «Археология!» подтверждает это».*

Сейчас, в силу большой административной нагрузки на должности проректора по науке и внешним связям, А.М. Белавин сохранил за собой лишь один спецкурс на бакалавриате – «История Волжской Булгарии» (72 часа), который читается для студентов пятого курса. Приведем несколько воспоминаний слушателей спецкурса о том, как проходили пары. Вспоминает выпускница исторического факультета 2016 г Анна Пермякова, в настоящее время – преподаватель Пермского химико-технологического техникума: *«Андрей Михайлович проводил пары с безусловным интересом к теме, он всегда обращал внимание на основные вопросы. Отмечая значение Волжской Болгарии, он находил связи и аналогии со знакомыми для нас территориями. Благодаря этим парам я приехала уже с достаточными знаниями в Биляр и Болгар, представляя, как жили народы, населявшие их»*. Вспоминает выпускник исторического факультета 2017 г. Юрий Трушников, в настоящий момент – лейтенант внутренней службы: *«Спецкурс Андрея Михайловича был очень крутым, занимательным и самое главное – практическим. Мы смогли после археологической практики соотнести знания теории и практики. В результате этого картина пройденного материала выводилась совсем на иной уровень»*.

Безусловно, огромную роль в качественной подготовке будущих педагогов-археологов играет обязательная выездная учебная (археологическая) практика (180 ч.). Согласно графику учебного процесса, полевая археологическая практика стоит на первом году обучения бакалавров и длится 24 дня! Важно отметить, что добровольное участие в практике регулярно принимают студенты старших курсов, интересующиеся археологией, они, выезжая в поле вместе с первокурсниками, играют для них роль старших товарищей, наставников. Наиболее талантливые и ответственные старшекурсники участвуют в раскопках уже в статусе младших научных сотрудников. Уже в течение нескольких лет студенты-практиканты участвуют в раскопках Рождественского археологического комплекса в Карагайском районе Пермского края. В период 1985, 1990-1993 гг. А.М. Белавин осуществлял руководство полевой археологической практикой студентов на этом памятнике. Вспоминает участник раскопок на Рождественском городище, выпускник исторического факультета 1997 г. Андрей Данич, в настоящее время – автор многолетних раскопок Баяновского могильника: *«Рождественское 1990 г. Это была моя первая экспедиция, первый раскоп, первые находки. Времена были тяжёлые, достать продукты для экспедиции было не легко, но Андрей Михайлович с успехом справлялся с этой задачей. Жизнь в лагере бурлила: различные праздники, посвящение, песни у костра. Это были годы, когда складывались все традиции КАЭЭ ПГПУ. Не обходилось и не без запоминающихся событий на многие года. Например, не многие, кто ездит в экспедицию на данный момент, могут похвастаться, что видели шефа без бороды или без усов»*.

Участие в «археологической жизни» факультета принимают не только студенты, обучающиеся на очном отделении, но и студенты-заочники. Это стало

возможным благодаря тому, что административным стартом для А.М. Белавина была должность заместителя декана по заочному обучению, которую он занимал в период 1994-2002 гг. Вспоминает Ольга Полякова, в настоящее время заместитель декана исторического факультета: *«Во время работы Андрея Михайловича на заочном отделении исторического факультета у нас сложился замечательный тандем: Полякова – Белавин. Взаимозаменяемость полная, работать было легко и интересно. Андрей Михайлович, благодаря своим уникальным способностям и высокому авторитету, поднял статус заочного отделения нашего факультета до небес. Нас слушали, нас слышали, с нами советовались. У нас, у одних из первых, появился в деканате компьютер. Мы были впереди планеты всей. Обучение на заочном отделении стало престижно. Все самые хорошие люди учатся на заочном отделении – говорил Андрей Михайлович. И это было действительно так. Это он ввел систему поощрения среди студентов-заочников. Тем ребятам, которые своевременно сдавали летнюю сессию на «хорошо» и «отлично», разрешалось поехать в археологическую экспедицию. А это был предел мечтаний многих студентов. Археологическая практика для одних студентов заочного отделения стала отправной точкой в научных исследованиях, а для других – любимым делом всей жизни».*

Под впечатлением полевой практики некоторые студенты принимают решения писать курсовые работы по археологической тематике. В ряде случаев выбранная тема с некоторыми незначительными правками сохраняется вплоть до выпускной квалификационной работы или даже диссертации. Результаты своих первых научных изысканий студенты имеют возможность представить на ежегодной конференции «Человек, общество, культура: современное и историческое измерение», организуемой факультетом. В 2018 г. конференция прошла уже в шестнадцатый раз, и секция археологии вновь была самой многочисленной – 22 доклада! Вспоминает постоянный участник секции, выпускник исторического факультета 2007 г. Алексей Сарапулов, в настоящий момент – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой древней и средневековой истории России: *«Когда на конференции в жюри присутствовал Андрей Михайлович, это было особенно приятно и волнительно для студентов. Андрей Михайлович активно задавал вопросы. Относился доброжелательно, но при этом предъявлял высокие требования, не смотря на то, что это студенты. Всегда говорил, что надо больше работать с материалом и следовать за материалом».*

В результате реализации идей Болонского соглашения о двухуровневой системе высшего образования (бакалавриат-магистратура), в 2011 г. на факультете открывается магистерская программа «Региональные этнокультурные процессы в контексте исторического образования», академическим руководителем которой становится профессор А.М. Белавин. Таким образом, удастся выстроить непрерывную линейку образовательных программ. В рамках вариативной части учебного плана магистранты изучают такие обязательные дисциплины как: «Ка-

менный и бронзовый век Урала» (144 ч.), «Урал в эпоху железа и средневековья» (108 ч.), «Памятники истории и культуры Пермского края» (144 ч.), а также дисциплины по выбору «Археологические и этнографические коллекции в музеях Урала» (72 ч.), «Ювелирное дело на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья» (72 ч.), «Методы естественных наук в археологии» (72 ч.), «История и археология Золотой Орды» (72 ч.). Обязательной для магистрантов является и выездная учебная (научно-исследовательская полевая) практика (288 ч.). Вспоминает магистрант первого набора Илья Юрков, в настоящий момент – учитель истории и обществознания МАОУ СОШ № 91, представитель работодателя в Государственной аттестационной комиссии исторического факультета: *«Летом 2011 г., находясь в археологической экспедиции, я случайно узнал от А.М. Белавина, что на историческом факультете педагогического университета открывается магистратура по региональной истории. Меня эта новость чрезвычайно взбудоражила. Ведь это не только прекрасная возможность повысить уровень своего образования, но и снова окунуться в мир студенчества. Сдав вступительные экзамены, я снова оказался счастливым обладателем студенческого билета. Два года в магистратуре пролетели незаметно. Лекции, семинары, практические занятия, участие в различных проектах наполняли мою жизнь. Обучение в магистратуре стало своего рода «перезагрузкой» моей научной деятельности: я не только сменил профиль научных исследований, но и всецело окунулся в мир археологического «чуда». Обучение в магистратуре внесло значительный вклад и в становление меня как педагога. Являясь учителем истории, я разработал различные факультативные курсы для школьников, а с 2013 г. я загорелся идеей создания в школе №91 г. Перми творческой лаборатории «По следам средневековых ювелиров Прикамья». Магистратура истфака – современная, удобная, твоя!».*

Что же касается аспирантуры по специальности 07.00.06 Археология, то она, благодаря А.М. Белавину существует на факультете с 2002 года. До сих пор – это единственная аспирантура по археологии в регионе! Вспоминает выпускник аспирантуры 2014 г. Виталий Петров, в настоящий момент – заведующий лабораторией археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ: *«Знакомство с Андреем Михайловичем состоялось в 2008 г., когда меня друзья уговорили впервые поехать в археологическую экспедицию. И заканчивая университет, я, нисколько не сомневаясь, решил поступать в аспирантуру по археологии под руководством Андрея Михайловича. Его наставничество во время моего обучения (и дальнейшая работа в экспедиции под его началом) во многом определило мою любовь к археологии, раскопкам и полевым выездам, что стало, без всякого преувеличения, своеобразной школой жизни для меня и позволило стать тем, кто я есть. Хочется сказать большое спасибо Андрею Михайловичу за помощь в учебе, работе и жизни».*

Отдельно следует остановиться на внеучебных формах работы со студентами, интересующимися археологией. На факультете существует студенческий

научный кружок «ПАРМА», на заседаниях которого студенты, аспиранты и преподаватели имеют возможность в неформальной атмосфере обсудить наиболее актуальные вопросы археологической теории и практики. Работа кружка позволяет восполнить недостающие часы учебного плана. А.М. Белавин был одним из инициаторов подобных неформальных встреч и до сих пор старается посещать заседания кружка. Вспоминает выпускница исторического факультета 1997 г. Наталья Брюхова, в настоящее время – антрополог, научный сотрудник ПФИЦ УрО РАН: *«Когда Андрей Михайлович приходил на занятия студенческого кружка, солнце ярче светило в окна и печеньки к чаю становились вкуснее, а мысли как бы сами выстраивались в логичные и очень научные схемы».*

Безусловно, немаловажную роль в формировании у студентов любви и научного интереса к историко-культурному наследию Прикамья играет и кадровый состав, работающий на кафедре древней и средневековой истории России, являющейся интеллектуальным центром Пермской археолого-этнографической научной школы. Сама кафедра была создана по инициативе А.М. Белавина в 2004 г. Вспоминает Анатолий Голдобин, старший преподаватель кафедры: *«Выделение кафедры давно назрело. Коллектив единомышленников (В.А. Шмыров, А.М. Белавин, Г.Т. Ленец, А.В. Голдобин, А.А. Терехин) к этому времени осуществил уже множество проектов, в которых участвовали и студенты факультета (Н. Агафонова, Н. Крыласова, О. Голдобина, Н. Батуева, Н. Завалина, Т. Рязанова, А. Старков). Например, Музей истории реки Чусовой, отчасти то, что касается проекта, связанного с Мемориалом. И экспедиция работала регулярно. Все было готово для создания факультетского музея археологии и этнографии. Коллектив будущей кафедры надеялся, что специализация по ранней истории, археологии и этнологии возможна в рамках факультета. Материальной базой для создания кафедры стал кабинет археологии».* Сейчас на кафедре работает 16 преподавателей и сотрудников, 14 из которых являются держателями Открытых листов. Из девяти остепененных преподавателей кафедры семь защитили докторские и кандидатские диссертации по специальности 07.00.06 «Археология».

Следующей важной организационной инициативой А.М. Белавина стало открытие на факультете совместно с Отделом истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН базовой кафедры «Археологии и этнографии ПГГПУ». Приказ об открытии кафедры был подписан 26 декабря 2016 г., свою работу кафедра начала с 9 января 2017 г. Среди важнейших задач базовой кафедры стоит назвать раннее выявление и закрепление в научной среде наиболее талантливых студентов, имеющих склонность к исследовательской работе в области археологии. Сейчас за кафедрой закреплено 18 студентов. Денис Демаков, студент базовой кафедры, ведущий специалист отдела археологии ГКБУК «КЦОП» отмечает: *«Базовая кафедра археологии интересна мне тем, что позволяет заниматься наукой на еще более высоком уровне. Ты не только занимаешься со своим научным руководите-*

*лем, у тебя еще есть научный консультант, который может помочь тебе взглянуть на твою тему с другой стороны, указать новый путь развития. Я поступил на нее, потому что это поможет моему научному росту. Первое впечатление: очень здорово, что открылась такая кафедра, потому что это не только новый опыт и практики, но и возможность после окончания университета начать профессионально заниматься археологией».*

Если подводить итог всему выше сказанному, то секрет успешной подготовки в рамках Пермской археолого-этнографической научной школы молодых археологов кроется не только в удачном стечении ряда объективных факторов, но, прежде всего, в личности Андрея Михайловича Белавина, его научном и административном таланте. В год 60-ти летнего юбилея хочется пожелать Андрею Михайловичу крепкого здоровья, научного азарта, талантливых и благодарных учеников. А созданной профессором А.М. Белавиным Пермской археолого-этнографической научной школе – дальнейшего развития и процветания.



Рис.1. А.М.Белавин на заседании студенческого археологического кружка.  
ПГГПУ, 2011 г.

УДК 902/904

**А.А. Белавина****МОЙ ПАПА – САМЫЙ ЛУЧШИЙ**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

*Папы разные нужны,**Папы разные важны.*

Елена Бон, 1999 г.

Мой папа – самый лучший. Наука утверждает, что папы очень любят своих дочек. Это правда! И я папу тоже очень люблю. Я очень рада, что мой папа – создатель КАЭЭ (камской археолого-этнографической экспедиции). Если бы папа не был археологом и историком, я никогда бы не знала, как прекрасно в археологической экспедиции, потому что ее бы не было.

Папа рассказывает мне на день рождения всегда такую историю: «Мы с твоей бабушкой (Крыласовой Татьяной Михайловной, мамой мамы), пошли в роддом проведать тебя. И вот, мимо нас медсестра проносит тебя, а ты нас увидела, и улыбаться стала. А медсестра говорит «Ой, папу с бабушкой узнала!»». Уже тогда, в апреле 1995 года, я знала, что папа – это папа, и полюбила его с первого взгляда.

Когда мне было 1,5 года, папа уехал то ли в командировку, то ли на родину в Снежинск. Я очень скучала по нему. И когда он приехал, я его обнимала, целовала, и ходила за ним как хвостик, потому что очень соскучилась.

А еще, когда я была маленькая, папа много снимал меня на видео. И поэтому я себя хорошо знаю в том возрасте. Там мы с мамой играли в мячик, ходили к бабушке на День рождения, и меня ронял их пес – Ланц, я бегала и утыкалась к папе в коленки.

Папа занимает в университете должность проректора по научной работе. Он встречается со всякими важными людьми, продвигает дело КАЭЭ. А дома папа – это не Белавин Андрей Михайлович, а просто – папа. И еще дедушка. Вместе с бабушкой (моей мамой) занимается воспитанием внучки Лизы (6 лет) и внука Ярославчика (1 год). Ярославу нравится его дед. Он подает ему руку, кормит с ложечки своими игрушечными блюдами.

Папа – это герой. Я помню время, когда мне покупали летом путевки в санатории. Папа мне рассказывал, что «раздался звонок. Ты булькающим плачущим голосом говоришь «Папа, приедь». Я быстро собрался и поехал к тебе. Приезжаю, а ты весело качаешься на качели. Увидела меня, опять суксилась, и говоришь «Папа, я не знаю, как чипсы купить»». Я очень рада, что больше я не езжу в санатории, а вместо этого езжу в экспедиции, потому что я, благодаря папе и маме – дитя археологической экспедиции. Я не смогу просто так сидеть летом в городе, зная, что где-то кто-то копает.

В заключении хотелось бы сказать: Я ЛЮБЛЮ ПАПУ!

УДК 902(470.5)-051(045)

**Р.Д. Голдина****ОБ АНДРЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ БЕЛАВИНЕ**

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск, РФ

*В работе изложены некоторые обстоятельства жизни основателя и руководителя научной школы археологов Пермского государственного педагогического университета, проректора по научной работе и внешним связям этого университета, зав. Отделом истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН, доктора исторических наук, профессора Андрея Михайловича Белавина.*

*Ключевые слова: археология Урала, пермская научная школа, Андрей Михайлович Белавин*

**R.D. Goldina****ABOUT ANDREY MIKHAILOVICH BELAVIN**

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

*The work outlines some of the circumstances of the life of the founder and head of the scientific school of archaeologists of the Perm State Pedagogical University, professor, pro-rector for scientific work and external relations of this university, Department of History, Archeology and Ethnography of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor Andrey Mikhailovich Belavin.*

*Keywords: archeology of the Urals, Perm scientific school, Andrei Mikhailovich Belavin*

В моей жизни было много случаев, оправдывающих расхожее выражение «мир тесен», когда дорогие мне люди: мои друзья, ученики, коллеги бывали или даже жили в местах, в которых удавалось побывать или жить мне.

Например, в годы работы в Свердловске (1961-1972 гг.) мне пришлось идти в разведку через с. Армизон – большое село на юге огромной Тюменской области, где родился и провел свои детские годы мой ученик, коллега и друг Владимир Алексеевич Кананин. Если б я знала это, я бы, конечно, постаралась повнимательнее рассмотреть это село, а так – знакомство было весьма поверхностным – мы зашли в магазин, закупили кое-что из продуктов и отправились дальше. Подобным образом, тоже в разведке, я оказалась в одном из районных центров Тюменского края с. Викулово, где мы были вынуждены со своей группой провести несколько дней, проклиная сибирские дожди, в ожидании летной погоды. Именно в эти годы там жила летом у своей бабушки одна из моих обожаемых учениц Лещинская (Ярославцева) Надежда Анатольевна. Может быть, мы и встречались с ней где-то в магазине или, гуляя по дощатым тротуарам этого большого села, но кто же знал, что эта тогда еще маленькая девчонка – будущий уральский археолог.

Я видела и с. Абатское Тюменской области, когда мы приехали с большой группой, руководимой Владимиром Федоровичем Генингом и Мариной Глебов-

ной Мошковой на раскопки Абатских курганов. У меня сохранилась даже фотография, как вся наша большая команда укладывалась на ночлег под открытым небом на каком-то дощатом настиле посередине села. А именно в Абатском выросла и окончила школу всемирно известная уральская археологиня Людмила Николаевна Корякова (Зматракова).

Еще более интересный сюжет обозначился с Андреем Михайловичем Белавиным, который, оказывается, с 1966 г. каждое лето своего детства и юности (как минимум 2 месяца ежегодно) жил в моем родном селе Большая Соснова на юге Пермского края. В это время я еще училась в школе, закончила ее в 1958 г. и поступила в Пермский государственный университет, но тяжело привыкала к городу, и при малейшей возможности стремилась в родной дом.

Андрей Белавин приезжал в Б. Соснову к своей тете – Нине Владимировне Карушевой (Косолаповой), бывшей замужем за Николаем Васильевичем Карушевым (фото 1). Мои родители – Вотинцевы Дмитрий Евдокимович и Нина Павловна были дружны с этой семьей; они неоднократно бывали у нас в гостях и наоборот. Я помню их очень хорошо. Дело в том, что Николай Васильевич и мой отец – Дмитрий Евдокимович вместе работали. В 1956 г. мой отец был командирован председателем весьма отстающего колхоза им. И.В. Сталина в село Б. Соснова. Это было движение так называемых 30-тысячников. Для подъема сельского хозяйства 30000 коммунистов были одновременно направлены в отстающие колхозы. Поскольку, видимо, дела у отца пошли неплохо, в 1958 г. колхоз был, как тогда говорили, «укрупнен» – в него вошли 16 окрестных деревень и 13 бригад, он был переименован в колхоз «Россия», а в 1965 г. преобразован в совхоз. Мой отец был его директором, а Н.В. Карушев – главным агрономом [5, с.247]. В этом же совхозе работал инженером-механиком друг Н.В. Карушева – Пальянов Михаил Павлович, женатый на моей двоюродной сестре Вотинцевой Нине Павловне. Их семьи всегда дружили и позднее волею судьбы оказались вместе в с. Черновском, куда и сейчас навещается Андрей Белавин со своей семьей.

Н.В. Карушев был удивительно добрый, внимательный, умный человек, специалист высокого класса, агроном-новатор. Он проводил эксперименты с удобрениями, засевая делянки различными сельскохозяйственными травами, и проверяя действие этих удобрений. Н.В. Карушев был всесторонне образованным человеком, любил книги, путешествия, имел феноменальную память, всячески поощрял интересы своих детей. Всей семьей они ходили кататься на лыжах, в доме всегда было не меньше 5 пар лыж. Его доброту и внимание к людям я ощутила на себе. Однажды мне надо было уехать в Большую Соснову. Пришла в Перми на автовокзал, а билетов нет. Стою в растерянности. Почему-то у меня не оказалось никого, у кого можно было бы переночевать. Заходит Н.В. Карушев, поздоровалась. Он тогда работал в Перми заместителем начальника областного управления сельского хозяйства. Он спрашивает: «Ты Вотинцева?». Отвечаю: «Да». Он говорит: «Сейчас купим билет на завтра и пойдем к нам, переночуешь,

а завтра уедешь». Мы так и сделали. Я была совершенно потрясена его великодушием.

Н.В. Карушев – человек непростой судьбы. Он родился в 1925 г. в д. Верхняя Потьма Архангельской области. В 1943 г. был призван в армию, воевал, участвовал в Курском сражении, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», за труд после войны – орденом Трудового Красного Знамени. Умер в 2011 г. в с. Черновское. Он удачно женился на Нине Владимировне Косолаповой, тоже агрономе по образованию, в Б. Соснове она работала зав. химической лабораторией отдела сельского хозяйства Большесосновского райисполкома. Среднего роста, худощавая, красивая, с тонкими чертами лица. Женщина нестандартная: прекрасно управлялась как с домашним хозяйством – коровой и другой скотиной, детьми, так и с мотоциклом. Андрей Белавин до сих пор вспоминает ее шаньги и пирожки. Не знаю, училась ли она где-то искусству рисования, но была натурой художественной – писала картины маслом. Одну из ее работ, выполненных вполне профессионально, я видела в доме Пальяновых, у моей двоюродной сестры. Это был подарок на день рождения М.П. Пальянову. В этой семье выросли двое детей – старшая Лариса и младший Владимир. Владимир и сейчас живет в с. Черновском, вырастил 4-х детей: трех сыновей – Сергея, Геннадия и Николая и дочь Анну. Именно с ним и другими детьми клана Косолаповых и провел часть своего детства Андрей Белавин.

Дом Карушевых был для всех сестер Косолаповых и их детей гостеприимным помещением. Он стоял на высоком берегу р. Сосновка, откуда открывался роскошный вид на окрестности. Эти летние встречи наследников Косолаповых остались в воспоминаниях как праздник лета – речка, рыбалка, раки, горячие постряпушки, беготня и мелкие шалости целый день. В подростковом возрасте Андрей освоил всю возможную двигающуюся технику: велосипед, мотоцикл, машину «Запорожец». Возил на ней домашних за ягодами и грибами, а иногда просто с Володей Карушевым гонял по деревне, окрестным полям и рощам (без прав, конечно). Семья была веселая и юморная. Однажды мальчики собирались на рыбалку. Нина Владимировна, устав утром их поднимать, ушла на работу, а чтобы напомнить им об упущенной выгоде, повесила на веревочке над кроватями соленые килечки.

Клан Косолаповых состоял из пяти сестер и брата. Судя по тому, что они всю жизнь держались вместе, это была очень дружная семья. Кроме Белавиных, у Карушевых в Б. Соснове бывала и семья Романовских. За Романовского вышла третья сестра – Вера (фото 2). В юности она работала в Б. Соснове метеорологом, выйдя замуж, уехала в Пермь, у них выросла дочь – Лена. Как и многие в этой семье, Виктор Романовский был связан с оборонкой – работал в Доме правительства в Перми, занимаясь проблемами оборонной промышленности.

Отец сестер Косолаповых, дед Андрея Белавина – Владимир Васильевич Косолапов – был железнодорожником, работал в УКСе Пермской (еще тогда не

Пермской, а Свердловской) железной дороги. Писаной красавицей была его жена, бабушка Андрея – Серафима Петровна (фото 3). Его второй дед – Василий Александрович Белавин – был учителем истории. Его жена – бабушка Андрея, Александра Александровна Белавина, учитель начальной школы, Заслуженный учитель РСФСР, подарила Андрею на 10-летний день рождения увлекательную книгу В. Берестова «Государыня пустыня». Это был первый толчок в будущее романтика-археолога. Потом последовали еще стихи и рассказы В. Берестова «Меч в золотых ножнах» и др., книги Г. Федорова, А. Никитина. Бабушка во многом способствовала тому, что в 1975 г. Андрей поступил на исторический факультет ПГУ. Этот факультет (тогда историко-филологический) закончила и мама Андрея Белавина – Валентина Владимировна Косолапова (фото 4). Так что А.М. Белавин – историк в третьем поколении.

Не случайно, что в 14 лет (7-й класс школы) Андрей нарисовал сам себе первый Открытый лист. Правда, он хотел стать геологом – увлекала романтика геологоразведки. Но потом сформировался устойчивый интерес к археологии. Челябинская область – часть «яшмового пояса», и найти интересные камни было просто, а кристаллы пирита в детстве воспринимались, как золото. На берегу оз. Синара на пляже он с приятелем (тот также стал историком) находили невидные пластины, скребки и нуклеусы из яшмы – там была мезолитическая стоянка, а на другом мысу, где стояли лодки, друзья находили керамику – здесь располагалось городище иткульской культуры. Так что живая археология валялась буквально под ногами.

Андрей Белавин родился 5 июля 1958 г. в Перми (фото 5), но в 1960 г. семья переехала в Челябинск-70, современный Снежинск – один из закрытых научных городов Минатома. Среди его жителей концентрация ученых на 100 человек населения много выше, чем в Москве. Только в подъезде их стандартной пятиэтажки жило 3 кандидата наук и 2 лауреата Государственных премий СССР, а в гости к ним по праздникам приходили академики.

Отец А. Белавина был известным в России физиком-ядерщиком (фото 4). Чтобы не сделать каких-либо ошибок при вольном изложении его биографии, привожу официальную справку о его жизнедеятельности. Белавин Михаил Васильевич (28.03.1929, г. Кунгур ныне Пермского края — 23.08.1999, Снежинск), инженер, специалист в области радиотехники и электроники, лауреат Гос. премии СССР (1980, за разработку и внедрение унифицир. системы автоматки подрыва ядерных зарядов). В 1948-50 учился на физико-матем. ф-те Пермского гос. ун-та; некоторое время был студентом Ленингр. Политех. ин-та; окончил УрГУ по специальности «инженер-физик» (1967). В 1954 г. по путевке Ж.-д. райкома ВЛКСМ Перми направлен в органы КГБ при Сов. Мин. СССР, где возглавил радиотехн. лабораторию в Свердловске. Занимался разработкой новых методов измерения радиотехн. величин; предложил новые рациональные решения по улучшению качеств показателей аппаратуры спец. назначения. С 1960 в НИИ-1011 (ныне РФЯЦ – ВНИИТФ им. акад. Е.И. Забабахина, Снежинск): ин-

женер, старший инженер, рук. группы, нач. лаборатории. Под его руководством разработан ряд приборов и устройств автоматики управления и контроля, используемых при испытании ядерных зарядов. Неоднократно участвовал в экспериментах по проведению таких испытаний на Семипалатинском и Новоземельском полигонах [4].

Андрей Михайлович сохранил навсегда очень трепетное и нежное отношение к отцу. Он никогда не использует слово «отец», только «папа». Жизнь в закрытом городе и обстановка секретности наложили отпечаток на мироощущения А.М. Белавина. При въезде в его город, на дороге нет указателя с названием, просто – «город». Ему было запрещено, как и всем, называть город, в котором он живет. Когда он привозил друзьям какие-нибудь вкусности, которых в нормальных городах не было (у них было особое снабжение), на вопрос «откуда?», он должен был что-то вразумительное придумывать.

А. Белавин, поступив в Пермский государственный университет, год учился на вечернем отделении и на археологическую практику не успел, по этой причине проходил ее в кабинете археологии. Сидел под картиной «Бадер на раскопках стоянки Талицкого», мыл и шифровал огромный мешок с харинской керамикой, собранной на размываемом селище Пеньки. Поэтому его первой темой в археологии стала керамика. В.А. Оборин дал ему тему первой археологической курсовой работы «Изразцы Орла-городка», диплом он защитил на тему «Изразцы Прикамья (Соликамск, Усолье, Орел-городок)». В поле он впервые поехал в 1977 г. – Соликамск и городище Острая Грива под руководством В.А. Оборина. Первый открытый лист он получил в 1980 г., это была разведка в окрестностях Перми. Были открыты Заозерское местонахождение палеофауны, установлена высокая степень разрушения Турбинского могильника, найдена стоянка гаринского времени. Первые самостоятельные раскопки в 1981-1982 гг. – Городищенское городище на Усолке под Соликамском [1; 2]. О других его исследованиях многочисленных и разнообразных памятников Пермского края написаны и еще будут написаны серьезные работы.

По окончании А.М. Белавиным ПГУ, его судьба напоминает мою. Ни ему, ни мне в силу разных обстоятельств не нашлось места в Alma mater. Меня приютил В.Ф. Генинг, создававший тогда свою школу в Свердловске, а А.М. Белавин уже на 5 курсе в 1979 г. организовал Школу юных археологов при Пермском городском Дворце пионеров – клуб «Легенда» (фото 6). В это время в стране работало несколько подобных объединений школьников: при уфимском, челябинском и ленинградском Дворцах пионеров.

Фактически юные археологи со дня создания ШЮА принимали участие во всех полевых исследованиях ПГПИ и ПГУ. Всего ими исследовано около 70 памятников археологии, некоторые из них неоднократно. Ряд памятников изучались экспедициями, состоявшими исключительно из кружковцев.

Доклады, подготовленные участниками клуба «Легенда» сразу же обратили на себя и продолжают обращать внимание научной общественности Урала.

Учащиеся пермской ШЮА около 100 раз становились победителями конференций различного уровня, множество раз победителями областных конкурсов научно-исследовательских работ. За 30 лет ее истории через ШЮА прошло более 500 учащихся. Среди выпускников ШЮА сотрудники музеев, педагоги, работники культуры, органов охраны памятников, журналисты. Из числа юных археологов выросли 6 кандидатов и 2 доктора наук, избравших своим образом жизни изучение историко-культурного наследия нашей Родины [3, с. 72-75]. Среди выпускников ШЮА немало людей, связавших всю свою жизнь с археологией и этнографией: Ю. Цыганов – к. и. н., научный сотрудник Коми НЦ УрО РАН, Е.Л. Лычагина – к.и.н., доцент ПГПУ, И.Ю. Сереброва (Трушкова) – д.и.н., этнограф, профессор Кировского государственного университета, Э.Ю. Макаров – ст. научный сотрудник Коми-Пермяцкого краеведческого музея, Е.О. Святова – сотрудник НПЦ по охране памятников Свердловской области и другие [7, с. 38-41].

Поскольку наши экспедиции УдГУ и ПГПУ работали иногда поблизости, случалось и ездить друг к другу в гости. Привожу воспоминания об этих встречах, практически без редакции, научного сотрудника нашего коллектива, к. и. н., доцента Игоря Юрьевича Пастушенко. Не скрою, некоторые обстоятельства, в частности, отстрел лягушек в Пермском крае, мне не были известны.

«А.М. Белавин приезжал к нам на городище Лобач на р. Сылве. Стоял август 1985 г., лето было жаркое – вода прогрелась довольно хорошо. Но особенно сильно она нагрелась в мини-старицах (своего рода больших лужах), которыми изобиловала речная пойма под утесом, на котором располагалось городище, и где стоял наш лагерь. Кому первому взбрело в голову погреться в одной из этих луж, понежиться в черной жирной, возможно, лечебной грязи – не известно, но когда мы добрались до купальни, чтобы освежиться после работы, весь лагерь уже сошел с ума и был перемазан черной жижей с головы до пят. Появление каждого новенького – чистенького, вызывало бурный восторг и новую вспышку массового грязевого шабаша. Мы с Андреем не были исключением, 5 минут – и мы уже «негры». При этом ни у кого это не вызывало негатива, всем было веселом и прикольно, черт с ним, что часа два после этой «бани по-черному» пришлось отмываться, а кое-кому и отстирыватьсья.

Второй казус в этой поездке был связан с одной из скамеек у обеденного стола. Из-под центра доски выпал столбик, ставить его в законный выходной всем было лень, и лавку использовали как качели. При этом лагере звучала зажигательная детская песенка «Чунга-Чанга». Все раскачивались на скамейке по очереди – задачей было сломать доску. Белавин, Водолаго и Пастушенко также приняли участие в соревновании и также безуспешно. Каково же было разочарование Андрея, когда клятая доска, выдержавшая наш далеко не малый вес, с легкостью треснула и сломалась пополам под натиском трех небольших девчушек. Пал весовой авторитет.

Второй раз Андрей посетил КВАЭ в 1988 г., он приехал вместе с женой Натальей на Верх-Саю, благо сами они работали недалеко – копали могильник Телячий Брод под Чусовым. Все было пристойно, практически без «эксцессов», если не пара маленьких событий. Во-первых, мы решили сходить на Бартымские поселение и могильник. Все бы ничего, но переходили по бревну, с которого Михалыч и рухнул в воду – брызг и волн было достаточно, главное – спасли фотки, которые висели на шее у Андрея. А вечером Сергей Роллерович Волков с Любочкой Вологжаниной ходили на «охоту». В пойме Шаквы они настреляли из пневматического пистолета пару килограмм лягушек. Их-то мы и пожарили, причем всем, кому достался деликатес, очень понравилось. А позднее Андрей с Натальей соблазнили Екатерину Голдину консервированными персиками, которые якобы продавались в Чусовом на каждом шагу. На следующий день в воскресенье и поехали. Как и положено, персиков не нашли, везде в магазинах нам сообщали, что были еще вчера, но археологи уже все скупили... Добрались до лагеря – прекрасная река Усьва, чистейшая вода, не зря на ней стоял один из городских водозаборов. Вот здесь-то Андрей Михалыч и показал ижевчанам, что такое настоящая волна. Пермьки прыгали в воду с понтона, мы тоже купнулись, попытались чуть-чуть покачать этот понтон – безуспешно. Тогда трио – Белавин, Сокол и Эрман (завхозы экспедиции) изобразили «тройную тюмпочку»... Волна билась о берег и качался понтон минут пять... Это было красиво. А затем студенты-пермяки, наслушавшись рассказов о французской кухне, выпросили у Сергуни Волкова пневматический пистолет и тоже занялись охотой на лягушек. Она удалась... Одна проблема – на Сае лагерь стоял далеко от места охоты и высоко над поймой, в силу чего комаров было не так много... А вот у пермяков лагерь стоял прямо у реки в пойме, где и шла охота... Впоследствии ребята нам пару лет пеняли за этот случай – лягушек (а они территориальные животные) перебили так много, что случилась «экологическая катастрофа» местного характера – пермяков стали заедать комары, которых и так было немало, а стало, похоже, еще больше... Ну, а на обратном пути мы чуть не сбили медведя, хорошо, водитель успел затормозить...»

Взаимоотношения наших коллективов несколько осложнились после появления, как говорили злые языки, «антиголдинской книги» «Угры в Предуралье» за авторством А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и В.А. Иванова. Собственно, ничего антиголдинского я в ней не нашла. Но, считаю, что в средневековье никакого финно-угорского единства уже давно не существовало, Прикамское Приуралье прочно стало финно-пермским. В это время уже известны мордва, мари, черемисы. Почему же пермяне так от них отставали, все еще оставаясь финно-уграми? Меня в большей степени огорчили методические приемы, которые были использованы авторами этой книги. Археология – это наука, а не сказки. Пришлось написать довольно жесткие отзывы.

В связи с этой ситуацией мне вспоминается большой урок, преподанный мне Алексеем Петровичем Смирновым. Зная его полемику с В.Ф. Генингом, ко-

торый пришел в науку позже А.П. Смирнова, и по многим сюжетам с ним дискутировал, иногда в весьма грубоватой форме, мне казалось, что они должны не только не разговаривать друг с другом, но и не здороваться. Однако когда я завершила свою кандидатскую диссертацию «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье», и встал вопрос об оппонентах, В.Ф. Генинг сказал, что считает целесообразным пригласить в качестве ведущего оппонента Алексея Петровича. Мне казалось, что это преднамеренное убийство моей работы. Более того, В.Ф. Генинг предложил мне самой попросить А.М. Смирнова об этом. Я, скрепя сердце и с уверенностью в отказе, написала А.П. Смирнову. К моему удивлению, он ответил очень быстро и согласился. Я была уверена, что уж на защите он покажет мне, «где раки зимуют». Настал день защиты – 17 октября 1970 года. Защита прошла в роскошном зале Ленинградского отделения Института археологии, напротив Петропавловской крепости. Алексей Петрович строго придерживался официального отзыва, полученного мной заранее, и никаких неожиданностей не произошло. Все было гладко и успешно. Когда же мы шли по Невскому проспекту в какое-то кафе и сидели там, отмечая мою защиту, я с удивлением наблюдала, как общались Алексей Петрович и Владимир Федорович. Оба очень красивые люди, шутили, подкалывали друг друга, посмеивались над моими страхами и заиканиями, рассказывали анекдоты, в общем, никто и подумать не мог, что эти люди ведут весьма нелюбезные споры в научной литературе. Алексей Петрович покорила меня совершенно: высокий, в черном кожаном пальто, в черной шляпе с широкими полями, с очень характерным горбоносим лицом был похож на Мефистофеля. С той поры мои симпатии к В.Ф. Генингу заметно поубавились, и я стала более критично оценивать его сентенции по поводу мнений А.П. Смирнова. Во всяком случае, я вынесла из этой ситуации важную для себя мысль – настоящий ученый не должен переносить свои научные симпатии и антипатии на личные взаимоотношения. Хотя и не нравятся гипотезы другого, они не должны стать препятствием для дружеских отношений друг с другом.

Андрей Михайлович Белавин – очень симпатичный мне человек, высокий, красивый, с голубыми глазами и волнистыми рыжими волосами – настоящий русский богатырь. Его внешний облик, безусловно, помогает его жизненным успехам. Хотя считаю, что в нем, как и во всех нас, намешано немало иной крови. То, что среди его предков, бесспорно, были удмурты, можно доказать вполне научно, без всякой экспертизы. Дело в том, что северные удмурты отличаются от других соседних этнических групп, даже пермяков, необычайно высоким процентом рыжеволосости (от 7,3% до 21,1%!). Кроме того, у рыжеволосых удмуртов отмечается небольшой сдвиг в сторону посветления глаз и некоторой волнистости волос [6, с. 94-107]. Его родство с удмуртским этносом вполне допустимо, поскольку его предки в свое время жили в г.Глазове, но, к сожалению, об этом пока мне не удалось ничего разыскать.

По моему мнению, Андрей Михайлович Белавин, достигший столь высоких постов в приуральской археологической элите: основатель и руководитель научной школы археологов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, проректор по научной работе и внешним связям этого университета, зав. отделом истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, доктор исторических наук, профессор – заслуживает всяческого уважения и обожания.

Благодарности. Выражаю сердечную признательность моим информаторам: Карушеву Владимиру Николаевичу – сыну Николая Васильевича Карушева; Игорю Юрьевичу Пастушенко, доценту, к. и. н., ст. научному сотруднику УдГУ; Макарову Леониду Дмитриевичу, д. и. н., доценту УдГУ; Шапран Ирине Григорьевне, к. и. н., доценту УдГУ; а также Емельяновой Александре Юрьевне – магистранту УдГУ за техническое оформление статьи.

### Библиографический список

1. Белавин А.М. Работы Пермского Дворца пионеров // Археологические открытия (АО) 1981 г. – М.: Наука, 1983. – С.246-246.
2. Белавин А.М. Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века. – Устинов: Изд-во Удм. ун-та, 1986. – С.130-142.
3. Белавин А.М., Рубцов А.В. Организация исследовательской работы с одаренными детьми на основе научного объединения учащихся // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 2. – С.72-75.
4. Белавин Михаил Васильевич [электронный ресурс] // Энциклопедия Челябинской области. URL: <http://chel-portal.ru/?site=encyclopedia&t=Belavin&id=1261> (дата обращения: 07.05.2018)
5. Голдина Р.Д. Большая Соснова – большая любовь. Научно-популярное издание. – Ижевск: б/и, 2014. – 320 с.
6. Дубов А.И. Антропологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов: сб. науч. трудов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. – С.94-107.
7. Рубцов А.В. История создания и деятельность школы юных археологов при Пермском городском Дворце пионеров // Материалы XXXIX Урало-Поволжской студенческой археологической конференции (Пермь, ПГПУ, 31 января – 4 февраля 2007 г.). – Пермь: ПГПУ, 2007. – С. 38-41.



Фото 1. Семья Карушевых – друзей родителей Р.Д. Голдиной: Нина Владимировна (Косолапова) – тетя А.М. Белавина, Володя, Лариса, Николай Васильевич. 1963 г.



Фото 2. Романовская (Косолапова) Вера Владимировна – тетя А.М. Белавина по материнской линии. 1960-е гг.



Фото 3. Косолаповы Владимир Васильевич и Серафима Петровна – дедушка и бабушка А.М. Белавина по материнской линии. 1930 г.



Фото 4. Родители Андрея Белавина: Михаил Васильевич и Валентина Владимировна (Косолапова). Начало 1960-х гг.



Фото 5. Малыш Андрюша Белавин. 1962 г.



Фото 6. Андрей Михайлович Белавин. XIII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Февраль 1981 г., Казань.

УДК 303.832

**В.А. Иванов****КОНЦЕПЦИЯ УРБАНИЗАЦИИ ПРИКАМЬЯ А.М. БЕЛАВИНА В СВЕТЕ  
КОНТЕНТ- И ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, РФ

*В статье приводятся результаты контент- и дискурс-анализа четырех статей А.М. Белавина, посвященных проблеме урбанизации Предуралья. Эти результаты показывают довольно быструю (1997-2013 гг.) эволюцию взглядов исследователя от позитивистско-эмпирического нарратива к социально-историческому дискурсу со всеми его научно-методологическими структурными элементами.*

*Ключевые слова: город, протогород, урбанизация, контент-анализ, дискурс.*

**V.A. Ivanov****CONCEPT OF URBANIZATION IN THE PRIKAMYE, PUT  
FORWARD BY A.M. BELAVIN, IN THE LIGHT OF THE CONTENT AND  
DISCOURSE ANALYSIS**

Bashkir state pedagogical University, Ufa, RF

*The article presents the results of the content and discourse analysis of the four articles by A.M. Belavin on the urbanization of the Urals. These results show a rather rapid (1997-2013) evolution of the researcher's views from the positivist-empirical narrative to socio-historical discourse with all its scientific and methodological structural elements.*

*Keywords: City, proto-city, urbanization, content analysis, discourse.*

Традиционно как-то получается, что юбилейные статьи – это «мини мемуары» автора о конкретном человеке – друге, коллеге. На своем веку я их написал и опубликовал уже немало. С Андреем Михайловичем Белавиным – тут случай особый: мы с ним не только давние и близкие друзья, не только коллеги, но и единомышленники. И в первую очередь – единомышленники в понимании наших научных целей и задач в отношении к нашей науке – археологии – как к делу всей жизни. А последние десять лет мы с ним вообще «тянем один воз в одной упряжке». То есть, разрабатываем одну и ту же научную (угорскую) проблематику и вместе публикуемся. Естественно, что и критику результатов наших «угорских» изысканий (подчас, весьма «специфическую» по форме, а главное – по сути) мы тоже получаем одну на двоих. Нет – на троих, поскольку Наталья Борисовна Крыласова – жена и верный соратник Андрея Михайловича – тянет этот «воз» вместе с нами.

Однако, хотя «воз» у нас один, конечная цель и дорога к ней тоже одни, но по натуре своей мы все-таки друг от друга отличаемся. Что и дает мне возможность и право взглянуть на Андрея Михайловича несколько со стороны,

и оценить его научную деятельность уже с позиций своей собственной ментальности. А как это можно сделать? Только посредством анализа результатов научного творчества ученого-археолога, профессора А.М.Белавина. Сразу предупредю заинтересованного читателя, что я не собираюсь давать критический или историографический анализ всех его трудов. Во-первых, их много, и тематически они не все совпадают с моими научными интересами, во-вторых, часть их написана вместе с Н.Б. Крыласовой и, в-третьих, в какой-то части их я сам выступаю соавтором. Но у А.М. Белавина есть серия работ, посвященных проблеме, интересующей не только меня, но и большинство археологов, занимающихся проблемами средневековой археологии и истории Прикамья и Предуралья. Это – проблема начальных этапов урбанизации региона, под которой мы традиционно понимаем время появления здесь городов с соответствующей им инфраструктурой и их археологическими признаками.

Сейчас уже хорошо и широко известно, и считается вполне доказанным, что на территории Прикамья в эпоху средневековья (до начала русской колонизации) существовал город Афкула (Рождественский комплекс памятников), изучению которого А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова посвятили и посвящают значительную часть своей научной жизни [4] (рис.1). Но концепция возникновения городов в регионе разрабатывалась А.М.Белавиным в несколько этапов, отмеченных соответствующими публикациями. И с точки зрения понимания механизма создания и развития этой концепции, равно как и с точки зрения понимания самого течения мысли исследователя, важно проследить динамику этой концепции через призму контент и дискурс анализа его текстов.

Несколько слов о том, что такое контент- и дискурс-анализ текста, и для чего они нужны. Начнем с того, что в данном случае мы рассматриваем тексты А.М.Белавина, посвященные интересующей нас теме, как нарративы. Нарративные источники индивидуальны, поэтому в историографии они и анализируются, главным образом, в форме хронологизированных аннотаций. Но «известно, что любой исторический источник, как нарративный, так и статистический заключает в себе явную, выраженную или воспринимаемую информацию и скрытую, иначе именуемую связанной или структурной. Явная информация **отражает главную цель автора (авторов) документа** (выделено мной – *В.И.*). Она фиксировалась создателями источника сознательно, была близка и понятна современникам, использовалась ими по прямому назначению.

Скрытая информация попадала в документ ненамеренно, вне субъективной воли людей, причастных к сбору и фиксированию данных. Она является результатом стихийного отражения в источнике примет времени через взаимосвязи между процессами, явлениями, свойствами объектов» [10, с. 101].

А поскольку любой письменный текст – это система знаков, посредством которых автор выражает и фиксирует свои идеи, он «имеет статистическую структуру и определенные характеристики, в нем содержащиеся, могут быть описаны с помощью вероятностных законов. Таким образом, в случае необхо-

димости нарративный источник можно превратить в массовый путем частотных, классификационных преобразований, т. е. *методом контент-анализа*» [10, с. 96].

Суть метода контент-анализа сводится к тому, «чтобы выявить такие легко подсчитываемые признаки, черты, свойства документа (например, **частота употребления определенных терминов**), которые отражали бы существенные стороны его содержания (выделено мной – *В.И.*). Тогда качественное содержание делается измеримым, становится доступным точным вычислительным операциям. Результаты анализа становятся более объективными» [6, с. 12].

Методика проведения контент-анализа текстов изложена в процитированных работах, поэтому останавливаться на ней я не буду, а сразу перейду к объекту анализа, т.е. к публикациям А.М.Белавина, посвященным проблемам урбанизации Прикамья. Самая ранняя из них опубликована в 1997 г. (в соавторстве с А.В.Старковым) [5]. Признаком-индикатором рассматриваемого текста является термин «город» и производные от него термины: «протогород», «ранний город», «протогородская цивилизация», «раннегородская структура». Исходя из частоты встречаемости перечисленных признаков-индикаторов, основным среди них является «протогород» (из 43 случаев их использования в тексте рассматриваемой статьи 21 или 48,8% – это «протогород»).

Основная задача рассматриваемой статьи связать признаки, характеризующие понятия «город», «протогород», с конкретными археологическими памятниками Прикамья. Признаки эти следующие: протогород (город) – как средоточие потестарной организации; место обитания родоплеменной знати; административный центр; крупное укрепленное поселение; наличие неукрепленного посада; центр ремесленного производства; средоточие ремесленников; центр торговли; пребывание иноземных торговцев; наличие образцов торгового импорта; связь с сельскохозяйственной округой; функции идеологического центра; наличие культового центра и племенного некрополя.

В анализируемом тексте эти признаки сочетаются с названиями памятников (городищ) Прикамья – Анюшкар, Рождественское, Городищенское, Саломатовское, Кудымкарское, Идна-Кар – упоминаемых с различной частотой (всего 39 упоминаний, из них Анюшкар – 23%; Рождественское – 20,5%; Саломатовское – 12,8%; Иднакар – 17,9%; Кудымкар – 5,1%; Городищенское – 20,7%).

Парная корреляция Присона признаков, характеризующих протогорода (выполненная по стандартной программе SPSS), показывает, что для памятников, указанных авторами рассматриваемой статьи, наиболее тесную связь обнаруживают такие признаки, как крупное укрепленное поселение с посадом, содержащим следы ремесленного производства, расположенный рядом некрополь и свидетельства торговли в виде предметов торгового оборудования и импортных вещей (табл. 1).

**Таблица 1. Значения коэффициентов парной корреляции признаков протогорода**

	посад	ремесло	ремесленники	торговля	импорт	некрополь
посад	1	1,000-	0,316	0,316	-0,316	0,632
ремесло	1,000	1	0,316	0,316	-0,316	0,632
ремесленники	0,316	0,316	1	0,250	0,500	0,500
торговля	0,316	0,316	0,250	1	0,500	0,500
импорт	-0,316	-0,316	0,500	0,500	1	0,250
некрополь	0,632	0,632	0,500	0,500	0,250	1

Что касается научных результатов рассмотренной статьи, то их латентный смысл, на котором сами авторы не заостряют внимание читателя, заключается в формуле: есть признаки протогорода и археологические памятники в Прикамье → протогорода могут быть → они должны быть. Но какие памятники региона могут быть ассоциированы с протогородом, в 1997 г. сказать было ещё сложно, поскольку раскопки Рождественского комплекса памятников в это время ещё только «набирали обороты», и выделить его из ряда других подобных памятников было сложно (городище Анюшкар авторами упоминается чаще).

Но уже в 2001 г. выходит следующая статья А.М.Белавина, конкретно посвященная обоснованию протогородской принадлежности Рождественского городища [2]. В отличие от рассмотренной выше статьи, данная статья представляет собой типичный *социально-исторический дискурс*, отвечающий основным методологическим критериям этого типа научной продукции: *объективность* – требование считаться с независимым от сознания исследователя (именно как исследователя, а не участника материальной или идеологической практики) существованием объектов познания (включая духовные ценности, сознание других людей); *интерсубъективность* – языковые и логические средства авторского дискурса должны создавать условия для адекватной рецепции основного его содержания другими специалистами; *установка на поиск истины*; *детерминизм*; *теоретизм*, *логичность*, *методологизм* и т.д. [7, с. 12-14]. Материальным воплощением дискурса являются тексты [8, с. 51], которые выступают в качестве объекта анализа дискурса (дискурс-анализа), суть которого состоит в том, что он «воспроизводит модель качественного содержательного анализа, которая в отличие от формально-количественных методик (например, контент-анализа) способна выявить не только явно присутствующие и отчетливо фиксируемые текстовые данные, но и скрытые, латентные смыслы сообщения» [9].

В рассматриваемой статье А.М.Белавин во главу угла ставит принцип *объективности*, еще раз характеризуя признаки, присущие протогородам вообще, *логично* подводя читателя к мысли о том, что в наибольшей степени эти признаки в Прикамье представлены на таких городищах, как Анюшкар, Иднакар и

Рождественское [2, с. 109-110]. То есть, указанная выше формула сокращается: есть признаки протогорода → в Прикамье были протогорода, среди которых присутствует и Рождественское городище.

Следующая по времени статья исследователя логически завершает систему доказательств Рождественское городище = протогород (город Афкула) [3]. Здесь опять присутствуют основные компоненты научного социально-исторического дискурса: *объективность* – автор ещё раз приводит перечень признаков протогорода/города, предлагая (*методологизм*) обсудить, «какие именно черты явно могли проявляться у **протогорода** в тех или иных этнокультурных и этнополитических условиях у разных народов Восточной Европы, а **не спорить о возможности или невозможности употребления** (выделено мной – *В.И.*) данной научной дефиниции» [3, с. 5]. То есть, для самого автора этот вопрос – наличие протогородов в Прикамье – уже решен. *Интерсубъективный* подход к теме выражается в том, что специфические черты предуральского протогорода/города А.М.Белавин конкретно прослеживает на примере Рождественского городища (город Афкула), подразумевая при этом наличие у уральского археологического сообщества соответствующей рецепции понятия «протогород/город» применительно к территории региона.

Правда, ассоциация Рождественского городища с городом («касабой») Афикул-Афкула-Акикул в рассматриваемой статье и вышедшей в 2008 г. монографии в соавторстве с Н.Б.Крыласовой, автором дается на уровне вероятности [3, с. 7; 4, с. 499], но вывод о причинах и определяющих факторах урбанизационного процесса в Предуралье сформулирован им вполне определенно: «на наш взгляд, **определяющим мотивом раннего этапа урбанизационного процесса в Предуралье мог быть лишь путь возникновения торговых факторий** (выделено мной – *В.И.*), опорных центров международной транзитной торговли по Камскому торговому пути. Роль катализатора процесса урбанизации здесь принадлежит, таким образом, торговцам болгарским и «чулыманским», столицей последних как раз и был Рождественский археологический комплекс, «касаба Афикула...» [3, с. 11-12].

Процесс завершения А.М. Белавиным разработки концепции урбанизации Предуралья отражен в его статье, опубликованной в 2013 году. По форме и сути – это социально-исторический дискурс со всеми его составляющими [1]. Но особенно обращает на себя внимание выраженная *интерсубъективность*, выражающаяся, как было сказано выше, в использовании таких языковых и логических средств, которые должны создавать условия для адекватной рецепции основного содержания дискурса другими специалистами. И действительно, если не останавливаться на обширной историографии и очередном (уже в четвертый раз) перечне признаков, характеризующих протогород/город, то бросается в глаза изменившаяся стилистика формулировок выводов: «таким образом, **Рождественский комплекс мы можем уверенно считать городом, так как он был таковым в глазах современников**. На наш взгляд, критерии, приведенные выше,

действительно определяют принадлежность и остальных, описываемых в статье прикамских городищ<sup>2</sup>, к городам (ранним городам, протогородам) (выделено мной – В.И.)» [1, с. 57].

Итак, контент- и дискурс-анализ четырех статей А.М.Белавина, опубликованных в период с 1997 по 2013 гг., позволяет проследить процесс формирования и развития выдвинутой им концепции урбанизации Предуралья в эпоху раннего средневековья. В начале это позитивистский нарратив, состоящий из выделения контента и связанных с ним признаков, в итоге – детерминистский дискурс. В общенаучно-философском смысле детерминизм – это установка, «согласно которой у исследуемого явления (предмета, ситуации, процесса, события) необходимо установить другие явления, которыми оно непосредственно обусловлено (определено) и причины которых уже установлены» [7, с.13]. В своих «промежуточных» публикациях 2001 и 2007 гг. автор эту установку вполне успешно соблюдает. И отсутствие сколь-нибудь заметной критики его вывода – Рождественское городище = город Афкула – тому наглядное свидетельство. Что, в свою очередь, приводит и нас к единственно непреложному выводу – концепция А.М.Белавина верна.

#### Библиографический список

1. Белавин А.М. Ранний этап урбанизации в Прикамье: проблема и решения // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях. – Уфа: БГПУ, 2013. – С.50-58.
2. Белавин А.М. О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья // Труды КАЭЭ. – Вып. I-II. – Пермь: ПГПУ, 2001. – С.108-111.
3. Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды КАЭЭ. – Вып. IV. Поселенческие памятники Предуралья Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации. – Пермь: ПГПУ, 2007. – С.4-12.
4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
5. Белавин А.М., Старков А.В. Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1997. – С.125-130.
6. Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ (учебное пособие). – М.: МГУ, 1987. – 86 с.
7. Кротков Е. Философско-методологический анализ научного дискурса // Современный дискурс-анализ. Вып. 13, 2015. – Электронный журнал. – С.4-16.

<sup>2</sup> Это все те же Анюшкар, Иднакар, Саломатово – В.И.

8. Нельсон Филлипс, Синтия Харди. Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. – 2009. – Вып. 1, т. 1. – Электронный журнал. – С.49-64.
9. Сарна А.Я. Анализ дискурса (дискурс-анализ). Эл. ресурс: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/analiz-diskursa-diskurs-analiz>. Режим входа свободный. 03.04.2018.
10. Федорова Н.А. Математические методы в историческом исследовании. Курс лекций. – Казань: Форт-диалог, 1996. – 108 с.



Рис.1. А.М.Белавин и Н.Б.Крыласова на Рождественском городище. Май 2007 г.

УДК 903.2+ 903.01/.09

**Н.Б. Крыласова**

**К РАЗВИТИЮ КОНЦЕПЦИИ А.М.БЕЛАВИНА О ТОВАРНОМ  
ПРОИЗВОДСТВЕ МЕДИ И СПЛАВОВ НА ЕЕ ОСНОВЕ В  
СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ**

Отдел истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, Пермь, РФ

*Характеризуя торговые взаимоотношения Пермского Предуралья в эпоху средневековья, исследователи обычно называют в качестве экспортируемых отсюда товаров сырьевые ресурсы (меха, бобровую струю, мед и воск, соль и пр.). А.М.Белавин впервые начал указывать среди товаров, поставлявшихся из Прикамья, слитки меди и сплавов на ее основе. Здесь имеются многочисленные свидетельства наличия развитой цветной металлургии и литейного дела. Прикамские металлурги не просто продавали медь в качестве сырья, а самостоятельно готовили разнообразные сплавы на ее основе (преимущественно, свинцовую латунь, а также разные виды бронз), которые отливали в палочковидные слитки в специальных формах-изложницах. Слитки, отлитые по определенным весовым нормам, могли использоваться в качестве платежного средства. Медь (чистую или слегка разбавленную легирующими элементами) с целью повышения доходности продавали в виде готовых изделий – прутковых браслетов, представлявших собой своеобразную форму слитков, также отлитых по определенным весовым нормам. Торговля готовым продуктом демонстрирует, что Пермское Предуралье не следует рассматривать только как «сырьевой придаток» Волжской Булгарии.*

*Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, цветная металлургия, сплавы, слитки, браслеты, весовые нормы, торговля*

А.М. Белавин является многоплановым исследователем, который обращается в своих трудах к различным аспектам средневековой археологии Пермского Предуралья. Но к числу его основных заслуг, безусловно, принадлежит разработка концепции существования Камского торгового пути, как ответвления Великого Волжского пути, связывающего Волжскую Булгарию с северными землями [напр., 2, 3, 4, 5]. Эти земли привлекали болгарских купцов своими природными ресурсами, среди которых, как известно, ведущее значение имели меха, ценное вещество – бобровая струя, возможно, – соль, мед и воск, и прочие товары.

Как отмечал А.Г. Иванов в отношении к соседней территории Удмуртского Предуралья, «экономические отношения Волжской Булгарии с таежной частью Прикамья, строившиеся при подобной монотоварности, позволяли рассматривать эти районы как своего рода сырьевые придатки Булгарского государства» [15, с.143]. Такие представления существовали и применительно к территории Пермского Предуралья.

Из поля зрения исследователей, занимавшихся вопросами торгово-экономических связей Предуралья, долгое время выпадал такой важный товар, как медь. Для обеспечения нужд жителей Восточной Европы требовалось большое количество меди, поскольку костюм в эпоху средневековья изобилует разнообразными металлическими деталями и украшениями. Учитывая это, можно

предполагать, что наличие в Предуралье этого легкодоступного сырья привлекало торговцев не в меньшей степени, чем пушнина.

А.М. Белавин впервые начал указывать среди товаров, поставлявшихся из Прикамья в Болгарию и далее на Восток и Запад не только меха, но и слитки меди и бронзы [3, с.186; 4, с.142; 5, с.5]. Это было отмечено исследователями при поиске путей поступления цветных металлов на территорию Руси. Как принято считать, оловянные бронзы могли поступать на Русь из Волжской Булгарии. Источником меди являлись медистые песчаники Уральской горно-металлургической области, расположенные преимущественно на территории Прикамья, в эту зону входили и северные районы Волжской Булгарии. Рынок Булгарии отличался огромной металлоемкостью, но объекты, связанные с добычей и первичной обработкой руды в эпоху средневековья, там до сих пор не выявлены [13, с.157]. Предполагается, что основным источником меди были месторождения Среднего и Верхнего Прикамья, где изучены металлургические горны с медеплавильными шлаками и остатками руды. Судя по находкам литейных форм для слитков, медное сырье в товарном виде поставляли в Волжскую Булгарию, где уже происходило легирование меди [13, с.158].

В Пермском Предуралье, действительно, существовало много средневековых поселений, специализирующихся на цветной металлургии. А.М. Белавиным в районах выходов медистых песчаников были выделены неукрепленные поселения (селища), в хозяйстве которых помимо типичного для подобных поселений сельского хозяйства доминирующую роль играла производственная деятельность [1; 6; 18]. В окрестностях г. Березники современного Пермского края прослеживается целый археологический микрорайон, специализирующийся на металлургии. Из 17 средневековых поселений, известных здесь, на 9 зафиксированы остатки меднолитейного и железоделательного производства. Наибольший интерес представляют остатки производственных сооружений, выявленные на селищах Володин Камень I и II, Чашкинском II селище, Огурдинском поселении, селище Запоселье I, относящихся как к ломоватовскому (VII-XI вв.), так и к родановскому (XI-XIII вв.) времени.

Остатки сооружения, связанного с выплавкой меди, исследованы А.М. Белавиным на поселении Володин Камень I [1]. Сооружение делилось на две площадки. Меньшая по глубине северная часть играла роль предпроизводственной площадки; здесь находилось два скопления мелко истолченного медистого песчаника, перемешанного с углем, видимо, готового к переплавке. Вдоль западной стенки этой части сооружения наблюдалось корытообразное углубление, заполненное древесным углем. Южная, собственно рабочая производственная часть сооружения, имела форму овальной ямы с ровным дном – основание углубленного в материк горна. Здесь в придонных слоях наблюдались мощные углисто-шлаковые прослойки, в которых выявлено большое количество фрагментов тиглей, льячек, деталей готовых отливок (литников), кусков глиняной обмазки, вероятно, от стенок горна. Возле производственного сооружения за-

фиксировано несколько скоплений медистого песчаника в разной степени подготовки к переплавке – крупные, мелкие куски и растолченные в порошок, изучено большое скопление костей, использовавшихся в качестве флюса или в виде дополнительного топлива.

На предпроизводственной площадке перед началом работ (очередной плавки), вероятно, отпраздновались какие-то обряды, о чем свидетельствует присутствие здесь небольшого жертвенного комплекса, включавшую нижнюю челюсть крупного копытного животного, бронзовую фигурку ящера, стеклянные и глиняные бусы, предварительно разломанные глиняные пряслица, височные подвески. Жертвенник был перекрыт пятном сырой глины. Изображение ящера в составе жертвенного комплекса, вероятнее всего, является олицетворением духа-покровителя металлургов. Такая функция ящера вполне возможна. Она закономерно вытекает из его основной роли – хозяина подземного мира, покровительствующего металлургическому производству, связанному с эксплуатацией подземных богатств, с возведением сооружений, углубленных в подземный мир, с загадочными процессами восстановления металла из руды. Рядом с описанным сооружением располагалась яма, куда сбрасывали мусор при чистке производственного сооружения от золы, шлаков, остатков угля и песчаника при подготовке к новой плавке. Судя по слоям, таких чисток было, по меньшей мере, пять. В этой же яме найдены бракованные отливки, сломанные тигли и формы-изложницы для отливки слитков меди в виде стержней.

На поселении Володин Камень II кроме литейного существовало железоделательное производство. Но основное назначение обоих памятников – производство меди и сплавов на ее основе. Такой узкой хозяйственной специализации памятников способствовало их расположение в центре Кушгортского месторождения медистых песчаников высокого сорта. Разработка этого месторождения создавала хорошую сырьевую базу для развития цветной металлургии и в более позднее время [1].

Несколько селищ Березниковского археологического микрорайона, на которых прослеживается наличие медеплавильного и литейного производства, расположены на берегах Чашкинского озера и притоках р. Зырянки. На Чашкинском II селище отдельную группу сооружений составляли остатки прямоугольных печей или очагов с подочажными ямами (подпечьями). Они представляли собой ямы со ступенчатыми входами, в верхних слоях которых наблюдались мощные прокалы и углисто-зольные прослойки. В 77% этих ям зафиксированы следы меднолитейного производства в виде наличия в заполнении кусков медистого песчаника, шлаков, фрагментов тиглей, льячек, обрубленных литников [19, с.242-244]. Находки кусков медистого песчаника в 6 производственных объектах позволяют предполагать, что на Чашкинском II селище был налажен процесс получения меди из руды. Это же косвенно подтверждают находки слитков из меди и сплавов на основе меди в виде брусков трапециевидного и подтреугольного сечения, отлитых в формах изложницах. В частности, А.В. Рублев в отчете

за 1987 г. так писал один из слитков (к сожалению, не сохранившийся в коллекции): «Бронзовый слиток в виде четырехгранного бруска длиной 4,7, шириной 1,2, толщиной 0,9 с, весом 20,16 г» [19, с.386].

На селище Запоселье I, которое отделяет от Чашкинского II селища речка Посельская, также прослеживаются следы меднолитейного производства, с которым связаны шлаки, фрагменты тиглей, льячки, а также брикеты белой глины (каолина), которая использовалась для изготовления литейных форм [19, с.308]. Как и на селищах Володин Камень I и II, здесь возле производственных сооружений обнаружены плакетки пермского звериного стиля, что, как отмечал А.М. Белавин, указывает на проведение определенных ритуальных действий, связанных с металлургией [1, с.124].

Материалы по Березниковскому археологическому микрорайону свидетельствуют о существовании особого типа средневековых археологических памятников Пермского Предуралья – производственных поселков металлургов. Эти памятники характеризуются большой площадью, отсутствием укреплений, прерывистым и неравномерным культурным слоем, концентрирующимся вокруг производственных сооружений. Наличие таких поселков свидетельствует о том, что уже в ломоватовское время начинает проявляться хозяйственная специализация, и цветная металлургия стала первым производством, в котором начинается переход на уровень ремесла [1]. Возможно, в районах рудных разработок производили преимущественно выплавку металла и изготовление сплавов (хотя здесь существовал полный цикл, вплоть до изготовления готовых изделий для удовлетворения собственных потребностей). Отсюда слитки металла поставлялись населению, зачастую изготавливавшему мелкие предметы в рамках домашнего производства, в крупные литейные центры, расположенные на городищах, а частично шли на экспорт.

В частности, С.В. Кузьминых и Ю.А. Семькин, не отрицая в целом возможности производства меди в Волжской Булгарии, отмечают, что оно вряд ли было способно насытить рынок достаточным объемом металла, и полагают, что болгарская металлообработка в основном базировалась на привозной товарной меди. При этом в качестве основного поставщика указываются ремесленные центры Среднего и Верхнего Прикамья, базирующиеся на разработке пермских медистых песчаников. В таежном Прикамье не было недостатка и в древесине для выжига угля, в отличие от лесостепных районов Булгарии. Ямы с древесным углем являются здесь неотъемлемой частью металлургических и кузнечных комплексов. Основываясь на выводах А.М. Белавина, авторы полагают, что горняки и металлурги Пермского Предуралья были в состоянии обеспечить поставки в Волжскую Булгарию не только рудного концентрата, но прежде всего, товарной меди в виде слитков в форме прутков. Такие слитки, как они отмечают, найдены во многих городских и сельских мастерских Волжской Булгарии [21, с.260].

Надо отметить, что более подробное изучение особенностей цветной металлургии и литейного дела долгое время существенно затруднялось отсутствием представлений о составе металла, который определялся исследователями на вид, а нередко даже на запах и на вкус, как «медь», «бронза», «белая бронза», «биллон». Крайне редко удавалось провести т.н. «мокрый» химический или спектральный анализ единичных предметов. За счет подобного анализа, к примеру, было установлено, что блестящий белый сплав, который считался биллоном (сплавом на основе меди с добавлением серебра), на самом деле является бронзой с большим содержанием олова. Специалисты, занимающиеся изучением цветной металлургии, в стране составляли единицы, и обращались они, преимущественно, к материалам более древних эпох, считая исследования средневекового металла бесперспективными, так как, на их взгляд, в это время преобладали многокомпонентные составы, являющиеся результатом неоднократного переплава изделий.

Положение резко поменялось с появлением приборов для рентгенофлуоресцентного анализа (РФА), которые получили в настоящее время широкое распространение среди археологов, благодаря относительной простоте использования и, самое главное, отсутствию необходимости разрушения артефактов, кроме небольшой зачистки участка поверхности от окисла. Не смотря на отдельные недостатки РФА [13, с.114-115], появление и распространение этого метода обусловило настоящий прорыв в области изучения средневековой металлургии и литейного дела, позволило выделить основные составы используемых сплавов, создать базы данных, позволяющие проводить сравнение материалов разных территорий, исследовать не только металлические изделия, но и остатки металла в плавильных сосудах и на литейных формах, и даже, при необходимости – культурный слой в пределах предполагаемых мастерских на предмет наличия в нем следов металла.

Из средневековых материалов Пермского Предуралья первому рентгенофлуоресцентному анализу была подвергнута серия образцов плавильных сосудов и литейных форм, исследованных в лаборатории кафедры археологии МГУ Н.В. Ениосовой на приборе ArtTAX (Röntgenanalysen-Technik). Для анализа были отобраны фрагменты тиглей и льячек с ряда средневековых памятников (Анюшкар, Рождественское, Купросское, Саломотовское городища, селище Запоселье), а также трех форм-изложниц с городища Анюшкар (целой глиняной и фрагментов двух каменных форм). По заключению Н.В. Ениосовой, результаты исследования демонстрируют корреляцию между типом сплава и формой плавильных сосудов. Льячки в большинстве случаев предназначались для легкоплавких свинцово-оловянных сплавов. В емкостях 4 тиглей выделены остатки «грязной» меди с примесью сурьмы или свинца, «чистой» меди с примесью свинца, низкопробного серебра, разбавленного латунию, а в остальных 6 тиглях – свинцовая латунь. Во всех литейных формах-изложницах зафиксирован один вид сырья – свинцовая латунь [12]. Полученный результат оказался совершенно

неожиданным, так как о столь широком распространении латуни в Пермском Предуралье никто не подозревал. Как известно, латуни широко использовались в Древнерусском государстве, особенно в северо-западных областях [13, с.133]. Но в поисках источников поступления латунных сплавов в Восточную Европу исследователи прежде не обращались к Уралу.

Позднее КАЭЭ ПГГПУ обзавелась собственным переносным РФА-анализатором Bruker S1, что позволило активизировать исследования в области изучения особенностей цветной металлургии, литейного и ювелирного дела в средневековом Пермском Предуралье. Основной задачей в настоящее время является создание базы данных результатов анализов металлических изделий с широкого круга разновременных средневековых памятников, реже появляется возможность исследовать металл на стенках плавильных сосудов, поскольку портативный анализатор не обладает такими возможностями, как аппарат в лаборатории МГУ.

В частности, в 2011-2012 гг. на Рождественском городище была изучена крупная многопрофильная мастерская, которая на первом этапе своего функционирования специализировалась на литейном производстве. Нижние слои здесь были буквально усеяны обломками глиняных тиглей, кусками медных шлаков, а на зачистке возле одного из горнов в слое даже фиксировались зеленые пятна от окислившихся сплесков меди и шлака. В целом тиглей в мастерской собрано более 400 фрагментов почти от 7 десятков сосудов, среди которых имеются и сосуды полных форм. На стенках многих тиглей сохранились остатки металла. Анализ показал, что тигли использовались для плавки высокотемпературных сплавов. В единичных тиглях выявлены низкопробное серебро и многокомпонентные бронзы, а в подавляющем большинстве случаев – латуни [20]. Из последних 65% составляли свинцовые латуни (CuZnPb), 30% – многокомпонентные латуни, среди которых выделяются свинцовая латунь с примесью серебра (CuZnAgPb) и свинцово-оловянистая латунь (CuZnSnPb). Таким образом, полученные данные полностью сопоставимы с полученными ранее результатами исследования металла на стенках плавильных сосудов.

В этой мастерской кроме всего прочего был обнаружен фрагмент глиняной формы-изложницы для отливки слитков [20, с.34] (рис.1/9). Как уже упоминалось, фрагменты таких форм были найдены в металлургическом сооружении на селище Володин Камень I (рис.1/1-3). Кроме этого, фрагменты форм-изложниц встречены на Саломатовском и Кудымкарском городищах [24, рис.18/8; 7, рис.9/8], а в последние годы – на Родановом городище, где А.Н. Сарапуловым были возобновлены исследования (рис.1/10-12). Наибольшее количество форм-изложниц, преимущественно каменных, представлено в коллекции из раскопок городища Анюшкар (рис.1/4-8), часть из которых (рис.2), как упоминалось выше, была подвергнута анализу. Н.В. Ениосова отметила в заключении, что слабые следы металла в полости литейных форм свидетельствуют об успешном литье слитков: изложницы были сделаны очень хорошо и позволяли производить

отливки высокого качества, не оставляющие следов пригара после остывания. Металл, вследствие уменьшения линейных размеров при кристаллизации, не смачивал стенок формы [12].

Таким образом, известные нам формы-изложницы обнаружены на шести памятниках Пермского Предуралья. Подобные формы известны и на соседних территориях, занятых родственным населением, – на городище Иднакар в бассейне р.Чепцы [16, рис.53/2, 4-6] и на Еманаевском городище в бассейне р.Вятки [22, рис.8/1, 10] (рис.1/13-18). Их многочисленность свидетельствует о значительных масштабах производства металлических слитков в Прикамско-Предуральском регионе. Для сравнения, на территории Руси, судя по публикациям, фрагменты подобных форм встречены лишь на двух памятниках: на поселении Крутик [11, 1991, с.68-69, рис.34/2] и в Старой Ладогe, где обнаружено 7 форм и 3 медных слитка, отлитых в подобных формах [23, с.68, рис.76-77; 13, с.145-146].

Присутствующие в коллекции прикамских древностей формы-изложницы изготовлены из камня или глины. Обычно они представляют собой параллелепипед более или менее правильной формы, на одной или нескольких гранях которого имеются гнезда для заливки металла в виде желобка полукруглого или подтрапещевидного сечения. Иногда, в особенности на каменных формах, на одной грани расположено по два гнезда. На формах с городища Иднакар почти всегда использовались две или три грани бруска, на которых находились гнезда разных размеров для отливки слитков длиной от 3,5 см до 30-40 см, о чем свидетельствуют сохранившиеся слитки [16, с.137]. Наибольший интерес представляет целая глиняная форма с городища Анюшкар в виде крупного бруска, на всех гранях которого имеются литейные гнезда для слитков разной длины, и, соответственно, разного веса (рис.1/4; рис.2/1). Основное гнездо имеет длину 13 см, толщину 0,6 см, меньшие гнезда составляют  $\frac{1}{2}$  и  $\frac{1}{4}$  от основного. Самое большое гнездо длиннее и глубже основного, слитки, получаемые в нем, вероятно, были в 2 раза тяжелее стандартных.

Слитки, отливаемые в рассматриваемых формах, преимущественно представляли собой бруски полукруглого или трапещевидного сечения шириной около 1 см, толщиной 0,5-0,9 см. На Анюшкаре, Рождественском, Родановом и других верхнекамских городищах, а также на Чашкинском II селище, обнаружено несколько таких "чушек", изготовленных из меди или сплавов на основе меди (рис.3/1-5, 8-10). По мнению М.В. Талицкого, такие бруски, длина которых составляла 12,6-13 см, являлись стандартной единицей для продажи или обмена [24, с.52]. Однако встречаются слитки и более крупных размеров.

В эпоху средневековья, когда в денежном обращении применялись разные по весу и форме золотые, серебряные и медные слитки, в северных районах Восточной Европы были относительно широко распространены палочковидные слитки именно такой формы, которая соответствует литейным гнездам форм-изложниц из Пермского края. Денежные слитки обычно принимались на вес, при

необходимости от них отрубали куски нужного для платежа веса. Но, как отмечает Г.А. Федоров-Давыдов, палочковидные слитки обычно не разрубались и имели примерно одинаковый вес, отражающий какой-то весовой стандарт. Из серебряных наиболее распространенными были слитки длиной около 13 см с весом в 196-200 г [25, с.160]. Слитки из сплавов на основе меди со стандартной длиной 12,5-13 см по размерам и форме были аналогичны серебряным, но точный вес для них пока не установлен. Судя по находке формы с гнездами для слитков разного размера, существовали слитки вдвое больше, а также в половину и в четверть стандартных, – вероятно, слитки разного веса предназначались для обеспечения разных платежей, не прибегая к разрубанию денежного слитка. Эти же слитки использовались как сырье для литейного производства, мастера-литейщики отрубали куски необходимого размера и веса для решения своих производственных задач (например, для приготовления определенного сплава или для заполнения формы определенного объема).

В указанной мастерской на Рождественском городище найден обрубок палочковидного слитка длиной 6,5 см (рис.3/4) – то есть половина стандартного, – весом 31,82 г (~7 мискалей в 4,26 г). Кроме этого обнаружен обрубок более массивного слитка в виде полукруглого в сечении бруска (рис.3/5) толщиной 1,5, шириной 2,5, длиной 5,5 см, весом 72,92 г (10 мискалей в 4,26 г). Среди находок имелось также два бесформенных слитка с одной плоской и одной выпуклой стороной, которые, возможно, представляют собой остатки недолитого металла, застывшего на дне тиглей (рис.3/6-7). Рентгенофлюоресцентный анализ химического состава металла этих слитков показал, что первый слиток состоял из свинцовой латуни (CuPbZn), второй – из свинцовой бронзы (CuPb) с содержанием меди 95,1% (т.е., практически «грязная медь»), а два бесформенных слитка – из свинцовой бронзы (CuPb) и свинцовой латуни (CuPbZn) [20, с.34]. Среди новых материалов Роданова городища есть обрубок палочковидного слитка треугольного сечения размерами 1,5 x 1,5 см, изготовленный из свинцовой латуни (CuZnPb), весом 97,47 г (~23 мискаля в 4,26 г) (рис.3/8).

Слитки небольших размеров, имевшие форму довольно правильных брусков, известны еще с эпохи бронзы, к примеру, месопотамские тексты упоминают о брусках металла как удобной форме его перевозки [26, р.245]. Таким образом, слитки-прутки представляли собой товарную форму металла стандартизованных формы и размеров.

В Прикамье, судя по имеющимся данным, первые слитки подобной формы получили распространение уже в начале ломоватовской культуры. Здесь обнаружено довольно много сасанидских монет V-VI вв., и именно сасанидская весовая система легла в основу литья латунных слитков, которые производились еще в добулгарский период. Р.М. Валеев описал находки двух латунных слитков весом 95,8 и 104,83 г в курганах V в. у с. Тураево Елабужского района Татарстана; двух слитков из Суворовского могильника в Уржумском районе Кировской области; одного – в Веслянском I могильнике в республике Коми. А при раскоп-

ках Щербетского I островного селища у с. Щербеть Куйбышевского района был обнаружен клад из 87 слитков V-VII вв. – треугольного сечения, длиной 18-18,5 см, весом 96-106 г. По мнению Р.М. Валеева, теоретическая норма их отливки составляла 106 г – этот вес основывался на сасанидской весовой системе, слитки были рассчитаны в 25 весовых драхм по 4,26 г. Вес в 4,26 г оказался живучим, и использовался в качестве одной из основных весовых единиц (мискаль) в Среднем Поволжье и Прикамье в более позднее время. Р.М. Валеев привел предположение А.Г. Мухаматдиева о том, что подобные слитки являются первыми металлическими деньгами собственного производства [8, с.85-87].

К VII в. принадлежит клад (или инвентарь жертвенника), обнаруженный на городище Усть-Сылва в Пермском крае. В его составе наряду с монетами и прочим материалом присутствовали обрубки четырех серебряных слитков в виде длинных прямоугольных в сечении брусков с заглаженными гранями. Самый большой слиток длиной 156 мм, сечением 9 x 5 мм имел вес 80 г. Остальные слитки представлены фрагментами длиной 82, 83, 86 мм, сечением 9 x 5,1; 9 x 5,5; 10 x 6 мм, весом 45 и 50 г. Предположительно, целые слитки могли иметь длину до 166 мм при весе около 100 г [10, с.44], что может соотноситься с весом описанных выше слитков из сплава на основе меди.

Медесодержащие слитки IX-XIII вв., очевидно, по размерам были скорректированы в соответствии с распространенными в этот период серебряными слитками, а их весовая норма продолжала основываться на мискале весом 4,26 г.

Пару лет назад мы проводили анализ коллекции из Редикарского клада в Эрмитаже. Присутствующий при этом нумизмат В.С. Кулешов высказал интересную идею о том, что дровые браслеты могли отливаться по определенным весовым нормам и наряду со своей основной функцией выступать в качестве своеобразного вида слитков. Тут же были взвешены браслеты из клада, вес их составил 34,03; 36,5; 59,33 и 72,62 г.

В дальнейшем К.В. Моряхина в ходе исследования украшений рук произвела взвешивание 16 браслетов из Баяновского и Рождественского могильников Пермского края. По ее оценке, это направление в исследовании затрудняется, во-первых, тем, что из-за особенностей погребального обряда браслеты зачастую фрагментированы, во-вторых, они обычно сильно коррозированы и отслаивающиеся кусочки окисла искажают вес изделий. Но, тем не менее, полученные результаты позволяют сделать предварительные выводы. Всего, включая браслеты из Редикарского клада, известен вес 20 браслетов. Один из них весом 16,7 г соответствует ~4 мискалям в 4,26 г, три браслета (15%) весом 23-27 г ~6 мискалям, семь браслетов (35%) весом 29-32 г ~7 мискалям, два браслета весом 33-34,03 г ~8 мискалям, три браслета весом 36-38 г ~9 мискалям, один браслет весом 59,33 г – 14 мискалям, один браслет весом 72,62 г – 17 мискалям. Весовую группу в 4-7 мискалей (за исключением 1 экз.) составляли дровые браслеты овального сечения с уплощенными концами; весовую группу в 8-17 мискалей (за исключением 1 экз.) – шестигранные в сечении с уплощением на концах. Таким образом,

даже незначительная выборка демонстрирует, что браслеты отливались по определенным весовым нормам. Анализ (РФА) химического состава этих браслетов показал, что три из них изготовлены из «чистой» меди (96,8-98%), слегка разбавленной оловом, остальные – из «грязной» меди (90-94,3%), разбавленной цинком и оловом (CuZnPb) или оловом и свинцом (CuSnPb).

На основании этих данных можно выдвинуть следующую рабочую версию:

На территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья велась массовая добыча и выплавка меди. Эта медь использовалась не только для внутренних нужд, но и для продажи. Но это не была простая торговля сырьем. Местные ремесленники производили легирование меди, получая готовые латуни и бронзы. Эти сплавы, отлитые в слитки, очевидно, обладали более высокой стоимостью, чем простая медь. А с целью увеличения доходов от продажи меди, ее поставляли в виде готовых изделий – браслетов, которые, по сути, являлись теми же слитками в виде прутка, только более тонкими и согнутыми в кольцо (напр., рис.4). Для сравнения можно привести сосуды болгарского производства, изготовленные из чистой меди, которые массово встречаются далеко за пределами Волжской Булгарии, зачастую в виде лома, служившего в качестве сырья для литейного производства. Возможно, это была также одна из форм импорта медного сырья, но более дорогого, чем простой вывоз металла в слитках или полуфабрикатах [21, с.262].

В этом случае возникает резонный вопрос – а где же следы всей этой продукции?

С браслетами проще – прутковые браслеты овального сечения и граненные, которые могли являться продукцией прикамских литейных мастерских, легко вычлняются среди прочих изделий благодаря характерному кружковому орнаменту, нанесенному специальным чеканом-пуансоном. Такие браслеты встречаются на обширных территориях, преимущественно вдоль Волжского торгового пути. Но наряду с ними поставлялись и более простые изделия без декоративной отделки. Покупатели на свое усмотрение могли использовать браслеты по прямому назначению или как сырье для производства собственных украшений. Для примера, в каталоге находок из Белоозера простой прутковый браслет представлен среди различных полуфабрикатов и лома [14, рис.138/2].

Слитки, которые активно использовались в литейном производстве, чаще всего встречаются в виде невыразительных обрубков, и зачастую находятся среди вещей, которые если и упоминаются в публикациях, то только как «заготовки, полуфабрикаты и лом металлических изделий». Для примера можно привести тот же каталог находок из Белоозера, который является образцом полной публикации всех материалов памятника, где на отдельной иллюстрации среди заготовок из цветного металла представлены слитки и обрезки палочковидных слитков [14, рис.133/1-16].

Стержневидную форму имеет большая часть бронзовых слитков-заготовок, найденных на домонгольских поселениях Верхнего Посурья, где из-за отсут-

ствия рудников слитки из цветных металлов пользовались большим спросом. Как отмечает В.А. Винничек, эти слитки одновременно были и сырьем для ювелирных изделий, и применялись в качестве эквивалента денег, как и кольца, скрученные из обломков браслетов, которые часто встречаются на поселениях Верхнего Посурья XI – нач. XIII вв. [9, с.47, 119].

Палочковидный слиток бронзы длиной 24 шириной 1-1,2 см полукруглого сечения, соответствующий гнездам прикамских форм-изложниц, обнаружен на Измерском I селище в Волжской Булгарии [17, с.56, рис.19/28].

Возможно, если обратиться к анализу коллекций с позиций выдвинутых предположений, можно будет вычленить среди малоинформативного лома и фрагменты браслетов и обрубки слитков, отражающих поступление металла с территории Прикамья.

Таким образом, на основе имеющихся данных можно утверждать, что на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья существовал металлургический центр, сырьевой базой которого являлись доступные месторождения медистого песчаника. Причем уже с начала ломоватовской культуры местные металлурги самостоятельно производили легирование меди и поставляли на экспорт готовые сплавы (преимущественно, латуни) в виде слитков. Находки подобных слитков на памятниках V-VII вв. свидетельствуют о том, что этот процесс был налажен задолго до появления Волжской Булгарии, и имел самостоятельное значение. Образование Волжской Булгарии и включение Предуралья в систему болгарской торговли способствовало расширению рынков сбыта готовой продукции, но степень влияния Булгарии собственно на развитие прикамского металлургического производства, имевшего давние устоявшиеся традиции, не стоит переоценивать. Соответственно, не стоит рассматривать Пермское Предуралье только в качестве «сырьевого придатка Волжской Булгарии», поскольку это опровергается наличием готового продукта в виде сплавов разного состава (при преобладании свинцовой латуни), которые в форме слитков (особой разновидностью которых, возможно, являлись прутковые браслеты) представляли собой товар, производившийся в прикамских мастерских на экспорт.

### Библиографический список

1. Белавин А.М. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н.э. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). – Й.-Ола: МарГУ, 1987. – С.117-130
2. Белавин А.М. Камский торговый путь из Болгара «в страну Вису и Чулыман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. – Казань: ОВ РАН, ИИ АНТ. 1999. – С. 161-173
3. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 201 с. с илл.

4. Белавин А.М. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. – Казань: АНТ-РАН, 2001. – С. 140-144
5. Белавин А.М. Камский торговый путь в системе торговых путей средневековья // Путиами средневековых торговцев. – Пермь, 2004. – С. 4-17
6. Белавин А.М., Мельничук А.Ф. Средневековые памятники у д. Володин Камень в приустьевой части р. Яйвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: УлГУ, 1984. – Вып.2. –С.8-16
7. Белавин А.М., Голдобин А.В., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т., Миляскарова А.Г., Терехин А.А. Археологические памятники бассейна р. Чусовой. – Чусовой: СДЮШОР "Огонек", 1988. – 48 с.
8. Валеев Р.М. К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар (VIII-X вв.) // Из истории ранних булгар. – Казань: КФ АН СССР, 1981. – С.83-96
9. Виничек В.А. Ремесло и торговля в Верхнем Посурье в XI – нач. XIII в.: дисс. канд. ист. наук. – Пенза, 2005. – 157 с.
10. Голдобин А.В., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л., Чурилов Э.В. Ранне-средневековый культовый комплекс городища Усть-Сылва // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016. – 1 (32) – С.42-53
11. Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). – Петрозаводск: КарНЦ АН СССР, 1991. – 198 с.
12. Ениосова Н.В. Результаты РФА анализа тиглей и литейных форм из Пермского края, проведенного в лаборатории МГУ в 2010 г. Рукопись
13. Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М.: «Восточная литература», 2008. – С.107-189
14. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.
15. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. – Ижевск: УДИИЯЛ УО РАН, 1997. – 309 с.
16. Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. – Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
17. Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
18. Каталог археологических памятников окрестностей г.Березники Пермской области / составители А.М.Белавин, А.Ф.Мельничук. – Березники: Березниковская типография, 1985. – 30 с.
19. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Сер. Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.
20. Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском

Предуралье // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2015. № 4. – С. 27-41.

21. Кузьминых С.В., Семькин Ю.А. Цветная металлообработка // История Татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: «РухИЛ», 2006. – С.258-271

22. Лецинская Н.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: УдГУ, 1988. – С.79-107

23. Старая Ладога древняя столица Руси. Каталог выставки. – СПб.: ГЭ, 2003. – 190 с.

24. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА, № 22. – М.: АН СССР, 1951. – С.33-96.

25. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. – С.158-204

26. Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. – Oxford, 1994

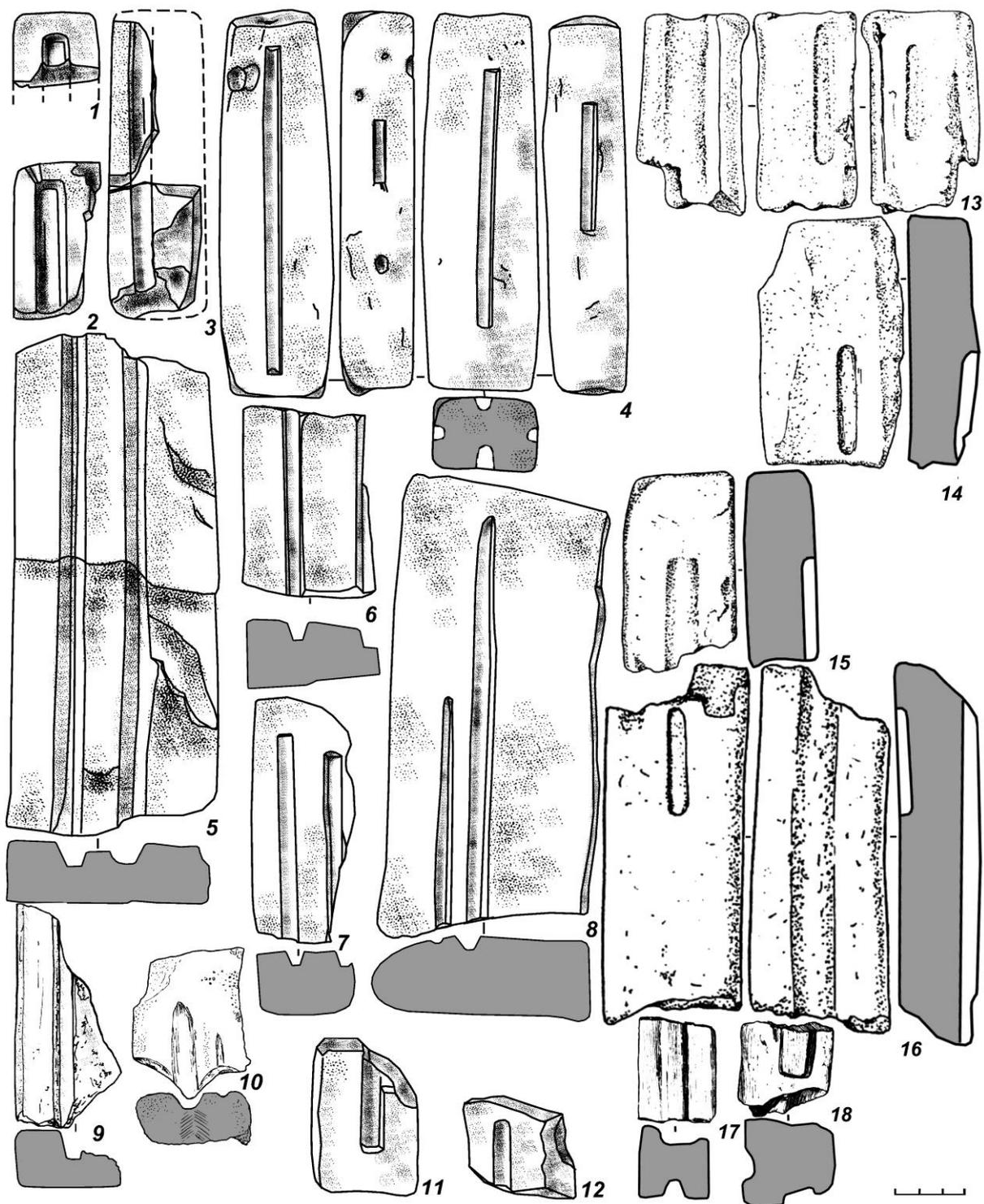


Рис.1 Формы-изложницы из Предуралья: 1-3 – селище Володин камень I (по [Белавин, 1987, рис.2/5, 8-9]); 4-8 – городище Анюшкар (из раскопок В.А. Оборина, Г.Т. Ленц, МАЭ ПГПУ); 9 – Рождественское городище (из раскопок Н.Б. Крыласовой); 10 – Роданово городище (из раскопок А.Н. Сарапулова); 11 – Саломатовское городище (по [Белавин и др., 1988, рис.9/8]); 12 – Кудымкарское городище (по [Талицкий, 1951, рис.18/8]); 13-16 – городище Иднакар (по [Иванова, 1998, рис.53/2, 4-6]); 17-18 – Еманаевское городище (по [Лещинская, 1988, рис.8/1, 10])

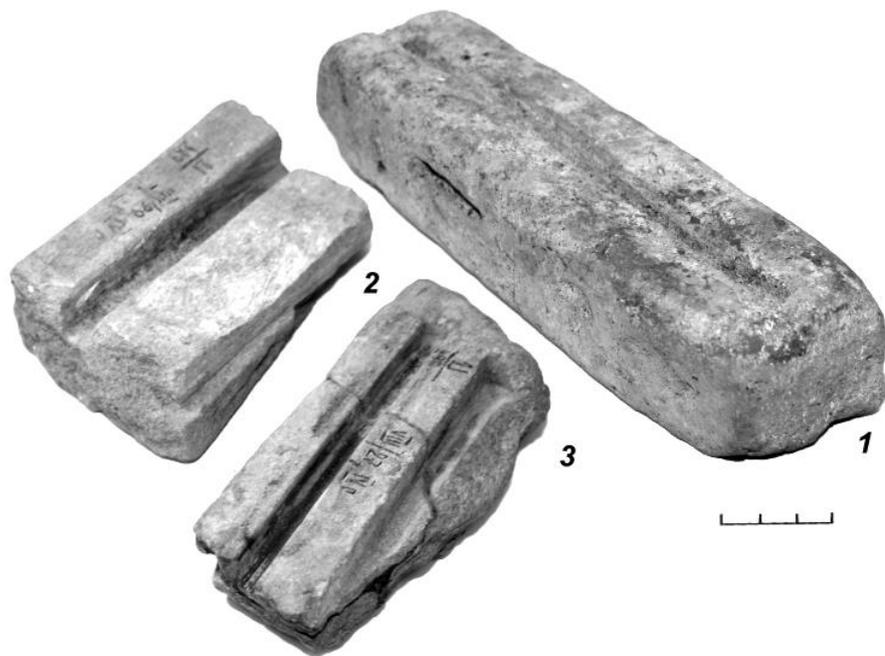


Рис.2. Формы-изложницы, городище Анюшкар  
(из раскопок В.А. Оборина, Г.Т. Ленц, МАЭ ПГГПУ)

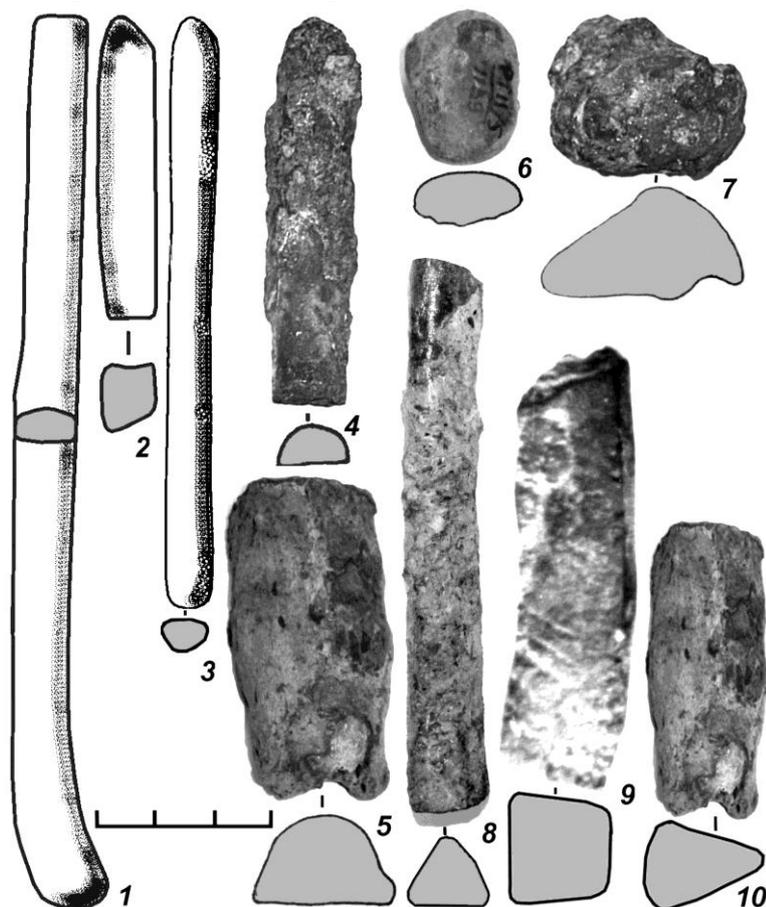


Рис.3. Слитки и обрубки слитков из меди и сплавов на ее основе: 1-2 – городище Анюшкар (из раскопок В.А. Оборина); 3-7 – Рождественское городище (3 – по [Талицкий, 1951, рис.18/6], 4-7 – из раскопок Н.Б. Крыласовой); 8 – Роданово городище (из раскопок А.Н. Сарапулова); 9-10 – Чашкинское II селище (из раскопок А.В. Рублева)

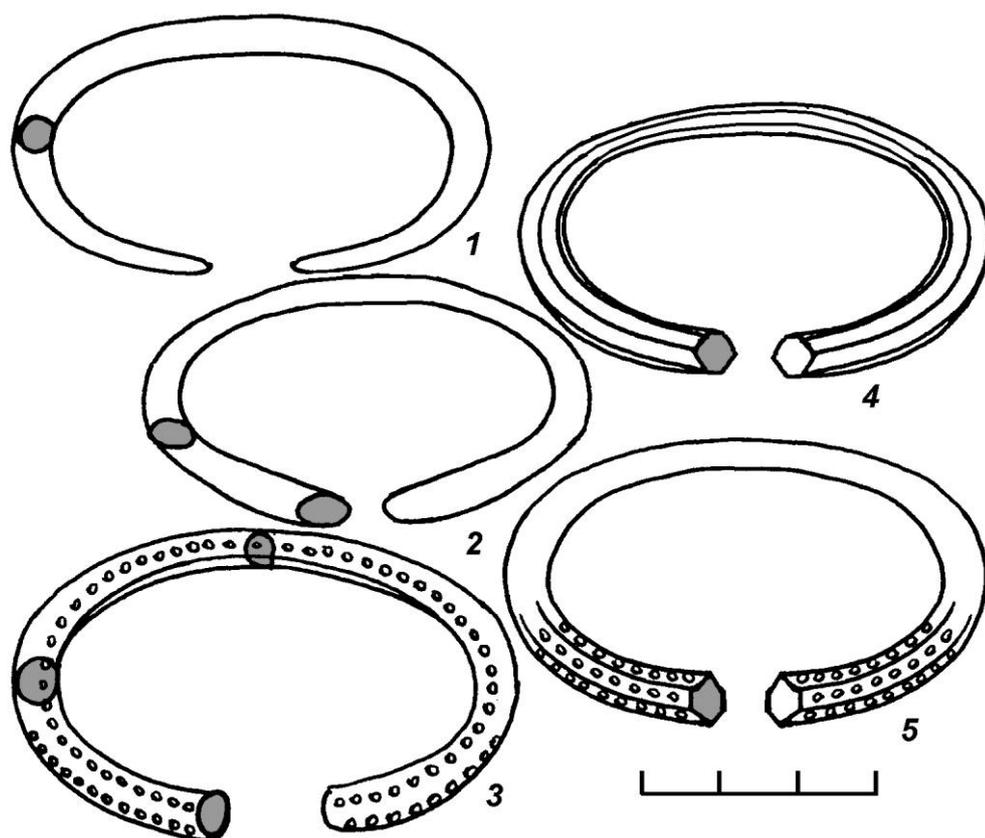


Рис.4. Примеры основных типов средневековых прутковых браслетов прикамского производства.  
1-5 – Рождественский археологический комплекс (из раскопок Н.Б. Крыласовой)

УДК 902.652

**Жукова О.В.****СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БОРСКОГО И ГАРИНСКОГО  
КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА  
ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ\***

Пермский краеведческий музей, Пермь, РФ

*В статье приведены итоги сравнения внешних морфологических и орнаментальных характеристик гаринских и борских керамических комплексов Среднего Предуралья. Проанализированы керамические комплексы 7 памятников Пермского Предуралья: 47 сосудов борской и 160 сосудов гаринской культуры. Структурный анализ орнамента керамики проведен на основе схемы, предложенной Ю.Б. Цетлиным.*

*В результате сравнения керамических комплексов отмечено следующее: внешние морфологические характеристики сосудов борской и гаринской культур имеют много общего: их поверхность подвергалась обработке твердым предметом с внутренней, и иногда с внешней стороны; для них характерны уплощенные и округлые венчики, прямая и открытая форма горловины. Для борских коллекций характерны толстостенные сосуды, в то время как гаринские сосуды имеют и малую и большую толщину стенок.*

*На сосудах гаринской культуры преобладала прямоугольная форма гребенчатых элементов; гребенчатые отпечатки овальной формы – на сосудах борской культуры. На сосудах гаринской культуры преобладали оттиски с большим количеством зубцов, а на сосудах борской – со средним количеством зубцов. На борских сосудах встречаются наколы преимущественно прямоугольной формы очень большой длины и средней ширины, на гаринских – круглой формы малой и средней длины и средней ширины. Ямочные элементы представлены на сосудах борской культуры отпечатками круглой и квадратной форм, средней длины и большой ширины; на сосудах гаринской культуры – круглой, овальной, треугольной и квадратной формы, различных размеров. Наиболее распространенными мотивами орнамента на сосудах борской и гаринской культур являются ряды наклонных вправо и влево оттисков гребенчатого штампа. На сосудах гаринской культуры отмечено большее разнообразие мотивов, в том числе сложных, отсутствующих на сосудах борской культуры.*

*Ключевые слова: Пермский край, керамика, энеолит, борская культура, гаринская культура, типологический анализ керамики, структурный анализ орнамента*

**O.V. Zhukova****COMPARATIVE ANALYSIS OF THE BORIAN AND GARIN CERAMIC  
COMPLEXES OF THE ENOOLITE EPOCH ON THE TERRITORY OF  
PERM PREDURAL**

Perm Local History Museum, Perm, Russian Federation

*The article presents the results of comparing the external morphological and ornamental characteristics of the Garin and Borian ceramic complexes of the Middle Urals. The ceramic complexes of 7 archaeological sites of the Perm Ural region were analyzed: 47 vessels of Borian culture and 160*

---

\* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ проект № 18-39-00059 «Ранние гончарные традиции населения Среднего Предуралья»

vessels of Garin culture. A structural analysis of the ceramic ornament was carried out on the basis of the scheme proposed by Yu.B. Cetlin.

*As a result of comparison of ceramic complexes, one can note the following: the external morphological characteristics of the vessels of Borian and Garin cultures have much in common. For example, the surface of the vessels of these cultures was subjected to treatment with a solid object with internal, and sometimes externally. In addition, the vessels of these cultures are characterized by flattened and rounded corollas, as well as the straight and open form of the neck. For Borian collections, thick-walled vessels are typical, while Garin vessels have both small and large wall thickness.*

*The rectangular shape of the comb-shaped elements prevailed on the vessels of the Garin culture, while oval-shaped combed impressions predominated on the vessels of Borian culture. On the vessels of the Garin culture, impressions with a large number of teeth prevailed, and on the vessels of the Borian culture impressions with an average number of teeth. On boric vessels there are nodules of predominantly rectangular shape of very large length and medium width, on Garinsky vessels - round shape of small and medium length and medium width. The ornamental elements of the ornament are represented on the vessels of the boron culture by round and square shapes, medium length and large width. On the vessels of the Garin culture, there are pit depressions of round, oval, triangular and square shape, of various sizes.*

*The most common motifs of the ornament on the vessels of the Bor and Garin cultures are rows of inclined right and left impressions of the comb stamp. On the vessels of the Garin culture, a greater variety of motifs, including complex motifs, is noted, which are absent on the vessels of Bor culture.*

*Keywords: Perm region, pottery, eneolithic, bory culture, garin culture, typological analysis, structural analysis of ornament*

С древнейших времен вплоть до наших дней керамические изделия занимают одно из ведущих мест в повседневной жизни всех народов мира.

Керамика является массовым археологическим материалом, начиная с эпохи неолита. Ее орнаментация, форма сосудов, наличие определенных примесей в формовочной массе, как правило, принадлежат к основным дефинициям при выделении той или иной археологической культуры.

Переходной эпохой от каменного века к бронзовому является энеолит. В эпоху энеолита появляются первые орудия из металла, хотя ведущую роль в производстве продолжает играть камень. Открытие металлургии сыграло важную роль в развитии человечества, но появление первых металлических изделий не принесло революционных изменений в хозяйственную деятельность человека. Особенно это относится к лесной полосе, где продолжало развиваться комплексное присваивающее хозяйство. В этих районах, в том числе и в Среднем Предуралье, керамика играет ведущую роль при выделении неолитических и энеолитических культур.

В Среднем Предуралье исследователи выделяют 3 энеолитические археологические культуры – новоильинскую, борскую и гаринскую. Для новоильинской культуры характерны полуяйцевидные сосуды с прямым или широкооткрытым горлом; примесями в формовочной массе служили шамот и песок. Для борской и гаринской археологических культур характерна керамика с примесью органики в составе формовочной массы, что делало ее пористой и легкой.

Целью данной работы было проведение сравнения внешних морфологических характеристик и орнаментальных уровней керамических комплексов борской и гаринской археологических культур.

Памятники борского типа впервые выявлены О.Н. Бадером в 1950-х гг. во время работ в зоне строительства Камской ГЭС. Поначалу они были отнесены к бронзовому веку, и соотносились с Турбинским могильником. Бадер считал, что памятники борского типа отражают поздний этап турбинской культуры, и датировал их XIV-XII вв. до н.э. Основным аргументом было отсутствие в орнаментации посуды «шагающей гребенки» – характерного орнаментального приема неолита и энеолита Среднего Предуралья, а также пластинчатость каменной индустрии, что не соотносилось с отщеповой техникой хуторского неолита [1, с. 184].

Позже было доказано, что весь металл, встречающийся на борских поселениях – медь, в то время как в Турбинском могильнике вещи сделаны из бронзы. Было зафиксировано отсутствие связи между турбинскими могильниками и борскими поселениями, и подтверждена энеолитическая принадлежность борских памятников. Итогом этой работы стало выделение единой гаринско-борской энеолитической культуры.

Активное изучение борских памятников продолжилось в 1970-80-ые гг. В.П. Денисовым и А.Ф. Мельничуком. По мнению последнего, борская культура имеет самостоятельный характер, и относится к раннему энеолиту [4, с. 101]. Современными исследователями эта культура датируется III тыс. до н.э. Основными памятниками борской культуры являются: Бор I-V, Заюрчим I, Зверевое. Они расположены двумя компактными группами: первая находилась в устье р. Чусовой (в настоящее время затоплена Камским водохранилищем), а вторая – на окраине Перми в пойме Камы, в урочище «Красава».

Посуда борской культуры имеет котлообразную форму, широко открытое горло, округло-конические днища и слегка отогнутый наружу округлый венчик. Тесто имеет значительную примесь органики, что сделало керамику пористой и легкой. В орнаментации преобладает гребенчатый и ямочный орнамент, но полностью отсутствует такой элемент орнамента, как «шагающая гребенка», в то время как в **гаринской** культуре он является ведущим [2, с. 265]. Основные элементы узора – наклонные и вертикальные оттиски гребенчатого штампа, зигзаг, довольно часто присутствует ямочный орнамент [6, с. 32].

Одним из основных исследователей культуры – А.Ф. Мельничуком, – предпринята попытка разделить **борские** памятники на ранние и поздние. К ранним памятникам отнесены поселения: Зверевое, Заюрчим, Бор III, IV; к поздним – Бор V, Боровое Озеро VI [4, с. 101]. Особенно выделяется поселение Бор V, где обнаружены медные предметы, изучено двухкамерное жилище с переходом **гаринского** типа.

Наиболее крупной энеолитической культурой Среднего Предуралья является гаринская. Сейчас известно около 200 памятников этой культуры, открытых

практически во всех районах Прикамья, таким образом, она охватывает основной пласт энеолита Предуралья.

Изучение этой культуры началось в 1920-30-ые гг. А.В. Шмидтом и Н.А. Прокошевым. Ими были исследованы многослойные поселения – Астраханцево, Грязное Озеро, Гремячий Ручей, где основную массу составляли артефакты эпохи энеолита. В 1950-ые гг. памятники гаринской культуры исследовались и частично публиковались О.Н. Бадером. В то время исследователь считал гаринские поселения составной частью турбинской культуры бронзового века, и датировал, в соответствии с материалами Турбинского могильника, XX-XVII вв. до н.э. [1, с. 265]. Когда было доказано, что между Турбинскими могильниками и гаринскими поселениями нет прямой связи, возраст культуры был удревнен. Сегодня она датируется последней четвертью IV – первой четвертью II тыс. до н.э. [5, с. 159]. Памятники гаринской культуры расположены компактными группами. Наибольшая их концентрация наблюдается в устье р. Чусовой, в окрестностях Перми, Березников, Осы, Оханска [3, с. 98].

Посуда гаринской культуры представлена полуяйцевидными сосудами с приостренным дном. Она плотно украшена, в основном, гребенчатыми оттисками. В качестве примеси в формовочной массе, как и в борской культуре, использовались органические остатки, отчего керамика стала пористой и ломкой. Наряду с прямыми, встречаются сосуды со слабо прикрытым или открытым горлом. Посуда в основном имеет крупные размеры, диаметр по венчику 25-40 см и более. Характерным признаком гаринской керамики является обработка внутренней, а иногда и внешней поверхности гребенчатым штампом [6, с. 31]. Большинство венчиков имеет округлую или приостренную форму. Под венчиками у многих сосудов встречаются глубокие ямки, оставляющие на внутренней стороне так называемые «жемчужины». Гребенчатый орнамент разнообразен; исследователи выделяют до 40 видов различных композиций. Одной из ведущих форм орнамента является «шагающая гребенка». Помимо гребенчатого, в небольшом количестве встречается ямочный орнамент и ногтевидные нарезки.

Внутренняя периодизация гаринской культуры разработана слабо. С достаточной долей условности гаринские памятники подразделяются на ранние и поздние. Для ранних памятников характерен высокий уровень геометризма в орнаментации посуды, широкое использование «шагающей гребенки». На поздних памятниках «шагающая гребенка» практически исчезает (поэтому их иногда путают с борскими памятниками), появляются сосуды баночных форм с плоским дном, украшенные зашипами по шейке [3, с. 102].

По мнению В.П. Денисова и А.Ф. Мельничука, на базе камских медистых песчаников население гаринской культуры создало свой очаг медной металлургии [4, с.101]. Об этом свидетельствует как наличие на памятниках гаринской культуры большого количества изделий из меди (шилъя, листовидные ножи, очковидные подвески, спиралевидные привески, булавки со спиралевидным навершием), так и, в первую очередь, обнаружение остатков медеплавильных

сооружений и литейных форм. Остатки такого сооружения изучены на поселении Красное Плотбище.

Проблема происхождения гаринской культуры также не решена. Ее носители составили основное этническое ядро последующих культурных образований эпохи бронзы на территории Среднего Предуралья.

Для решения вопроса о правомерности разделения гаринских и борских керамических комплексов, выявления их схожих и особенных черт, было решено провести их сравнительный анализ.

Для анализа использованы следующие керамические коллекции **борской археологической культуры**:

- комплекс керамики стоянки Бор V (6 сосудов);
- 8 сосудов стоянки Боровое Озеро II;
- 12 сосудов стоянки Боровое Озеро III;
- 21 сосуд стоянки Бор I.

Из коллекций **гаринской археологической культуры** использованы:

- комплекс керамики стоянки Гагарская I (10 сосудов);
- 12 сосудов стоянки Боровое Озеро II;
- 42 сосуда стоянки Боровое Озеро III;
- 30 сосудов стоянки Бор I;
- 61 сосуд стоянки Чернашка;
- 5 сосудов стоянки Хуторская.

#### *Сравнительный анализ внешних морфологических черт*

Типологический анализ керамических комплексов показал следующее. Толщина фрагментов варьирует от 0,5 до 1,4 см. В коллекциях гаринской культуры количество тонкостенных и толстостенных сосудов практически одинаково, с небольшим преобладанием толстостенной керамики, в то время как для борских коллекций характерны сосуды большей толщины (табл. 1). Поверхность большинства сосудов заглаживалась мягким предметом. Около трети сосудов подвергались обработке твердым предметом с внутренней, и иногда с внешней стороны (33% борских сосудов, 30% гаринских сосудов). Цвет керамики варьирует от светло-коричневого до темно-серого, в зависимости от обжига. Формы венчиков разнообразны: уплощенные, округлые, скошенные внутрь (табл. 3). Стоит отметить, что для сосудов борской и гаринской культур характерны уплощенные венчики (37% и 38% соответственно), также часто встречается округлая форма венчиков (18% и 21% соответственно) (рис. 1, 2).

Что касается формы верхней части сосудов, то здесь фиксируется следующее. Для сосудов борской и гаринской культур наиболее распространенной являлась прямая форма горла (59% и 44% соответственно) (табл. 4). Кроме прямой формы горла довольно часто встречалось открытое горло (29% и 21% соответственно).

Приведенные данные показывают, что внешние морфологические характеристики сосудов борской и гаринской культур имеют много общего: поверхность некоторых сосудов подвергалась обработке твердым предметом; характерны уплощенные и округлые венчики, а также прямая и открытая форма горловины. Но для борской культуры в большей степени характерны сосуды с прямым и открытым горлом, нежели для гаринской культуры. Для борских коллекций характерны толстостенные сосуды (71%), в то время как гаринские имеют и малую и большую толщину стенок (47% и 53% соответственно).

#### ***Сравнительный анализ орнаментальных характеристик***

Структурный анализ орнамента был проведен на основе схемы, предложенной Ю.Б. Цетлиным [7, с. 207-213].

*Элементы орнамента.* Сравнительная характеристика *гребенчатых* элементов орнамента показала, что преобладающей формой гребенчатых отпечатков на сосудах борской и гаринской культур является прямоугольная. Однако следует отметить, что для гаринской культуры прямоугольная форма отпечатков была более распространенной (86%), чем для борской (58%) (рис.2). Овальные отпечатки были наиболее распространены на сосудах борской культуры (36%) (рис.1). Что касается длины отпечатков, то на сосудах данных культур наиболее широко были распространены оттиски малой (1,1-2,0 см) и средней (2,1-3,0 см) длины. По ширине преобладали малые оттиски (0,1-0,2 см), хотя на сосудах борской культуры были также распространены оттиски средней ширины (0,3-0,4 см) (15%) (табл. 5).

Для сосудов борской культуры характерны отпечатки со средним числом зубцов (4-7) (63%). В то время как на сосудах гаринской культуры преобладают отпечатки с большим количеством зубцов (8-15) (46%).

Таким образом, можно отметить, что гребенчатые элементы на сосудах борской и гаринской культур имеют сходство по форме элементов, длине и ширине отпечатков. При этом количество зубцов значительно различается.

Сравнительная характеристика *накольчатых* элементов орнамента показала следующее. Для борской культуры были характерны наколы прямоугольной (50%) и овальной (37%) форм, на сосудах гаринской культуры преобладали круглые (32%) и прямоугольные (25%) наколы. На сосудах борской культуры встречаются только три формы наколов – прямоугольная, овальная и треугольная (табл. 6).

По отношению к размерам наколов можно отметить следующее. На сосудах борской культуры часто встречаются наколы большой (0,7-0,8 см) и очень большой (>0,8 см) длины (25% и 50% соответственно). На сосудах гаринской культуры наблюдается уменьшение длины наколов – преобладали отпечатки малой длины (0,3-0,4 см) – 32%. По ширине преобладали малые (0,1-0,2 см) и средние (0,3-0,4 см) отпечатки.

Сравнительная характеристика *ямочных* элементов орнамента показала следующее. Преобладающей формой ямочных отпечатков являлись круглые

вдавления. На борских сосудах широко были распространены ямочные вдавления средней (0,5-0,6 см) и большой (27%) длины. На сосудах гаринской культуры были одинаково распространены ямки малой, средней и большой длины (табл. 7).

*Мотивы орнамента.* Сравнительная характеристика мотивов орнамента показала следующее. Преобладающим мотивом для борской и гаринской культур являются ряды наклонных вправо оттисков штампа, также широко распространены ряды наклонных влево и горизонтальных оттисков (табл. 8) (рис. 1, 2). Особое внимание хотелось бы обратить на мотив «шагающая гребенка», который отсутствует на сосудах борской культуры, и широко распространен в орнаментации сосудов гаринской культуры (рис. 2). Следует отметить, что для гаринской культуры характерно большое разнообразие мотивов: «шагающая гребенка», ромбическая сетка, двойной зигзаг, ряды ямок и наколов в шахматном порядке, которые отсутствуют на сосудах борской культуры.

Таким образом, после анализа орнаментальных уровней можно отметить следующее. Прямоугольная форма гребенчатых элементов орнамента была более распространена на сосудах гаринской культуры, при этом, гребенчатые отпечатки овальной формы преобладали на сосудах борской культуры. Преобладала малая ширина гребенчатых элементов на сосудах обеих культур (0,1-0,2 см). По длине оттисков также отмечается сходство. На сосудах гаринской культуры преобладали оттиски с большим количеством зубцов (46%), а на сосудах борской культуры – оттиски со средним количеством зубцов (63%).

По отношению к накольчатым элементам орнамента можно отметить следующее. На сосудах борской культуры встречаются всего три формы накольчатых элементов – прямоугольная, овальная и треугольная. На сосудах гаринской культуры накольчатые элементы более разнообразны – круглые, дуговидные, трапециевидные, треугольные и др. На борских сосудах преобладают наколы прямоугольной формы очень большой длины и средней ширины, на гаринских – круглой формы малой и средней длины и средней ширины.

Ямочные элементы орнамента представлены на сосудах борской культуры отпечатками круглой и квадратной форм, средней длины и большой ширины. На сосудах гаринской культуры встречаются ямочные вдавления круглой, овальной, треугольной и квадратной формы, различных размеров.

Наиболее распространенными мотивами орнамента на сосудах борской и гаринской культур являются ряды наклонных вправо и влево оттисков гребенчатого штампа. Также часто встречаются ряды ямок и горизонтальных оттисков штампа. На сосудах гаринской культуры отмечено большее разнообразие мотивов, в том числе сложных (ромбическая сетка, двойной зигзаг, ямки и наколы в шахматном порядке), которые отсутствуют на сосудах борской культуры. Подводя итог, можно отметить, что орнамент гаринских сосудов более разнообразен, нежели орнамент борской керамики.

Проведенное сравнение показало наличие как схожих черт (в составе формовочных масс, форм венчиков, основных орнаментальных мотивов), так и отличий (в толщине сосудов, форме верхней части, элементах орнамента и др.). Наличие сходств, возможно, связано с одновременным бытованием обоих комплексов на территории региона и их взаимодействием друг с другом. Отличия могут говорить о разной подоснове для их формирования. Для ответа на этот вопрос необходимо проведение технико-технологического анализа обоих керамических комплексов.

### Библиографический список

1. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА – № 99. – М.: АН СССР, 1961. – 198 с.
2. Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопрос периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. – М.: ИА РАН, 1961. – Вып.2. – С. 110-272.
3. Лычагина Е.Л. Каменный век Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 118 с.
4. Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья – Ижевск: УДИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – С.97-105.
5. Мельничук А.Ф. Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции. – СПб: изд-во СПбГУ, 2013. – С. 157-160.
6. Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 28-34.
7. Цетлин Ю.Б. Орнаментальные традиции в гончарстве носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. – СПб: ИИМК РАН, 2004. – С. 207-213.

**Таблица 1. Толщина сосудов гаринской и борской культур**

<b>Средняя толщина фрагментов</b>	0,5-0,7	0,8-1,2
<b>Сосуды гаринской культуры</b>	47%	53%
<b>Сосуды борской культуры</b>	28%	71%

**Таблица 2. Примеси в составе формовочной массы гаринской и борской культур**

<b>Примеси</b>	<b>Сосуды гаринской культуры</b>	<b>Сосуды борской культуры</b>
Органика	100	100

**Таблица 3. Форма венчиков сосудов гаринской и борской культур**

<b>Венчики</b>	<b>Сосуды гаринской культуры</b>	<b>Сосуды борской культуры</b>
Уплощенный	37	38
Округлый	18	21
Скошен внутрь	5	21

**Таблица 4. Форма верхней части сосудов гаринской и борской культур**

<b>Форма верхней части</b>	<b>Сосуды гаринской культуры</b>	<b>Сосуды борской культуры</b>
Открытая форма	21	29
Прямое горло	44	59
Закрытая форма	6	2

**Таблица 5. Сравнение гребенчатых элементов орнамента гаринской и борской культур**

	<b>Борская культура</b>	<b>Гаринская культура</b>
<b>Общая форма гребенчатых элементов</b>		
Прямоугольная	58,5	86
Овальная	36,5	11
Трапециевидная	5	2,3
<b>Длина гребенчатых элементов</b>		
Очень малая - <1,1	22	16,5
Малая – 1,1-2,0	49	40,5
Средняя – 2,1-3,0	24	30
Большая – 3,1-4,0	5	10,5
Очень большая >4,1	0	2,3
<b>Ширина гребенчатых элементов</b>		
Очень малая - <0,1	0	4
Малая – 0,1-0,2	85	86
Средняя – 0,3-0,4	15	9
Большая – 0,5-0,6	0	0,6
<b>Число компонентов (зубцов)</b>		
Малое – 2-3	5	6,5
Среднее – 4-7	63	39
Большое – 8-15	27	46,5
Очень большое – 16-30	5	7

**Таблица 6. Сравнение накольчатых элементов орнамента гаринской и борской культур**

	Борская культура	Гаринская культура
<b>Общая форма накольчатых элементов</b>		
Прямоугольная	50	25
Овальная	37,5	8
Трапециевидная	0	8
Треугольная	12,5	16
Каплевидная	0	0
Круглая	0	32
Дуговидная	0	8
<b>Длина накольчатых элементов</b>		
Очень малая – 0,1-0,2	0	8
Малая – 0,3-0,4	12,5	32
Средняя – 0,5-0,6	12,5	25
Большая – 0,7-0,8	25	16
Очень большая >0,8	50	16
<b>Ширина накольчатых элементов</b>		
Очень малая - <0,1	0	0
Малая – 0,1-0,2	37,5	32
Средняя – 0,3-0,4	62,5	50
Большая – 0,5-0,6	0	8
Очень большая - >=0,7	0	8

**Таблица 7. Сравнение ямочных элементов орнамента гаринской и борской культур**

	Борская культура	Гаринская культура
<b>Общая форма ямочных элементов</b>		
Круглая	91	76
Овальная	0	18
Треугольная	0	3
Квадратная	9	3
<b>Длина ямочных элементов</b>		
Малая – 0,3-0,4	9	27
Средняя – 0,5-0,6	54	27
Большая – 0,7-0,8	27	27
Очень большая >=0,9	9	19
<b>Ширина ямочных элементов</b>		
<=0,3	0	15
0,4	9	27
0,5	9	21
>=0,6	82	36

Таблица 8. Сравнение мотивов орнамента гаринской и борской культур

	Борская культура	Гаринская культура
Ряд наклонных вправо оттисков	49	45
Ряд наклонных влево оттисков	21	15
Ряд вертикальных оттисков	8,5	4,4
Ряд горизонтальных оттисков	10,5	8,8
Шагающая гребенка	0	22,5
Зигзаг	6	4,4
Ряд наколов	19	4,4
Ряд ямок	10,5	16
Ряд горизонтальных оттисков в шахматном порядке	6	0
Ряд ямок в шахматном порядке	0	0,5
Ромбическая сетка	0	5
Ряд наколов в шахматном порядке	0	0,5
Двойной зигзаг	0	2,7

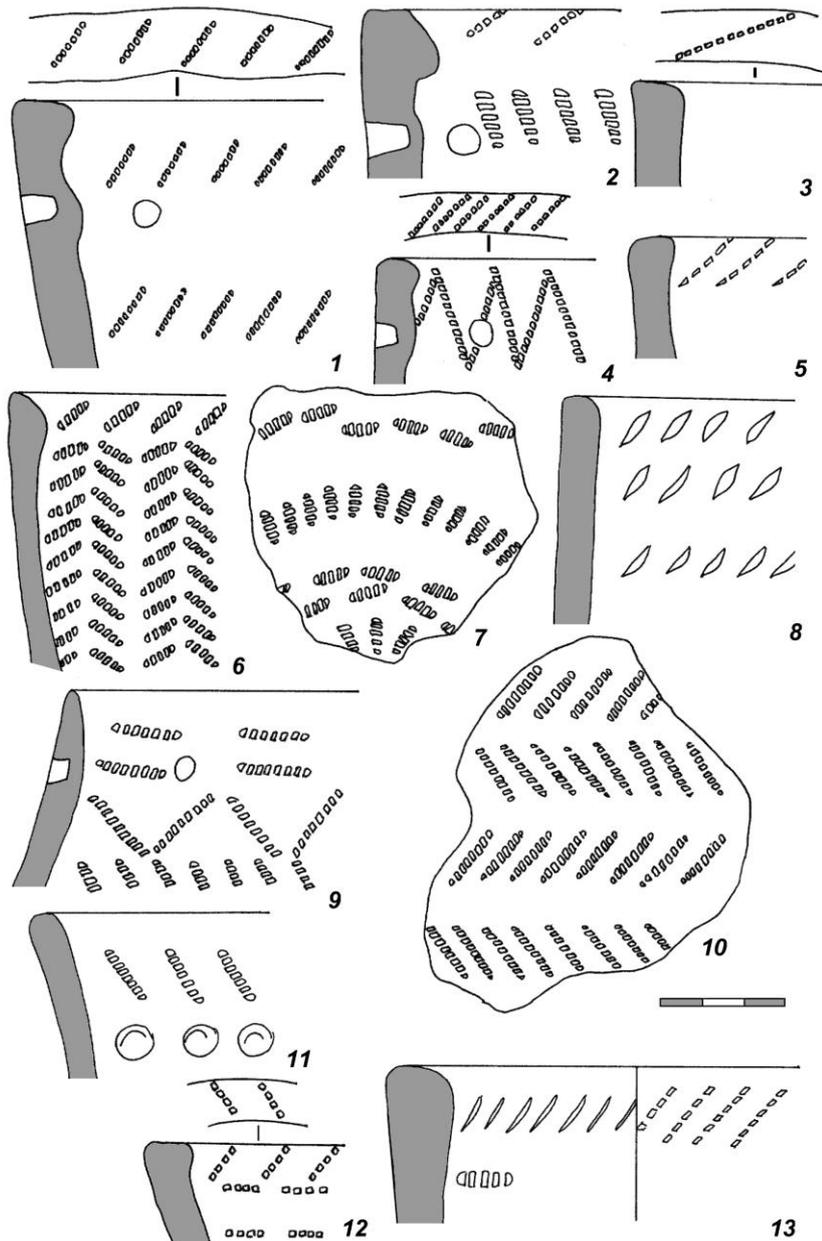


Рис. 1. Керамика борской культуры стоянки Бор I

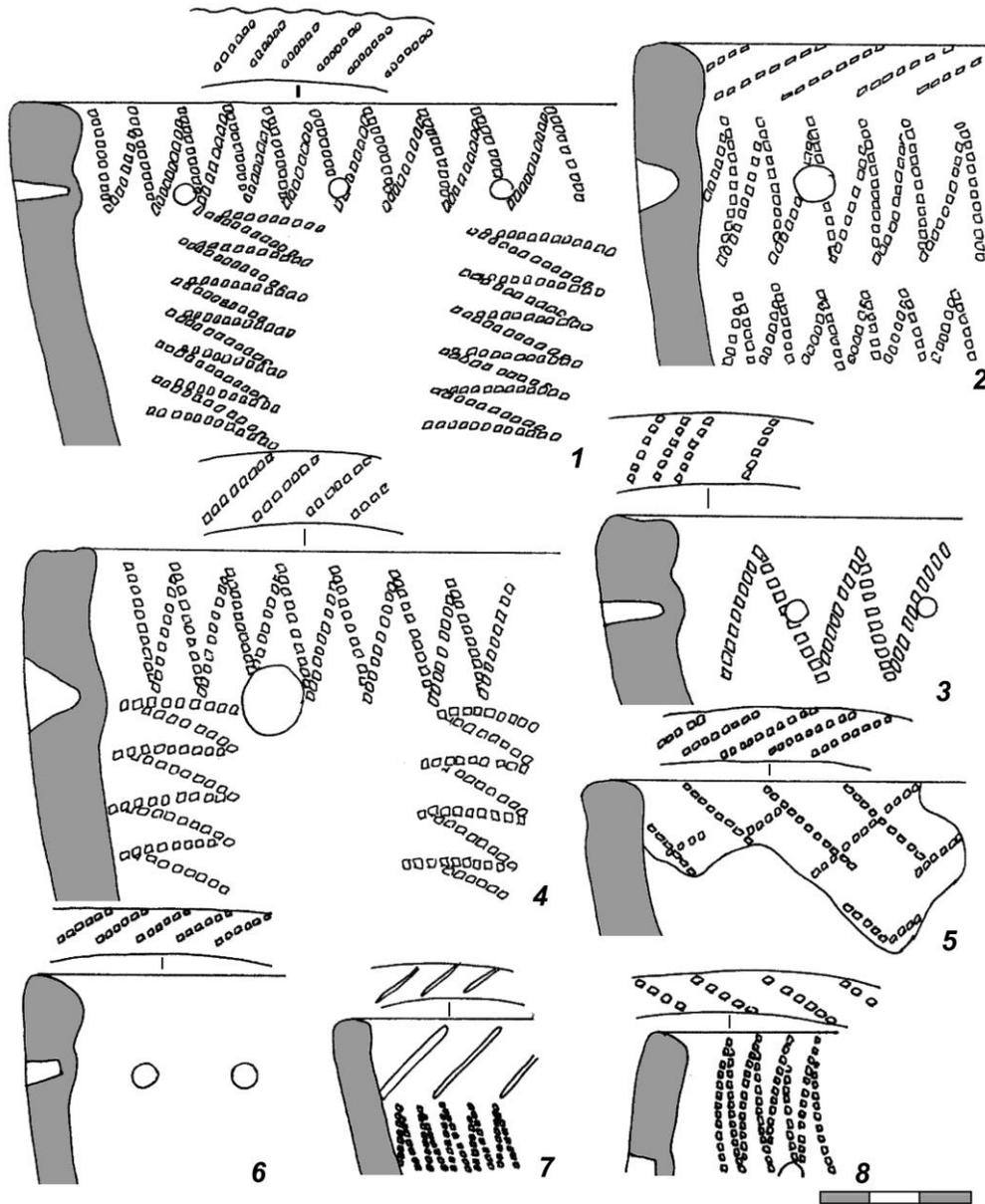


Рис. 2. Керамика гаринской культуры стоянки Бор I

УДК 903.2

**И. Фодор****НЕИЗВЕСТНАЯ ФОТОГРАФИЯ ТУРБИНСКОГО НОЖА**

Венгерский Национальный музей, Будапешт, Венгрия

*На кафедре археологии Сегедского государственного университета (Венгрия) была обнаружена старая фотография с изображением предметов из коллекции Екатеринбургского музея, в том числе, и знаменитого бронзового ножа из второго Турбинского могильника, потерянного из выставки музея в 1946-ом году. Снимок был сделан в 1898 г. венгерским археологом Бэла Пошта, входившим в состав третьей экспедиции графа Зичи по Российской империи. Примечательно, что нож снят с той стороны, которая долгое время не была известна специалистам, хотя только с этой стороны видны следы спайки у соединения рукоятки и лезвия. Это подтверждает мнение Ф.А. Теплоухова, по которому эти части были отлиты отдельно и потом спаяны друг с другом.*

*Ключевые слова: Турбинский нож, Екатеринбургский музей, Бэла Пошта, О.Н. Бадер, экспедиция Зичи.*

**I. Fodor****AN UNKNOWN PHOTOGRAPH OF THE TURBINO KNIFE**

Hungarian National Museum, Budapest

*In the Institut of Archaeology of Szeged University (Hungary) there were found some old photographs showing archaeological objects from the Ural-Kama region of Russia. These pictures were taken by the distinguished Hungarian archaeologist Béla Pósta (1862-1819) being that time keeper of the Hungarian National Museum, later (1899-1919) Professor of the Kolozsvár (Cluj-Napoca) University. He was a member of the third expedition of count Eugen Zichy to the Russian Empire (1897-1898). One of the photographs was taken in June 1898 in Ekaterinburg museum, showing among other objects the famous Turbino knife. (Fig. 2, 3.) It disappeared from exhibition of the museum in 1946 and was never found. No good photographs preserved of it. The Szeged photo shows the side of the knife, where we can see the place of the soldering between the hilt and the blade. The two pieces were made separately.)*

*Key words: Turbino knife, Zichy expedition, Béla Posta and his photos, O. N. Bahder, Seima-Turbino culture.*

В начале 1990-ых годов для кафедры археологии Сегедского государственного университета открылась возможность поменять старый книжный шкаф на новый. В старом шкафу на полках книги были расположены в два ряда, и за книгами были брошены мелкие издания, отиски и прочие бумаги, а также фотографии. Там мы нашли несколько старых фотографий, которые были приклеены на большие картонки. На обратной стороне картонов с фотографиями имеются инвентарные номера, однако неизвестно, где инвентарная книга и сохранилась ли она вообще.

Такие фотографии последних десятилетий XIX и начала XX вв. нам уже были знакомы по фотоархиву Национального музея, вместе со стеклянными негативами размером 18 x 24 см. Рядом с нашими фотографиями не было негативов, но разгадать сфотографированные на них вещи для меня было не особен-

но трудно: на всех таблицах были изображены археологические предметы с территории Прикамья и Урала (образцы пермского звериного стиля, вещи конца эпохи бронзы и раннего железа). На одной из таблиц я увидел эмблематичный предмет бронзового века Приуралья: нож из второго Турбинского могильника с изображением трех баранов на конце рукоятки. Рядом с ножом лежат вещи эпохи поздней бронзы и раннего железа (рис. 1).

Не трудно было также разгадать, кто и когда мог сделать фотографии этих вещей. Снимки, по всей вероятности, были сделаны известным венгерским археологом Бэла Пошта (1862-1919) (рис. 2), в то время хранителем Венгерского Национального музея, а потом с 1899 до 1919 г. – профессором Коложварского университета (ныне: Клуж-Напока, Трансильвания, Румыния.) Он был участником третьей экспедиции графа Зичи по Российской империи, состоявшейся с 1 сентября 1897 до 31 августа 1898 г. [6; 3, с.42].

Нож, найденный в с. Турбино в 1890 году, в это время хранился уже в Екатеринбурге, в музее Уральского общества любителей естествознания. Экспедиция побывала в Екатеринбурге с 23 по 27 июня 1898 года. Б. Пошта во время экспедиции вел дневник, но некоторые части его, к сожалению, до наших дней не сохранились, в том числе, и страницы пребывания экспедиции в Екатеринбурге. Однако сохранился дневник этнографа и антрополога экспедиции, Яноша Янко. Он пишет, что 24 и 25 июня они работали в музее Уральского общества любителей естествознания. Упомянув об археологической части выставки музея, он отмечает только форму древних весел из торфяников, которые похожи на современные весла обских угров [9, с.105-106]. В своем кратком отчете, опубликованном в журнале Археология Эртешиито, Б. Пошта отметил только, что в музее выставлены вещи, типичные для бронзового века Сибири [10, с.343]. Вряд ли можно сомневаться в том, что Пошта сделал данный снимок в этом музее. Однако в фотоархиве Национального музея хранится еще одна фотография, где изображен Турбинский нож вместе с предметами такого же времени [8, с.121]. Пошта не смог снять обе таблицы, так как на обеих снята одна и та же сторона ножа. По всей вероятности, одну из данных таблиц он скопировал с фотографии музея.

Тут мы должны отметить, что из-за быстрого темпа передвижения экспедиции не было возможности зарисовывать вещи, и Б. Пошта вынужден был фотографировать огромное количество предметов. В то время это была нелегкая задача. Он в своем дневнике описывает, как сложно было передвигать в музеях огромный фотоаппарат, стоящий на штативах. Отмечает также, что часто они относили музейные фотографии в фотоателье для копирования [5, с.71, 131]. Значит, далеко не все фотографии, принесенные экспедицией в Венгрию, были сняты самим Пошта, среди них имелось много копий с фотографий российских музеев.

К сожалению, после возвращения экспедиции в Венгрию, привезенные коллекции<sup>3</sup> через некоторое время были разбросаны в разные места, и остались без документации [3, с.43]. Так сложилась и судьба фотографий. Часть их попала в Национальный музей, часть была размещена в Коложваре (Клуже), откуда некоторые экземпляры могли попасть в Сегед после оккупации города румынами в 1918 г. и также в конце второй мировой войны. (Сегедский университет ведь был открыт в 1920 году – после Парижского мирного договора – как учреждение вместо закрытого румынами Коложварского венгерского университета, где в 1925 году был восстановлен и Институт археологии во главе с переселившимся в Сегед коложварским профессором А. Будаи. В 1945 году заведующим кафедрой археологии был назначен опять профессор из Коложвара – М. Рошка. Он в 1950 г. был арестован по политической причине, а кафедра была закрыта на долгие годы, поскольку археология была объявлена «буржуазной наукой») [7, с.423-425].

В чем же значение найденной в Сегеде фотографии? Ответ на этот вопрос мы можем найти в самой истории Турбинского ножа.

Эту историю можно прочесть в солидной монографии О.Н. Бадера [1].

Нож в 1946 году исчез с выставки Екатеринбургского (Свердловского) музея, и до сих пор не найден. Не осталось его хороших фотографий и не известны даже точные размеры (мы знаем лишь, что его длина была около 35 см). По этим причинам О.Н. Бадер в своей монографии опубликовал цветной рисунок, сделанный по рисунку А.Ф. Теплоухова с использованием ряда других рисунков, фотографий, описаний, а также своих собственных наблюдений оригинала [1, с.120-122, рис.113].

Этот рисунок стал общеизвестным среди специалистов, был повторен во многих научных и научно-популярных изданиях. Но известной стала только одна сторона ножа, т.к. с его другой стороны – как в то время это предполагалось, – не было фотографии. Но как это хорошо видно на увеличенной фотографии ножа, найденной в Сегеде, тут изображена другая сторона предмета (рис. 3) [4, с.21]. В этом и заключается редкость и научная ценность данной фотографии Б. Пошты. Особенно важна она и потому, что, по мнению Ф.А. Теплоухова, клинок и рукоятка ножа были отлиты отдельно, а потом спаяны [1, с.122]. Данная фотография полностью подтверждает мнение Ф.А. Теплоухова: тут очень хорошо видна спайка при соединении клинка и рукоятки.

Когда мы нашли фотографию в Сегеде, я не знал, что есть еще одна фотография этой стороны Турбинского ножа. Это не было известно в свое время и О.Н. Бадеру. Эта фотография была снята в Ленинграде, в Институте археологии в 1941 году. На этой таблице изображены вещи сейминско-турбинской культуры, и она была сделана для Н.А. Прокошева, который копал в с. Турбино. К со-

---

<sup>3</sup> Результаты археологических исследований экспедиции опубликованы Б. Пошта в монографии на венгерском и немецком языке [11]

жалению, Н.А. Прокошеву не было суждено опубликовать этот снимок: он погиб на фронте в 1942-ом году. Фотография увидела свет только в 1993-ем году в Екатеринбурге, в одном каталоге архивных фотографий, в весьма скромном качестве [2, с.63, 158].

#### Библиографический список

1. Бадер О.Н. Древние металлурги Урала. – М.: Наука, 1964. –176 с.
2. Прошлое Урала в фотографиях / Под ред. Б.Б. Овчинниковой. – Екатеринбург: Виролл ЛТД,1993. – 197 с.
3. Фодор И. Венгерская экспедиция в Томске в 1898 г. // Наука как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск 19-21 мая 2010. – Томск: „Аграф-Пресса”, 2010. – с. 41-44.
4. Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. – Пермь, 2015. – 132 с.
5. Banner J. Pósta Béle születésének százados ünnepe. – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1962. – 148 p.
6. Banner J. B. Pósta und die dritte Zichy-Expedition // Acta ArchHung. – (1963) – 15. – p. 409-426.
7. Fodor I. Department of archaeology, József Attila University, Szeged // Hungarian archaeology at the turn of the Millennium. Ed. Visy Zs. – Nagy M. Budapest: Ministry of Culture, 2003. – p. 423-425.
8. Fodor I. A turbinói bronzkés ismeretlen fotója Posta Béla fényképgyűjteményében. (Das unbekannte Foto des Brontemessers von Turbino in der Sammlung von Béla Pósta). – Tisicum 19 (2009). – p. 119-126.
9. Jankó J. Utazás osztjákföldre, 1898 (Путешествие Яноша Янко по хантийской земле в 1898 году). – Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000. – 400 p.
10. Pósta B. Oroszországi tanulmányútról. Archaeologiai Értesítő – 18 (1898) – p. 334-345.
11. Posta B. Régészeti tanulmányok az oroszföldön. – Archaeologische Studien auf Russischen Boden. – Budapest – Leipzig, 1905. – 599 p.





Рис. 2. Б. Пошта в России во время экспедиции Зичи



Рис. 3. Турбинский нож

УДК 902.64+903.2

**Н.В. Федорова****ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ КЛАДЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО  
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК-  
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)**

ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», Салехард, РФ

*В статье собраны и систематизированы сведения о западносибирских кладах эпохи раннего железа – Средневековья, проанализирован их состав и способ захоронения, рассмотрены вопросы атрибуции входящих в них предметов и датировки комплексов. Выделено четыре группы кладов различного наполнения и принадлежности, их географического распространения в Приобье. Делается вывод об установлении дальних и прочных торговых связей с различными центрами, приведших к значительным изменениям в экономике и социальном устройстве местного общества.*

*Ключевые слова: клады, Западная Сибирь, торговые связи, импортные изделия, культурные заимствования.*

*The article presents the summing up and systematization of the available data about West Siberian Early Iron Age - the Middle Age period hoards, offers the analysis of their composition and the method of burying, as well as the study of the items' attribution and the dating of the complexes. The author has identified four groups of hoards of various composition and identity and their geographic distribution in the Ob region. The author came to a conclusion of the existence of the far reaching and strong trade relations with different centers, which brought about significant changes in the economy and social structure of the local society.*

*Key words. Hoards, Western Siberia, trade relations, imported items, the cultural borrowing.*

**Введение.** Западносибирские клады Раннего железного века – Средневековья, в составе которых обнаружены металлические артефакты как местного, так и импортного происхождения, найденные в таежной и лесотундровой зонах Западной Сибири, являются уникальным и до сих пор недооцененным источником по древней и средневековой истории. Они демонстрируют не только направление и насыщенность торговых связей, но и серьезные изменения в местной социальной истории, а также культурные заимствования из различных центров Евразийских цивилизаций. В отличие от Прикамских кладов, которым посвящено несколько обобщающих и аналитических работ [11; 21], западносибирские до сих пор, практически, не были объектами специального рассмотрения, известны лишь публикации отдельных комплексов [8; 27; 28; 29; 51; 56; 58]. Тем более, почти не делалось попыток их каким-то образом классифицировать, или использовать в качестве источника по реконструкции местной истории эпохи железа. Исключение – статья Ю.В. Плотникова ««Клады» Приобья как исторический источник», в которой автор рассмотрел т.н. «оружейные клады» раннего средневековья [33, с.12–135]. В их интерпретации он, как и большинство других исследователей до и после него, исходил из данных современной этнографии обских угров о различных культурах, где используется оружие, хотя и сделал в конце важ-

ный и абсолютно правомерный вывод о том, что они (оружейные клады) являются «индикатором наличия...военно-потестарных организаций» [33, с.132]. По отношению к средневековымкладам попытка классификации предпринята автором в 2012 г. [50, с.78-79].

**Постановка проблемы.** Задача данной статьи – систематизировать сведения о западносибирскихкладах, описать их состав, рассмотреть вопросы атрибуции и датировки входящих в них предметов, предложить вытекающие из этих фактов гипотезы о возможных путях попадания вещей кладов на север Западной Сибири, о создании местных подражаний импортным вещам, и причинах этого явления, свидетельствующего о действии механизма культурных трансляций. В конце концов, рассмотреть, что же дают эти комплексы для исторических реконструкций. Хронологические рамки статьи – железный век, от середины-конца I тыс. до н.э. и до начала-середины II тыс. н.э. Территориальные – Западная Сибирь в границах тундровой и лесотундровой зоны, северной тайги, т.е. бассейн Оби и ее притоков.

В предисловии к сборнику «Клады: состав, хронология, интерпретация» [17], его редколлегия обращает внимание на то, что, во-первых, «древние и средневековые клады...– один из наиболее загадочных и до сих пор трудно поддающихся классификации видов археологических источников» [17, с.7]. Во-вторых, говоря о проблемах историко-культурной интерпретации кладов, отмечает, что она (интерпретация) включает много вопросов. «Среди наиболее актуальных из них идентификация кладов с выделенными в настоящее время археологическими культурами, клады как «маяки» на путях древних миграций, сакральное значение кладов, определение состава кладов, как знаковой системы ценностей своего времени и др.» [17, с.8]. Представляется необходимым объяснить позиции автора по данной теме. Первая позиция: клады металлических изделий (а других для эпох раннего железного века-Средневековья не зафиксировано), могут являться либо комплексами относительно длительного накопления (например, приношениями на древнее святилище), либо попадать в землю моментно (упакованные клады). В каждом конкретном случае это необходимо по возможности учитывать. Вторая позиция, сильно осложняющая их изучение: большинство кладов Западной Сибири (практически 99%) являются случайными находками или результатом «работы» кладоискателей с помощью металлодетектора. Исключений очень мало. Обычно не известен точно ни полный состав клада, ни условия его захоронения, или известны «со слов находчика», что не является стопроцентной гарантией истинности сведений. Третья позиция: существуют различные методики систематизации кладов, автор будет исходить из логики, подсказанной местом и способом сокрытия комплекса, его составом. Четвертая: соотношение комплекса клада с той или иной археологической культурой (общностью), осложняется для ситуации на севере Западной Сибири, на мой взгляд, проблематичностью как в принципе выделения культур для эпохи железа (кулайская или усть-полуйская для раннего железного века, нижнеобская для сред-

невековья), так и невозможностью соотнесения некоторых кладов с определенной местной археологической культурой вообще. Поэтому автор в дальнейшем не будет касаться их, так называемой, культурной принадлежности.

**Описание и классификация кладов.** В соответствии с хронологией комплексов, их наполнением различными артефактами и гипотетическим долговременным или одноразовым характером захоронения, можно выделить четыре группы кладов: клады раннего железного века – первая группа; клады времени около рубежа эр – вторая группа; «оружейные клады» – третья группа; клады начала II тыс. н.э. – четвертая группа (рис.1).

*Клады первой группы: ранний железный век.* До последнего времени известны в основном «клады» т.н. «культового литья» (рис.2), иногда дополненные деталями вооружения – наконечниками стрел, рубящим оружием. Подобных комплексов, которые точнее можно назвать сборами, известно немного меньше десяти: Лозьвинский клад [56, с.156-162], клад с городища Ус-Нел [2, с.62-65], сборы из района пос. Вуграсян-Вад [2, с.48; 38], сборы со святилища Йипыгойки [2, с.47]. Вероятно, к сборам такого же типа можно отнести «клад» с г. Кулайки [57, с.236-237] и материалы из раскопок Я.А. Яковлева на Саровском культовом месте [62, с.274]. С большой долей сомнения сюда же относится Мурлинский клад [56, с.151-156; 59, с.95-110]. В последнем преобладают количественно бронзовые наконечники стрел, хотя и фигуры т.н. «культового литья» встречаются. Общим условием нахождения этих «кладов» является их захоронение на небольшой глубине или вообще на поверхности (Лозьвинский клад, по данным В.Н. Чернецова, найден между корнями сосны), на небольшой площади в 1-2 кв. м, в составе преобладают культовые отливки, вещи импортного происхождения отсутствуют. Вероятнее всего, это комплексы разновременного накопления, хотя по имеющимся данным судить об этом уверенно нельзя.

*Клады второй группы, ранний железный век, время около рубежа эр.* К настоящему времени известно пять кладов, к сожалению, все они найдены случайно, либо во время производства несанкционированных работ с металлодетектором. Все пять можно считать реальными кладами, преднамеренно захороненными вне всякой связи с какими-либо культовыми памятниками (рис.3). К ним относятся: Истяцкий клад [23; 51, с.55-56; 56, с.162-171], Сузгунский клад [40, с.255-260], Казымский клад ([3, с.121; 61, с.84], весь состав этого клада пока не опубликован), Горнокнязевский клад [51]. К этой же группе могут быть отнесены Пиковские находки [29, с.254-259]. Для этих кладов, во всяком случае, для большинства из них, характерно наличие специальной упаковки (Истяцкий, Казымский и Горнокнязевский), в составе их преобладают предметы импорта, в том числе, и достаточно дальнего, а в некоторых присутствуют местные подражания импортным изделиям (рис.4).

Клад с Барсовой Горы не входит ни в одну из групп, но его также необходимо учитывать. Он найден Г.В. Бельтиковой в 1986 г. при раскопках на горо-

дище Барсов Городок 1/20 в Сургутском Приобье. Клад обнаружен у основания оборонительной системы городища, у входа в жилище 2 на уровне древней поверхности, в округлой ямке диаметром 30 глубиной около 15 см [6, с.203; 8, с.42]. Он состоял из 54 предметов, за исключением бусины из стекла и обломка железного молотка, – бронзовых: фигурка птицы, 2 поясные застёжки, 2 прямоугольные пластины с изображением зверей, 25 прямоугольных ажурных блях с изображением людей, 3 круглые бляхи, 4 объёмные подвески (пронизки) в виде фигурок животных (медведя и барсука-?), 2 полые пронизки-трубочки, 9 прямоугольных бляшек из золотистой бронзы, 4 прямоугольные выпуклые бляшки из белой бронзы [6, с.203-206; 7, с.20-62]. Очевидно, импортным изделием является только бусина, остальные имеют сложный генезис, часть из них, вероятно, прикамские, или отлитые местными мастерами по прикамским образцам, но есть и отчетливо местные произведения [7, с.106]. Датировка клада определяется в пределах II-III вв. н.э. [7, с.108].

*Клады третьей группы или «оружейные клады», конец раннего железного века – раннее Средневековье.* К ним можно с уверенностью отнести 4 комплекса и один – с известной долей вероятия: Парабельский клад или культовое место [57, с.66; 58, с.157-159], Холмогорский клад или коллекция [13], Ишимская коллекция [12], Елыкаевская коллекция [28, с.263-268], возможно, Васюганский «клад» [27, с.227-231]. Для них характерно наличие довольно большого количества железного оружия и небольшой процент вещей «дальнего» импорта, а также отсутствие выраженной связи с зафиксированными археологическими памятниками (рис.5). Все комплексы, относимые к «оружейным»кладам, обнаружены случайно, более или менее точный контекст зафиксирован находчиком лишь для Холмогорской коллекции.

*Клады четвертой группы, начало II тыс. н.э.* Их известно больше всего – 13 комплексов или кладов. Из них два обнаружены при проведении профессиональных раскопок, для семи имеются легенды о помещении в некую емкость – медный или железный котел, сундук, шкатулку, чашу. К ним относятся: Ямгортский клад [39, с.14], клад с ритонном [4, с.133-141; 39, с.16], клад с сасанидским блюдом [39, с.16-17], Сынский клад (не опубликован), клад с городища Лор-Вож [41, с.182-198], клад из поселка Лопхари [19, с.140-157; 20, с.163-197; 25, с.23-41], клад с городища Барсов Городок 1/31 [45, с.183], клад с Барсовой Горы [44, с.148-152], клад с Сайгатинского 1 святилища [43, с.124-125], Лонгот-Еганский I клад [32, с.72-77], Лонгот-Еганский II клад [24, с.24-28], клад с острова Новенький [52, с.45-54], Тазовский клад (опубликован в буклете Тазовского районного музея). Для кладов этой группы характерно наличие емкостей, в которые они, по словам находчиков или наблюдений археологов, были упакованы. Кроме Сайгатинского все они найдены вне контекста памятников археологии. В составе кладов имеется серебряная посуда дальнего импорта, серебряные украшения из Предуралья (рис.6), местные статусные бронзовые отливки. Датировка кладов определяется в пределах XII-XIV вв.

Таким образом, объектом рассмотрения являются около 30 кладов эпохи Раннего железного века – Средневековья. Такая выборка представляется достаточной для обобщений.

Довольно интересную картину дает география находок кладов (рис.1). Первая группа, как упоминалась выше, характерна практически для всей таежной зоны – от западных притоков Оби до Нарымского и Томского Приобья. Вторая располагается по линии почти строго север-юг по течению низовьев Оби-Иртыша, с небольшим отклонением к востоку в Сургутском Приобье – Барсова Гора. Единственным исключением являются находки у села Пиковка – р. Кеть. Можно было бы полагать, что третья группа характерна для восточных территорий региона: самая западная из известных находка – Холмогорская коллекция, остальные обнаружены в восточной части региона – в Томском и Нарымском Приобье, т.е. по низовьям бассейнов притоков Оби в ее среднем течении (карту см.: [58, с.153]). Но, поскольку все эти «клады» открыты, как правило, при распашке или строительстве, вполне возможно, что кажущаяся «восточность» их расположения отражает лишь недостаточную современную освоенность других территорий Западной Сибири. Подтверждением может служить коллекция из грабительских раскопок на неизвестном археологическом памятнике в районе протоки Горной Субботы (правобережье Иртыша, на границе Тюменской обл., и ХМАО-Югры), где, в том числе, обнаружена большая серия железного вооружения и импортная посуда [63, с.21-81].

Подведем итоги первой части нашего изложения. В начале раннего железного века появляются «клады» первой группы, состоящие в основном из медных/бронзовых отливок в виде антропоморфных и зооморфных фигур (рис.2). Все они не обрабатывались после отливки, не имеют никаких следов креплений на одежду или на какие-либо предметы. Эти артефакты появились одновременно с освоением плавки бронзы на белоярско-васюганском этапе кулайской культуры, изготовлялись в «домашних» условиях: Ю.П. Чемякин отмечает следы плавки в очагах некоторых жилищ в виде обломков тиглей, капель бронзы [55, с.70]. Он пишет также, что «бронзовые орудия немногочисленны: три целых и один обломок пластинчатых ножей, наконечник стрелы кулайского типа и 18 культовых фигурок» [55]. Интересно, что металл шел в основном на изготовление культовых изделий. Общими чертами всех этих «кладов» является доминирование культовых отливок, отсутствие сведений о специальной упаковке вещей. Комментарии исследователей сходятся на их характере, как приношений на святилища (жертвенные места). Датировка этих комплексов достаточно широка: от середины I тыс. до н.э. по I-II вв. до н.э. Географически они довольно равномерно распределены по всей лесной части Западной Сибири: от Зауралья на западе до Томско-Нарымского Приобья на востоке. После I-II вв. до н.э. «клады» этой группы не известны, вплоть до этнографического времени, когда на святилища современных обско-угорских народов вновь начали приносить отливки в виде зооморфных и антропоморфных изображений из свинца или олова [1, с.19, 26,

28, 32]. А.В. Бауло пишет: «обские угры...продолжали заниматься металлообработкой. Для этого использовали свинец, который заливали в форму, вырезанную в куске дерева» [1, с. 65].

Клады второй группы появляются в последние века до н.э. – первые века н.э., и являются уже кладами в полном смысле слова (рис.3). Кроме упомянутых Истяцкого, Сузгунского, Казымского и Горнокнязевского кладов, сюда же могут быть отнесены находки у с. Пиковки [29, с.254-259]. Для этих комплексов (кроме Пиковского, у которого условия находки не известны, как не известен и полный состав клада) характерно наличие упаковки (медные котлы, некое деревянное вместилище), а также – появление впервые в регионе предметов дальнего импорта (серебряные медальоны парфянского или бактрийского производства, шлемы среднеазиатской работы, большое количество бронзовых зеркал «сарматского» и даже «китайского» круга). Возможно, к таким же комплексам можно отнести и находки с так называемого святилища на городище Барсов Городок 1/9. Их расположение на памятнике не позволяет нам считать эти находки кладом второй группы, т.к. судя по сведениям, как полученным от профессиональных археологов [55, с.84], так и по характеристике распространения их по данным грабителя [60, с.53], они найдены на значительной площади. Большую часть его составляют «сарматские» зеркала и местные статусные украшения. Кроме зеркал, к импортам, вернее, к попыткам создать местную копию импортного парфянского медальона относится лишь одна вещь из грабительских раскопок [60, с.53, ил.72]. Датировка этих кладов варьирует в пределах I в. до н.э. – II-III вв. н.э. Географически – кроме Пиковского – они распространены вдоль течения Иртыша-Оби с юга на север.

«Клады» третьей группы, вслед за Ю.А. Плотниковым, можно обобщенно назвать «оружейными», так как большую часть их состава составляют предметы железного оружия [33, с.122-124]. К сожалению, все коллекции найдены случайно, включая Холмогорскую, и об условиях их залегания можно судить, в лучшем случае, по словам находчиков. Плотников отмечает, что «несмотря на неполноту дошедшего до нас материала и оставляющую желать лучшего чистоту комплексов, состав инвентаря кладов весьма однороден» [33, с.122]. Большую часть его составляют предметы рубяще-колющего оружия (мечи, палаши, сабли, кинжалы), наконечники копий и стрел. Кроме них во всех комплексах обнаружены бронзовые зеркала и бляхи с концентрическим орнаментом, местные зооморфные и антропоморфные изображения, часть из которых уже имеет петли для крепления или подвешивания. Датировка этих «кладов» определяется в пределах III–VIII вв. н.э. Географическое распространение: самый западный – Холмогорский, остальные сосредоточены в Томско-Нарымском Приобье (карту см.: [58, с.153]). Отметим, что все эти «клады» найдены случайно там, где проводились какие-то земляные работы: распашка (Ишимская коллекция), строительство буровой (Холмогорская) и т.д. С учетом коллекции из Горной Субботы, вероятно,

можно предположить распространение таких «кладов» по всей лесной части Западной Сибири.

Все известные на сегодня клады четвертой группы – начала II тыс. н.э. – являются ими в полной мере, без кавычек. Географическое распространение: Барсова Гора и Сайгатино в Сургутском Приобье, а также бассейн р. Сыни, озеро Шурышкарский Сор, низовья Оби вплоть до границы лесотундры и тундры. Восточнее Сургутского Приобья подобные клады не обнаружены. Разнообразие состава делает возможным их разделение по принадлежности: купеческие, личные, грабительские. На этом вопросе мы специально остановимся ниже.

Все исследователи, занимавшиеся западносибирскими кладами, ставят вопрос о «возвратности» и «невозвратности» этих комплексов, а также об их принадлежности – персонам или святилищам. Первая группа ни у кого сомнений не вызывает: их все дружно считают приношениями на святилище. С этим вполне согласен и автор настоящей работы. Клады второй группы – конца раннего железного века – начала средневековья уже вызывают разногласия. Зафиксированные следы ям или обкладки предметов более плотным грунтом [58, с.153] привели к формированию мнения о том, что эти предметы содержались в каких-то сооружениях типа амбарчиков на современных святилищах ханты, где накапливались в течение достаточно долгого времени. Собственно, все эти построения относятся только к Истяцкому кладу, т.к. остальные пока еще не вошли в литературу. Тем не менее, делается вывод об их исключительно культовом характере и невозможности использования кладов в дальнейшем [58, с.152-153]. Такая постановка вопроса представляется неверной. Клады второй группы явно прятались и упаковывались с надеждой позднейшего их извлечения и использования. Более того, определение характера Истяцкого клада и подобных ему коллекций, как культовых, базируется не в последнюю очередь на факте нанесения на привозные зеркала местных рисунков-гравировок. Подробно здесь рассматривать их нет возможности, отсылаю читателя к специальной работе автора на эту тему [48, с.88-99], но считаю необходимым отметить следующее. Утверждение об исключительно культовом характере гравировок можно отнести к всеобщему и глубокому заблуждению. Причем относительно недавнему, так как ранее В.Н. Чернецов писал: «Вопрос об этих изображениях, их *возможной семантике и назначении настолько сложен, а материал так обилен*, что рассмотреть его в пределах настоящей темы не представляется возможным» [56, с.136] (курсив мой – Н.Ф.). Т.е. ни В.Н. Чернецов, ни еще ранее А.А. Спицын не настаивали на их культовом характере, отмечая сходство с изделиями бронзовой художественной пластики, также не обязательно культовой. Определенно к культовым, или, по его выражению, «шаманским» рисункам, гравировки отнес В.Ю. Лещенко, имея в виду гравировки на средневековых серебряных блюдах из Прикамья [22, с.186]. С тех пор этот тезис сомнению не подвергался. На самом деле, гравированные рисунки встречаются не только на металле – на нем они просто лучше сохраняются – но и на кости [48, с.90-99], камне, дереве. Среди них есть знаме-

нитая нагрудная пластина от усть-полуйского парадного доспеха из китовой кости с изображением антропоморфного персонажа. Она, как и аналогичная роговая пластина из Дубровинского Борка 3 [42, с.105, табл. XXIX], уж никак не культовая. Преобладание в сюжетах на гравировках как раннего железного века, так и особенно средневековых, антропоморфных персонажей, иногда одетых в причудливые одежды с элементами зооморфности, также ни о чем не говорит. Это вполне могут быть изображения каких-то праздников, в которых принимала участие некая верхушка, скорее всего, военная – многие персонажи изображены в шлемах. Впоследствии преобладающими становятся изображения антропоморфных героев с оружием, чаще всего – с двумя клинками, что также говорит скорее о каких-то воинских обрядах, чем о «шаманских» плясках. Привозные зеркала, как показывает, в частности, известное погребение мальчика из погребения 1 могильника Барсовский III [55, с.187, рис.81-2], использовались в виде нагрудного украшения.

Особенно единодушны различные исследователи по поводу принадлежности и «невозвратности» кладов третьей группы – оружейных. Главным образом, в качестве показателя «невозвратности» оружейных кладов отмечается наличие большого количества железного оружия, которое в результате нахождения в земле может потерять свои качества. Дальнейшие рассуждения варьируются от «заместительных захоронений» (Зыков о Холмогорском комплексе: см. [13, с. 56-63]) до «потлачевидных жертв» на святилища, причем, связанных с различными культами: от культа бога-всадника Мир-Сусне-Хума до Митраистских культов [58, с.162]. Основаниями для объяснений служат, как правило, этнографические свидетельства XVIII-XIX вв. о хранении и использовании железного оружия на святилищах обских угров [33, с.125]. Явно культовый уклон в объяснении кладов вообще, и «оружейных» кладов в частности, мне представляется абсолютно не верным. Во-первых, потому, что помещение в невозвратные комплексы, будь то заместительное захоронение или приношение конкретному божеству, вывело из обращения большое количество явно дорогих и нужных вещей, в особенности, железного оружия, которое и появилось-то в массе относительно недавно. Во-вторых, принимая «культовую гипотезу», мы полностью отказываемся от очевидной необходимости прохождения определенной группой лиц воинской подготовки, особенно для владения оружием ближнего боя – мечами, палашами и т.д. Известно, что такая подготовка всегда и у всех народов занимала много времени, начинаясь буквально с «младых ногтей». И вряд ли воинские занятия могли осуществляться на поселении – естественно предположить, что для этой цели употреблялись специальные площадки, рядом с ними мог находиться «арсенал», который по тем временам вполне мог быть совмещен со святилищем или находиться рядом с ним. В-третьих, приводимые сведения авторов XVIII-XIX вв. этому предположению несколько не противоречат, т.к. нахождение своего рода казны, в том числе и оружейной, в «кумирнях» (см. цитату из Гр. Новицкого, которую приводит Ю.А. Плотников: «знамена воинских дел: шабель, панцеров

множество обретаются, но вся сия ветхая, а наипаче при кумирах, а отгуду является, что древних лет народ сей упражняшесь воинскими делы» (цит. по: [33, с. 135]), лишь подтверждает высказанное мной предположение. При раскопках Надымского Городка в 1998-2005 гг. был найден так называемый «клад оружия», представленный клинковым оружием (сабли, палаши, боевые ножи), древковым оружием ближнего боя (клевец и копье), а также боевыми топорами, втоками и фрагментами кольчуги, всего 125 предметов [16, с.154-160]. О.В. Кардаш датирует захоронение этого клада осенью-зимой 1730 г. [16, с.154] и полагает, что это местный арсенал [16]. Естественно, время его употребления и захоронения является слишком поздним для сравнения с «оружейными кладами» эпохи раннего Средневековья, но необходимо отметить следующее. Во-первых, это явно «возвратный» клад, а не жертва на святилище. Во-вторых, так же, как и в средневековых кладах, почти все предметы вооружения без рукоятей. В-третьих, они были найдены через триста лет после захоронения, но, как и средневековые, имеют достаточно приличную сохранность для того, чтобы после незначительного ремонта быть снова употребленными. О том, что постоянные тренировки будущих и настоящих воинов были делом обычным, есть приводимые для селькупов данные Г.И. Пелих: «Его с малых лет учат стрелы отбивать. Сперва тихонько пускают стрелы. Потом больше, больше. Когда он совершеннолетний станет (15-16 лет), он уже полностью все знает» [30, с.141].

Четвертую группу кладов, большинство из которых были тщательно запакованными и спрятанными комплексами, можно без сомнения считать «возвратной», т.е. спрятанной в каких-то сложных обстоятельствах, но с намерением впоследствии забрать. Об этом же свидетельствует и нахождение тех кладов, о которых сохранились более или менее достоверные данные, в местах отсутствия памятников археологии. Там же, где памятники известны (клады Барсовой Горы или Сайгатина), условия находки также не противоречат возможности использования их в будущем: даже святилище могло рассматриваться, как надежное хранилище драгоценных предметов, с которого взять их мог только хозяин.

Отметим далее, что дает нам изучение кладов для понимания происходивших в Западной Сибири, вернее в ее лесной (таежной) и – отчасти – лесотундровой полосе, процессов.

*Первая группа «кладов».* Освоение бронзолитейного дела практически не привело к изготовлению серии предметов вооружения или орудий труда (во всяком случае – массовому), сосредоточившись почти целиком на культовых отливках. О.Н. Корочкова и И.А. Спиридонов видят эту ситуацию следующим образом: «Показательно, что и в конце бронзового века в тайге (атлымская, барсовская, белоярская) из металла отливаются преимущественно мелкие изделия культового назначения (подвески, антропоморфные и орнитоморфные изображения), массивных предметов вооружения или орудий труда крайне мало, а известные – импортного происхождения. Подобная картина подтверждает концепцию становления металлоносных культур, которые не имеют перспектив для са-

мостоятельного развития в условиях главенства присваивающих форм хозяйства, при отсутствии устойчивых связей и стимулов для реципрокного обмена. Отсутствие сырьевых источников, несмотря на знакомство с новыми технологиями производства металлических предметов, обрекло таежные районы, на определенную стагнацию и положение маргинального северного соседа Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции. То есть мы фиксируем, с одной стороны, важнейшую инновацию в местных, таежных культурах эпохи раннего железного века – освоение бронзолитейного производства, с другой – это пока никоим образом не сказывается на расширении возможностей местного населения в сфере хозяйственной или социальной, оставаясь в рамках культовой практики. Но вот проходит какое-то время и на рубеже эр появляются совершенно *новые факторы*, влияющие на развитие тех же местных культур [18, с.104-105] (курсив мой – Н.Ф.).

*Вторая группа кладов* свидетельствует о совершенно других инновационных процессах. «Однако, развивавшиеся на протяжении II тыс. до н.э. разнообразные контакты подготовили почву для глубокой интеграции западносибирского таежного населения в систему евразийских связей в раннем железном веке, когда Западная Сибирь станет ключевым заказчиком и потребителем продукции металлообрабатывающих центров Урала и Алтая» [18, с. 105] (курсив мой – Н.Ф.). Эти разнообразные контакты привели, в том числе, к появлению кладов второй группы. В них обращает внимание, прежде всего, наличие импортных вещей, причем не только из регионов относительно близких – например, из западносибирской лесостепи, но и удаленных, показывающих расширение культурного пространства, появление новых контактов, в результате чего происходит не только накопление импортных вещей, но и трансляция новых идей в местную культуру, которая, тем самым, демонстрирует готовность к таким глобальным изменениям (рис.4). Нам уже приходилось писать об этом [53, в печати]. Более того, огромное количество импортов (только зеркал и их обломков в слое таежных и лесотундровых памятников зафиксировано более 200, а привозных бус – более 300, не говоря уж о медных/бронзовых котлах, количество которых нам не известно, так как большая часть их шла в переплавку), говорит не о каком-то бесконтактном обмене, но о целенаправленном формировании местного рынка, с учетом понимания местных, вдруг появившихся потребностей. А наличие подражаний импортным вещам свидетельствует о трансляции инокультурных элементов в местную среду, главным образом, в комплексы тех памятников, которые расположены «по одной реке», т.е. по Оби–Иртышу. Отметим еще, что, не смотря на территориальную близость иткульского металлургического очага, снабжавшего в 3-2 вв. до н.э. бронзовым оружием (наконечниками стрел) всю степь и лесостепь, бронзовых наконечников в кладах второй группы очень мало, а иткульских нет вообще.

*Третья группа «кладов»* демонстрирует, с одной стороны, прекращение контактов по линии север-юг, так как импорты из сарматской (саргатской)

и ближневосточной среды почти пропадают. Зато появляется в большом количестве железное оружие. Собственное бронзовое оружие по-прежнему является своего рода экзотикой, т.к. встречается в комплексах III-VIII вв. н.э. в единичном числе. Зато оружие дальнего боя (наконечники стрел) и ближнего (клинковое и наконечники копий), как уже упоминалось выше, фиксируется в массе. Очевидно, что в конце Раннего железного века – начале раннего Средневековья возникла необходимость в наличии и концентрации этого большого количества оружия. Вероятно, это может быть свидетельством достаточно резких изменений в «геополитической» обстановке, когда бывшие до сих пор относительно мирные торговые связи оказались нарушенными, и их заменила нешуточная военная угроза таежным обитателям. Об этом же может свидетельствовать очень малое количество предметов «дальнего» импорта в этих «кладах», собственно, представленного несколькими экземплярами иранских бронзовых чаш (например, чаша из васюганской коллекции). Необходимо отметить появление в составе кладов начала I тыс. н.э. либо импортов из Прикамья, либо местных изделий по Прикамским образцам, что, в отличие от южного направления связей, приведших к появлению кладов второй группы, говорит о появлении новых связей западного направления.

Ситуация с *четвертой группой кладов*, вернее с направлением торговых связей, приведших к их появлению, несколько сложнее. Так, «купеческие» клады маркируют пути продвижения торговцев с запада через Уральские горы на восток, в Приобье по рекам Сыне и Северной Сосьве. Множество кладов с примерно таким же составом, в котором обязательно присутствуют 5-7 серебряных сосудов: иранских, византийских, согдийских; шейные серебряные витые гривны, а также монетное серебро, известны и в Предуралье на территории современного Пермского края [5; 11]. В то же время, в Коми крае такие клады не обнаружены, хотя характер наполнения «булгарскими» серебряными украшениями погребальных комплексов XI – XIV вв. практически не отличается от могильников того же Сургутского Приобья [36].

Рассматривая направления торговых связей, в результате которых в Западной Сибири появились клады четвертой группы, нужно понимать, что любые торговые пути – и древние, и средневековые – не являются торным путем, по которому движется постоянный поток купеческих караванов. «Шелковый путь как некая «дорога», собственно, не был никакой «дорогой», а представлял собой отрезки маршрутов, ничем не обозначенную тропу, пролегающую через громадные просторы пустынь и горных массивов» пишет в своей книге о Великом шелковом пути Валери Хансен [54, с.19]. Эти пути, скорее, представляют собой систему тайных дорог, троп, волоков, возможно, неких торговых или других мест встреч. Тайных потому, что крайне выгодная торговля по схеме «серебро за меха» (формулировка Б.И. Маршака) подразумевала острую конкурентную борьбу, зафиксированную в письменных арабоязычных источниках в виде средневековых «страшилок» про дикие края, где полгода стоит ночь, где купец не видит

тех, с кем обменивается товаром, и даже не знает, люди они или духи (подробно об этом см: [46, с. 91-101]). Кстати, меха были хоть и самым желанным товаром Севера, но отнюдь не единственным. Обычно упоминается «слоновая кость» (вероятно, мамонтовые бивни и моржовые клыки), ал-Гарнати пишет о неких рабах, возможно, уже в Средневековье вывозили ловчих птиц – соколов [49, с.171-172]. Ввоз различных товаров, наиболее значимыми среди которых были серебряная посуда и украшения, показывает и разные пути, по которым все это богатство шло на север Западной Сибири, и разные источники поступления «восточного» серебра. Несколько расширяя источниковую базу настоящей статьи, упомянем несколько групп привозной серебряной и бронзовой посуды и сопутствующих им серебряных украшений. Самой ранней группой импортной посуды в эпоху Средневековья были иранские бронзовые чаши сферической формы с орнаментом, нанесенным циркульным инструментом. Одна из них зафиксирована в составе Васюганского клада [27, с.227-231], самая поздняя – в составе одного из кладов с Барсовой Горы, который датирован по комплексу предметов временем около XI-XII вв. н.э. [44, с.148-152]. Подобные чаши в Западной Сибири распространены очень широко: от Ямальского и Гыданского полуостровов до Томского и Нарымского Приобья, всего их к настоящему времени известно более 20, считая и фрагменты, которые часто клались в погребения. Не меньший, а скорее больший массив таких чаш обнаружен в Среднем Поволжье и Прикамье. Общая дата их – VIII-XI вв. н.э. Специально исследовавший чаши К.А. Руденко разделил их на две группы – чаши VII-IX вв., и чаши X-XI вв. [34, с.85]. Он предполагает, что чаши ранней группы – неорнаментированные – появились в Западной Сибири и в Поволжско-Прикамском регионе благодаря тюрско-хазарскому импульсу [34, с.93]. «Можно наметить три этнокультурные линии, характерные для этого периода (VIII-XI вв. – *Н.Ф.*), – тюркскую (отчасти тюрко-угорскую) принесшую ...серию металлических чаш VII-VIII вв. в Зауралье» [34]. Собственно, кроме Васюганской чаши и чаши из могильника Релка, неорнаментированных чаш более не известно. Более массовы и более, соответственно, значимы для рассматриваемой темы чаши, орнаментированные с помощью циркульного инструмента (или, правильнее, с помощью вращающегося инструмента с характерными следами входа и выхода – *Н.Ф.*), группа которых начинает, по мнению К.А. Руденко, формироваться в конце IX в. [34]. Подобные чаши хорошо известны, и обычно атрибутируются как изделия иранских или восточно-иранских мастеров IX-X вв. [64, р.15-16; 65, р.123]. Учитывая, во-первых, большое количество сферических бронзовых иранских чаш IX-X вв. в Поволжско-Прикамском регионе, а также сформировавшееся еще в первых веках н.э. новое направление культурных связей с Прикамьем, не будет ошибкой предположить, что и чаши эти завозили в Западную Сибирь из-за Урала, тем более, что и дальнейшее изучение импортов приводит к такому же заключению. А торговые операции охватили почти всю лесную и тундровую зоны Западной Сибири, чему,

по-видимому, способствовало образованию государства Волжская Болгария и его ориентация на исламский мир.

Следующий корпус находок серебряной посуды – ранневизантийские блюда и ковш, датированные временем V-VIII вв. [14, с.99, 100, 102, 108]. За Уралом ранневизантийская серебряная посуда не известна, за исключением блюда из Горной Субботы [63, с.24], хотя быть уверенным в том, что это действительно находка с этого памятника невозможно, так как все находки с него, в том числе, и несколько иранских сферических чаш, происходят из грабительских раскопок [63]. Поэтому и строить предположения о том, как и через кого эта вещь попала в Сибирь, мы не будем.

Группа импортов, почти никак не отраженная вкладах – это венгеро-уральская торевтика, специально рассмотренная автором в других работах [47, с.141-142]. Собственно, здесь она упоминается по двум причинам. Во-первых, по моему предположению, появление пяти серебряных сосудов, на четырех из которых изображены всадники, не связано с торговлей, но с переселением венгерских племен с территории Великой Венгрии в западную часть Приобья [47]. Во-вторых, по-видимому, именно с этой группой переселенцев связана единственная находка сасанидского блюда с изображением охоты сасанидского царя царей Ездигерда I, датированного V в. н.э., но с нанесенной арабской надписью почерком IX-X в., обнаруженного за Уралом (клад с сасанидским блюдом, см. выше). То есть датировка надписи совпадает с датировкой венгеро-уральской группы серебра. Здесь важно отметить, что схема «наличие импорта – результат торговли» не всегда соответствует реальным событиям.

Согдийское и иранское серебро, датированное временем с VIII по XI вв. более или менее точно локализовано (тогда, когда место находки известно хотя бы приблизительно) в бассейнах р.р. Северная Сосьва – Сыня, то есть на западе Приобского региона. Этот вопрос подробно разбирается во введении к каталогу «Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья» [37, с.13-14]. В том числе, серебряные сосуды согдийского и иранского происхождения зафиксированы вкладах Ямгортском, кладе с ритонном, Сынском. В последнем, кстати, сочетаются сосуды согдийские и иранские с куфическими надписями. Возможно, что такая приуроченность к определенному району зависела от направления торговых путей с запада на восток через Урал, что подтверждает и явно «купеческий» характер Сынского клада. Почему из всей массы этой группы серебра, а их известно около 25, если не больше, почти все «осели» в этом районе – не вполне понятно. Известна лишь одна вещь, вернее, ее фрагмент, обнаруженный в кладе 1977 г. с Барсовой Горы – ножка от серебряного сосуда в виде полуфигурки сфинкса [44, с.148-152].

Прежде, чем я попытаюсь предложить свою гипотезу концентрации отдельных групп импортных сосудов в определенных районах Западной Сибири, рассмотрим еще две группы: западноевропейское и византийское серебро; серебро золотоордынского времени. Коллекция византийской серебряной посуды,

обнаруженная в пределах современного Ямало-Ненецкого автономного округа – уникальна, она составляет четыре сосуда, при том, что за его пределами известно всего три: чаша из Тарту, чаша из Чернигова и Вильгортская чаша. Точное место находки зафиксировано только для чаш из состава кладов из поселка Лопхари и с Барсовой Горы, остальные два – чаша из Березова (с русской надписью) и крышка с Тазовского полуострова – не имеют точной легенды, В.П. Даркевич сообщает лишь, что чаша из Березова найдена «вблизи поселка», а Тазовская – на берегу р. Средняя Ходута на Тазовском полуострове [10, с.81, 103]. Все сосуды датируются концом XII – XIII вв. [10, с.14-127; 45, с.183-193], их происхождение связывается с Византией [19 с.149-161] либо с ее провинциями в Месопотамии [25; 26, с.21-40, 140]. В 2006 г. в районе поселка Барсово (Барсова Гора) случайно найден серебряный кувшин, который К.Г. Карачаров атрибутировал как византийский, причем работы мастеров Константинополя [15, с.56-91]. На кувшине имеется арабоязычная надпись. К.Г.Карачаров, отмечая находку фрагмента еще одного, очевидно, византийского сосуда, в погребении Сайгатинского 6 могильника, датированном X-XI вв., относит к этому же времени и кувшин [15, с.90]. Если датировка верна – мы имеем наиболее ранние произведения торевтов византийского круга, точно найденные в Западной Сибири.

В кладе из п. Лопхари византийская (или провинциально-византийская) чаша дополнена четырьмя серебряными сосудами западноевропейской работы (рис.6) три из которых атрибутированы М. Крыжановской как произведения мастеров Северной Европы, и датированы второй половиной XII – началом XIII вв. [20, с.165-197]. Четвертая чаша передана в Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс недавно, около 2008 г. Передавшая ее жительница поселка Лопхари утверждает, что она происходит из комплекса того же клада. В Эрмитаже хранятся еще три аналогичных сосуда из случайных находок XIX века. М. Крыжановская делает важный для нашей темы вывод: «Такая техника (речь идет об орнаментации одного из сосудов – *Н.Ф.*) не встречается в ювелирном искусстве основных школ Западной Европы. И ее присутствие на всех памятниках, связанных с торговыми путями «Северная Европа – Сибирь», говорит о том, что они сделаны были где-то в одном месте» [20, с.182]. Б.И. Маршак добавляет: «Вероятно, в конце XII в. после разгрома новгородцев в 1093 г. и в первой половине XIII в., существовал морской путь вокруг Норвегии» [25,с.25]. В свое время автором предложена гипотеза о завозе всего комплекса Лопхаринского клада «на одном корабле» с севера Западной Европы [46, с.98-100].

Добавим еще немного к «геополитическим сюжетам», чтобы показать, как на нашей окраине, вроде бы далекой от центров цивилизаций, отзываются важнейшие события Средневековья. А именно – взятие Константинополя латинскими крестоносцами в 1204 г. «Крестоносные варвары не щадили ни церквей, ни дворцов...Часть литургической утвари все же была вывезена на Запад...Расхищение художественных ценностей Константинополя продолжалось и

при правителях Латинской империи – вплоть до середины XIII в.» [10, с.8]. Нет ничего удивительного, что какая-то часть награбленного, дополненная западно-европейскими сосудами, оказалась на севере Западной Сибири.

Последняя группа импортных серебряных сосудов – золотоордынское серебро – имеет еще более узкую пространственную локализацию. Коллекция из Сайгатино насчитывает шесть изделий: три из погребений и три из святилища. Известна еще одна чаша из Сургутского р-на. За пределами Сургутского Приобья, ни в Нижнем, ни в Среднем не найдено ни одного предмета золотоордынской тореvтики, хотя серебряные изделия XIII–XIV вв. и более раннего времени там не редкость [37, с.33–34, 42–51, 70–71]. Все остальные известные, как сибирские, золотоордынские сосуды обнаружены на юге Западной Сибири, в лесостепной зоне – в Тарском округе Тобольской губернии, или «на Иртыше» (территория улуса Шабана) [35, с.33, карта]. Очевидно, что уровень общения различных группировок ордынской знати внутри лесостепной или степной зоны был намного выше, чем с таковыми таежной зоны, к которой относится Сургутское Приобье, никогда, кстати, не входившее в состав империи чингизидов. Иными словами, серебряные сосуды попадали на Север в результате других процессов, чем при проникновении на территории, расположенные южнее, иными путями.

Для поиска путей попадания «сайгатинской группы» вещей в Западную Сибирь, вернее на территорию Сургутского Приобья, важным представляются находки, отчасти маркирующие этот путь, в виде чаш аналогичных Сургутским из Пермского края (пермская чаша, губдорская поясная чаша и кружка из Камгорта), а также чаша из Ивдельского р-на (север Свердловской обл.). Эти находки обрисовывают путь, по которому с территории Булгарского улуса Золотой Орды везли драгоценную посуду на территорию Сургутского Приобья. Возможно, концентрация большого количества серебряных сосудов, относящихся примерно к одному периоду, в районе урочища Сайгатино указывает на одновременность их завоза.

Возвращаясь к сюжетам внутренней истории региона, рассмотрим описанную концентрацию серебряной посуды Ирана, Средней Азии, Западной Европы и Византии во вполне определенных районах Приобья. Напомню – около 25 сосудов из Ирана и Согда, 7 сосудов европейского и византийского круга сосредоточены в пределах течения рр. Северная Сосьва–Сыня Березовского и Шурышкарского районов ХМАО и ЯНАО, и на Барсовой Горе близ г. Сургута. В.П. Даркевич, исследуя импорты, четко разделяет их на массовый импорт (монетное серебро, бусы) и импорт предметов роскоши, в том числе серебряную посуду, которые попадали в Восточную Европу (возможно, и Западную Сибирь – *Н.Ф.*) в качестве посольских даров [11, с.143]. Учитывая немалую стоимость серебряных сосудов и сложность их транспортировки, можно предположить, что часть из них являлись именно дарами местной знати для обеспечения режима наибольшего благоприятствования приезжим торговцам в определенных райо-

нах севера Западной Сибири. Необходимо учитывать, что все эти драгоценные товары оседали именно на западе территории, исключением является пока только Сургутское Приобье. К востоку от него ничего подобного не обнаружено. К сожалению, мы ничего не знаем о том, какие предгосударственные образования, обычно называемые княжествами, существовали в указанных районах в X – начале XIII вв. Письменные источники касаются лишь XV-XVI вв. – времени непосредственно перед вхождением этих княжеств в состав Московского государства. «В начальный период российской колонизации бассейн р. Сыня его население входило в состав Куноватско-Ляпинского княжества... Судя по документам, власть Лугуя (Куноватско-Ляпинского князя – *Н.Ф.*) распространялась на низовья Северной Сосьвы, прилегающую часть Приобья и Куноват. ...Ляпинское княжество было одним из сильнейших в низовьях Оби и представляло серьезную военную угрозу для своих северных и южных соседей» – пишет Е.В. Перевалова [39, с.68]. Мы не можем распространять сведения, относящиеся к XV-XVI вв., на более ранние периоды, которые маркируются драгоценной импортной посудой, но предположить, что некие подобные структуры существовали и раньше известных по письменным источникам княжеств, представляется вполне правомерным. Этому, кстати, не противоречат и археологические памятники указанного района, правда, к сожалению, малоизученные, за исключением выявленных памятников р. Сыни и исследованных раскопками памятников Сургутского Приобья – Барсовой Горы и Сайгатина. Последние ассоциируются со структурой Бардакова княжества, известного по более поздним письменным источникам. На Сыне же нашими разведками обнаружено несколько памятников – городищ (городков) – с явно избыточной системой оборонительных сооружений при сравнительно небольшой жилой площадке – городище Вытвожгорт (высота мыса над уровнем берега 10 м, 3 линии обороны), городища Несъеган 1 и 2 (высота 10-15 м, 2-3 линии обороны), городище Лесмиеган 2 (высота над уровнем поймы 18 м). Все они относятся к позднему Средневековью [39, с.8-14]. Вполне возможно, что именно наличие позднесредневековых городищ-городков, являющихся местом проживания местной элиты, как раз способствовало концентрации «посольских даров» в этом районе.

Отдельно в рамках четвертой группы кладов, необходимо рассмотреть те из них, которые условно названы «грабительскими захоронками»: два Лонготъеганских клада, клад с острова Новенький, Тазовский клад. Их прятали в таких местах, где вряд ли вообще возможно расположение поселений или святилищ: на болотистых пойменных островах (остров Новенький на р. Обь), в предгорной тундре (оба Лонготъеганских клада). Общим для их состава является обилие мелких украшений и принадлежностей костюма, в том числе и привозных, отсутствие импортной посуды, иногда (клад с острова Новенький) – нахождение разновременных вещей в одном комплексе. Состав и места захоронения кладов заставляют предположить, что они являются результатом ограбления кочевниками тундры кладбищ или святилищ в северотаежной зоне. По основному ком-

плексу находок все они датируются, как и вся четвертая группа кладов, началом II тыс. н.э. По нашим предположениям, подкрепленным анализом как памятников археологии, так и многочисленных косвенных данных, в это время тундровое население окончательно перешло к оленеводству кочевого типа [9, с.228-239]. Е.В. Перевалова так комментирует ситуацию угорско-самодийского противостояния: «У тех и других главной функцией вождя оказывается война и защита городков (у угров) и кочевий (у ненцев)...В традициях лидерства уграм более свойственна элитарность, ненцам – эгалитарность, уграм – устойчивость, ненцам – мобильность, обеспечивающая быстрое выдвижение вождей-воинов в условиях военного конфликта – тем самым мобильность кочевников включает и механизм мобилизации власти» [31, с.23]. Эта мобильность включала в себя и грабеж могильников оседлого (угорского) населения, что выразилось в появлении кладов-захоронок по границе лесотундры и южной тундры.

**Заключение.** В результате анализа размещения, состава, датировок западно-сибирских кладов раннего железного века – Средневековья очевидны следующие *факты*: в раннем железном веке кладов в полном смысле слова нет, те комплексы, которые получили название кладов, скорее всего, являются приношениями на святилища, т.к. состоят из предметов культового бронзового литья. Они распространены по всей территории таежного Приобья. Упакованные в металлические или иные сосуды клады второй группы, спрятанные в местах, где нет памятников археологии, в составе которых появляются предметы дальнего импорта, датируются временем I-II вв. до н.э. – I-II вв. н.э. Географически они фиксируются вдоль Оби – Иртыша, от северного Полярного круга до границы с лесостепью. Клады третьей группы, или т.н. «оружейные клады», появляются в раннем средневековье, самая яркая черта их состава – большое количество железного боевого оружия, в них почти нет дальних импортов. Следов преднамеренной упаковки пока не зафиксировано. Распространены они, практически, на всей лесной части Приобья. Четвертая группа кладов появляется в начале II тыс. н.э. Все комплексы специально упакованы, в их составе преобладают импортные вещи из стран мировых цивилизаций и Предуралья.

Все остальное представляет собой более или менее обоснованные авторские *гипотезы*. Отдавая себе в этом полный отчет, тем не менее, рискну их подытожить. Проблема возвратности или не возвратности кладов, на мой взгляд, как раз определяется легко, исходя из их состава и способа захоронения. Для кладов второй, третьей и четвертой групп выше все это было обосновано. Сложнее обстоит дело с определением, пусть даже гипотетичным, принадлежности этих кладов представителям определенных профессий или социального слоя. Клады второй группы, все-таки, скорее всего, связаны с походами военноторгового характера, в которых могли участвовать как западносибирское население (вернее, его вполне определенная прослойка), так и люди иной культуры – лесостепных или даже степных регионов. В любом случае, они показывают установление достаточно дальних и прочных торговых связей, приведших не

только к появлению импортов, но и к изготовлению местных подражаний различного уровня, что демонстрирует уже совершенно другой уровень взаимодействия столь разных, казалось бы, культур. Очевидно, что все эти клады в той или иной степени дают возможность предполагать серьезные изменения в местном обществе: усложнение его структуры, участие, пусть даже опосредованное в общемировых процессах, главным образом в трансконтинентальной торговле.

И последнее. До начала 70-х годов XX в. пальму первенства по количеству кладов, правда, преимущественно, средневековых, держало Прикамье. К концу XX в. выяснилось, что на территории лесного Приобья их найдено если не столько же, то все же количество вполне сопоставимо. То, что происходит сейчас, может свести на нет все наши рассуждения и построения, так как с начала XXI в. основные находки делаются «черными копателями», извлекающими все новые и новые клады с помощью металлодетектора. Далеко не все они становятся хотя бы известными науке, и даже те, которые так или иначе «засвечиваются» на кладоискательских сайтах, не дают уверенности ни в их точном местонахождении, ни в наличии/отсутствии специальной упаковки, и даже – полного состава их. Таким образом, столь важный источник для реконструкции истории территории в древности и средневековье безвозвратно утрачивается. Выхода из этой ситуации пока нет (см. [63, с.10-21]).

#### Библиографический список

1. Бауло А.В. Культурная атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2002. – 91 с.
2. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2011. – 258 с.
3. Бауло А.В. «Старик священного города»: иконография божества в облике медведя по археологическим и этнографическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – №2 (44). – С.118-128.
4. Бауло А.В., Маршак Б.И. Серебряный ритон из хантыйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №3 (7). – С.133-141
5. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
6. Бельтикова Г.В. Кулайский клад с Барсовой Горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С.203-206
7. Борзунов В.А. Уникальный кулайский клад с Барсовой Горы: сравнительный анализ и хронология // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: ТомГУ, 2016. – Вып.14. – С.67-143.
8. Борзунов В.А., Стефанов В.И. Уникальный кулайский клад с Барсовой Горы // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск–Ханты-Мансийск: ТомГУ, 2016. – Вып.14. – С. 32-66.

9. Гусев Ан. В., Плеханов А.В., Федорова Н.В. Оленеводство на Севере Западной Сибири: ранний железный век – Средневековье // Археология Арктики. – Калининград: «РОС-ДООАФК», 2016. – Вып. 3. – С.228-239.
10. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X-XIII века. – М.: «Искусство», 1975. – 350 с.
11. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 198 с.
12. Ермолаев А. Ишимская коллекция. – Красноярск: тип. б. М.И. Абалакова. – 19 с., 8 табл.
13. Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV веков. – Екатеринбург: «Сократ», 2001. – 176 с.
14. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. – М.: «Советский художник», 1977. – 192 с.
15. Карачаров К.Г. Византийский кувшин из окрестностей Сургута // Барсова Гора. Древности таежного Приобья. – Екатеринбург-Сургут: «Уральское издательство», 2008. – С.56-91.
16. Кардаш О.В. Надымский Городок в конце XVI – первой половине XVIII веков. История и материальная культура. – Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.
17. Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 251 с.
18. Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира // Уральский исторический вестник. – 2015. – №3 (48). – С.96-107.
19. Крамаровский М.Г. Чаша со сценой полета Александра на грифонах // Сокровища Приобья, каталог выставки. – СПб.: Формика, 1996. – С.149-161.
20. Крыжановская М. Крышка чаши с изображением птиц и монстров // Сокровища Приобья, каталог выставки. – СПб.: Формика, 1996. – С.182.
21. Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. (по находкам художественной утвари) /Автореф. канд. Дисс. – Л., 1971. – 22 с.
22. Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // В.П. Даркевич. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – С. 176-188.
23. Лыткин Н.А. Археологический отдел Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1890. – 17 с.

24. Макаров Н.А., Чеснокова Н. Н. Лонготь-Еганский клад XII-XIII вв. (Полярный Урал) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар: СыктГУ, 1994. – С. 24-30
25. Маршак Б.И. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья, каталог выставки. – СПб.: Формика, 1996. – С. 6-44.
26. Маршак Б.И. Чаша с пиром императрицы. Крышка чаши // Сокровища Приобья, каталог выставки. – СПб.: Формика, 1996. – С.142-148.
27. Могильников В.А. Васюганский клад // СА. –1964. – №2. – С.227-231.
28. Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. – 1968. – №1. – С. 263-268
29. Могильников В.А. Находки из села Пиковка // СА. – 1969. – №3. – С.254-259
30. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, СО, 1981. – 175 с.
31. Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть/ Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2017. – 45 с.
32. Питулько В.В., Шестопалов М.М. Новые находки на Полярном Урале // КСИА ИА РАН. – М.: Наука, 1990. – Вып. 200. – С.72-76.
33. Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С.120-155.
34. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII-XIV вв. – Казань: «Репер», 2000. – 155 с.
35. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. – Т. II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.
36. Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. – Л.: ЛГУ, 1987. – 200 с.
37. Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. – Салехард–Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2003. – 96 с.
38. Старков В.Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С.208-219
39. Сынские ханты / Кол. мон. Ред. А.В. Бауло. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2005. – 351 с.
40. Сыркина И.А. О бронзовых пластинах Истяцкого и Сузгунского кладов // СА. – 1973. – №4. – С.255-260.
41. Сыркина И.А. Клад с городища Лорвож (XII в.) // СА. –1983. – №4. – С.182-198.
42. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука. СО, 1979. – 125 с.
43. Угорское наследие. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 158 с.

44. Федорова Н.В. Новый клад эпохи средневековья с Барсовой Горы // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, СО, 1987. – С.148-152
45. Федорова Н.В. Два серебряных сосуда из района г. Сургута // СА. – 1982, № 1. – С.183-194.
46. Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – 4 (12). – С.91-101.
47. Федорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия из уральских коллекций // Труды КАЭЭ. – Пермь: ПГПУ, 2003. – Вып. III. – С.138-154.
48. Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения Севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – 1(57). – С.90-99.
49. Федорова Н.В. Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольниковым (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья) // Археология Арктики. – Екатеринбург: «Деловая пресса», 2014. – Вып. 2. – С.162-139.
50. Федорова Н.В. Северный широтный ход в XI-XV вв.: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. – 2015. – №2 (47). – С.73-82.
51. Федорова Н.В., Гусев Ан. В., Подосенова Ю.А. Горнокнязевский клад. – Калининград: «РОС-ДООАФК», 2016. – 80 с.
52. Федорова Н.В., Сотруева Е.И. Клад с острова Новенького (коллекция братьев Э. и Ю. Тохма) // История Ямала: взгляд из музейных хранилищ. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2010. – С.45-54.
53. Федорова Н.В., Гусев Ан. В. Западносибирский Север и культурные миры Евразии на рубеже эр: проблемы взаимодействия (Вестник Санкт-Петербургского университета, в печати).
54. Хансен В. Великий шелковый путь. Торговые маршруты через Среднюю Азию. – М.: «Центрполиграф», 2014. – 477 с.
55. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут-Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.
56. Чернецов В.Н. Бронза устьеполуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – М.: Наука, 1953. – С.121-178.
57. Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. – Томск: ТомГУ, 1990. – Т. 1. – 339 с.
58. Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. – Томск: ТомГУ, 1990. – С.152-162
59. Ширин Ю.В. Мурлинский «клад» – состав находок и их аналогии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск-Ханты-Мансийск: ТомГУ, 2014. – Вып.12. – С.95-110.

60. Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск-Ханты-Мансийск: ТомГУ, 2010. – Вып.8. – С.21-62.
61. Шульга П.И., Оборин Ю.В. Бронзовые диски из Казымского клада и восточные зеркала-погремушки // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск-Ханты-Мансийск: ТомГУ, 2017. – Вып. 15. – С.84-123.
62. Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. – Томск: ТомГУ, 2001. – 274 с.
63. Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск-Ханты-Мансийск: ТомГУ, 2011. – Вып.9. – С.10-81
64. Ettinghausen R. The “wade cup” in the Cleveland Museum of Art, its origin and decoration // *Ars Orientalis*. –1957. – V.II. – P.331-341.
65. Melikian-Shirvani A.S. The white bronzes of early Islamic Iran // *Metropolitan Museum Journal*. – 1974. – V.9. – P.123-151.

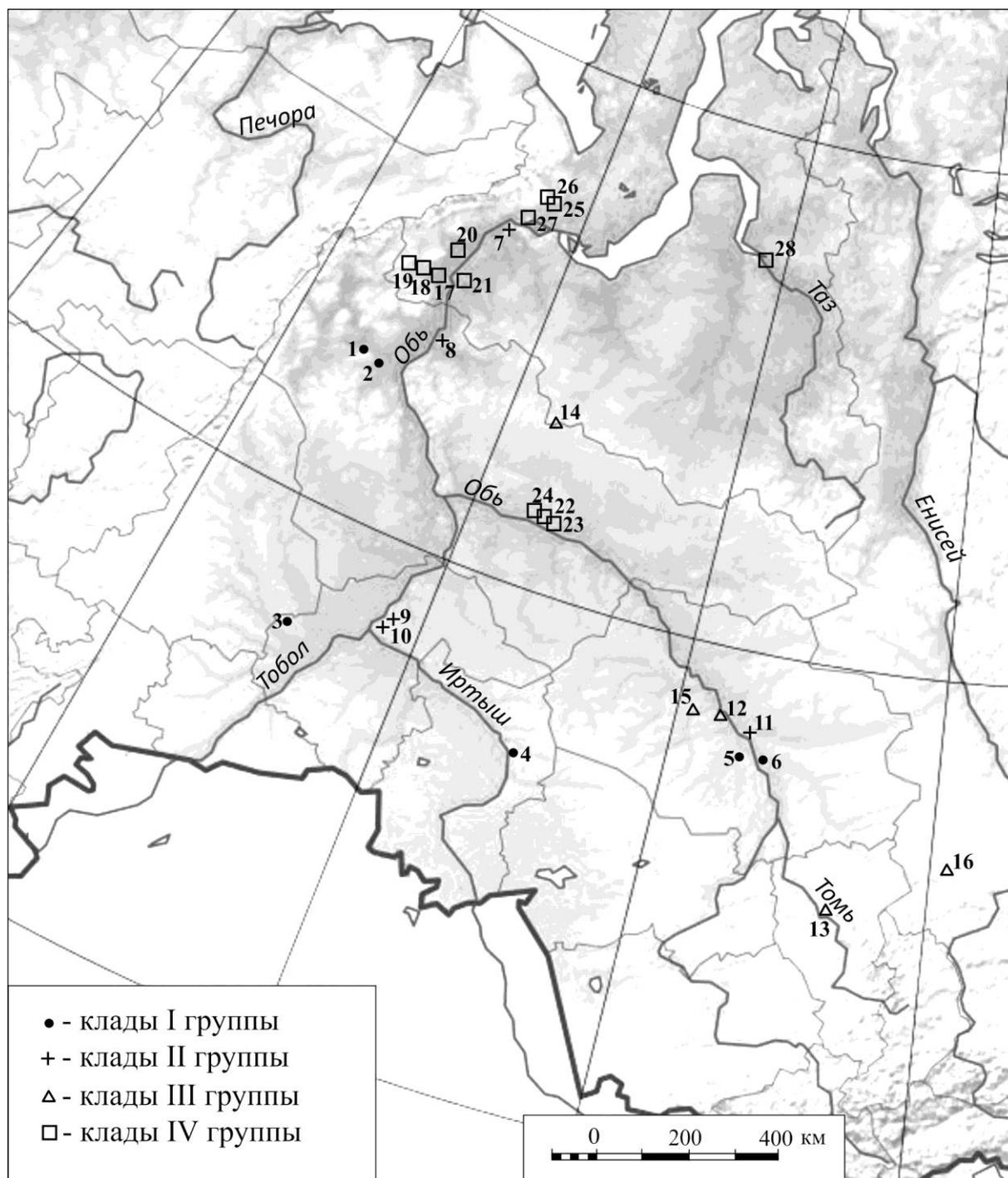


Рис.1. Карта Западной Сибири с указанием мест находок кладов всех типов:

- I группа: 1 – святилище Йипыг-Ойки; 2 – клад с городища Ус-Нел; 3 – Лозьвинский клад; 4 – Мурлинский клад; 5 – клад с горы Кулайки; 6 – находки с Саровского жертвенного места
- II группа: 7 – Горно князевский клад; 8 – Казымский клад; 9 – Сузгунский клад; 10 – Истяцкий клад; 11 – Поковские находки;
- III группа: 12 – Парабельская коллекция; 13 – Елыкаевская коллекция; 14 – Холмогорская коллекция; 15 – Васюганский клад; 16 – Ишимская коллекция;
- IV группа: 17 – Ямгортский клад; 18 – клад с сасанидским блюдом; 19 – Сынский клад; 20 – клад с городища Лор-вож; 21 – клад из Лопхарей; 22 – клад с городища Барсов Городок 1/31; 23 – клад с Барсовой Горы; 24 – Сайгатинское святилище;
- IVa группа: 25 – Лонготюганский I; 26 – Лонготюганский II; 27 – клад с о-ва Новенький; 28 – Тазовский клад



Рис.2. Антропоморфные изображения, типичные для кладов первой группы (по [2, кат. 9-22])

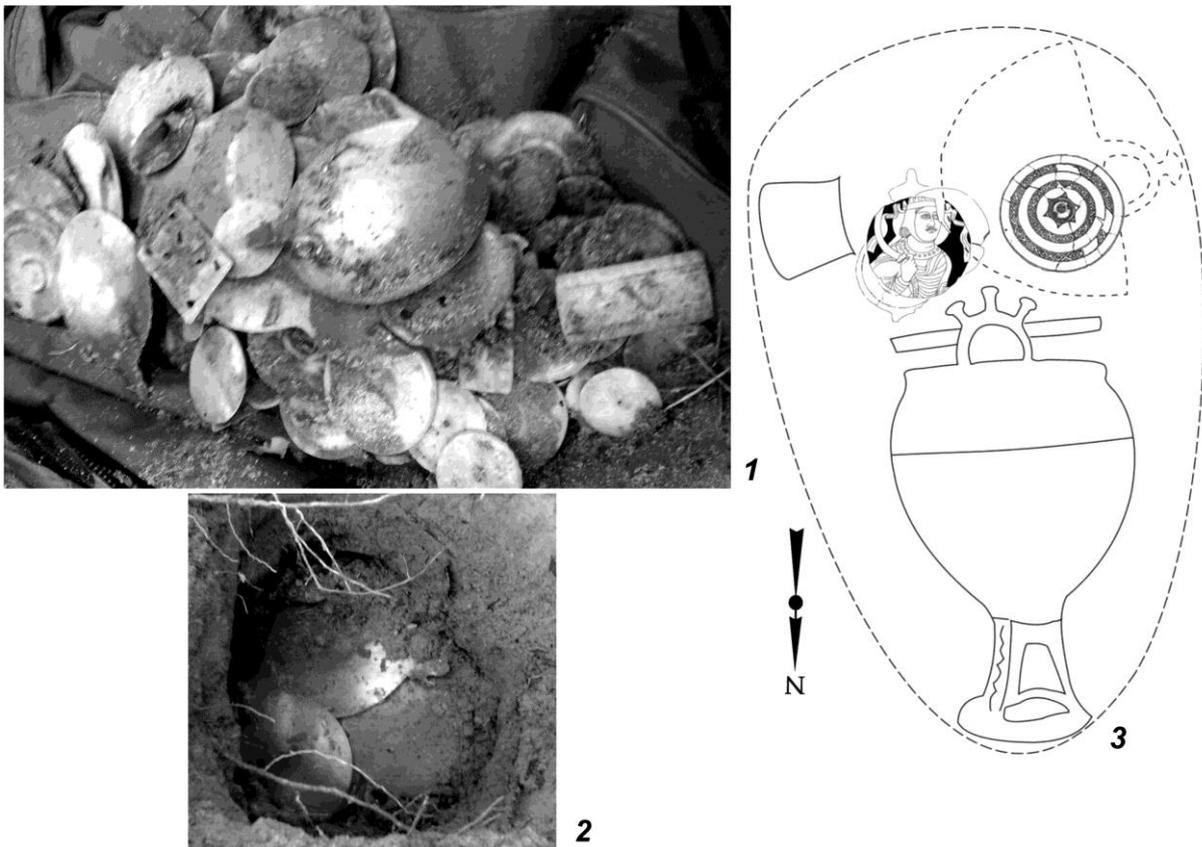


Рис.3. Варианты захоронения кладов: 1-2 – Казымский клад (фото находчиков); 3 – Горнокнязевский клад (реконструкция залегания вещей со слов находчика)



Рис.4. Импортные изделия и подражания им из кладов второй группы: 1-5 – Казымский клад; 6 – медальон из Колпашевского музея; 7 – сланцевая модель из Усть-Полюя

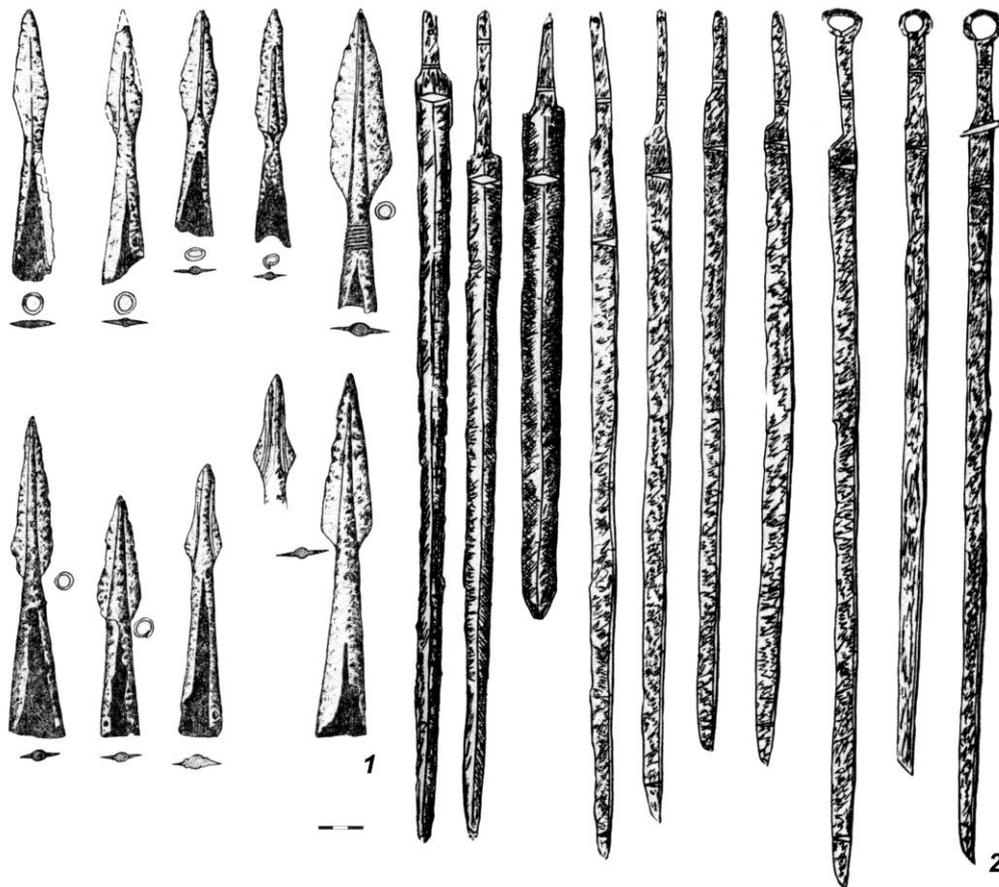


Рис.5. Изделия из кладов третьей группы: 1 – железные наконечники копий; 2 – мечи и палаши (по: Чиндина, 1984, рис. 32-33)

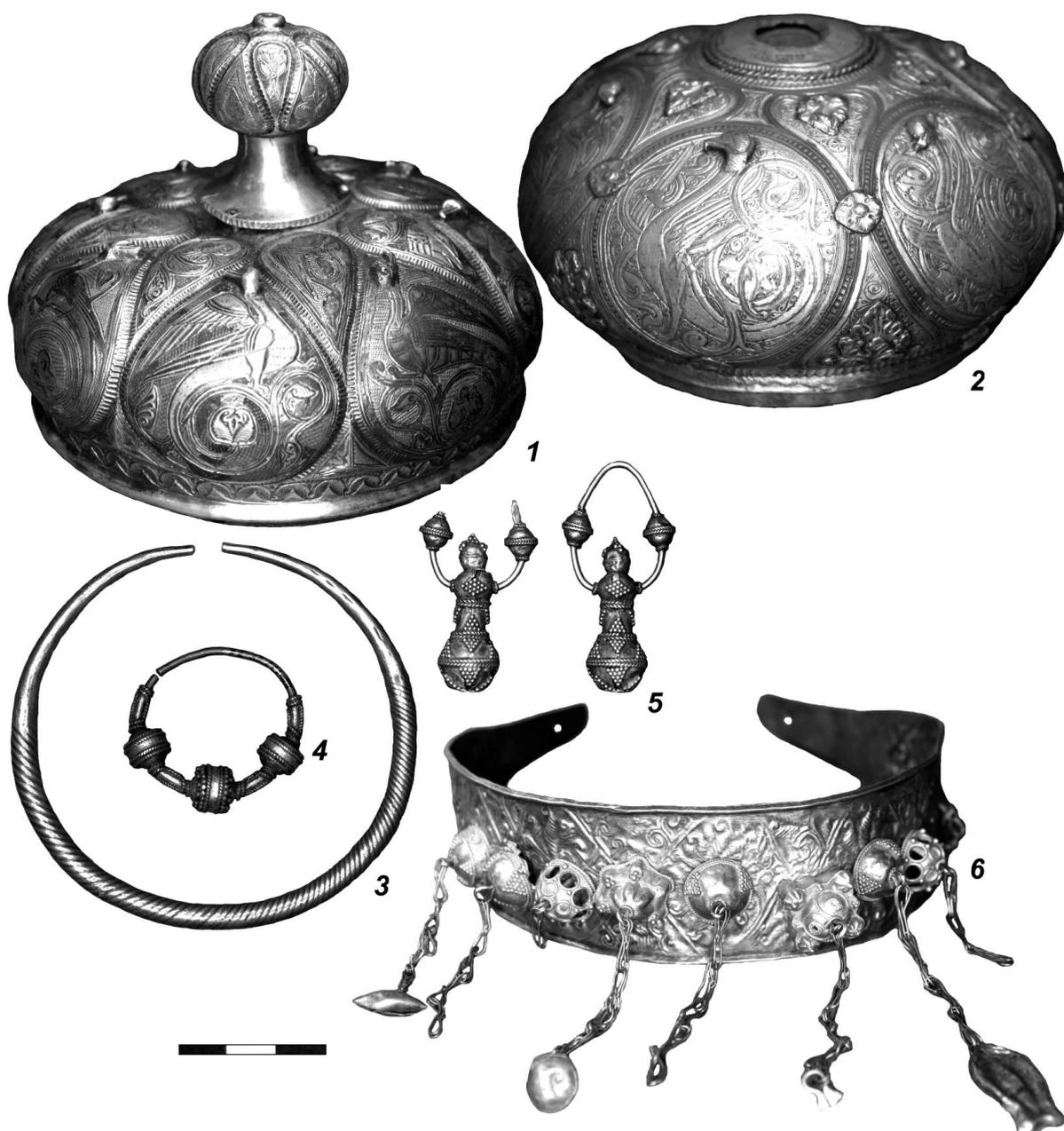


Рис.6. Импортные изделия из кладов 4 группы: 1-2 – крышки чаш; 4 – гривна;  
4-5 – височные подвески; 6 – очелье  
(все – из фондов ЯНОМВК им. И.С.Шемановского)

УДК 903.052+ 903.2

**А.Ф. Мельничук\*, А.В. Голдобин\*\*, М.Л. Перескоков\*, А.А. Ракшин\*\*\*****РЕДКИЕ ОБРАЗЫ СДВОЕННЫХ СУЩЕСТВ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В ЛОМОВАТОВСКО-НЕВОЛИНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ**

\*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

\*\*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

\*\*\*ООО «Наладочная компания «Энергия», Пермь, РФ

*В статье анализируется серия оригинальных изделий виде образов сдвоенных существ пермского звериного стиля, распространенных на территории ломоватовской и неволинской культур Среднего Приуралья. Рассматривается иконография образов и их интерпретация.*

*Ключевые слова: пермский звериный стиль, образ ящера, образ лося, иконография.*

**A.F. Melnichuk,\* A.V. Goldobin,\*\* M.L. Pereskokov,\* A.A. Rakshin\*\*\*****RARE IMAGES OF THE TWIN BEINGS OF THE PERM ANIMAL STYLE IN LOMOVATOVO-NEVOLINO ANTIQUITIES OF THE MIDDLE URALS**

\*Perm state national research University, Perm, RF

\*\* Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, RF

\*\*\* "Adjustment company "Energia", Perm, RF

*The article analyzes a series of original products of images of dual creatures of the Permian animal style, common in the territory of lomovatovo and nevolino cultures of the Perm Urals. Iconography of images and their interpretation are considered.*

*Keywords: Perm animal style, the image of the lizard, the image of an elk, iconography.*

При работе с археологическими материалами в фондах Ильинского краеведческого музея Пермского края, мы обратили внимание на типологически и сюжетно устойчивую группу предметов пермского звериного стиля (5 целых экземпляров и 1 обломок), которые представляли собой медно-бронзовые бляшки с образами сдвоенных или спаренных существ. Первоначально нам представлялось, что на бляшках изображены два ящера, из которых крупный стоит на более мелком [13, с.185, рис.4–7]. Эти предметы в сводном каталоге изделий пермского звериного стиля из собрания Пермского краеведческого музея описываются Н.В. Кулябиной как прорезные плоские односторонние накладки «в виде двух фантастических животных в профиль: одно стоит на спине другого. Оба животных – ящеры. У них длинные вытянутые морды с приоткрытой пастью, глаза выделены углублённым контуром, длинные туловища, лапы короткие, широкие хвосты сливаются. У верхнего ящера – спина дуговидная, у нижнего – прямая» [17, с.58, 59, 193, рис.74]. Рассмотрим географию распространения этих образов звериного стиля на территории Пермского края.

1. Первая и единственная находка подобного предмета в Пермском крае, опубликованная до 1980-х гг. (рис. 1/8), трактовалась А.А. Спицыным в виде образов лесных животных в борьбе [31, с.34, 68]. Она найдена в конце XIX в. в окрестностях д. Грудята (поле Ракитиных) Ильинского р-на (берег р. Ломоватовки, лев. притока р. Гаревой, прав. притока р. Камы) и поступила в коллекцию Теплоуховых. Размеры 15 x 35 мм [17, с.58, 59, 193, рис. 74].

2–10. На селище Назарово I (Ильинский р-н, прав. берег р. Обвы, прав. приток р. Камы) близ известного одноимённого городища ломоватовской культуры было найдено 9 аналогичных предметов (рис.1/1-7), которые обнаружены совместно с другими изделиями пермского звериного стиля и большим количеством поясной гарнитуры, отчего нами данный памятник атрибутирован как разрушенный некрополь конца IV – первой половины VII вв. Сборы на памятнике в конце 1970-х – начале 1980-х гг. проводили Н.В. Кулябина (Соболева) и В.Д. Панин [30, с.177]. Шесть бляшек находятся в фондах Ильинского краеведческого и три в собрании Пермского краеведческого музеев [13, с.185, рис.4–7; 17, с.193]. Размеры предметов варьируются в пределах 13–15 x 30–35 мм.

11. В ходе раскопок Бартымского I могильника (Берёзовский р-н, прав. берег р. Бартым) в 1981 г. Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго при изучении коллективного погребения № 1 (4 захоронения) у черепа ребёнка 4-6 лет найдена бронзовая накладка или «подвеска с изображениями неясных животных в борьбе», аналогичная грудятской находке (рис.2А/2). Эта единственное изделие из рассматриваемой нами категории предметов выявлено в закрытом погребальном комплексе Пермского Приуралья. Однако погребение №1 оказалось крайне бедным. В нём, помимо, зооморфной накладки найдена лишь железная пряжка с прямоугольной пластиной и бронзовым височным кольцом [8, с.242, табл. 51/16]. Учитывая, что захоронения Бартымского I могильника совершены явно скоротечно при экстренных трагических обстоятельствах, исследователи справедливо отнесли его функционирование к узкому хронологическому периоду – вторая половина VII в. [6, с.4, 6, 19, 24, табл. 1/2]. В монографии, посвященной детальному анализу могильников неволинской культуры, Р.Д. Голдина и Н.В. Водолаго определяют зооморфный предмет как редкую поясную накладку, относящуюся к типу 37 [7, с.82, табл. XXXII/50]. В настоящее время Р.Д. Голдина датирует Бартымский I могильник «между 615 – 642 гг. или второй четвертью VII в.» [5, с.380] с учётом клада восточно-римских монет, найденного рядом с некрополем.

12. Аналогичная бляшка (рис.2Б/4) обнаружена в ходе раскопок Бартымского I селища (1983 г.) в непосредственной близости от Бартымского I некрополя. Она выявлена в пределах ямы № XVI вместе с фрагментами посуды и бронзовой личиной [8, с. 162, таб. 14, XVI – 4].

13. В ходе исследований А.В. Голдобиным городища Усть-Сылва в 1981 г. (Пермский район, при слиянии рек Чусовой и её притока р. Сылвы) при изучении жертвенного комплекса ломоватовской культуры найдена ещё одна подоб-

ная бляшка. Это художественное изделие в пределах святилища сопрягалось, как и на Бартымском археологическом комплексе с 7 восточно-римскими монетами, чеканенными в Константинополе в 615-632 гг. [9, с.41; 10; 20, с.126].

14. Ещё один подобный предмет пермского звериного стиля отражён на одном из сайтов археологических мародёров с представленной стоимостью 4000 рублей. Естественно место происхождения этого изделия из Пермского края, ими не отмечено (рис. 3/1).

15. Близкая, но оригинальная, прорезная по исполнению, бляшка, найдена в ходе раскопок Горбунятского могильника неволинской культуры (правый берег р. Сылвы, Кунгурский р-н), проведённых в 1898 г. А.А. Спицыным и Н.Н. Новокрешенных, которая хранится в Государственном Эрмитаже (рис.3/4)<sup>4</sup>.

При детальном изучении иконографии сдвоенных зооморфных бляшек, на которых образы рассматривались нами первоначально как хтонические существа, А.А. Ракшиным было отмечено, что верхнее животное при драконоподобном туловище явно обладает реалистичной головой лося, несколько обращенной вниз к поднятой вверх морде ящера с открытой пастью. Прежде всего, первое, что бросилось в глаза – предполагаемый «ящер», стоящий сверху, отличался от всех других (свыше 200 этих образов) проанализированных нами ранее на плакетках пермского звериного стиля [22] тем, что его морда или пасть направлена вниз. Ранее такого явления в древнепермской иконографии «хозяина» подземного мира не встречалось, и закономерность того, что древние художники изображали ящера смотрящим снизу вверх, объяснялось тем, что они, таким образом, подчёркивали его самую нижнюю хтоническую сущность, обращенной обликом к небесному уровню в многоярусной картине мира.

Отделив в изучаемых нами сюжетных плакетках с помощью компьютерной технологии нижнюю фигуру ящера от верхней, в последней стали угадываться черты другого существа с головой лося, такого же неотъемлемого «героя» пермских плакеток, как и основного символа хтонического мира – ящера (рис. 3/5). Правда с тем только отличием, что изображение головы лося на изучаемых нами бляшках не имеет характерных гипертрофированных морд с удлинёнными губами, какие часто встречаются на подавляющем числе бронзовых средневековых композиций пермского звериного стиля. При анализе значительного комплекса сюжетных плакеток с образами «человеколось» нами было отмечено, что такие морды с удлинёнными губами изображались лишь там, где на плакетках присутствовали либо антропоморфная фигура (или несколько фигур), либо антропоморфная личина [21]. Эти лосиные головы с гипертрофированной мордой как бы «покрывали» и «ограждали» других персонажей композиционных плакеток, образуя свод в виде арочной конструкции.

Однако отметим несколько фигурок, найденные на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в Северном Приуралье, где лоси изображены одиночно и, та-

<sup>4</sup> Авторы благодарят А.А. Краснонёрова за предоставленную информацию.

ким образом, композиционно им некое было «ограждать» гипертрофировано длинной мордой, как на сложных многофигурных плакетках [24, рис.2; 25, с.36]. Пропорции изображаемой головы лося в иконографии указанных изделий очень близки к естественным формам, и имеют схожесть с верхними фигурками этих крупных млекопитающих исследуемых нами сдвоенных образов. Дальнейший анализ верхней фигуры на рассматриваемых в статье плакетках, привёл нас к предположению, что левая часть этого образа, считавшаяся «туловищем» существа, представляет не что иное, как чрезвычайно увеличенное изображение уха с отверстием у лосиной головы, возвышающейся над ящером. Действительно, такие непропорциональные по размерам органы слуха являются своеобразной симметричной проекцией сверх удлинённой лосиной головы, иконографию которой можно наблюдать на многочисленных многофигурных плакетках (рис. 3/6) [17, с.32, рис.14; с.36-37, рис.24; 32].

Чрезвычайно сюжетно близкими, к рассматриваемым предметам пермского звериного стиля являются две бляшки (№16-17), где сверху на ящере изображается несколько стилизованное, но достаточно реалистичное изображение лося. В отличие от вышеописанных образов пермского звериного стиля, на них лось обладает удлиненной мордой, которая сливается с пастью ящера. Туловище лося ограничено или перекрыто ухом животного, переходящего в дуговидную плоскую или жгутовую арку. Первая находка (рис.1/7) выявлена при сборах В.Д. Панина на Назаровском I селище (прав. берег. р. Обвы, Ильинский р-н), а второе изделие (рис. 3/3) найдено в ходе раскопок А.В. Голдобина на городище Усть-Сылва. Характерно, что на этих же памятниках обнаружены стандартные образы сдвоенных существ, которые мы описали выше. Сочетание этих образов на одних и тех же памятниках сложно считать случайным явлением.

Исключительный интерес вызывает сложная фигурная плакетка (10,2 x 3,5 см) (№18), найденная в окрестностях г. Березники Пермского края в начале XX в., в настоящее время находится в Березниковском музее<sup>5</sup>. Изображение состоит из двух слившихся фигур. Нижняя фигура представляет собой ящера с хищно открытым ртом, напоминающего чем-то щуку. Верхний образ иллюстрируется головой лося с гипертрофированной мордой и ушами. Между собой эти два сакральных существа связаны наклонными рельефными линиями. Чётко выделены лапы хозяина хтонического мира. В открытой пасти ящера содержится неясное существо. Характерно, что в отличие от вышеописанных образов рассматриваемая плакетка имеет левостороннюю ориентацию (рис. 3/2). Не исключено, что данное произведение происходит с берегов нижнего течения р. Яйвы, где в конце XX вв. были найдены уникальные сюжетные предметы пермского звериного стиля [2, с.128, рис. 2/23; 14, с.32. рис.1/2].

Привлекает также внимание крупная (4,3 x 8,5 см) прорезная плакетка, на которой, по мнению исследователей, изображены два ящера, стоящих друг на

<sup>5</sup> Авторы благодарят О. Н. Варнкову и В.В. Шилову за предоставленную информацию.

друге [17, с.58, 194, рис.78; 27, с.87, рис.56]. Предмет происходит из коллекции М.Н. Зеликмана, и связан с территорией Верхнего Прикамья. Однако трактовка верхнего более крупного приземистого существа, изображённого на плакетке, как «ящера», несколько смущает. На наш взгляд, данное изображение явно хищного животного с когтистыми лапами следует связать с образом бобра. Интерес представляет оформление хвоста полуовальной формы с решетчатым декором. Подобные бобровые хвосты, отмечены на серии уникальных блях с изображением медведя в «ритуальной позе» (всего 3 экз.), где он располагается под мордой между лапами. Одна из таких блях найдена в окрестностях д. Дуброва Ильинского района, близ Назаровского городища [13, с.183–185, рис.3].

Вызывает интерес, бляшка, происходящая из сборов А.Н. Береженцева (1894 г.) на жертвенном месте у камня Светик в окрестностях д. Подбобыка Чердынского района (лев. берег р. Колвы) [27, с.90, рис.64]. По мнению исследователей, на предмете изображены два лося, самый крупный из которых, очевидна самка, расположена над более мелкой особью – телёнком. Характерно, что в отличие от рассмотренных выше находок, данный предмет, как и березниковская находка, имеет левостороннюю ориентацию.

Можно полагать, что перемычки на произведениях древнего искусства между лосём и ящером являются не изображениями ног верхнего животного, как могло бы показаться первоначально, а представляют такой художественный приём или способ, показывающий неразрывную и прочную космологическую связь верхнего и нижнего (хтонического) мира в древнепермском средневековом искусстве.

Нам представляется важным и интересным то, что именно данные образы пермского звериного стиля объективно определяют явную сюжетную взаимосвязь лося и «хозяина» хтонического мира – ящера в средневековом искусстве Верхнего Прикамья. Лось являлся важнейшим животным, отражающим космологические системы в мировоззрении народов таёжной зоны Евразии, олицетворяя Вселенную [34, с.69]. По мнению А.П. Окладникова и А.И. Мазина, у охотников таёжных и тундровых пространств этих континентов именно лось, наравне с оленем, являлись зооморфными символами трёхуровневой Вселенной и выступали как маркеры верхнего, среднего и нижнего миров [28, с.60]. М.Ф. Косарев в мифологии таёжных народов Сибири выделяет образ «подземного» лося с «рыбьим хвостом» и другими «хтоническими» признаками [15, с.56–59]. В наскальном неолитическом искусстве Северо-Запада России явно отражаются представления древнего населения о причастности лося к водной стихии и, соответственно, к нижнему миру, что хорошо коррелируется с мифологическим воззрением таёжных охотников Северной Евразии об этом животном [3, с. 172].

В мифах у таёжных народов Сибири лось играл роль своеобразного медиатора в смене дня и ночи. Ярко медиативные функции лося проявляются в мифо-

логических воззрениях селькупов, в которых «он мог уходить от преследования то птицей-орлом, то рыбой – осетром и неожиданно появиться, где ему удобно» [36, с. 94–95, 141].

По древним представлениям, люди могли преодолевать границы между мирами и попадать в мир иной («нижнюю землю») с помощью животных-проводников, роль которых, преимущественно, в таёжной Евразии играли лось или олень [26, с.241]. Подобные сюжеты отражены также в южнокарельских рунах, где кузнец Илмойллине, оправлялся в иной (нижний) мир (мифическая Хийтола) на коне-лосе [23, с.141]. В археологических источниках непосредственная иконографическая связка лося с хтоническим существом (змея) в металлической пластике впервые отмечается в декоре наверший двух сейминско-турбинских кинжалов, найденных в Сейме и близ Перми [35, с.109–110, рис.62/1-2]. Данную сюжетную взаимосвязь на этих бронзовых кинжалах С.В. Студзицкая семантически отмечает как отражение определенных элементов (верхний и нижний миры) космической модели мира [33].

Впервые непосредственное иконографическое единство образов лося и ящера в сюжетах пермского звериного стиля отметил Б.А. Рыбаков, анализируя семантическое строение Вселенной на ажурной плакетке из Кишерти [32, рис.111], структурно состоящую из трёх миров, в одном из которых, подземно-подводном, его «хозяин» двухголовый ящер, западной частью охватывает голову солнечного лося или лосихи [29, с.21; 30, с.69].

Рассмотренные нами прорезные бляшки пермского звериного стиля с сюжетной иконографической связкой оппозиционных пар лося и ящера, очевидно, иллюстрируют космологические календарные представления средневекового древнепермского населения о смене дня и ночи, нашедшего отражения в мифах о небесной (космической) охоте [1, с.12–15; 37]. Правда в этих мифах о космической охоте у народов таёжной Евразии соперником солнечного лося или оленя выступает медведь, который являлся не только существом нижнего мира, но и обладал яркими медиативными функциями, проникая на верхние уровни мироздания [19, с.20; 12; 16]. Данные оппозиционные пары в иконографической связке отмечаются в ананьинском искусстве раннего железного века Прикамья [4, с.203, рис.95/4-5] и в сюжетах раннесредневекового пермского звериного стиля [11, с.15, 19; 18, с.194; 17, с.54, рис.62]. Характерно, что образ медведя, как и волка, в древнем искусстве таёжного Прикамья сыграл существенную роль в сложении собирательного символа хтонического мира в виде ящера, ярко отражённого в пермском зверином стиле [22].

Рассмотренные нами в статье культовые образы географически приурочены к узколокальной территории Верхнего Прикамья, включающей территорию нижнего течения р. Обвы, где найдено подавляющее число (11) этих изделий и в бассейне р. Сылвы, где эти изделия рассеяны и одиночны (6 предметов). Распространение этих изделий на средневековой карте Верхнего Прикамья (рис.4) ярко свидетельствует о прочной культурной и идеологической связи древне-

пермских ломоватовских общин нижней Обвы с родственным неволинским населением бассейна р. Сылвы.

### Библиографический список

1. Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 106 с.
2. Белавин А.М. Производственные поселки у финно-угров в конце I- начале II тыс. н. э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1987. – С.117–130.
3. Бубенцова А.В. Петроглифическое культовое наследие Северо-Запада России: Семантика петроглифов Каноозера // Общество. Среда. Развитие. – 2013. – № 4(29). – С.169-173.
4. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: УдГУ, 1999. – 464 с.
5. Голдина Р.Д. О датировке Бартымского комплекса памятников в Приуралье // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: УдГУ, 2012. – Т.25. – С.376–391.
6. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: Межвузовский сборник научных трудов. – Ижевск: УдГУ, 1984. – С.3–35.
7. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. – 176 с.
8. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи Средневековья в Сылвенском поречье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск-Пермь, 2011. – Т.13. – 340 с.
9. Голдобин А.В., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Исследование святилищ железного века в Пермском Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Ижевск: УдГУ, 1991. – С. 40–42.
10. Голдобин А.В., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л., Чурилов Э.В. Ранне-средневековый культовый комплекс городища Усть-Сылва // Вестник Пермского университета. История. – Вып. 1(32). – 2016. – С.42–53.
11. Конаков Н.Д. Календарная символика уральского язычества // Научные доклады. – Сыктывкар, 1990. – Вып. 243. – 45 с.
12. Конаков Н.Д. Под знаком медведя // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Земля Коми. – 1996. – № 3. – С.106–110
13. Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Малоизвестные предметы культовой металлопластики из собрания Ильинского музея Пермского края

- // Вопросы истории Сибири. Сборник научных статей памяти В.А. Могильникова. – Омск: ОмГПУ, 2014. – Вып.9. – С.182–185.
14. Коржавкина А.Ф. О новонайденных памятниках звериного стиля (находки 1996 г.) // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала. Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. – Соликамск, 1996. – С.32–34.
15. Косарёв М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога-100, 2003. – 325 с.
16. Кошкарова Ю.А. Пермская модель архетипического образа медведя // Лабиринт. – 2012. – № 4. – С.7–17.
17. Кулябина Н.В. Наследие камской чуди: из собрания Пермского краеведческого музея. Пермский звериный стиль. – Екатеринбург-Пермь, 2013. – 268 с.
18. Лимеров П.Ф. Образ богини-матери в мифологии коми: к проблеме реконструкции // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Сборник статей памяти Юго Юльевича Сурхаско. Гуманитарные исследования. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – Вып.2. – С.184–200.
19. Лушникова А.В. Модель универсума древних календарей (по материалам языков разных семей) // Автореф. дисс. ... докт. филологических наук. – М., 2006. – 55 с.
20. Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Голдобин А.В. Раннесредневековый монетный комплекс жертвенного места ломоватовской культуры в устье реки Сылва // Вестник Пермского университета. – История. – 2004. – Вып.5. – С.125–130
21. Мельничук А.Ф., Ракшин А.А. Сложные культовые (плакетные) образы Пермского звериного стиля с изображениями человеколюдей и их место в историко-географическом пространстве Урала и Западной Сибири // Седьмые Берсовские чтения: сборник статей Всероссийской археологической конференции с международным участием, 2–4 декабря 2014 г. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2016. – С.253–258.
22. Мельничук А.Ф., Ракшин А.А. Образ ящера в искусстве средневекового населения таёжного Приуралья: распространение, происхождение, этнокультурная принадлежность // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Ижевск: УдГУ, 2016. – С.251–253.
23. Миронова В.П. Зооморфный код проводника между мирами в карельской руне о добывании жены в свете типологического познания // Труды Карельского научного центра РАН. – 2011. – №6. – С.139–142.
24. Мурыгин А.М. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место // Научные доклады. – Сыктывкар: Коми. фил. АН СССР, 1984. – Вып.114. – 52 с.
25. Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.

26. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт составления структур. – М.: Наука, 1984. – 304 с.
27. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988. – 184 с.
28. Окладников А.П., Мазин А.И. Петроглифы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – С.152.
29. Рыбаков Б.А. Космогоническая символика «чудских» шаманских бляшек и русских вышивок // Финно-угры и славяне: Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15-17 ноября 1976 г. – Л.: Наука, 1979. – С.7–34.
30. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М: Наука. 1981. – 608 с.
31. Соболева Н.В. Работы в Нижнем течении р. Обвы // Археологические открытия 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С.177–178.
32. Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА, 1906. – СПб, 1906. – Вып.1. Т.8. – С.29–145.
33. Студзицкая С.В. К семантике изображения лося и змеи на сейминско-турбинских бронзовых кинжалах «княжеского типа» // Структурно-семиотические исследования в археологии. – 2006. – Т.4. – С.237–248.
34. Топоров В.Н. Лось // Мифы народов мира. Энциклопедия. М: Советская энциклопедия. – 1992. – С.69–71.
35. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. (Сейминско-турбинский феномен). – М: Наука, 1989. – 320 с.
36. Чиндина Л.А. Пегая орда – большого лося сильный народ // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С.90–96.
37. Янкович М. Мифическое животное на звёздном небе // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I всесоюзной археологической конференции. – Кемерово: КемГУ, 1980. – С.348-357.

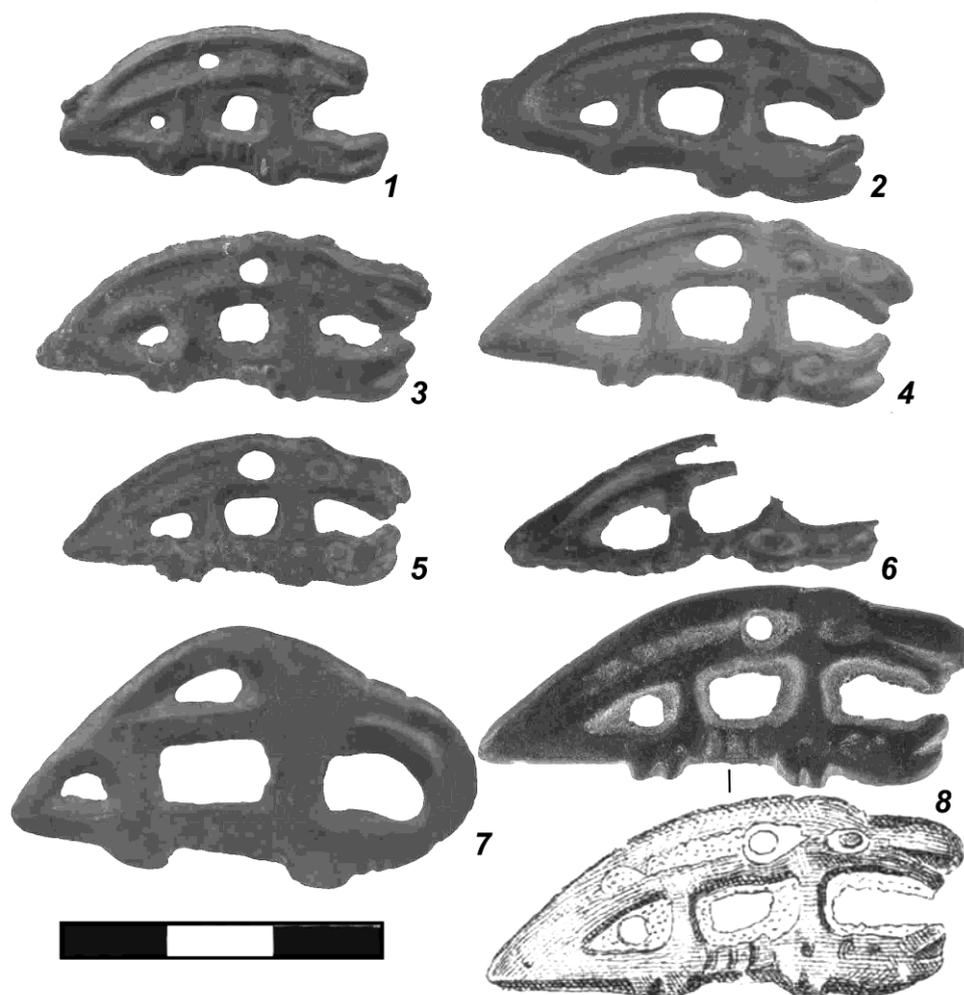
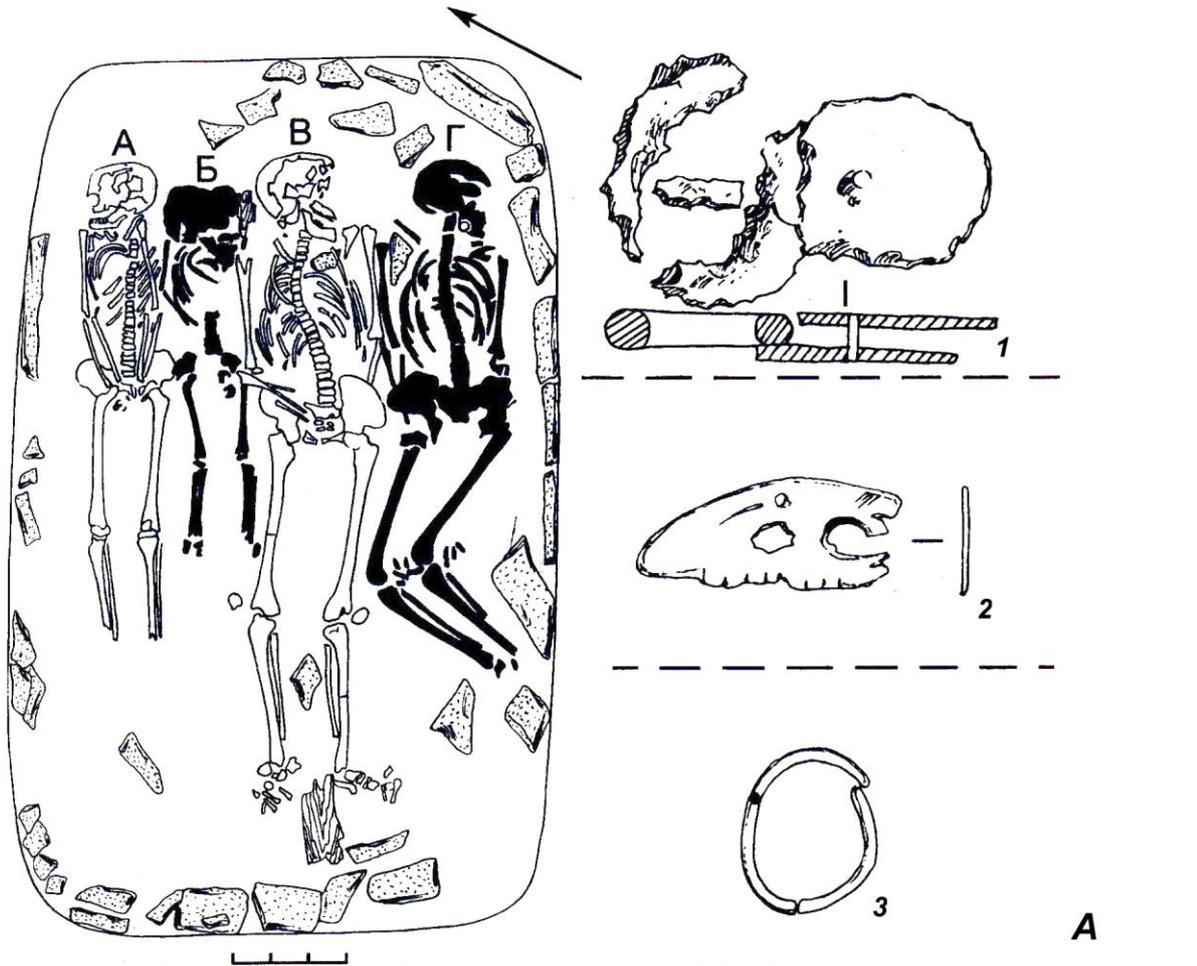
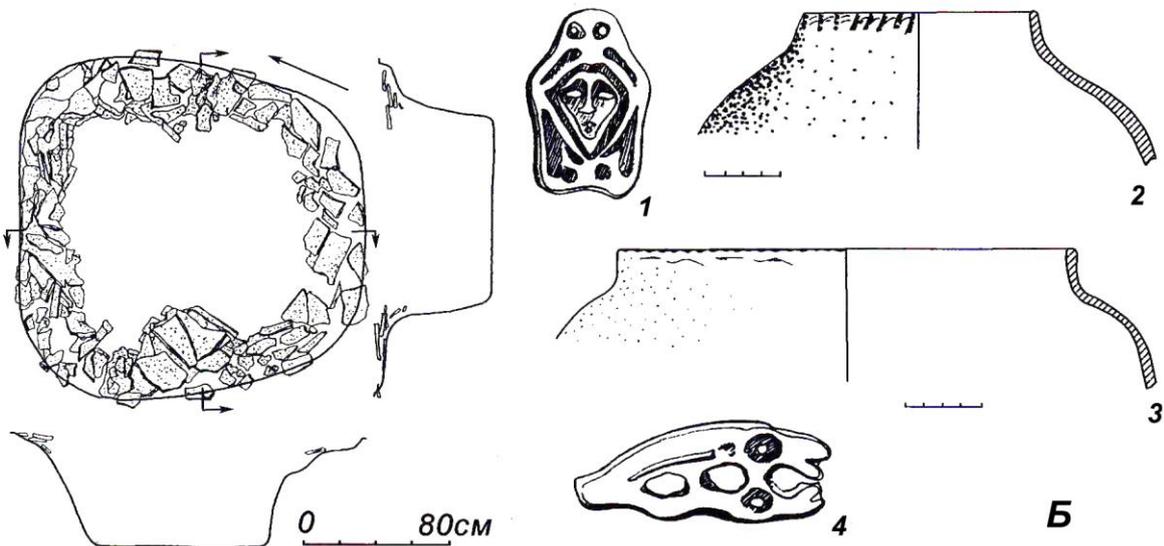


Рис. 1. Древние сдвоенные образы из бассейна р. Обвы. 1-7 – Назаровское селище;  
8 – д. Грудята (прорисовка по А.А.Спицину [32])



Бартымский I могильник. Погребение 1. 1 – височное кольцо; 2 – накладка; 3 – пряжка



Бартымское I селище. Яма XVI: 1 – антропоморфная подвеска; 2, 3 – лепная посуда; 4 – зооморфная подвеска (1, 4 – бронза; 2, 3 – глина)

Рис.2. Древние сдвоенные образы Бартымского комплекса (по Р.Д. Голдиной, И.Ю. Пастушенко, Е.М. Черных [8]).

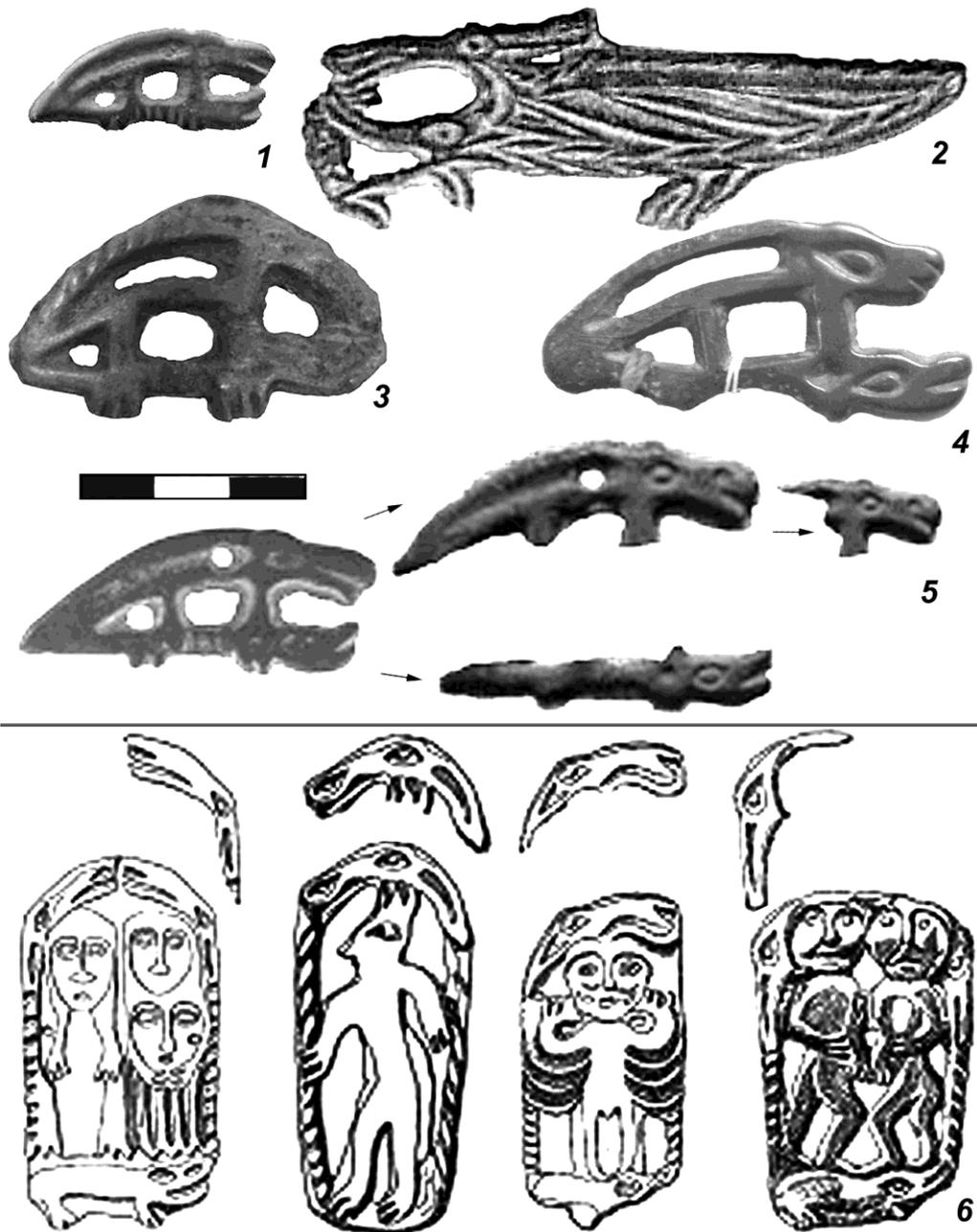


Рис. 3. Древние сдвоенные образы: 1 – Верхне Прикамье (из браконьерских раскопок);  
 2 – окрестности г. Березники; 3 – городище Усть-Сылва; 4 – могильник Горбунята;  
 5 – компьютерная развертка сдвоенных образов;  
 6 – лосинные головы с гипертрофированными ушами на многофигурных плакетках

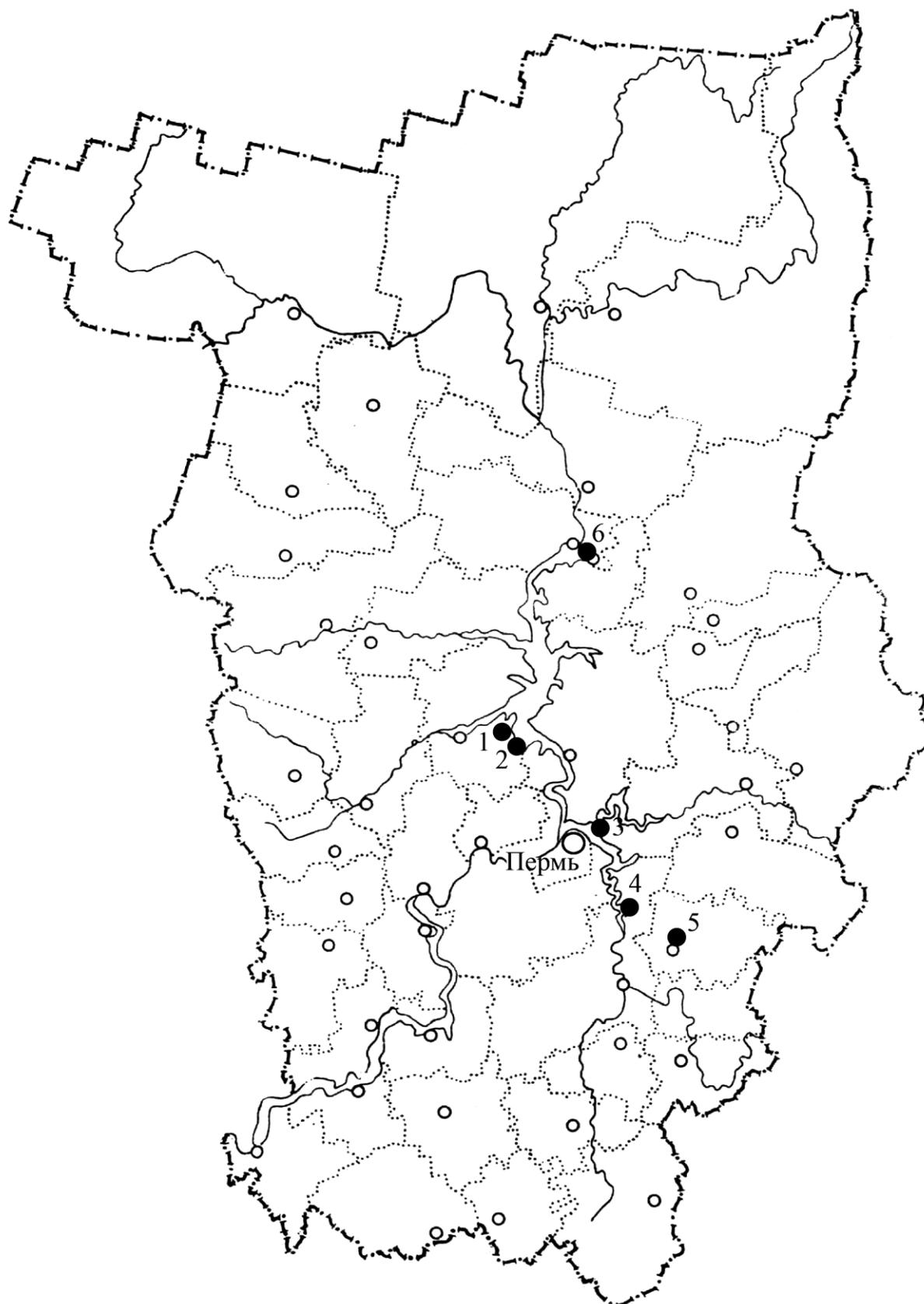


Рис.4. Карта распространения сдвоенных образов в Верхнем Прикамье. 1 – Назаровское селище; 2 – д. Грудята, 3 – городище Усть-Сылва; 4 –могильник Горбунята; 5 – Бартымский комплекс; 6 – Березники

УДК 336.74; 737.1; 902.01; 902.64

**В. А. Калинин\***, **Вяч. С. Кулешов\*\***

## **БОНДЮЖСКИЙ КЛАД КУФИЧЕСКИХ ДИРХАМОВ НАЧАЛА X ВЕКА**

\* Независимый исследователь, Москва, РФ

\*\* Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция

*В мае 2001 г. на берегу р. Камы у с. Бондюг Чердынского района Пермского края был найден комплекс серебряных куфических монет. Находка насчитывала 85 целых и обломанных дирхамов. Дальнейшая судьба клада и нынешнее местонахождение его монет неизвестны. Время сокрытия по младшей монете 302 г. х. (914/915) определяется второй половиной 910-х гг. Бондюжский клад привлекает внимание как самый северный из известных в настоящее время восточноевропейских монетных комплексов X в., и как важный нумизматический памятник серебряной экономики югорского мира. Публикуется полный список монет клада.*

*Ключевые слова: нумизматика, монетные клады, серебро, куфические дирхамы, Саманиды, Прикамье, югра*

**Vadim A. Kalinin,\* Viacheslav S. Kuleshov\*\***

## **THE BONDYUG HOARD OF KUFIC DIRHAMS, EARLY TENTH CENTURY**

\*Independent researcher, Moscow, RF

\*\* Stockholm University, Stockholm, Sweden

*In May 2001, on the left bank of the Kama river, near the village of Bondyug (Cherdyn' district, Perm' krai, Russia), a hoard of silver coins was found. The find included 85 whole and fragmented Kufic dirhams. Subsequent fate of the hoard and current location of coins are unknown. T.p.q. is 302 AH (914/5 AD). The Bondyug hoard attracts attention as the northernmost treasure of the tenth century found in Eastern Europe so far, and as an important numismatic monument of silver economy of the Yugra world. A full list of coins is published here.*

*Keywords: numismatics, coin hoards, silver, Kufic dirhams, Samanid, Kama region, Yugra*

В мае 2001 г. на берегу р. Камы у с. Бондюг Чердынского района Пермского края (некогда центра Бондюжской волости Чердынского уезда) был найден комплекс серебряных куфических монет (см. карту-схему, рис.1). Находка насчитывала 85 целых и обломанных дирхамов без следов упаковки (её отсутствие было специально отмечено находчиком). Конкретный археологический контекст находки неизвестен, хотя памятники ломоватовско-родановского времени в микрорегионе представлены<sup>6</sup>. Монеты были определены В.А. Калининным в 2001 году. Дальнейшая судьба клада и нынешнее местонахождение монет неизвестны.

Бондюжский клад привлекает внимание как самый северный из известных в настоящее время восточноевропейских монетных комплексов X в. и как важный нумизматический памятник сакрализованной серебряной экономики (*silver economy*) югорского мира.

<sup>6</sup> Благодарим проф. А.М. Белавина за эту информацию.

Ниже публикуется полный список монет клада с краткими историко-нумизматическими комментариями к его композиции. После порядкового номера монеты следуют указание имени правителя-эмитента, место чеканки и год по мусульманскому лунному летоисчислению (от хиджры Пророка), группировка следует классификационно-династическому распределению типов (первый уровень), последовательность монет внутри групп соответствует датам чеканки. Подражательные монеты описываются в терминах прототипов, даты их чеканки ориентировочны.

*‘Аббасиды, средний хронологический период*

1.	ал-Му‘тасим би-ллах	Мадинат ас-Салам	221
2.	ал-Му‘тазз би-ллах	аш-Шаш	25[×]
3.	ал-Му‘тамид ‘ала-ллах	аш-Шаш	277

*‘Аббасиды, поздний хронологический период*

4.	ал-Му‘тадид би-ллах	Арминийа	287
5.	ал-Му‘тадид би-ллах	Арминийа	287
6.	ал-Му‘тадид би-ллах	Арминийа	287
7.	ал-Му‘тадид би-ллах	Арминийа	287

*Саманиды*

8.	Исма‘ил ибн Ахмад	Самарканд	282
9.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	283
10.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	283
11.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	284
12.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	284
13.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	286
14.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	286
15.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	286
16.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	286
17.	Исма‘ил ибн Ахмад	Самарканд	286
18.	Исма‘ил ибн Ахмад	Самарканд	286
19.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	287
20.	Исма‘ил ибн Ахмад	Самарканд	288
21.	Исма‘ил ибн Ахмад	Андараба	290
22.	Исма‘ил ибн Ахмад	Андараба	292 обломок
23.	Исма‘ил ибн Ахмад	Самарканд	293
24.	Исма‘ил ибн Ахмад	аш-Шаш	294
25.	Исма‘ил ибн Ахмад	Андараба или Балх	294 обломок, о. с. Ахмад
26.	Исма‘ил ибн Ахмад	Андараба	294
27.	Исма‘ил ибн Ахмад	Андараба	295
28.	Исма‘ил ибн Ахмад	Самарканд	295
29.	Исма‘ил ибн Ахмад или Ахмад ибн Исма‘ил	Андараба	295 обломок
30.	Ахмад ибн Исма‘ил	аш-Шаш	294 (старый штемпель л. с.)

31.	Ахмад ибн Исма'ил	Найсабур	295
32.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	295
33.	Ахмад ибн Исма'ил	Андараба	296 (?)
34.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	296
35.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	296
36.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	296
37.	Ахмад ибн Исма'ил	Андараба	297 сломан при находке
38.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	297 обломок
39.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	297 обломок
40.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	297
41.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	297
42.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	297
43.	Ахмад ибн Исма'ил	Найсабур	297
44.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	298
45.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	298
46.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	298
47.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	298
48.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	298
49.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	298
50.	Ахмад ибн Исма'ил	Найсабур	299
51.	Ахмад ибн Исма'ил	Найсабур	299
52.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	299
53.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	299
54.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	299
55.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	299
56.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	299 обломок
57.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	300
58.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	300
59.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	300
60.	Ахмад ибн Исма'ил	Андараба	300
61.	Ахмад ибн Исма'ил	Андараба	300
62.	Ахмад ибн Исма'ил	Марв	300
63.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	300
64.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	300
65.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	300
66.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	300
67.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	300
68.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	300
69.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	301
70.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	301
71.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	301
72.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	301
73.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	301
74.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	301
75.	Ахмад ибн Исма'ил	аш-Шаш	301
76.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	301
77.	Ахмад ибн Исма'ил	Самарканд	год? обломок
78.	Исхак ибн Ахмад	Самарканд	301
79.	Наср ибн Ахмад	Марв	302

*Подражания 'Аббасидам*

80. Подражание дирхаму ранних 'Аббасидов, «Мадинат ас-Салам, [...]6».  
Дата: не позднее последней трети IX в.
81. Подражание дирхаму ал-Муктафи би-ллаха, место чеканки не указано (?), «285».  
Дата: 900-е гг.

*Подражания Саманидам*

82. Подражание дирхаму Исма'ила ибн Ахмада. Дата: 900–910-е гг.
83. Подражание дирхаму Исма'ила ибн Ахмада (другой тип). Дата: 900–910-е гг.
84. Подражание дирхаму Ахмада ибн Исма'ила, «Балх, 295». Дата: 910-е гг.
85. Подражание дирхаму Ахмада ибн Исма'ила, «аш-Шаш, 299», пробит. Дата: 910-е гг.

Композиция клада типична для кладов начала X века. Время сокрытия определяется по младшей монете (302 г. х. = 914/915, сп. № 79) второй половиной 910-х гг. В составе клада представлены следы монетного обращения IX в. (два экземпляра 'аббасидских дирхамов второй трети IX в., сп. № 1 и 2, и, очевидно, хазарское подражание раннеаббасидскому дирхаму Мадинат ас-Салама, сп. №80), всего 3,5 % от общего числа монет. Остальные 'аббасидские дирхамы (шашский 277 г. х. и четыре арминийских 287 г. х.) маркируют структуру обращения не ранее рубежа IX–X веков.

В основе композиции – дирхамы Саманидов (72 экз., всего 84,7 % от общего числа монет), компактные на двадцатилетнем отрезке 282–302 гг. х.; дирхамы времени Ахмад ибн Исма'ила доминируют над дирхамами Исма'ила ибн Ахмада. Представлены изделия продуктивных монетных дворов первого ранга (аш-Шаш и Самарканд, всего 55 экз. – три четверти от общего количества саманидских монет), второго ранга (Андараба и, возможно, Балх, всего 10 экз.) и третьего ранга (Найсабур и Марв). Низкочастотные (редкие) типы дирхамов монетных дворов четвёртого ранга не представлены (О принципе ранговой классификации саманидских дирхамов см.: [2]).

Привлекает внимание относительно редкий тип дирхамов Саманидаповстанца Исхака ибн Ахмада 301 г. х.

Определённые в Бондюжском кладе подражательные дирхамы 900–910-х годов отражают ранний этап монетного производства Волжской Булгарии, связанный с деятельностью царя Алмыша-Джа'фара (*акме* этого правителя относится к началу 920-х гг. – времени официального принятия ислама в Волжской Булгарии, см. [1]); к сожалению, по отсутствию фотоизображений ничего более определённого об этой важной группе монет сказать нельзя.

Локальное и хронологическое распределение точно датированных монет клада представлено соответственно на карте-схеме (рис.1) и диаграмме (рис.2).

Итак, на карту древностей средневекового югорского мира удалось нанести ещё один памятник, важный для реконструкции монетных импортов и изучения сакрализованной серебряной экономики этого лесного/лесостепного общества [3; 4].

**Библиографический список**

1. Кулешов Вяч.С. Эпоха Ибн Фадлана в памятниках нумизматики // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки / Научный редакторы А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов. – М.: Издательский дом Марджани, 2016. – С. 512–517.
2. Кулешов Вяч.С., Калинин В.А. Новое в типологии саманидских дирхамов первого хронологического этапа // Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 г.): Тезисы докладов и сообщений / Редакционная коллегия: П. Г. Гайдуков и др. – М., 2017. – С. 59–60.
3. Кулешов Вяч. С. Югорское общество V–XV вв.: модель сакральной экономики, археологическая атрибуция и проблема этнической принадлежности // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. Сборник научных трудов к 50-летнему юбилею Н. Б. Крыласовой / Под общей редакцией А.М. Белавина. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – С. 74–89.
4. Кулешов Вяч.С. Серебро за меха из Страны мрака: памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V–XV вв. // Византия в контексте мировой культуры: Материалы конференции, посвящённой памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984) / Редакционная коллегия: В.Н. Залеская, Е.В. Степанова (научные редакторы) и др. (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] LXXXIX.) – СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. – С.363–372.



Рис. 1. Карта-схема места находки Бондюжского клада (белый кружок) и мест чеканки определяемых монет (чёрные кружки); основа: снимок Google Maps

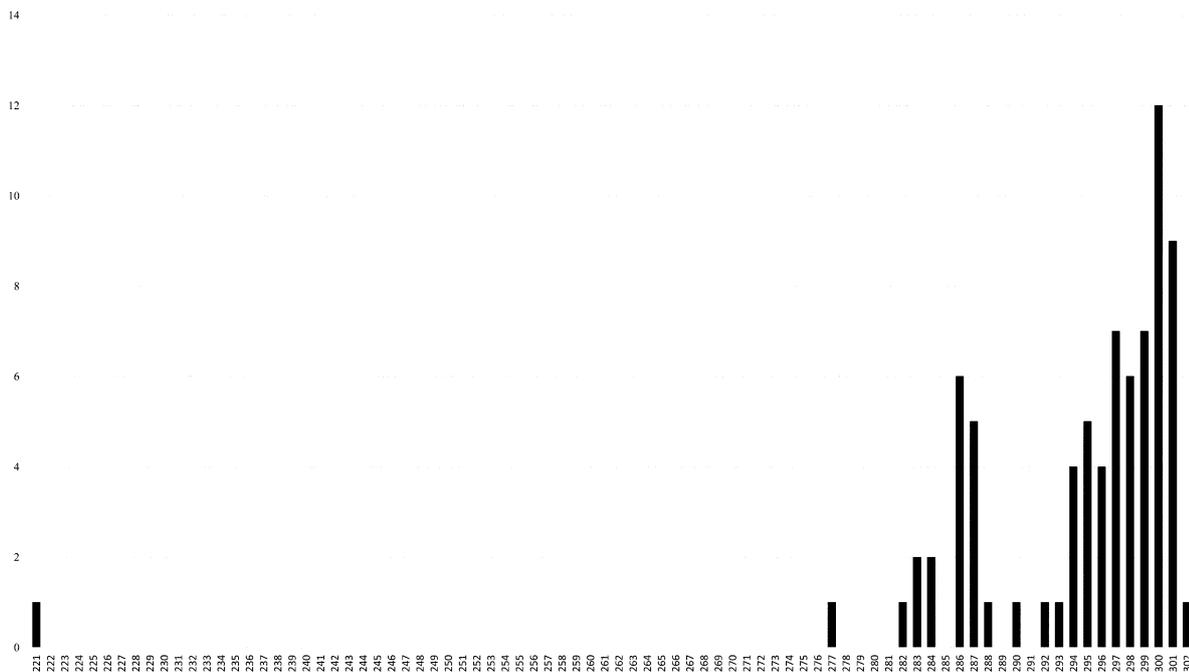


Рис. 2. Диаграмма годового распределения определяемых монет Бондюжского клада. Подписи оси абсцисс: годы чеканки. Подписи оси ординат: количество определяемых монет соответствующего года

УДК 903.2

**Владимир И. Кулаков****СТАТУСНЫЕ МЕЧИ КУРШЕЙ**

Отдел археологии Великого переселения народов и раннего средневековья ИА РАН,  
Москва, РФ

*Возможный результат развития форм типа E можно увидеть в мечах типа J.P. T, очень популярных в Западно-Балтийском обществе второй половины X – XI вв. Вывод об этом позволяет сделать распространение в Прибалтике и Восточной Европе находок бронзовых деталей рукояток типа J.P. TI. Именно мечи с такими деталями, будучи снаряженными в Куршском хребте, затем разошлись как по Великому Волжскому маршруту, так и по р. Неман через средний Днепр – следовал по пути "от варягов к грекам". Неманский янтарный путь контролировался в XI веке куршскими и скальвскими воинами-дружинниками. После того, как было сделано предположение о ритуальном, позднее репрезентативном (в современном понимании – парадном) характере Куршских мечей с бронзовыми деталями, можно попытаться реконструировать причины столь широкого распространения этого вида оружия в Восточной Европе.*

*Ключевые слова: эпоха Средневековья, Куриши, Скальва, мечи.*

**V.I. Kulakov****STATUTORY SWORDS OF CURONIANS**

Department of archaeology Of the great migration and early middle ages, Moscow, RF

*The possible result of the development of forms of type E can be seen in swords of the type J.P. T, very popular in West-Baltic society the second half of the 10th-11th centuries. Distribution in the Baltics and in Eastern Europe of finds of bronze details of hilt handles of type J.P. TI allows you to conclude that. That swords with such details, being equipped in the Curonian range, then dispersed both along the Great Volga route and across the river. The Niemen landed in the Middle Dnieper. - followed the path "from the Varangians to the Greeks". The Neman Amber Way was controlled in the 11th century of the Curonians and Skalva warrior-warriors. After the assumption was made of a ritual, later representative (in the modern sense of the parade) character of the Curonian swords with bronze details, one can try to reconstruct the reasons for such a wide distribution of this form of weapons in Eastern Europe.*

*Key words: Curonians, Skalva, swords.*

В 2012 г. член Общества «Пруссия» др. Гюнтер Бриттингер передал в дар Музею Доистории и Ранней истории (Берлин) фрагмент меча. По словам дарителя, находка была сделана в водах Балтийского моря (по географической локации – Вислинского залива) близ города Heiligenbeil/Мамоново [15, s.1], расположенного на юго-западной окраине Калининградской области. Сопричастность места находки с прусским племенным ареалом (рис.1, пункт 13) вызвала известный интерес к этой находке. Авторы публикации связали её с традициями эпохи викингов, возродившимися в земле пруссов во второй половине XIII в. [15, s.24]. Меч из Heiligenbeil/Мамоново имеет двулезвийный клинок с долем, снабжён серповидным тонким перекрестием со слабыми расширениями на концах.

Навершие рукояти меча имеет трапециевидную форму (рис.2/1), украшено таушированными изображениями двух шагающих навстречу друг другу козлов. На перекрестии меча представлено таушированное стилизованное изображение дракона с раскрытой пастью. Согласно формам деталей своей рукояти, меч из города Heiligenbeil/Мамоново в системе В. Казакиявичюса, разработавшего в современной археологической науке наиболее подробную типологию древнего балтского вооружения, относится к типу *Desiukiškių* [16, p.23]. Тщательность, с которой средневековым мастером декорирован меч из Heiligenbeil/Мамоново, предполагает важное семантическое значение, придававшееся этому уникальному артефакту его заказчиками [15, s.23].

Мечи типа *Desiukiškių* объединяют не только сходные признаки формы деталей рукоятей (трапециевидные навершия и серповидные перекрестия), но и общие принципы декорирования. На деталях рукоятей показаны методом таушировки фигурки козлов, как в одном случае вполне реалистичные, так и на другом мече указанного типа предельно стилизованные (рис.2/3). Эта роскошная декорация, а также гарда меча, крайне мало приспособленная для фехтования, ранее позволили мне предположить сакральный характер мечей типа *Desiukiškių* и типологически родственных им куршских мечей с антенновидными навершиями [7, с.117], распространённых в южной части раннесредневекового куршского ареала (рис.1). Данная форма клинкового оружия могла применяться западными балтами в XII в. при жертвоприношениях, и служить символом жреческих функций, сосредоточенных в руках вождя. Выглядевшие весьма престижно, богато декорированные мечи с серповидными перекрестиями вошли в состав представительского набора вооружения византийских наёмников-манглабитов (рис.3). Важное, если не ведущее место меча в составе парадного набора раннесредневекового вооружения неудивительно. А.Н. Кирпичников справедливо отметил: «Развитие феодальной организации выдвинуло меч в качестве важнейшего военного и государственного символа» [6, с.48].

В Скандинавии в эпоху викингов сходную функцию выполняли мечи с косяными перекрестиями и навершиями [7, с.122] и мечи типа J.P. AE, имеющие навершия, близкие по своей форме куршским антенновидным клинкам [1, рис.4]. «Важнейшая роль оружия как символа раннефеодальной княжеской власти кроется в осмыслении его магического смысла как культового оружия. Меч...феодала...символизирует жертвоприношение, обеспечивавшее плодородие пашен и связанное с этим благосостояние земледельцев» [8, с.58].

Однако сложность и дороговизна изготовления рукоятей мечей типа *Desiukiškių* не способствовали их широкому продвижению в балтской среде. Ранее также редки были на Самбии с сер. IX по сер. X в. двулезвийные мечи типа J.P. E [16, p.27]. Детали их рукоятей украшены ямчатым орнаментом (прототип кольчатого декора, позднее, в раннеорденское время широко распространившегося по Балтии). Способ его изготовления путём плакировки таков: перекрытый по железной поверхности навершия фон, составленный из сплетённой из медной

проволоки сетки, выстилался серебряной фольгой. В ней были проделаны круглые отверстия, в которых виднелись фрагменты медной проволоки (рис.4). Декор тем самым приобретал неповторимый трёхмерный эффект. Возможный результат развития форм типа Е можно увидеть в мечах типа J.P. T, весьма популярных в западнобалтском обществе второй пол. X – XI вв. [16, p.47-49], и их местных дериватах, отнесённых В. Казакиявичусом к типу J.P. TI. А.Н. Кирпичников этот подтип клинкового оружия датировал XI – первой пол. XIII вв. [6, с.54]. Примечателен факт слабого изгиба перекрестия, появившийся у мечей типа J.P. TI (рис.5) и способствовавший облегчению процесса фехтования. Показанный на рисунке экземпляр клинкового оружия декорирован на деталях рукояти ямчатым орнаментом. Клинок меча пока не расчищен, возможно наличие на нём клейма изготовителя. Этот клинок обнаружен в прусском погребении Ve-157 могильника Alt-Wehlau/Прудовка (Гвардейский р-н Калининградской обл.) вместе с плетёным серебряным перстнем, характерным для прусской культуры раннеорденского времени [22]. Тенденция к изгибу перекрестия, зародившаяся у типа J.P. T, полностью реализовалась позднее, в XIII в. у клинков типа Desiukiškių, у которых длинные и узкие перекрестия по своей конструкции (см. выше), делали защиту руки владельца меча практически невозможной. Близким по форме деталей рукояти является фрагментированный меч типа J.P. TI, случайно найденный в водах Калининградского залива (как и меч, упомянутый в начале статьи – см. выше) 29 октября 2015 г., и опубликованный в социальной сети (рис.6).

В XI – нач. XII вв. появляется ограниченная серия мечей, на которых древнерусские мастера-ювелиры, используя сложнейшие приёмы чеканки по металлу, создают незабываемые шедевры декоративного искусства. Эти мечи поставлялись западным балтам [5, с.48]. В этих мечах ямчатый декор, пройдя через призму византийских и древнерусских изобразительных традиций, превратился в ковровый орнамент, составленный из мелких округлых деталей, напоминавших позднейшие арабески (рис.7). Само наличие гладкого металлического покрытия рукояти таких мечей (в ряде случаев – однолезвийных) не подразумевает их реальное боевое использование, рука бойца будет при фехтовании непозволительно быстро скользить по такой рукояти. Единственная роль, которую такие мечи могли исполнять в материальной культуре западных балтов – служить сакральным (жертвенным) оружием, своим блеском и роскошью отделки поражая современников.

Для куршских мечей XII-XIII вв. типа J.P. TI (т.е. мечи, детали которых могли производиться балтскими мастерами – [16, p.53-57]) рижский археолог Артурс Томсонс выделяет важный признак – бронзовые перекрестия змеевидной формы (рис.8/4,6) [21, 5 att.]. Эти детали, отливавшиеся из бронзы (как и все остальные бронзовые детали рукоятей – полые), по своей форме генетически восходят к серповидным перекрестиям мечей типа Desiukiškių. Здесь мы видим очередное проявление тенденции части западных балтов к производству узко

специализированной формы оружия, имевшего не боевые, а прежде всего, представительские свойства, рассчитанные на внешний эффект. Низкие боевые качества мечей типа J.P. T1 очевидны. В частности, полые перекрестия мечей никакой защитой для руки фехтовальщика не служат [11, с.10]. Тот же вывод применим к болгарским саблям IX-X вв. (группа Петров-Хрисимов III), типологически восходящим к византийским спатам [12, с. 346, табл. IV,1-3]. Эти длинные, прямые однолезвийные клинки предназначались для рубки пешего противника с коня, не предполагавшей применение фехтовальных приёмов.

Использовавшийся на бронзовых деталях куршских мечей типа J.P. T1 циркулярный орнамент, несомненно, имитировал на мечах XII-XIII вв. ямчатый декор, появившийся на рукоятях мечей ранее, в эпоху викингов [17, s.272]. Трёх-частная или 5-частная форма навершия мечей типа J.P. T1 вплоть до XIII в. сохраняла традиции, возникшие при производстве деталей мечей типов J.P. K-V на исходе эпохи викингов [1, рис.4; 6, с.54]. Известно, что ещё в XI в. куршские и прусские мастера изготавливали детали мечей типа J.P. T1, но не из бронзы, как это повелось к XIII в., а из железа [14, с.151].

Распределение в Балтии и в Восточной Европе находок деталей рукоятей мечей типа J.P. T1 (рис.9) позволяет сделать вывод о том, что мечи с бронзовыми деталями, снаряжаясь в куршском ареале, затем расходились как по Великому Волжскому пути, так и через р. Неман попадали в Среднее Поднепровье, т.е. – следовали путём «из варяг в греки». Мною уже высказывалось предположение о том, что Неманский янтарный путь контролировался в XI в. куршскими и скальвскими воинами-дружинниками [9, с.109]. После того, как было выдвинуто предположение о ритуальном, позднее – представительском (в современном понимании – парадном) характере куршских мечей с бронзовыми деталями, можно попытаться реконструировать причины столь широкого распространения этой формы оружия в Восточной Европе. Так как меч-подарок являлся для эпох викингов важнейшим аспектом взаимоотношений в социуме [3, с.264], то мечи типа J.P. T1 (во всяком случае – их часть) могла быть вручена воинам, охранявшим караваны на Неманско-Днепровском пути, куршскими дружинными вождями, которые контролировали исток этой речной торговой трассы. Возможно, это дарение было своеобразным актом инвеституры, дозволения участвовать в охране купеческих караванов. Таким образом, логично объясняется сравнительное единообразие в оформлении мечей типа J.P. T1, встреченных на необъятных просторах Древней Руси в основном на торговых путях, связывавших север с югом. За довольно короткий отрезок времени (XII-XIII вв.) редкая для древней Европы форма холодного оружия – культовые мечи – из уникального по своей форме предмета (рис.2/1) превратилась в широко тиражируемый вид фактически сугубо парадного оружия. Этот феномен в истории Балтии не одинок. Точно такая же судьба постигла много ранее, в римское время, золотые гривны типа Хавор, из жертвенного аксессуара превратившиеся в дамское украшение [10, с.41-44].

#### Библиографический список

1. Андрощук Ф.А. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, культура, искусство России и сопредельных стран. – М.-СПб: «Ломоносов», 2009. – С. 72-93.
2. Валуев А.А., Кулаков В.И. Тевтонский крест и бог Перкуно // Наука в России. – М., 1999. – № 6. – С. 80-85.
3. Джаксон Т.Н. Мечи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, культура, искусство России и сопредельных стран. – М.-СПб: «Ломоносов», 2009. – С. 262-268.
4. Йотов В. Викингите на Балканите. – Варна: ENA Ltd, 2003. – 24 с.
5. Зоценко В.Н. Экспорт оружия Киева в Юго-Восточную Прибалтику // Археология. – Киев, 1983. – № 44. – С. 46-60.
6. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. – Ч.1. – Мечи и сабли. IX-XIII вв. // Свод археологических источников. – Вып. Е1-36. – М.-Л.: Наука, 1966. – 107 с.
7. Кулаков В.И. Культовое оружие балтов и славян X-XII вв. // *Slavia Antiqua*. – Т. XXXIII. – Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 1993. – С.115-130.
8. Кулаков В.И. Развитие парадного оружия в Восточной Европе // Гербовед. – М., 1999. – № 33. – С.51-69.
9. Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. – Калининград: Музей янтаря, 2013. – 222 с.
10. Кулаков В.И. Контакты населения юга и севера Европы в раннеримскую эпоху: гривны типа *Navor* // На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – М., 2014. – С. 41-44.
11. Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Новые находки прусского вооружения предорденского времени // Воины Древней Пруссии. – Калининград: Институт туризма, 2008. – С. 5-18.
12. Петров М., Хрисимов Н. Едноострите клинкови оръжия от територията на България и византийската военна традиция. – Добруджа, 2015. – Т. 30. – С. 337-358.
13. Пивоваров С., Калиниченко В. Навершя руків'я меча з Чорнівського городища першої половини XIII ст. // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології та етнології. – Чернівці: «Букрек», 2014. – Т. 1 (37). – С.39-55
14. Прасолов Я.В. Средневековый меч с двойным долом из коллекции Музея «Пруссия» // Российская археология. – 2011. – № 1. – С.149-153.
15. Born H., Neumayer H. Das Erbe der Wikinger? Ein hochmittelalterlicher Schwertgriff mit Tierstil-Tauschierung aus Ostpreußen // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. – 2014. – Bd. 46. – Berlin. – S. 1-26.
16. Kazakevičius V. IX-XIII a. Baltų kalaviai. – Vilnius: Alma littera, 1996. – 173 p.
17. Kurasiński T., Pudło P. Jeszcze o bałtyjskiej (?) produkcji wczesnośredniowiecznych mieczy grupy T // *Gospodarka ludów Morza Bałtyckiego*, t. 1, *Starożytność i średniowiecze*. – Wolin: Adam Marszałek, 2008. – S. 256-305.

18. Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreußen. – Bonn, 1975. – 287 s.
19. Nerman B. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. – Stockholm: PA Akamemiens förlag, 1929. – 183 S.
20. Tomsons A. Divasmeņu zobemi IX-XIII gadsimta latgaļu archeoloģiskajā materiālā // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. – Rīga, 2006. – Т. VII. – P. 8-25.
21. Tomsons A. Kuršu (T1 tipa) zobenu rokturu ornamentals 11.-13. gs. // Pētījume kuršu senatnē. Rakstu krājums. – Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, 2008. – P. 85-104.

#### Архивные материалы:

22. Архив ИА РАН, Валуев А.А. Отчёт по раскопкам грунтового могильника Альт-Велау у пос. Знаменск Калининградским отрядом Балтийской Археологической экспедиции ИА РАН в 1998 г., № 22902.

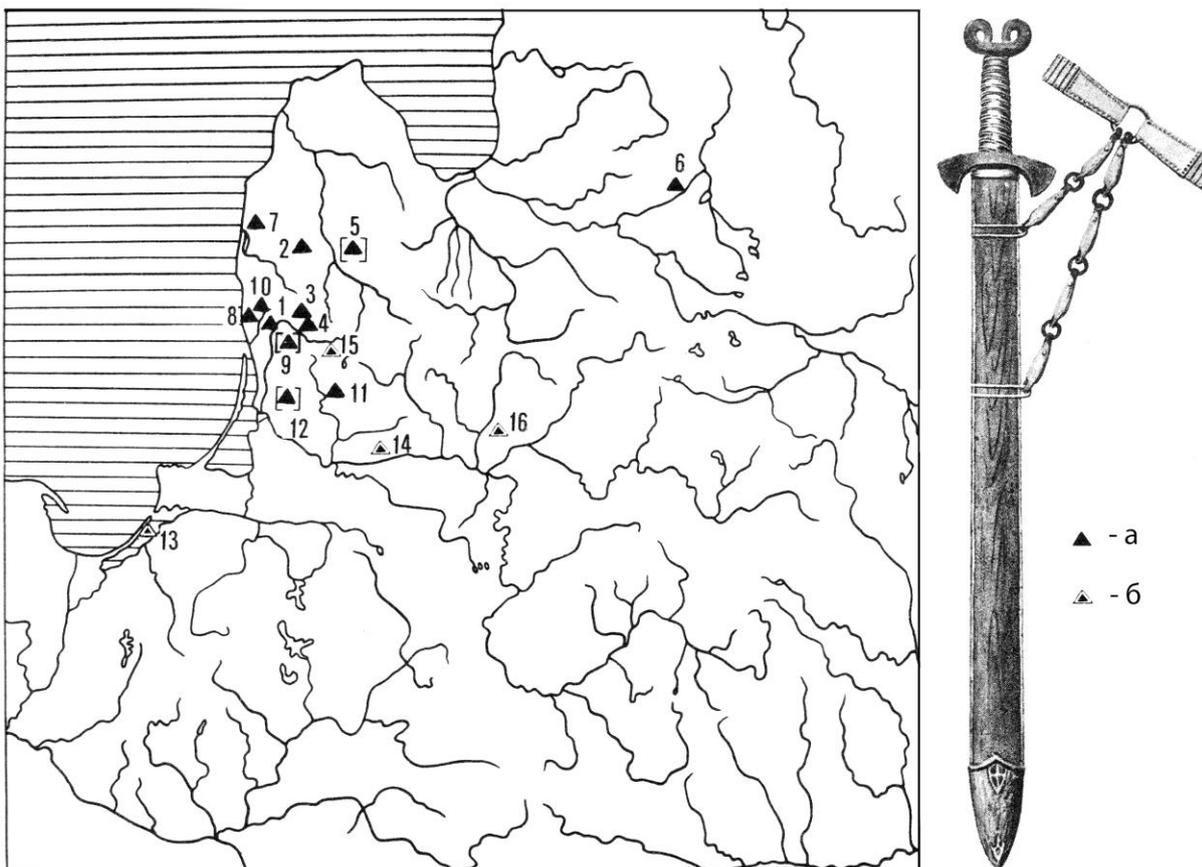


Рис.1. Карта распространения культовых мечей

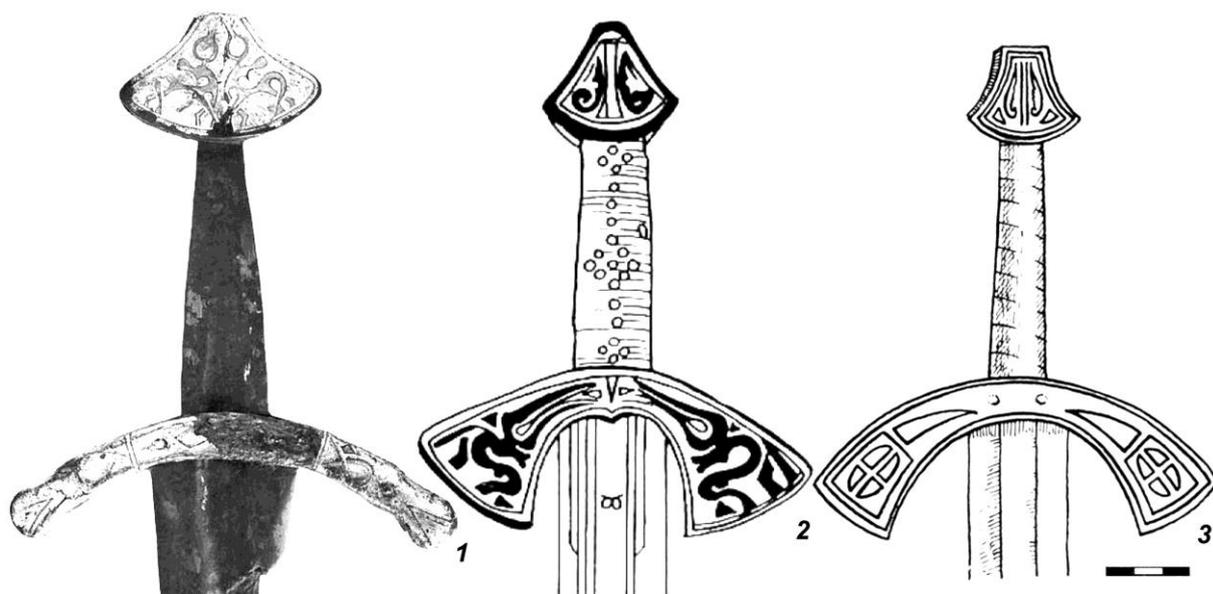


Рис.2. Мечи из музея Берджелло и из-под Мамонтово



Рис.3. Манглабит

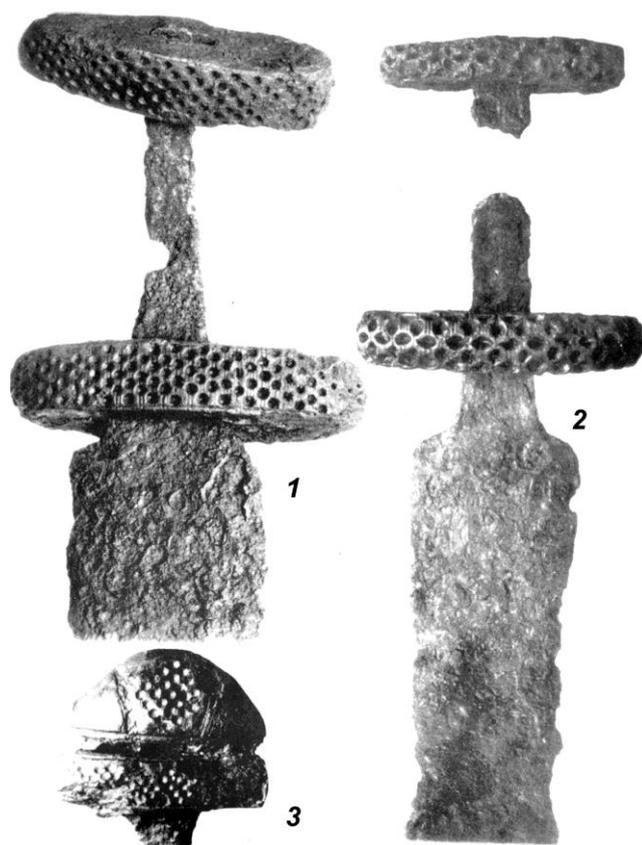


Рис.4. Мечи типа E

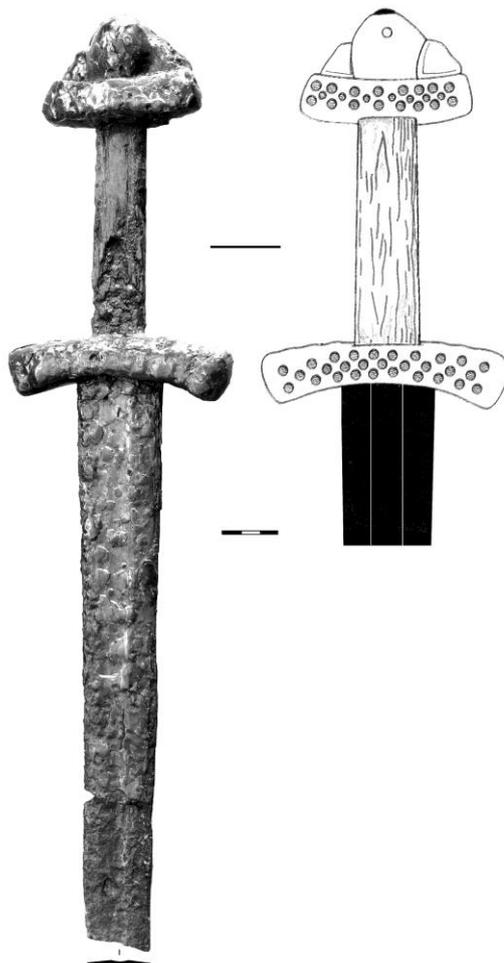


Рис.5. Меч из We-157

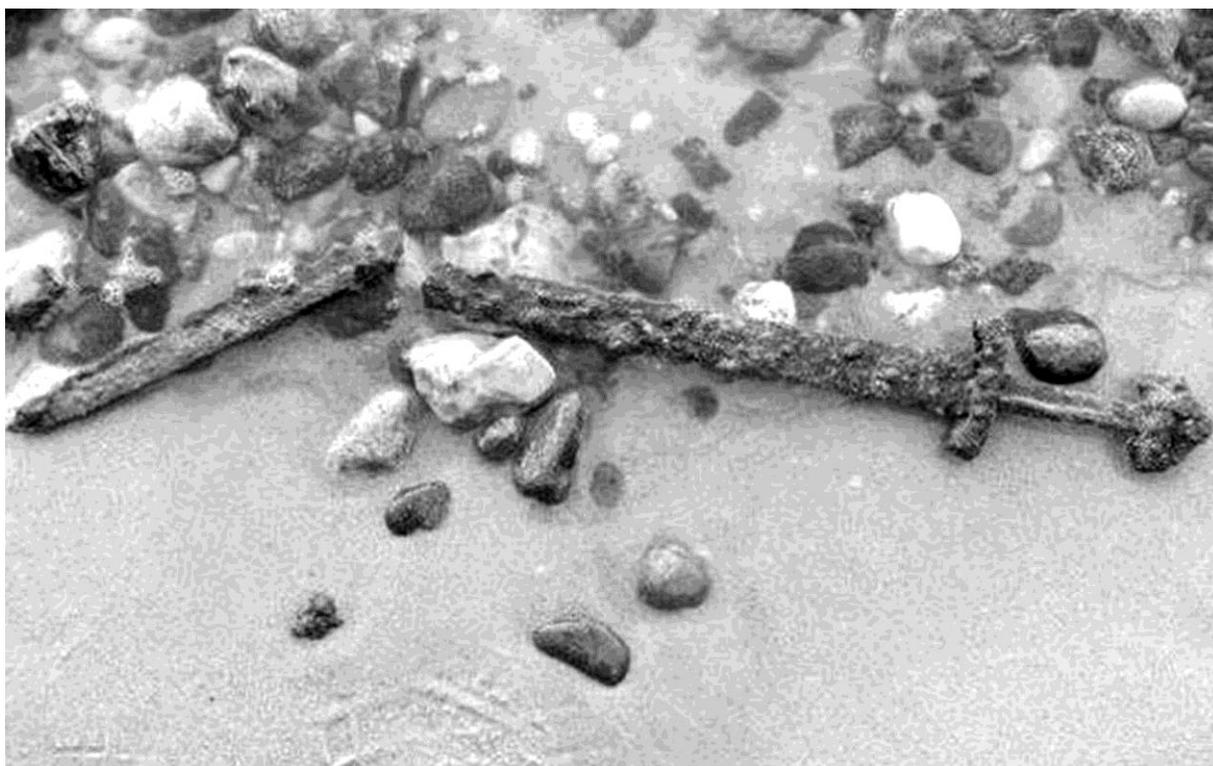


Рис.6. 29 ноября 2015 г., Калининградский (Вислинский) залив

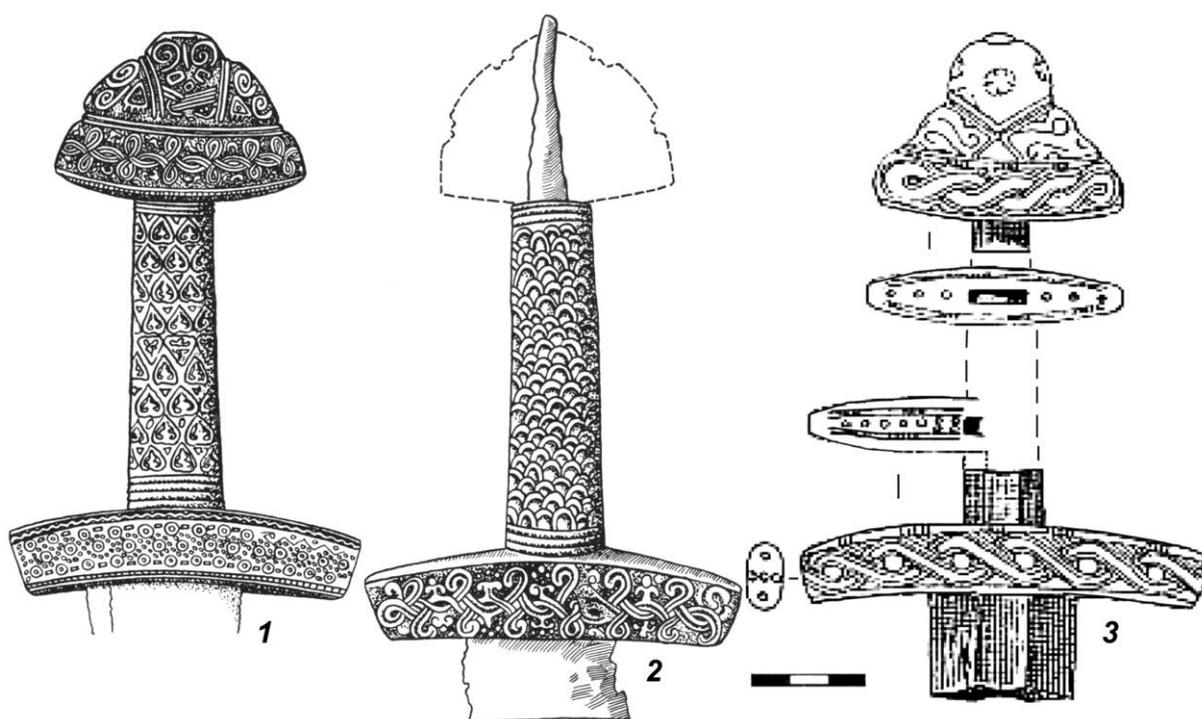


Рис.7. Мечи Киевские

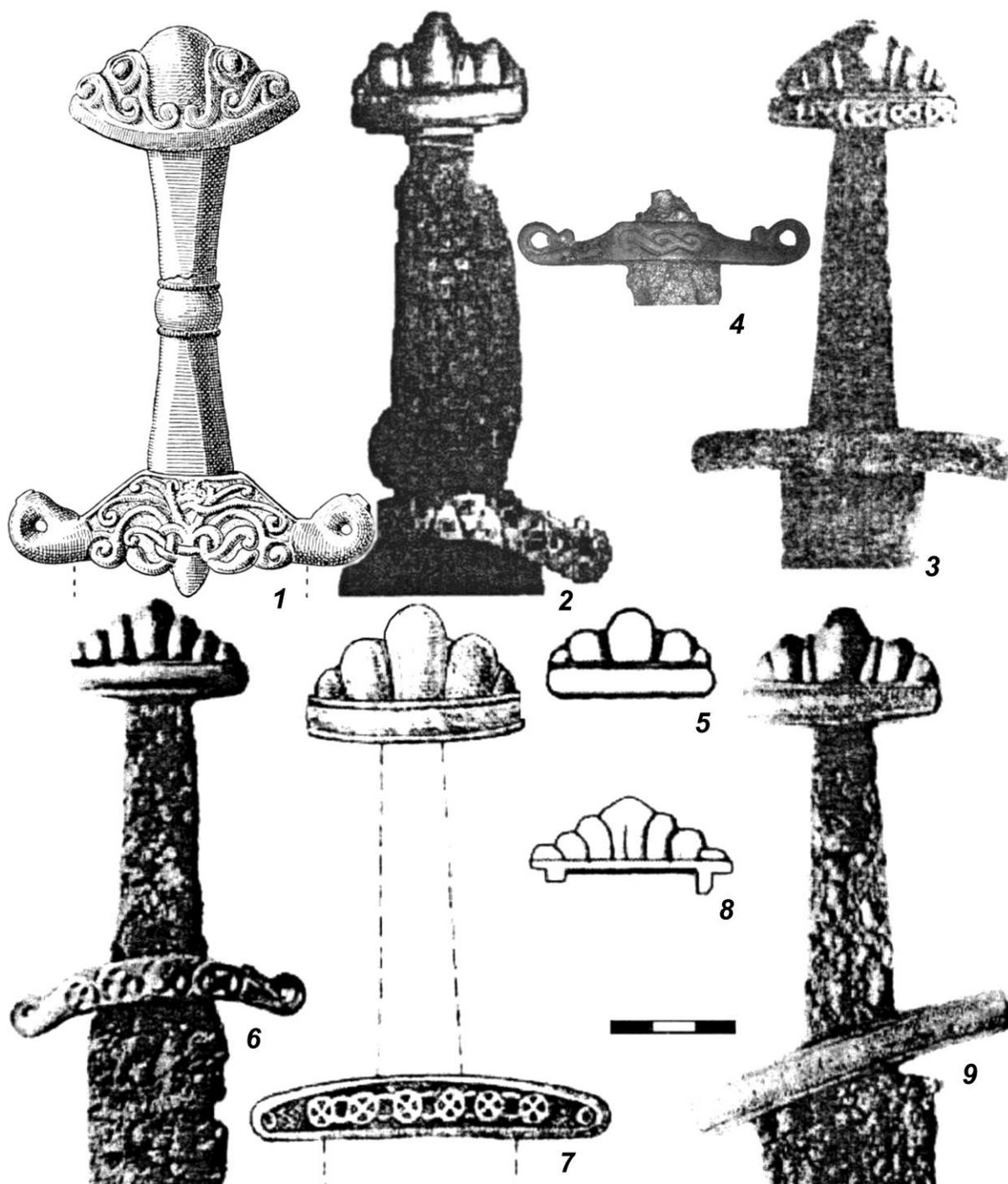


Рис.8. Мечи с бронзовыми деталями

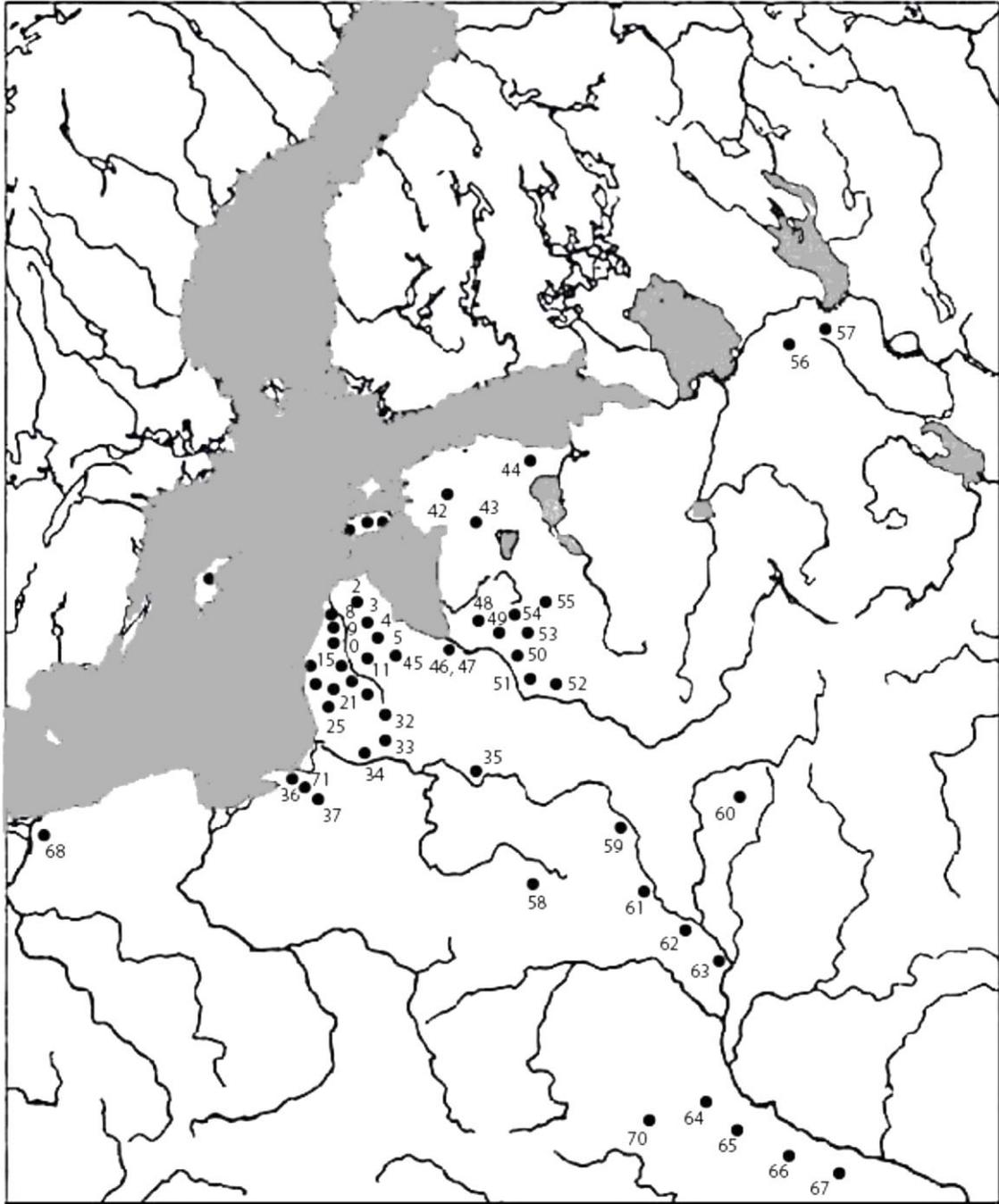


Рис.9. Карта распространения находок деталей рукоятей мечей типа J.P. TI

УДК902

**А.В. Данич****СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ (СТРЕМЕНА) НА МАТЕРИАЛАХ  
РАСКОПОК ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

*В статье обобщается такая часть снаряжение верхового коня, как стремяна, полученные в ходе раскопок могильника Питер (Степаново Плотбище), исследованного в 1997–1999, 2001 гг. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета.*

*Несмотря на разрушение целостности слоя объекта археологического наследия, собранная информация позволяет внести новые данные в характеристику ломоватовской археологической культуры на территории Пермского Предуралья.*

*В работе впервые обобщен значительный материал IX–XI вв. из археологических раскопок, не введенный в научный оборот.*

*Ключевые слова: Пермское Предуралье, снаряжение верхового коня, стремяна, могильник.*

**A.V. Danich****EQUIPMENT RIDING HORSE (STIRRUPS) ON MATERIALS FROM PETER  
BURIAL GROUND (STEPANOV'S RAFTING GROUND)**

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, RF

*The article generalizes such a part of horse riding equipment as stirrup, obtained from excavations in the course of many years of research Peter (Stepanov's rafting ground) burial ground studied in 1997-1999, 2001 by the detachment of the Kama archaeological and ethnographic expedition of the Perm state pedagogical University.*

*Despite the destruction of the integrity of the layer of the object of archaeological heritage, the collected information allows to make new data in the characteristics of lomovатовsky archaeological culture in the Perm Urals.*

*For the first time summarizes the important material IX–XI centuries from archaeological excavations, is not introduced into scientific circulation.*

*Key words: Perm pre-Urals, riding horse equipment, stirrup, burial ground.*

Одним из интереснейших средневековых памятников Пермского Предуралья является могильник Питер (Степаново Плотбище), находящийся у д. Городище Юсьвинского района Пермского края. Памятник расположен на правом берегу Камского водохранилища, и занимает часть бывшей первой надпойменной террасы р. Камы, подвергшейся затоплению. Площадка, на которой расположен памятник, представляет собой подквадратный в плане полуостров, отделенный от основной материковой земли перешейком, затопляемым во время половодья. В 300 м к западу от полуострова проходит линия правого коренного берега р. Камы, высотой до 40 м.

В результате работ на размывтой и неповреждённых частях могильника площадь вскрытой поверхности составила 675 м<sup>2</sup>, на которой исследовано

21 погребение. Удалось проследить детали погребального обряда – формы и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали. Практически все черты обрядности находят полные аналогии в погребальных памятниках Пермского Предуралья. По особенностям погребального обряда и по вещевому материалу, Питер (Степаново Плотбище) могильник может быть датирован IX–XI веками.

Целью данной работы является обобщение и введение в научный оборот материалов по снаряжению верхового коня, полученных Камской археолого-этнографической экспедицией под руководством А.В. Данича и Е.О. Святовой (Бочаровой) в 1997–1999, 2001 гг. [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 29].

В состав снаряжения верхового коня, обнаруженного на могильнике, входят стремяна, удила и сбруйные пряжки. Объём публикации не позволяет рассмотреть всё снаряжение в полном объёме, поэтому остановимся только на его части – *стременах*.

*Стремя* – седельная принадлежность, помогающая всаднику сесть на коня и сохранять равновесие во время верховой езды. Оно состоит из нескольких частей: ушка, дужки и подножки. При помощи ушка с отверстием стремя крепилось к путлищу. Подножка служила для опоры ноги всадника. Дужки – формообразующие части стремени.

Группы выделены по способу оформления верха стремени с отверстием для ремня путлища, типы – по форме подножки, варианты – по дополнительным деталям.

#### ***Группа 1 – с петлёй, отделённой шейкой от корпуса стремени***

**Тип 1** – удлинённо-арочные стремяна с общим контуром в виде узкой арки. Имеют вытянутую массивную петлю скруглённой формы для путлища, раскованную в прямоугольную пластину, которая отделена от дужки широкой шейкой-перехватом. Подножка прямая или слегка вогнутая, узкая и прямоугольная в плане, под прямым углом поднимается к дужке. Она снабжена снаружи тремя чётко выраженными продольными рёбрами жёсткости – тяжами, – центральным и двумя боковыми. На части стремян имеются круглые отверстия для крепления войлочных прокладок. Дужки четырёхгранные, ромбические в сечении (6 экз., рис.1/1-4; 2/1 железо).

В Пермском Предуралье такие стремяна встречены на Загарском могильнике, в погребениях 5, 29, 33 Плесинского могильника, в погребении 47 Редикорского могильника, в погребениях 107, 337 Агафоновского I могильника, на могильнике Амбор, на могильнике Запоселье, в погребении 4 Урьянского могильника, в погребениях 15 и 109 Демонковского могильника, на Баяновском могильнике.

На Северном Кавказе стремяна данного типа происходят из разрушенных позднеаланских катакомб Рим-горы X–XII вв., кремационного погребения 133 рубежа IX–X вв. Псекупского I могильника в Закубанье и сборов в устье Псекупска там же [28, рис.7/27; 23, рис.4/3]. В северо-восточном Причерноморье в мо-

гильнике у поселка Ленинский путь [1, рис.2/4]. В Подонье и лесостепном ареале салтово-маяцкой культуры их дают оба слоя Саркела конца IX-XI вв., комплекс VIII в. у с. Тополи на Харьковщине, Правобережное Цимлянское городище, катакомбы 45 и 135 Дмитриевского могильника и другие памятники [30, рис.34/1; 17, рис.32/3; 19, рис.15; 26, рис.44]. В раннебулгарских памятниках – Билярском городище, Малорязанском, Брусянском, Новинковском, Кайбельском, Автозаводском, Большетиганском, Больше-Тарханском могильнике [15, с.363, рис.2; 4, табл. IX/11-13].

С.А. Плетнёва выделила такие образцы в третью разновидность II отдела стремян салтовской культуры и датировала концом VIII – началом X в. [24, с.167, рис.46/8]. На максимальное распространение стремян данного типа в VI-X вв. указывает С.В. Неверов [22, с.147].

Г.А. Фёдоров-Давыдов отнёс данные стремяна к типу Б-II, приведя им аналогии VIII-XI вв. с широкой территории вплоть до Сибири [33, с.14, рис.1]. Южноуральские курганы с такими стремянами Н.А. Мажитов датирует рубежом X-XI вв. и даже XII в., что, вероятнее всего, ошибочно [20, т.I, с.34-35; 21, с.157-158, рис.74/2].

По классификации А.Н. Кирпичникова, данные стремяна названы арочными и отнесены к VI типу, по его мнению, преобладающему в VII-IX вв. на широкой евразийской территории, и к XI в. вышедшие из употребления [14, с.49]. В X в. бытование арочных стремян в Восточной Европе сокращается [16].

По-видимому, бытование данного типа стремян на территории Пермского Предуралья – IX-XI вв.

**Вариант а** – ушко округлое, в месте сочленения с дужкой заужено. Петля раскована в прямоугольную пластину (5 экз., рис.1/1, 3-4; 2/1 железо).

**Вариант б** – ушко округлое, выполнено сгибанием основной части петли стремени и дополнительно не проковано (1 экз., рис.1/2 железо).

**Тип 2** – грушевидные стремяна с небольшой петлёй округлой формы и плавно выгнутой подножкой, которая не образует прямой угол при переходе в дужку (1 экз., рис.2/2 железо). От предыдущего типа отличается небольшим расширением к подножке.

Аналогичные стремяна имеют типологические параллели в материалах огузо-печенежских погребений на европейской территории [3, рис.18/12] и древневенгерских погребениях X в. в Венгрии, в хазарском слое Саркела, раннеболгарском I Большетарханском могильнике середины VIII – середины IX вв., в погребении IX в. на 116 км у Самарской луки и в одном из Мрясимовских южноуральских курганов [30, рис.7/10, с.148-150; 13, с.79, рис.12/6; 24/12; 21, с.157-158, рис.73/21]. Этому типу близка пара стремян из кургана 40 Саркельского могильника X – начала XI вв. и подъёмное стремя с площади Псекупского могильника в Закубанье [27, рис.22/8-9; 23, рис.4/4].

Г.А. Фёдоров-Давыдов такие стремяна включает в тип Б-I с аналогиями VIII-XI вв. [33, с.11, 14, рис.1].

А.Н. Кирпичников называет эти стремена «ововидными» типа I, отмечая их распространение в Восточной Европе только в IX-XI вв. с преобладанием в дружинных погребениях X в. [14, с.47].

Данный тип можно датировать IX, а в основном – X вв.

**Тип 3** – Стремена удлинённо-арочные с общим контуром в виде высокой узкой арки, подножка выгнута наружу и не образует прямого угла при переходе в дужку. Отсутствует чётко выраженный переход между корпусом и ушком, которое имеет неправильно прямоугольную форму (2 экз., рис.2/3-4, железо).

Аналогичные стремена известны в раннебулгарских памятниках – Измерском селище, Большетиганском и Чишминском могильниках [15, с.366, рис.3/3-6].

А.Н. Кирпичников называет такие стремена «ововидными» I типа с ареалом распространения в Восточной Европе только в IX-XI вв. с преобладанием в дружинных погребениях X века. Стремена этого типа также были популярны в Венгрии [14, с. 47].

Г.А. Фёдоров-Давыдов относит их к типу Б-I и датирует VIII-XI вв. [33, с.11].

Аналогичные стремена встречены в Северо-Причерноморских могильниках X в. [1, с.18], в хазарском слое Саркела [25, табл.7/6; 8/4], на раннебулгарских памятниках – Измерском селище, Большетиганском и Чишминском могильниках [15, с.366, рис.3/3-6], в одном из Мрясимовских курганов на Южном Урале, где датируется XII в. [21, рис. 73/21].

На территории Пермского Предуралья данный тип стремян можно датировать IX-XI вв.

**Группа 2 – без петли, с отверстием, пробитым сверху дужки.**

**Тип 1** – «кольчатые», с круглым общим контуром, пластинчато-раскованными дужками и сильно выгнутой, удлинённой в плане подножкой. Отверстие для путлища округлое (1 экз., рис.3/1 железо).

В классификации А.Н. Кирпичникова «кольчатые» стремена объединены в тип V, умеренно и разрозненно распространённый на территории Восточной Европы в X-XIII вв. [14, с.48-49].

Аналогичные стремена найдены в Северо-Восточном Причерноморье – сапунских, цемдолинских и кабардинских курганах, в Кринице и на р. Жанэ, в могильниках Андреевская щель, Цемдолинский, Потомственный, Бжид I, на Кадошском мысу [1, с.27], в Центральном Предкавказье идентичные стремена присутствуют в погребениях XI-XII вв. Змейского катакомбного могильника [34, рис.17/18; 35, рис.21/3; 36, рис.32]. Данные стремена присутствуют в мрясимовских курганах XII-XIII вв. и каранаевских курганах X-XII вв. в Приуралье, в кургане №6 XII – начала XIII вв. южноуральского могильника Лебедевка VIII [31, рис.90/18, 24; 21, с.158, рис.75/2; 32, рис.43; 12, рис.7/29; 2, с.42-43; 37, рис.66/2, 67/2]. Аналогичные стремена встречаются в Южной Сибири – в аскизской культуре XI-XII вв. и на территории сrostкинской культуры в

Верхнем Приобье и на Алтае, где датируются в рамках XII-XIV вв. [18, рис.74/4; 22, с.150, рис.9/2].

На территории Пермского Предуралья данный тип стремян можно датировать X-XI вв. В более поздних материалах на данный момент аналогичные стремяна не встречались.

**Группа 3 – с небольшой округлой петлёй на верхней части дужки**

**Тип 1.** Снабжено круглой подножкой и небольшой округлой верхней петлёй для путлица. Ушко пластинчатое. Стремяна с круглым общим контуром, круглой в сечение прутковидной дужкой и сильно выгнутой, удлинённой в плане подножкой. Она снабжена снаружи тремя чётко выраженными продольными рёбрами жёсткости – тяжами, – центральным и двумя боковыми (3 экз., рис.3/2-3, железо).

На территории Пермского Предуралья данный тип стремян можно датировать IX-XI вв. Такие стремяна произошли от верёвочных и ременных, и относятся к древнейшим евразийским стремянам.

**Тип 2.** Снабжено круглой подножкой и небольшой округлой верхней петлёй для путлица. Ушко пластинчатое. Стремяна с круглым общим контуром, пластинчато-раскованными дужками и сильно выгнутой, удлинённой в плане подножкой. Она снабжена снаружи тремя чётко выраженными продольными рёбрами жёсткости – тяжами, – центральным и двумя боковыми (1 экз., рис.3/4). Датируется IX-XI вв. Такие стремяна произошли от верёвочных и ременных, и относятся к древнейшим евразийским стремянам.

В Пермском Предуралье аналогичные стремяна встречены в погребении 137 Огурдинского могильника.

А.Н. Кирпичников называет такие стремяна «ововидными» I типа с ареалом распространения в Восточной Европе только в IX-XI вв. с преобладанием в дружинных погребениях X века. Также стремяна этого типа были популярны в Венгрии [14, с.47].

Г.А. Фёдоров-Давыдов относит их к типу Б-I и датирует VIII-XI вв. [33, с.11].

Аналогичные стремяна встречены в Северо-Причерноморских могильниках X в. [1, с.18], в хазарском слое Саркела [25, табл.7/6; 8/4], в раннебулгарских памятниках (Танкеевский могильник, Большетиганский могильник, Измерское селище) [15, рис.3/3-6], в одном из Мрясимовских курганах на Южном Урале, где датируется XII в. [21, рис.73/21].

На территории Пермского Предуралья данный тип стремян можно датировать IX-XI вв.

Также на могильнике найдено несколько обломков *детских стремян*:

– 6 фрагментов (подножки) детского стремени. Подножка плоская, в плане лентовидная, слегка вогнутая внутрь и загибающаяся почти под прямым углом с боков. Ширина стремян 80 мм (6 экз., рис.3/5, 7, железо). Датируются IX-X вв.

– фрагмент округлых стремян (место перехода от контура к подножке) (1 экз., рис.3/6 железо). Датируется IX-XI вв.

Таким образом, подводя некоторые итоги исследованию снаряжения коня на материалах могильника Питер (Степаново Плотбище), мы наблюдаем следующую картину: на могильнике встречены стремяна трёх основных форм – удлиненно-арочные стремяна с общим контуром в виде узкой арки, с петлёй, отделённой шейкой от корпуса стремени, датируемые IX-XI вв., «кольчатые», с круглым общим контуром, без петли, с отверстием, пробитым вверху дужки, датируемые X-XIII вв., и стремяна, снабженные круглой подножкой и небольшой округлой верхней петлёй для путлища, датируемые IX-XI вв.

Стремяна Пермского Предуралья в своём развитии демонстрируют такую же тенденцию, которая прослежена на многих других территориях. Это постепенный переход от стремян арочных с пластинчатой или петельчатой петлёй к овоидным и далее к округлым стремянам без петли для путлища. На всём протяжении времени изменялись две составляющие стремени – петля для путлища и подножка. В VIII-IX вв. ушко для путлища петельчатое или пластинчатое отделённое от стремени узкой шейкой, подножка в основном выгнута вовнутрь стремени, усиленная 1 или 3 рёбрами жёсткости. В X в. ушко начинает сливаться со стремянем, подножка выпрямляться и выгибаться наружу, придавая стремяни округлые очертания. В XI-XII вв. ушко вообще пропадает и отверстие для путлища прорезают в верхней части стремени. Стремяна становятся более лёгкими и приземистыми, что являлось более удобной опорой для ноги всадника.

### Библиографический список

1. Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X-XIII вв. – М.: Ин-т археологии РАН, 2006. – 226 с.
2. Боталов С., Костюков В. Кипчакские погребения XI-XII вв. в Южном Зауралье // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара: Артефакт 1993. – С.42-49
3. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. – Уфа: Гилем, 2001 – 212 с.
4. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние булгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 200 с.
5. Данич А.В. Отчёт о разведочных работах в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа Пермской области в 1996 году. – Пермь: Архив ЛАИ КАЭЭ ПГГПУ, 1997.
6. Данич А.В. Отчёт о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1997 году. – Пермь: Архив ЛАИ КАЭЭ ПГГПУ, 1998.
7. Данич А.В. Раскопки Городищенского (Степаново Плотбище) могильника // АО, 1997 г. – М.: Наука, 1999. – С. 203-205.

8. Данич А.В. Раскопки Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в 1997 году // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее. – Пермь: Пермский областной краеведческий музей, 1999. – С.124-127.
9. Данич А.В. Отчёт о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1999 году. – Пермь: Архив ЛАИ КАЭЭ ПГГПУ, 2000.
10. Данич А.В. Отчёт о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 2001 г. – Пермь: Архив ЛАИ КАЭЭ ПГГПУ, 2002.
11. Данич А.В. Отчёт о мониторинге объектов археологического наследия в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края в 2014 г. – Пермь: Архив ЛАИ КАЭЭ ПГГПУ, 2014.
12. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). – М.: Наука, 1988 – 91 с.
13. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.
14. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. – Вып.Е-1-36. – М.: Наука, 1973. – 190 с.
15. Красильников П.В. К вопросу о типологии стремян с памятников раннебулгарского времени // Труды КАЭЭ. – Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГГПУ, 2012. – С.360-367.
16. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1989 – С.98-114.
17. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Вып. XLI. – М.: АН СССР, 1951 – С.99-108.
18. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.). // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981 – С.200-207.
19. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона // МИА. №62. – М.-Л., 1958 – С.85-150.
20. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. – М.: Наука, 1977 – 240 с.
21. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. – М.: Наука, 1981. – 164 с.
22. Неверов С.В. Стремёна Верхнего Приобья в VII-XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998 – С.129-151.
23. Носкова Л.М. К вопросу об этническом составе Среднего Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. – М., 2002 – С.169-187.

24. Плетнёва С.А. От кочевий к городам // МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967 – 200 с.
25. Плетнёва С.А. Древности чёрных клобуков // САИ. – Вып. Е1-19. – М.: Наука, 1973. – 96с.
26. Плетнёва С.А. На славянско-хазарском пограичье. Дмитриевский археологический комплекс. – М: Наука, 1989. – 288 с.: ил.
27. Плетнёва С.А. Печенег и гузы на Нижнем Дону. – М.: ИА, 1990 – 102 с.
28. Рунич А.П. Катакомбы Рим-горы // СА. – №2. – М.: Наука, 1970. – С.198-208.
29. Святова (Бочарова) Е.О. Отчёт о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1998 г. – Пермь: Архив ЛАИ КАЭЭ ПГГПУ, 2007.
30. Сорокин С.С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // МИА. №75. – М.-Л., 1959 – С.147.
31. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981 – 304 с.
32. Сунгатов Ф.А. Отчёт о раскопках в 2001 г. Каранаевского курганного могильника в Мечетлинском районе Республики Башкортостан. – Уфа: Архив ИА РАН, 2002.
33. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: МГУ, 1966. – 276 с.
34. Фидаров Р.Ф. Отчёт о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСО в 1993 г. – Архив ИА РАН. Р-1.№17838, 17839.
35. Фидаров Р.Ф. Отчёт о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСО в 2001 г. – Архив ИА РАН. Р-1.№24764.
36. Шестопалова Э.Ю. Отчёт о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСО в 1991 г. – Архив ИА РАН. Р-1.№16813.
37. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. – №60. – М.-Л., 1959 – С.323-523.

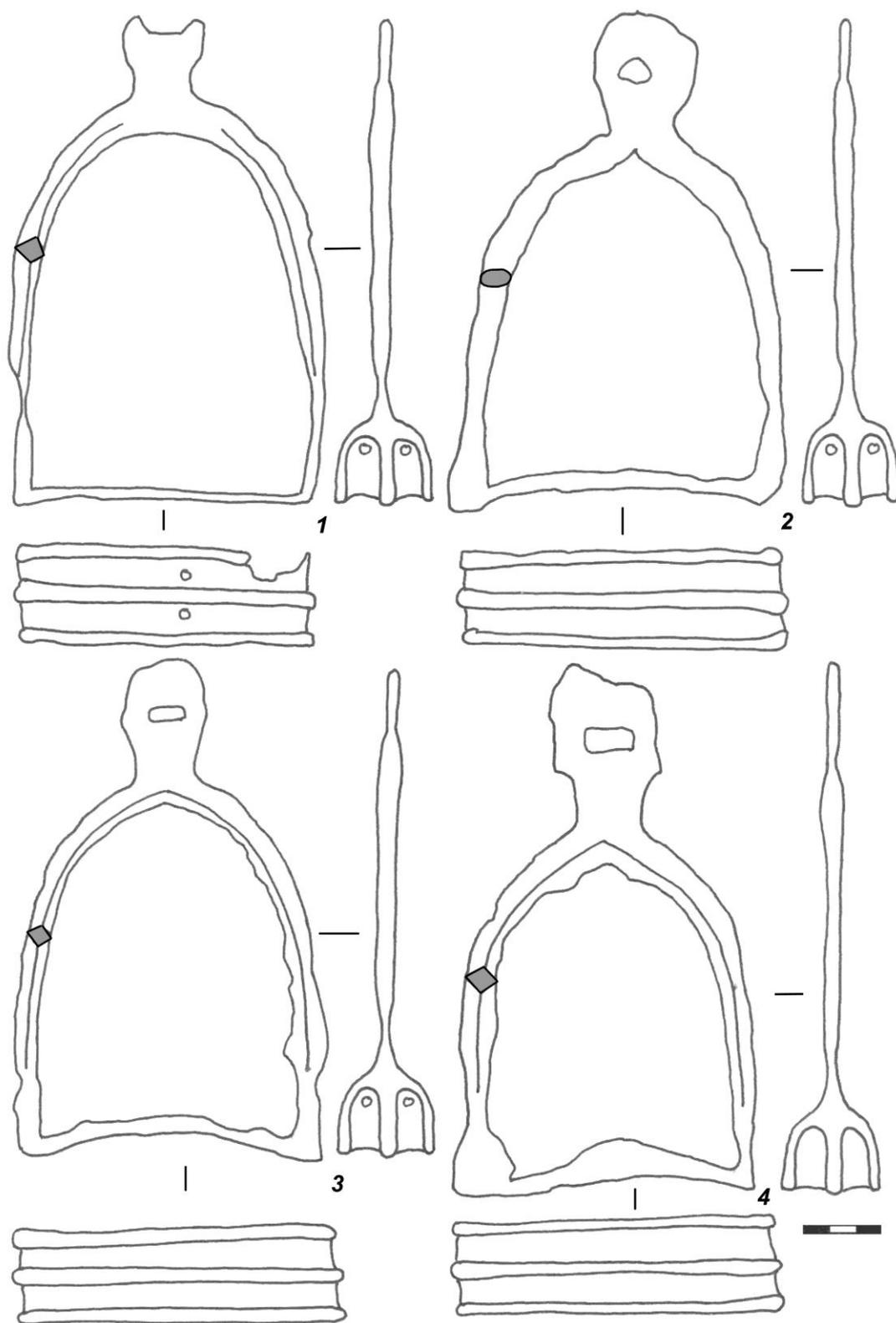


Рис. 1. Стремена могильника Питер (Степаново Плотбище)

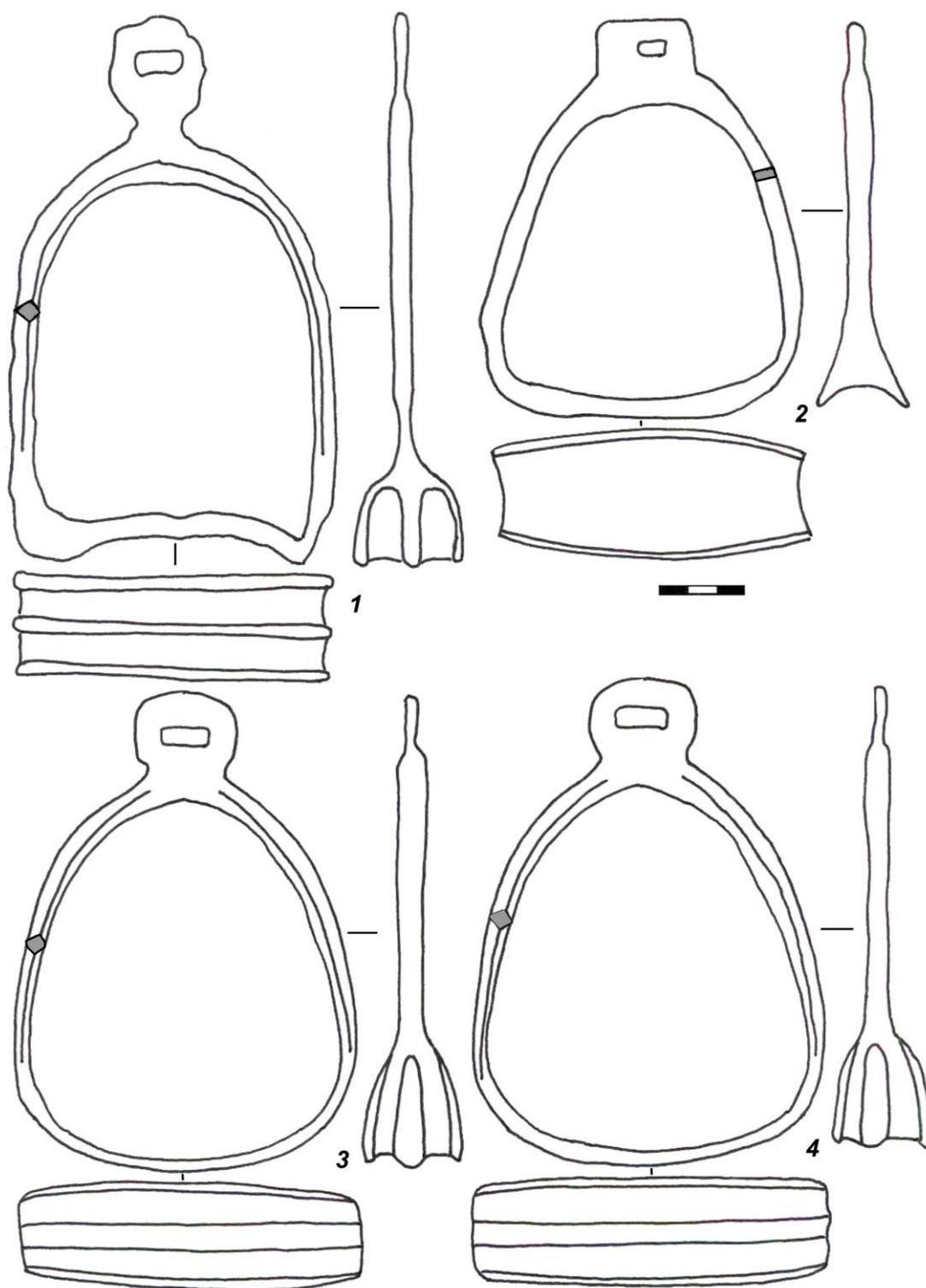


Рис. 2. Стремена могильника Питер (Степаново Плотбище)

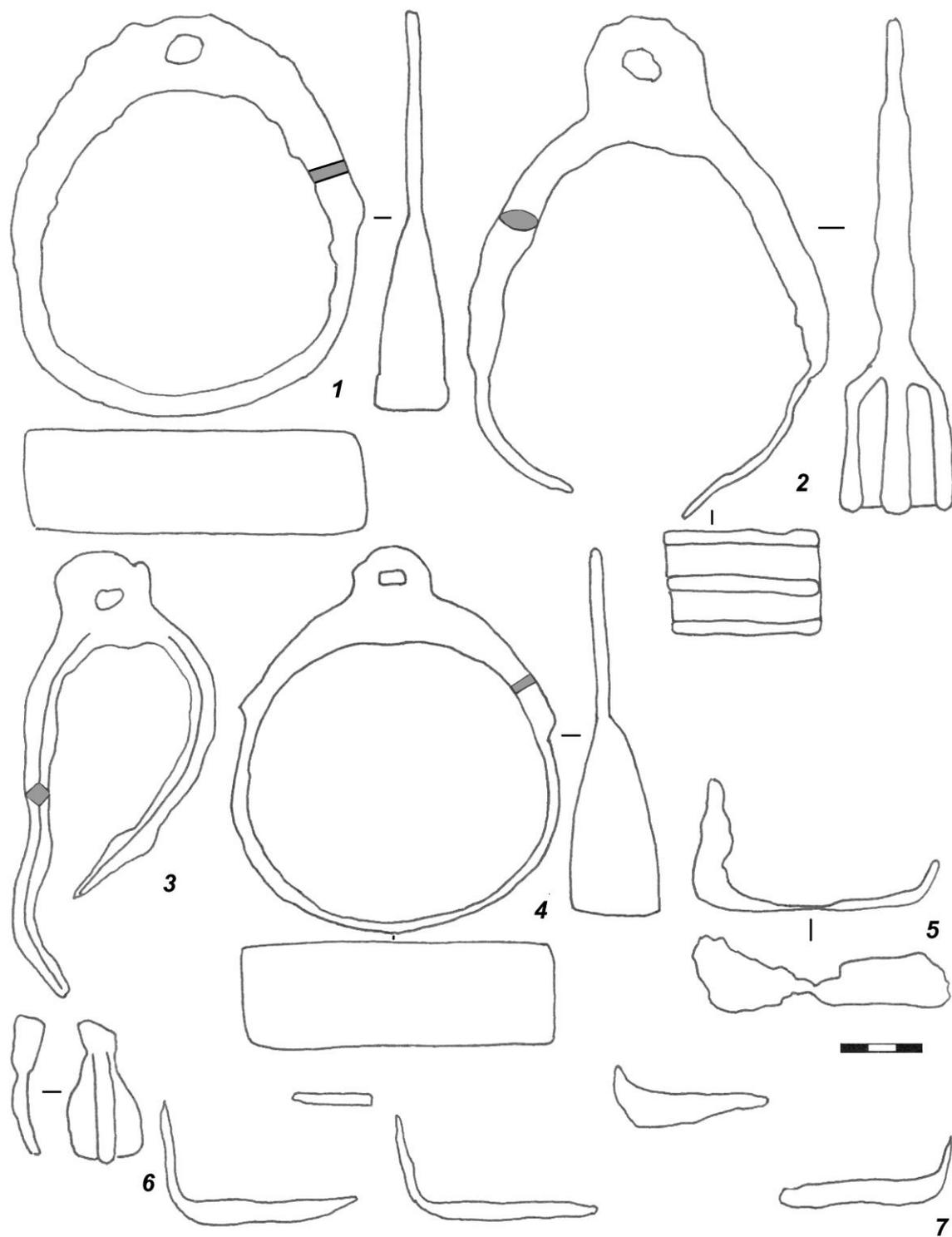


Рис. 3. Стремена могильника Питер (Степаново Плотбище)

УДК 902.01

**К.В. Моряхина****ИМПОРТНЫЕ УКРАШЕНИЯ РУК НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО  
ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

*Изучая украшения рук, исследователи (А.А. Спицын, А.П. Смирнов, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, К.А. Руденко и др.) обращали внимание на наличие импортных изделий, в первую очередь, из Волжской Булгарии и Древней Руси. В данной статье расширены территориальные рамки рассмотрения источников поступления импортных украшений рук. Помимо указанных территорий жители Пермского Предуралья контактировали с кочевниками южных степей и соседними финно-угорскими народами. Также пересмотрены выделенные предыдущими исследователями привозные изделия — ряд из них отнесены к местному производству.*

*Ключевые слова: украшения рук, импорт, этнокультурные контакты, средневековье, Пермское Предуралье.*

**K.V. Moriakhina****IMMORTAL DECORATIONS OF HANDS IN THE TERRITORY OF  
PERM CIS-URAL TO THE MIDDLE AGES**

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, RF

*Studying jewelry, researchers (A.A. Spitsyn, A.P. Smirnov, A.M. Belavin, N.B. Krylasova, K.A. Rudenko, etc.) drew attention to the availability of imported products, primarily from the Volga Bulgaria and Ancient Russia. In this article, the territorial scope has been expanded, considering the sources of imported jewelry of hand. In addition to these territories, residents of the Perm Cis-Ural region have been in contact with nomads of the southern steppes and neighboring Finno-Ugric peoples. Also to consider are imported products, identified by previous researchers - a number of them are classified as local production.*

*Key-words: hand decorations, imports, ethnocultural contacts, the Middle Ages, the Perm Cis-Ural.*

Вопросы, связанные с происхождением изделий, всегда были актуальными в археологической науке. Наибольший интерес у исследователей вызывают импортные украшения, в том числе, украшения рук. Выделение их из общего массива артефактов позволяет реконструировать этнокультурные контакты, определить влияние, оказываемое на местные ремесленные традиции.

Первая попытка выделить импортные украшения рук среди средневековых изделий Пермского Предуралья была предпринята в начале XX в. А.А. Спицыным. К таковым украшениям он отнес перстни с зерно-сканым узором, серебряный перстень с крупной вставкой и перстень с широкой передней вставкой (с ромбическим щитком). По мнению А.А. Спицына, привозные украшения происходили из Поволжья, в большинстве своем, из Волжской Булгарии [19, с. 27–45].

В середине XX в., с начавшимися планомерными археологическими исследованиями в Пермском крае, был поднят вопрос об этнокультурном влиянии на Пермское Предуралье со стороны Волжской Булгарии и Древней Руси. А.П. Смирнов отмечал, что болгарское влияние прослеживается в плетеных браслетах и перстнях, орнаментированных сканью и зернью, древнерусское – в широких шарнирных браслетах с растительным орнаментом и чернью [18, с. 208–216].

Подробно широкий шарнирный браслет, найденный у д. Сартаковой Чердынского р-на, был рассмотрен В.Ф. Генингом. Исследователь согласился с ранее опубликованными выводами А.П. Смирнова, но допускал, что подобные браслеты могли быть изготовлены в Волжской Булгарии по мотивам древнерусских изделий. По мнению В.Ф. Генинга, на это указывает крупный диаметр зерна, характерный для ювелирного дела Волжской Булгарии [7, с. 135–136].

Позднее шарнирные (или створчатые) браслеты из Пермского Предуралья были рассмотрены Т.И. Макаровой в рамках изучения черного дела Древней Руси. Исследовательница на основе анализа техники изготовления и орнаментальных мотивов пришла к выводу, что данные браслеты были изготовлены в Волжской Булгарии по аналогии с киевскими украшениями [12, с. 78, 84].

Наиболее полно тема импорта в Пермское Предуралье с соседних территорий была раскрыта А.М. Белавиным в монографии «Камский торговый путь». К болгарскому импорту исследователь относил следующие браслеты: серебряные пластинчатые с округло-расширенными концами, украшенные зернью и сканью или циркульным орнаментом; витые и плетеные, концы которых закрывались скульптурными изображениями фигурок животных или широкими пластинами; створчатые браслеты. По мнению А.М. Белавина, булгарами была заимствована идея создания створчатых браслетов от древнерусского населения, и уже болгарские изделия попадали на территорию Пермского Предуралья. Булгарские створчатые браслеты отличаются от древнерусских орнаментом в виде двучастной плетенки, сочетанием разных технологических приемов (зернь, чернение, тиснение, пайка, чеканка, золочение). К импортным болгарским перстням, найденным на территории Пермского Предуралья, исследователем были отнесены щитковосерединные черненные перстни; перстни с сердоликовой или стеклянной вставкой; перстни со щитком, украшенным зернью и сканью; перстни-печатки [4, с. 98–104].

По мнению А.М. Белавина, древнерусский импорт имел меньшее значение, чем болгарский. Но, тем не менее, встречается большое количество древнерусских изделий на территории Пермского Предуралья: перстни с овальным щитком и заходящими концами; серебряные замкнутые с прямоугольным щитком, орнаментированные чернением; перстни с овальным щитком с изображением свастики; бронзовые перстни в два оборота с овальным щитком; серебряные перстни с круглым щитком, орнаментированным псевдозернью и псевдосканью [4, с. 150–151].

А.М. Белавиным к импортному материалу были отнесены вещи, сделанные в основном из серебра, и выполненные при помощи более сложных технологий, таких как филигрань, чернение, золочение.

В последнее время археологи Урало-Поволжья начинают переосмысливать объем болгарского импорта на территорию Предуралья и Зауралья. Особенно привлекают внимание археологов перстни с чернением – в последнее время стал актуален вопрос: все ли перстни происходят из Волжской Булгарии, или же было и их местное производство.

Казанский археолог К.А. Руденко подвергает сомнению столь широкий импорт болгарских изделий в Предуралье и Зауралье. По его мнению, орнамент на перстнях с чернением, найденных в Предуралье, не характерен для болгарских изделий, и, возможно, такие перстни имеют местное происхождение [16, с. 289]. В другой статье К.А. Руденко в соавторстве с пермскими археологами Н.Г. Брюховой и Е.Л. Лычагиной анализируют перстни Плотниковского могильника, что в итоге подтверждает ранее высказанное предположение [5, с. 4–6].

Тобольский археолог А.А. Адамов составил классификацию перстней с чернением, основанную на анализе орнаментации щитка. Проведя статистический анализ встречаемости определенных типов перстней на территории Волжской Булгарии и Предуралья, исследователь отметил, что перстни с орнаментом в виде перекрещенных линий и плетенки (как основного сюжета) не встречаются на территории Волжской Булгарии, в то время как на территории Предуралья их насчитывается 26 экземпляров (с учетом грабительских сборов). Исходя из этого, А.А. Адамов предполагает, что существовал пермский ювелирный центр по изготовлению серебряных перстней, который сложился под влиянием болгарских мастеров [1, с. 44–49].

Детальное изучение техники изготовления данных перстней представлено в статье Ю.А. Подосеновой и Н.Г. Брюховой «Перстни «болгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления» [6, с.304–311]. Но, не смотря на то, что авторами статьи была подчеркнута необходимость рассмотрения техники изготовления для разрешения вопроса о месте изготовления перстней: Волжская Болгария или Предуралье, вывод по данной проблеме так и не был сделан. Поэтому вопрос до сих пор остается открытым.

Сложившаяся проблема касается не только перстней, но и других категорий украшений. Так, К.А. Руденко рассматривает браслеты с шатонами, с целью выявить первоначальное место их изготовления. Исследователь опирается на опубликованные материалы Древней Руси, Предуралья и Зауралья. В результате К.А. Руденко опровергает сложившееся мнение, что такие браслеты изготавливали в Волжской Булгарии, и разделяет изделия на два типа (к одному из этих типов относятся только браслеты из Пермского Предуралья). Но происхождение браслетов с шатонами так и не было определено [14, с. 162–165].

Наличие древнерусского импорта подтверждается материалами Рождественского могильника. По мнению Н.Б. Крыласовой, новгородское происхождение имели следующие перстни: «усатый», серебряный с овальным щитком, орнаментированный насечками, пластинчатый бесщитковый, спиралевидный [10, рис.1/4].

На сегодняшний момент внимание исследователей привлекали импортные вещи, попадающие в Пермское Предуралье с территорий Волжской Булгарии и Древней Руси. В данной статье будет рассмотрен более широкий ареал поступления украшений рук на территорию Пермского Предуралья, а также пересмотрена доля импортных изделий из Волжской Булгарии и Руси.

Импортные украшения рук начали встречаться в Пермском Предуралье с конца VIII века. В VIII–IX вв. в Восточной Европе и Зауралье появилась мода на литые перстни со вставкой, т. н. «перстни салтовского типа». Первоначальным местом их изготовления была территория салтово-маяцкой культуры, где они встречаются на памятниках VIII – нач. IX вв. [13, с.115]. Постепенно отсюда перстни со вставкой проникали к венграм, на Русь и к соседним финно-угорским народам, в Поволжье и на Урал, где их, в том числе, начинают изготавливать на местах в подражание импортным. Перстни салтово-маяцкой культуры изготавливались из низкопробного серебра или бронзы, в качестве вставки использовались сердолик или красное стекло. Щиток мог иметь разный размер, шинка иногда имела рельефный декор. Отмечаются случаи нанесения на вставку резного орнамента в виде птички [13, с. 115]. В Пермском Предуралье типичные салтовские перстни (в редких случаях они имеют орнамент на шинке в виде насечек) найдены на Аверинском II, Баяновском, Деменковском, Плесинском, Степаново Плотбище могильниках (рис.1/1, 16 экз.). Но перстни «салтовского типа» попадали сюда не только из первоначального места их изготовления, но и из соседней Волжской Булгарии. На Баяновском могильнике найден экземпляр с надписью арабской вязью – «Нет Бога, кроме Аллаха». Стоит отметить, что и местными мастерами изготавливались такие перстни. Они характеризуются наличием стеклянной вставки синего цвета.

В это же время с южных территорий в Пермское Предуралье попадают единичные экземпляры кованых серебряных перстней со вставкой из янтаря, имевшие распространение у алан [9, табл. XXXVI]. В виду используемого материала для изготовления украшений их можно отнести к статусным вещам. Такие перстни обнаружены на Аверинском II, Каневском, Плесинском могильниках (рис.1/2, 3 экз.).

В IX–X вв. этнокультурные контакты населения Пермского Предуралья расширились, в первую очередь, они были ориентированы на финно-угорский мир. Установились контакты с населением Ветлужско-Вятского междуречья – на рассматриваемую территорию попадают браслеты дровые восьмигранные с кружковым орнаментом и насечками на концах, пластинчатые литые с изображением змей на концах, пластинчатые литые с двумя желобками [2,

рис.31/ц]. Они найдены на Агафоновском II, Баяновском, Рождественском могильниках (рис.1/4–6, 7 экз.).

На могильнике Степаново Плотбище (рис.1/10) обнаружен ажурный перстень с волнистой полоской по центру, характерный для Волго-Окского междуречья.

В X–XI вв. из Западной Сибири в Пермское Предуралье попадают пластинчатые браслеты с 3–4 продольными желобками, они были обнаружены на могильнике Степаново Плотбище (рис.1/3, 2 экз.). В этот период, по мнению А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, существовала «единая уральская угорская ойкумена, расположенная по обе стороны Уральских гор» [3, с.257]. Поэтому появление браслетов из Зауралья можно рассматривать как результат тесной связи с соседней территорией.

В X–XII вв. устанавливаются связи между Пермским Предуральем и Белозерьем. Первоначально Белозерье выступило в качестве посредника – через эту территорию в Пермское Предуралье попадали широкосерединые перстни с желобками, характерные для Скандинавии. По мнению И.А. Суминой, восточным рубежом распространения подобных перстней было Белозерье [20, рис.3/14]. Но, вероятно, оттуда они шли дальше на Восток. Такие перстни обнаружены в Предуралье в погребениях X в. на Плесинском и Степаново Плотбище могильниках (рис.1/8, 3 экз.). В XI–XII вв. отмечается упрочнение наметившихся связей, между Предуральем и Белозерьем устанавливается взаимный обмен. Оттуда происходят широкосерединый перстень с имитацией плетенки и перстни с шестиугольным щитком. В Белозерье указанные украшения изготавливали из оловянно-свинцового сплава [20, рис.7], обнаруженные в Пермском Предуралье на Саламатовском I городище и Плотниковском могильнике изделия (рис.1/7, 9, 7 экз.) имеют аналогичный состав металла.

В X в. Волжская Булгария окончательно формируется как государство, ставшее крупным экономическим и политическим центром, оказавшим существенное влияние на соседние территории, в том числе, Пермское Предуралье. Наряду с другими материалами на рассматриваемую территорию попадают серебряные украшения. В конце XI – начале XIII вв. в Волжской Булгарии пользовались популярностью серебряные кованые перстни с чеканным или гравированным рисунком, выделенным чернью. Но за пределами Булгарии они встречаются редко [15, с.60–61]. Из массива аналогичных серебряных перстней к болгарскому импорту можно отнести лишь четыре экземпляра с прямоугольным щитком (рис.1/11–14), которые идентичны по орнаментальным мотивам и технике изготовления, – с растительным орнаментом, с рисунком из переплетенных геометрических фигур в виде диагонального креста, с рисунком из сдвоенных трилистников. Изделия происходят из раскопок крупных поселенческих памятников, таких, как Рождественское, Саламатовское I городища, Калининское селище. Остальные (9 экз.) были изготовлены местными мастерами под влиянием болгарских ювелирных традиций, и имеют ряд особенностей: обрамление щитка

бордюром, орнаментация боковых граней разделенными треугольниками, своеобразиие декора, сочетание чернения и золочения. Изделия, созданные в «подражание», появляются с XII в. и получают распространение в XIII в., когда в Волжской Булгарии прекращается выпуск перстней после нашествия монголо-татар. Такие украшения, получившие в литературе название перстни «булгарского типа», в Пермском Предуралье встречены на Саламатовском I городище, селище Телячий Брод, Антыбарском, Плотниковском могильниках. Перстни «булгарского типа» также встречаются в Северном Предуралье на памятниках вымской культуры и в Зауралье в Тобольско-Иртышском междуречье. Вероятно, перстни с орнаментом в виде плетенки или диагонального креста попадают на территорию Зауралья в XIII в. с группами мигрантов из Пермского Предуралья. Стоит отметить, что украшения с таким орнаментом характерны для уральского региона, и не встречаются в Волжской Булгарии.

Помимо рассмотренных выше перстней к болгарскому импорту можно отнести плетеные браслеты с раскованными концами, кованые перстни с овальным щитком и зерно-сканым декором, которые встречаются на памятниках Пермского и Удмуртского Предуралья. Плетеные браслеты получили широкое распространения в Волжской Булгарии, ряд из них дополнительно украшены вставкой, и не вызывает сомнения их происхождение [15, с.176]. В Пермском Предуралье такие изделия обнаружены на Агафоновском II могильнике и у с. Верх-Язьва (рис.1/15).

Перстни с круглым щитком, украшенным зерно-сканым декором, не получили особого распространения в Волжской Булгарии. Вероятно, не пользуясь спросом на месте изготовления, изделия попадали на соседние территории – в Пермское и Удмуртское Предуралье. В Пермском Предуралье перстни дополнительно покрывались золочением, что характерно для пермских изделий XI века. Украшения были обнаружены на Аверинском II, Агафоновском II, Рождественском, Степаново Плотбище могильниках (рис.1/16, 8 экз.).

Створчатые браслеты, браслеты с шатолами, перстни-«колпачки», которые ранее исследователи относи к болгарскому импорту, скорее всего, к таковым не относятся, поскольку аналогичных изделий на территории Волжской Булгарии не обнаружено. Перстни-«колпачки» отличаются от болгарских изделий своими техническими характеристиками: зернь неровная и крупнее, чем на болгарских, скань заменена на торсированую проволоку. Данные украшения являются продуктом ремесленного производства пермских ювелиров. Вероятно, указанные браслеты тоже изготавливались на рассматриваемой территории под влиянием болгарских мастеров или с их участием.

С XI в. в Пермское Предуралье попадают изделия древнерусского импорта. Среди украшений рук к новгородскому производству [17, с.97, 122, 129, 132, 135, 137] можно отнести перстни с «усами» XI в., рубчатые перстни XI–XIII вв., перстни с круглым щитком, орнаментированным розеткой или свастикой XIII–XIV вв., с квадрифолийным щитком XIII в., с овальным вытянутым щитком XI–

XIII вв., с ромбическим щитком XIII–XIV вв., витые браслеты из двух проволок XII–XIII вв. Перечисленные изделия в Пермском Предуралье обнаружены на Агафоновском II, Рождественском, Плотниковском, Телячий Брод могильниках, Городищенском, Саламатовском I городищах, селище Телячий Брод, Запоселье, местонахождениях у с.Дубленово, Златино, Горт-Кушет (рис.1/17, 18, 20–24, 26; 13 экз.). Увеличение количества импортных изделий в XIII в. связано с усилением влияния Новгорода на Пермское Предуралье, которое стало возможным после падения Волжской Булгарии.

Помимо этого с древнерусских земель в Пермское Предуралье попадают изделия из Земли Вятчей и Твери. К древностям вятчей [8, с.209] можно отнести витые перстни XI в., пластинчатые браслеты с завернутыми в спираль концами XI–XIII вв., которые происходят из раскопок Рождественского, Саламатовского I городищ, могильника Степаново Плотбище (рис.1/19, 27; 4 экз.). В XI–XIII в. у вятчей получают распространение ложновитые перстни. Обнаруженные в Пермском Предуралье аналогичные изделия являются продуктами местного производства, поскольку отличается их техника изготовления: вятчи отливали перстни в двухсторонних формах, в то время как пермские изделия отлиты по восковой модели. К тому же были обнаруженные бракованные образцы с остатками литникового канала.

К импорту из Твери можно отнести только один перстень сер. XIV в. [11, рис.103/3] – перстень с овальным щитком, орнаментированным знаком бесконечности, из материалов селища Телячий Брод (рис.1/25).

Ранее исследователями к древнерусскому импорту были отнесены еще перстни с овальным щитком, орнаментированным насечками, пластинчатые бесщитковые и спиралевидные. Указанные изделия, на наш взгляд, изготавливались в Пермском Предуралье. Перстень с овальным щитком визуально напоминает новгородский, но изготовлен иным способом: в Новгороде такие перстни получали путем литья [17, с.130], у пермского экземпляра кованный щиток, припаянный к шинке. Пластинчатые бесщитковые и спиралевидные перстни получают широкое распространение в Древней Руси и у финно-угорских народов. Распространение таких изделий является следствием «моды», и изготавливались они на местах.

Наличие импортных украшений рук отражает общую картину этнокультурных контактов средневекового населения Пермского Предуралья, которые фиксируются и по другим материалам – височным кольцам, подвескам, бытовым предметам и т.д. Характер этих связей был неоднозначным. С установлением контактов с кочевниками южных степей на территорию Пермского Предуралья попадают статусные вещи – появляются первые серебряные украшения рук. С расширением этнокультурных связей меняется и их характер. Взаимоотношения с финно-угорским миром носили двухсторонний характер: как на территории Пермского Предуралья встречаются импортные вещи, так и пермские изделия обнаружены в Белозерье, Поволжье, Зауралье. Возникновение по соседству гос-

ударственных образований – Волжской Булгарии и Древней Руси – приводит установлению влияния этих территорий на Пермское Предуралье, которое проявляется в поступление импортных изделий и заимствованию ювелирных традиций. Изучение ювелирного ремесла Пермского Предуралья позволило пересмотреть роль импорта – ряд изделий, ранее отнесенных к таковым, отличаются по технике изготовления и декоративным элементам и являются продуктом местных ремесленников.

### Библиографический список

1. Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды КАЭЭ.– Вып. IX. – Пермь: ПГПУ, 2014. – С. 44–49.
2. Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. – 197 с.
3. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ, 2009. – 278 с.
4. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
5. Брюхова Н.Г., Лычагина Е.Л., Руденко К.А. Перстни из раскопок Плотниковского могильника (коллекция раскопок 2010 г.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Вып. III. – Пермь: ПГГПУ, 2010. – С. 4–6.
6. Брюхова Н.Г., Подосенова Ю.А. Перстни «болгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 33. – С. 304–311.
7. Генинг В.Ф. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья // КСИМК. – 1955. – Вып. 57. – С. 135–136.
8. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII вв. – М.: Индрик, 2011. – 404 с.
9. Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. Alanica III. – Владикавказ, 1995. – С.259–314
10. Крыласова Н.Б. Начало «древнерусской колонизации» Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем «Пермь» // Труды КАЭЭ. – Вып. IX. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – С. 28–39.
11. Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. по материалам раскопок 1993–1997 гг. – СПб.: Изд-во ф-та филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 588 с.
12. Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
13. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

14. Руденко К.А. Атрибуция серебряных пластинчатых браслетов с шатонами из Предуралья и Зауралья (к вопросу о болгарском импорте) // Человек и север: антропология, археология, экология. – Тюмень: ИПО СО РАН, 2015. – С.162–165.
15. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.
16. Руденко К.А. Ювелирные изделия Приуралья и Зауралья: к вопросу о болгарском импорте XI–XIV вв. // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург-Сургут: Изд-во «Магелан», 2007. – С. 288–289.
17. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.
18. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – 1952. – № 28. – 278 с.
19. Спицын А.А. Древности камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. – 1902. – № 26. – СПб.: Имп. Арх. комиссия. – 110 с.
20. Сумина И.А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды ГИМ. –1999. – Вып. 111. – С. 167–189.

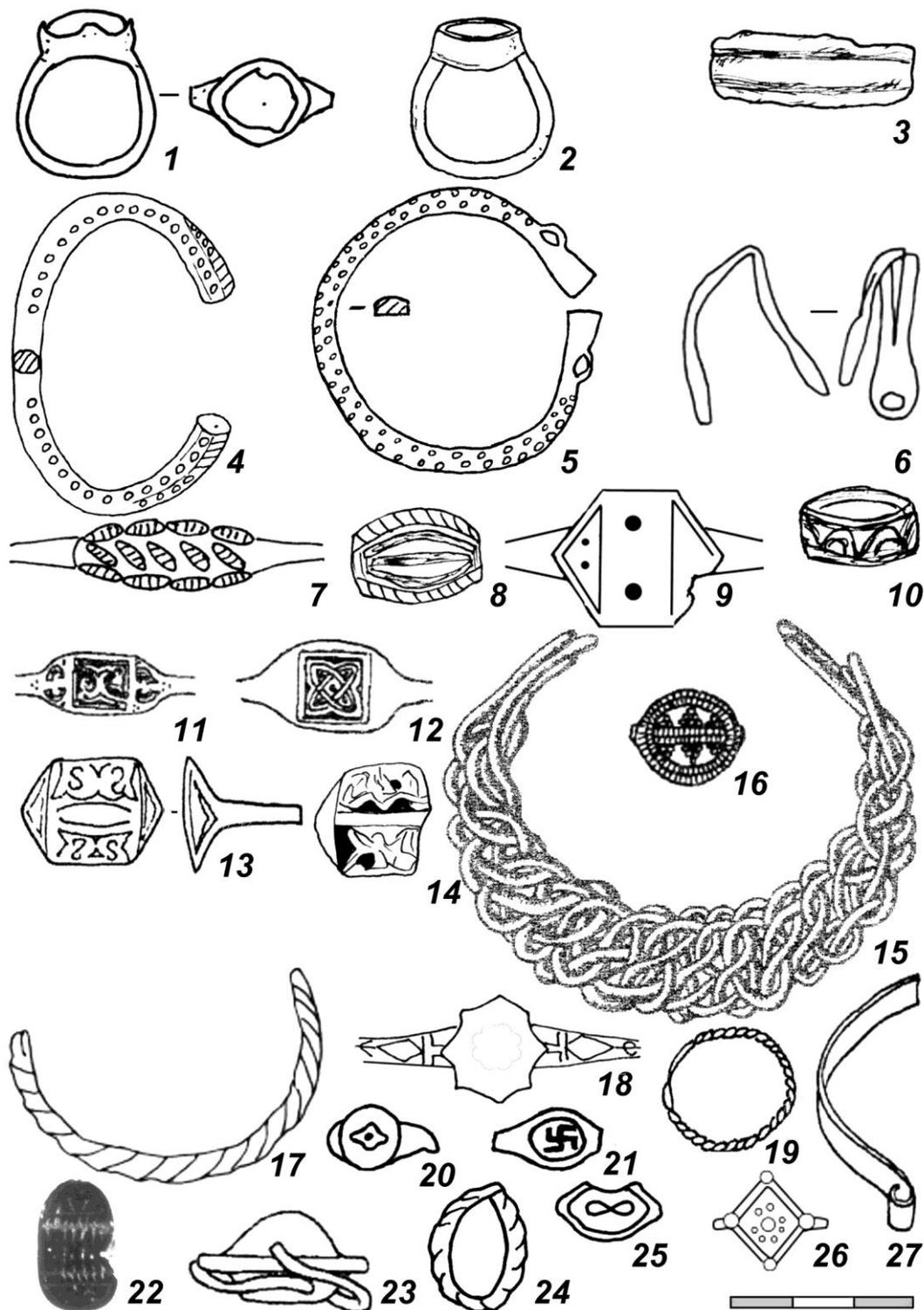


Рис. 1. Импортные украшения рук на средневековых памятниках Пермского Предуралья:

1, 4 – Баяновский могильник, 2, 8 – Плесинский могильник, 3, 10 – Степаново Плотбище могильник, 5 – Агафоновский II могильник, 6, 16 – Рождественский могильник, 7, 9, 13, 18, 19, 27 – Саламатовское I городище, 11, 12, 23 – Рождественское городище, 14 – Калинское селище, 15 – местонахождение у с. Верх-Язьва, 17 – местонахождение у с. Горт-Кушет, 20, 24, 25 – селище Телячий Брод, 21 – местонахождение у д. Златино, 26 – Запосельское селище

УДК 903.2

**А.Тюрк****АМУЛЕТЫ-ТОПОРИКИ В МАТЕРИАЛЕ КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА  
XI-XII ВЕКОВ\***

Католический университет им. Петера Пазманя, Институт археологии И-2087,  
г. Пилишчаба.; ВАН ФИЦ, Исследовательская Группа по древней истории мадьяр,  
И-1097, г. Будапешт

*Наше исследование показывает распространение одного из характерных для Северной и Восточной Европы предметов X-XIII вв. – амулетов-топорики. Долгое время был известен лишь один экземпляр из Венгрии, но в последние годы их количество резко возросло, что ожидаемо, так как подобные предметы не редкость для Центральной и Восточной Европы. Использование миниатюрных предметов, в том числе амулетов-топорики, началось в Скандинавии в раннем средневековье, но их широкое распространение с XI в. в Восточной Европе однозначно связано с Русью. Венгерские исследователи обычно предполагали, что они распространялись вместе с наемниками из Руси. В данной статье мы используем широкую базу данных и объемный корпус западноевропейской литературы для освещения нового аспекта о происхождении данного артефакта в Карпатском бассейне в XI-XII вв.*

*Ключевые слова:* Скандинавия, Прибалтика, Польша, Восточная Европа, Карпатский бассейн, амулеты-топорики, X-XII вв., контакты с Русью и Скандинавией

**ATTILA TÜRK****AXE-SHAPED AMULETS (XI-XII TH CENTURY) FROM THE CARPATHIAN  
BASIN**

Pázmány Péter Catholic University, Institute of Archaeology H-2087, Piliscsaba.; Prehistory of the Hungarian People Research Group, Centre for Social Sciences, Research Centre for the HAS H-1097, Budapest

*In Hungary, the first known medieval axe-shaped amulet came to light in Szabolcsveresmart in 1885. In Hungarian archaeological literature, it is primarily István Fodor who has published on this object type, which otherwise has an extensive international literature. Specimens are known from the Baltics, Scandinavia, Belarus, Ukraine, and Russia. The recent pieces from Hungary, presented in this paper, fill the gap between the occurrence densifications in Poland and Bulgaria, which can only be explained by a research deficit in the Carpathian Basin. In Hungary, axe-shaped amulets can be clearly interpreted as imported objects. However, the previous conjecture that Rus mercenaries wore them should be reconsidered, since they are primarily known from women's graves. It is quite likely that they came to the Carpathian Basin from Rus, but the question remains, who actually wore them, and how they were used. All of them are stray finds, but most of them are well connected to early Árpád-era sites. Single pieces have been found at a settlement and at an earthwork site. These surface finds do not allow for a dating prior to the 11th century; most of their northern and eastern parallels with known find circumstances are also dated to the 11th–12th century (although in some instances they occurred in 10th century environments too). Basically they can be divided into two types (I and II*

\* Исследование подготовлено с поддержкой программы TÁMOP 4.2.4. A/1-11-1-2012-0001 „Nemzeti Kiválóság Program”, OTKA/NKFIH 106369, и в рамках МТА ВТК МÓТ 28.317/2012. Статья написана с поддержкой Гранта им. Яноша Бойаи

by Makarov 1992), which were found in roughly equal numbers – there is no significant difference between their numbers. Opinions are divided on the pendants'/amulets' function. They have been interpreted as simple child' toys or as miniature versions of real combat weapons. They have been linked to the cult of Thor-Perun-Perkunas as protective amulets against the storm god's wrath. According to another assumption, the axeshaped amulet was a kind of symbol worn by members of the Rus military escort, which is, however, contradicted by the fact that very few man's burials have yielded such objects. Some hold the opinion that the druzhina warriors' children wore them on their belts. Yet another assumption is that these amulets were linked to the cult of St. Olaf, whose attribute is the axe, suggesting in a way Thor's continuity in Christian Scandinavia. Most of the pieces are stray finds and often come from the area of forts. Those originating from graves were mostly found in women's and children's burials. In the current research N. A. Makarov's typology, which distinguishes between two main variants, has become accepted. Lugged beard axes fall into Type I, whereas wide, fan-shaped, symmetrical axes that may be interpreted as boat representations fall into Type II. The axe amulet itself, like the rest of miniaturized objects in Rus, is of Scandinavian origin. Its popularity undoubtedly spread to Eastern Europe through Rus, though it can no longer be linked to the military only.

*Keywords: Scandinavia, Baltics, Poland, Eastern Europe, Carpathian Basin, axe-shaped amulets, 10–12. century, contacts with Rus and Scandinavia*

### **Введение**

Вплоть до последнего десятилетия уникальным и единственным для Карпатского бассейна считался амулетный предмет, имитирующий топор с дугообразным лезвием эпохи обретения родины и раннего времени династии Арпадов, обнаруженный в пределах Саболчверешмарта (рис.11), на берегу р. Тисы в 1885 г. [11, с.188–189]. Венгерский археолог Иштван Фодор ссылаясь на другой подобный предмет, найденный около Хайдухадхаза [19, с.25], который на сегодняшний день утрачен. Им же в 2014 г. опубликован еще один амулет-топорик (рис.9), который по форме и размерам подобен предмету из Саболчверешмарте [20, с.613–614]. Хотя это редкая для венгерской археологии категория предметов, она хорошо известна в Северной и Восточной Европе, Прибалтике, а также характерна для средневековой Руси и Польши. Число находок амулетов-топориков из Венгрии многократно возросло [24, с.25] в связи с развитием уровня и детализации описания карт распространения данных артефактов, в частности, с территории Балкан (рис.13/1). Поэтому я считаю нужным обновить карту распространения амулетов-топориков, и суммировать наши знания по вопросу происхождения данных уникальных артефактов.

### **История исследования предмета**

Хаакон Шетелиг в 1912 г., изучая материалы одной норвежской могилы (Свингесаэтер), перечислил известные в ту пору железные и бронзовые предметы, имитирующие оружие (топоры), найденные на территориях от Ирландии до Руси [43]. Особенностью находки из Свингесаэтера, отличающей ее от других интересующих нас предметов, является литая рукоятка с полотном [40, с.161]. В дальнейших исследованиях мало внимания было обращено на контекст данного предмета, обнаруженного в женском погребении. Этот маленький топор находился у талии умершей вместе с иголками, свинцовым пряслицем и остатками

бус. Исходя из этого, исследователь предположил, что найденный топорик являлся женским орудием труда [43, с.5–8]. Он имел в виду однозначно женские орудия труда (веретено, иголка), указывал на этнографические параллели, когда топорики использовали как орудия труда, например, при уборке сахарного тростника, или при шитье для разрезания петлиц [43, с.17–18, Fig.22]. Однако работа Х. Шетелига важна тем, что отражает детальный контекст предмета, позволяющий определить возможный круг интерпретаций амулетов-топорики и видеть в них детскую игрушку, орудие труда или ритуальный магический предмет.

Питер Паулсен в 1939 г. предложил исчерпывающий очерк про миниатюрные бронзовые и янтарные топорики. Относительно их применения он считал, что слишком маленькие предметы не могли использоваться в качестве орудия (оружия). Также он разделил эти предметы, в основном по форме, на несколько групп: 1) топоры с литым топоричем и полотном; 2) с проушиной на обухе с остатками деревянного топорича, или от тех, которые носили в висячем положении [40, с.159–171].

Ян Петерсен, исследуя в 1951 г. вещи викингской эпохи, также был заинтересован в изучении данного предмета [41, с.339–341]. Он ссылаясь, прежде всего, на результаты Х. Шетелига. Интересно, что он изучал миниатюрные топоры вместе с костяными иголками для шитья, наверное, под влиянием Х. Шетелига, полагавшего, что эти топоры являлись женским орудием труда. В итоге Я. Петерсен предложил 10-сантиметровый барьер для отделения рабочих предметов от символических или амулетов [41, с.341].

Позже Инес Беике-Фоигт в своей работе 1997 г. при отделении амулетов от орудий труда исходила из того, что символические предметы это те, которые по размеру не пригодны для работы. Однако далее она обратила внимание на то, что некоторые миниатюрные топоры, которые относительно большие (длина 6–8,8 см), простые и без украшения могли использоваться в плотничестве [10, с.101]. Таким образом, не всегда размер определяет функцию предмета, как на это указывают выводы Х. Шетелига и Я. Петерсена, а также Элсе Роедал о 10-сантиметровом барьере [42, с.141–142], Волосина и Панасшиевича о 8-сантиметровом барьере, установленном по польским материалам [39, с.245–247].

В 1950-е годы Анджей Надолски занимался типологией воинских топоров, но весьма кратко описал миниатюрные варианты, считая их детскими игрушками [36, с.390]. Однако одна из форм топориков соответствует V группе боевых вариантов его типологии. Они одноручные с ассиметричным лезвием, бородкой, удлиненным обухом. При этом большинство амулетов-топорики схожи с группой Va, у которых имеется удлиненный обух, отсутствующий у группы Vb [36, с.45–46, Таб. XVII].

Анатолий Н. Кирпичников выработал свою типологию средневековых боевых топоров, где V группа А. Надолски соответствует IV группе в его системе [3, с.36–37, табл. XIII/4–8, табл. XXI/1–2, 8–12]. Именно эти одноручные боевые

топоры с оттянутым вниз лезвием были самыми популярными у славян, а также широко известны за пределами их ойкумены. Возможно, этот предмет имеет римское происхождение, отличающийся выступающей бородкой и проушиной с удлинённым обухом [38, с.167; 32, с.106].

Владислав П. Даркевич, исследуя размеры и специфический орнамент данного типа топоров, пришел к выводу, что речь идет об амулетах, поскольку они обнаружены в составе похоронного инвентаря. Он считал, что миниатюрные подвески-топоры связаны с языческими культами славян, особенно экземпляры из литой бронзы с характерным циркульным орнаментом и орнаментом в виде волчьего зуба. Он полагал, что маленькие concentрические кружки являются солнечными символами, а клинообразные элементы и зигзаги отождествляются с молнией. По его мнению, эти предметы исполняли функцию защиты от небесных явлений, и принадлежали культу Тора-Перуна-Перкунаса [1, с.94–96, 98, 101–102].

Николай А. Макаров в 1992 г. выделил два типа топориков внутри системы В.Н. Даркевича (I и II типы Макарова) [5]. С тех пор эта типология чаще всего используется в литературе (рис.3–4). К первой группе принадлежат топоры с оттянутым вниз (асимметричным) лезвием, полукруглым вырезом, схожие с V группой Надолски. У проушины наблюдается удлинённый обух. Они не просто имитируют по форме настоящие боевые топоры, но и орнамент на них сходен с вбитыми образцами орнамента боевых топоров, и тауширизованным орнаментом парадных оружий. По мнению Н. Макарова, изначально все такие амулеты-топорики были украшены орнаментом, но у некоторых они не видны из-за коррозии металла. Например, экземпляр из Дрогичина первоначально считали неорнаментированным, но при реконструкции появились характерные узоры в виде насечек на середине лезвия.

Ко II группе принадлежат экземпляры с широким и симметричным дугообразным лезвием с крючковатыми выступами по обеим сторонам. Чуть меньше половины экземпляров сохранили следы орнамента. Проушина и шейка похожи на экземпляры типа I. Шейка узкая, иногда наблюдаются насечки, их проушина расширяется в сторону удлинённого обуха. Н. Макаров считал последние копией боевых топоров, имея при этом малочисленные аналогии, совпадавшие лишь частично. Это обстоятельство резко отличает данную группу от первой, которая довольно четко фиксируется и широко распространена [5, с.44–47, рис.4–5]. Амулеты-топорики, собранные Н. Макаровым, в большинстве были найдены при раскопках городищ Руси, в меньшей степени – в погребениях мальчиков и женщин. Его вывод, что эти предметы – символы воинственности или обряда инициации мальчиков в мужчины, свидетельствующие о сложении воинского сословия на данной территории. Как правило, амулеты-топорики в погребениях размещались около талии умершего вместе с другим инвентарем, например, ложкаобразными амулетами. Н. Макаров сомневался, что эти предметы можно связывать с культом Перуна, поскольку они получили распространение, когда

языческие святилища уже были разрушены, в XI-XIII вв., и синхронны боевым топорам аналогичной формы [5, с.48–51].

Латышский исследователь Гунтис Земитис объясняет распространение топори́ков-амулетов в Восточной Европе развитыми торговыми связями с Русью [47, с.110]. К такому же выводу пришел Руна Эдберг, исследовавший сигтунский материал. Сигтуна до XIV в. был христианским городом и важнейшим политическим центром средневековой Европы, имеющим значительные восточные, варяжские связи. Девять амулетов-топори́ков были найдены в раскопках в слое X-XII вв., в радиусе всего 150 кв. м. Р. Эдберг считает, что они были вывезены из Руси варяжской дружиной, и видит в них „*symbols of Russian warrior ideology on Swedish soil.*” [12, с.251, 253; 13, с.150–154].

Польские исследователи обратили внимание на происхождение и распространение амулетов-топори́ков в Балтийском регионе. Васлав Панашиевич и Марцин Волосин в 2002 г. опубликовали самый полный на то время каталог этих предметов. Они тоже связывали их с русской дружиной и обрядом инициации юношей. Предметы, найденные вне пределов Руси, связывали с наемниками [39, с.261, 266–267]. В 2012 г. Володимир Савицкий и Володимир Свинцицкий опубликовали обобщающую статью об амулетах-топори́ках, найденных в Западной Украине [8], а Святослав Терский в своей монографии 2014 г. также писал об этой проблематике [9, с.133, рис.209, фото 25].

Магдалена Фетиш в своей докторской диссертации охарактеризовала данные предметы как импортные [14, с.59–60]. Позже Марцин Волосин посвятил две статьи этой проблематике [45; 46]. Он опубликовал сигтунский экземпляр (единственный пример типа II по Н. Макарову на территории Скандинавии), объясняя его как символ варяжских наемников Византии, где топор, как оружие и символ, получил распространение с XI века. Исследователем не исключается, что появление данного предмета связано с участием русов в подавлении восстания Вардаса Фокаса. Однако этнический состав носителей амулетов-топори́ков трудно определить, так как в их ареал были включены полиэтничные политические центры средневековой Восточной Европы: Киев, Константинополь, Сигтуна, Новгород и Польша. Новизна работы М. Волосина заключается в отрицании гипотезы Н. Макарова о символической нагрузке этого предмета, как отражения воинственности в среде дружинников, где амулеты-топори́ки – символ обряда инициации юношей, так как кроме двух памятников (Городисца и Никольское), в польских, скандинавских, русских, византийских материалах эти предметы не имеют твердой связи с мужским (военным) набором инвентаря [45, с.597, 602].

Самый полный каталог миниатюрных топори́ков опубликован в 2010 г. Павлом Куциперой, Петром Пранке и Славомировом Вадилым [32]. Авторы составили подробный каталог артефактов, включили полный историографический обзор, суммируя концепции прошлых поколений исследователей. Они охарактеризовали 154 предмета из Северной и Восточной Европы, выделили типы и варианты амулетов-топори́ков: 1) тип I (по Н. Макарову) (рис.1); 2) тип II (по Н.

Макарову); 3) синкретичные экземпляры (рис.2). В каталоге больше всего предметов типа I (74 экз.), 30 экземпляров принадлежат к типу II, и 29 предметов – атипичных. При составлении данного каталога с территории Карпатского бассейна была известна лишь находка из Саболчверешмарта (рис.11, 13). Павел Куципера и Славомир Вадил в 2011 г. опубликовали работу, посвященную распространению и функции топорики типа II (по Н. Макарову) [33]. В 2017 г. вышла работа, посвященная распространению амулетов-топорики, обнаруженных на территории Карпатского бассейна [24].

Особо стоит подчеркнуть, что такие находки распространились не только на запад от Руси, но и на восток в Приуралье [4, рис. 83/10].

#### *Оценка предмета*

Амулеты-топорики, найденные в Венгрии, довольно разнообразны по материалу, оформлению, размеру и орнаменту. Как показано предыдущими исследованиями, их морфология, особенно I типа по Н. Макарову, тождественна форме боевых топоров, распространенных в Северной и Восточной Европе в X-XII вв. [37, с.45–46, табл.XVII; 3, с.36–37, табл. XIII/4–8, табл.XXI/1–2, 8–12; 5]. Для них характерны схематичные орнаменты в виде точек, кругов, зубчатого и сеточного декора [40, с.67–97, 87–158]. Форменные знаки также хорошо видны на миниатюрных предметах, на топорах с бородками часто встречаются «крюки», выступы, или отверстия посередине лезвия, вероятно, предназначенные для подвязывания чехла ремнем на оригинальных экземплярах [3, с.36–37].

Для II типа топоров, по Н. Макарову, много исследователей допускали влияние культа Святого Олафа [32, с.116–121; 3, с.128]. Оформление, орнамент этого типа совпадает с I типом, однако среди имитируемых боевых топоров найдено мало образцов с такой же формой лезвия, хотя Н. Макаров нашел несколько симметричных топоров с дугообразным лезвием, которые, однако, не являлись каноничными [5, с.44–46]. Безусловно передававшаяся мастерами форма I типа являлась переосмыслением некой основной формы топоров. Но нельзя исключать гипотезу о связи данной формы с образами лодки или корабля (см. у польских авторов, или находку у Калдуша).

При определении способа ношения обращаем внимание на многочисленные находки с фрагментами рукояток в Северной и Восточной Европе [33, Fig.2].

Проушина оформлена, подобно миниатюрным топорам, аккуратно, однотипно. Неясно и с венгерскими находками, как их носили, с маленькими рукоятками или с помощью шнура, продетого через проушину.

В находках редкого типа топоры, по всей видимости, носили на ремнях, возможно, в отдельной кисе. В венгерском материале наблюдается явное различие между потертостями лезвия и орнамента. Кажется, что одна сторона чаще прикасалась к одежде, а другая сторона, на вид, оформлена более изящно.

Кроме формы следует переосмыслить хронологию и распространение двух данных типов. Хотя у нас мало предметов для надежного датирования, но некоторые данные позволяют считать, что топоры II типа появились позже, а I тип

(исходя из хорошо датированного Сигтунского экземпляра) [12, с.251, 253; 13, с.150–154], распространился, скорее всего, во второй половине X века. При картографировании находок бросается в глаза, что в Северной, Восточной Европе и Прибалтике наиболее широко были известны экземпляры I типа, а II тип известен лишь в Сигтуне, в Скандинавии, но их нет на Нижнем Дунае (рис.3) [32, гус.1–2].

Вместе с новыми находками в Венгрии на сегодня известно 10 амулетов-топориков I и II типов, обнаруженных к востоку от Дуная (рис.4–12). Большинство из них – единичные находки, мы более-менее хорошо знаем, где их нашли, т.к. местонахождения почти в каждом случае известны и проверены. Венгерские амулеты-топорики происходят из поселений раннего времени династии Арпадов, один точно (рис.10), другой с большой вероятностью – из городища, еще один – из могильника 11–12 вв. (рис.4). На карте распространения амулетов-топориков польских исследователей видно, что на территории между Болгарией и Польшей до 2011 г. был известен лишь один экземпляр, из Саболчверешмарта (рис.13/1) [32, гус.3]. Дальнейшие находки хорошо дополняют эту карту. Оценка продемонстрированных нами находок из Карпатского бассейна еще не завершена, но они хронологически и географически связаны с одним из культурных элементов скандинавского, западно-славянского и балтийско-русского круга (рис.13/2).

*К вопросу о контактах мадьяр раннего периода династии Арпадов с Русью*  
Историческое значение амулетов-топориков для Карпатского бассейна – в их импортном происхождении. По письменным источникам связи между Русью и Венгрией относительно хорошо документированы [21; 22; 23], но археологические памятники могут дополнить данные сведения. Известно, что в 1020-е годы венгерский король Стефан I (Святой) пригласил наемников из Руси на западные окраины Венгрии, а его сын Имре принял титул *dux Ruizorum*. Это свидетельствует о контактах с Русью, даже если титул обозначил начальника гвардии [19, с.25]. Иштван Фодор полагал, что данный факт может позволить установить место жительства русов в Карпатском бассейне (в его приграничных зонах) [19, с.25]. Однако принимая во внимание широкое распространение этого типа предметов в Восточной и Северной Европе, ныне уже не выдерживает критики данное мнение, основанное на стереотипе о древнерусском происхождении данного артефакта. Таким образом, находки амулетов-топориков в Карпатском бассейне не обязательно объясняется присутствием варяжских/русских наемников. Данный предмет не может интерпретироваться даже в Восточной и Северной Европе как специфический дружинный знак. Это наблюдение касается не только материалов из Руси, но и найденных в Карпатском бассейне. Аналогичным образом не связан географический ареал ныне известных десяти амулетов-топориков и топонимами *Орос*, и *Ороси* [7, с.210; 18, с.173; 15; 17; 20, с.616]. Они не показывают приграничную зону (по-венгерски *gyerő*), нет новых находок около Вамошороси или вблизи восточных границ. Это обстоятельство еще больше замет-

но у западных границ и в Паннонии. Известная по письменным и археологическим источникам территория Оросвара также сомнительно связана с военными, пришедшими с Руси [30; 19, с.25], так как в исследованном здесь могильнике X–XI вв. не обнаружено ни оружия, ни «специфических» импортных вещей, [44; 28; 27], как, например, в погребении «А» могильника Сэкешфехервар-Радиотелепа [29].

Амулеты-топорики пока не нашли нигде в этих местах. Нет новых находок и в северо-восточном регионе, большинство из них известны в Венгерской Низменности, между Дунаем и Тисой. У двух находок из Южной Низменности предполагалось их возможное происхождение с Руси, или какая-то связь с производственными традициями Руси. Возможно русское происхождение топора из Доросла, исследованного Иштваном Фодором [16]. Подобная трактовка возможна для бляшек кэмпэцкого могильника [34, 2.kér], которые часто приводятся в русскоязычной литературе как параллели известного Гулбищинского кургана [2, с.104].

Следует подчеркнуть, что существуют исследования о венгерских элементах в материальной культуре Руси (например, колчаны, луки [35], седла с бляхами [6] и т.п.), то есть речь идет о взаимосвязях, ведь известно, что на Руси тоже были венгерские наемники [26]. К сожалению, поскольку места находок нами показанных амулетов-топорики в большинстве случаев неясны, пока они мало могут помочь в объяснении этой исторической проблематики. Ныне известные материалы, тем не менее, требуют новых подходов и трактовок.

### ***Итоги***

Амулеты-топорики, найденные в Карпатском бассейне, как по форме, так и по обстоятельствам находок, хорошо вписываются в их Северо- и Восточноевропейский ареал. Как польские и скандинавские амулеты-топорики, так и венгерские – в свете новых данных – не являются этническими маркерами варягов-русов, хотя сам факт их присутствия в Венгрии хорошо подтвержден источниками. В Венгрии, безусловно, существовали контакты с Русью, а также с государствами Северной Европы, но они носили, прежде всего, торговый характер. Объясняя значение амулетов-топорики, важно подчеркнуть, что подобно другим амулетообразным предметам, их использование невозможно объяснить, исходя из одной культурной среды, даже тогда, когда они первоначально были символами некой определенной культуры. Судя по распространению, миниатюрные топоры были использованы скандинавами, балтийцами, западными славянами. Наверное, они имели определенное значение для их изготовителей, могли распространяться торговыми или иными путями, и приобрели собственное значение в тех культурах, где они появились [25, с.126–127].

### **Библиографический список**

1. Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. – 1961. – №4. – С.91–102.

2. Каинов С.Ю. Украина, Чернигов. Курган «Гульбище» // Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки / Ред.: Д. Журавлев Д., В. Мурашева. – М.: Кучково поле, 2012. – С.102–107.
3. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XII вв. // САИ. – Е1:36. М.–Л.: Наука, 1966. – 183 с.
4. Белавин А.М. Камский торговый путь. Северное Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
5. Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. – 1992. – №2. – С.41–56.
6. Мурашева В.В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. // Труды ГИМ. – М.: 2008. – Вып.175. – 48 с.
7. Немет П. Образование пограничной области Боржава // Проблемы археологии и древней истории угров / Ред.: А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. – М.: Наука, 1972. – С.206–220.
8. Савцький В., Свінцицький В. Давньоруські амулети-сокирки у збірці Волинського краєзнавчого музею // Острозький краєзнавчий збірник. 2012. – №5. – С.309–318.
9. Терський С.В. Археологія доби Галицько-Волинської держави. – Київ: «Стародавній світ», 2014. – 164 с.
10. Beilke-Voigt I. Der Sitte der Miniatur gerätebeigabe bei den Germanen der späten Kaiserzeit // Offa. – 1995. – №51. – Pp.101–142.
11. Dienes I. Felső-Szabolcs a honfoglalás korában // A kisvárdai vár története. Szerk.: Éri I. – Kisvárd, 1961. – Pp.95–196, 199–204.
12. Edberg R. Krigaramuletter från Rus'i Sigtunas svarta jord // Fornvännen. Journal os Swedisch Antiquarian Research. – 1999. – №94. – Pp.245–253.
13. Edberg R. Nya fynd av miniatyryxor // På väg mot paradiset: arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006. Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museum 33 / Red.: A. Wikström. – Sigtuna, 2008. – Pp.150–154.
14. Felis M. Miniaturowe toporki z X–XIII wieku na ziemiach polskich w kontekście podobnych znalezisk z Europy północnej i wschodniej. mps pracy magisterskiej w IP UAM, Poznań Doktor i értekezés – IP UAM. – Poznań, 2005.
15. Fodor I. A magyarság baltikumai és skandináviai kapcsolatai a IX–XI. században (a régészeti leletek alapján) (Verbindungen der Ungarn mit dem Baltikum und Skandinavien zwischen dem 9. und 11. Jahrhundert [Aufgrund der Bodenfunde]) // Szolnok Megyei Múzeumi Évkönyv. – 1981. – Pp.85–89.
16. Fodor I. Honfoglalás kori sír Doroszlón (Ungarisches Grab von Doroszló aus dem 10. Jh.) // Communicationes Archaeologicae Hungariae. – 1981. – Pp.149–164.
17. Fodor I. On the Contacts of Hungarians with the Baltic Area in the 9th–11th Centuries (From an Archaeologist's Point of View) // Hungarian Studies. – 1986. – №2 – Pp.217–226.
18. Fodor I. Szabolcsveresmart // „Őseinket felhozád...” A honfoglaló magyarság. Kiállítási katalógus/ Főszerk.: I. Fodor. – Budapest, 1996. – Pp.172–174.

19. Fodor I. Az államalapítás korának hadserege // A Makói Múzeum Füzetei / Szerk.: Halmágyi P. Makó. – 2001. – № 98. – Pp.17–39.
20. Fodor I. Előzetes beszámoló a hajdúdorogi Kövecses-halmon végzett ásatásról (Preliminary report on the excavation at Hajdúdorog-Kövecses-halom) // Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára (Avarum solitudines. Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday). Opitz Archaeologica 6 – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 2 / Szerk.: A. Anders, Cs. Balogh, A. Türk. – Budapest, 2014. – Pp.613–626.
21. Font M. Magyarország és a Kijevi Rusz az első ezredfordulón (The Kingdom of Hungary and the Kievan Rus at the first Millenium) // Történelmi Szemle. – 2002. – №44. – Pp.1–10.
22. Font M.: Árpád-házi királyok és a Rurikida fejedelmek. Szegedi Középkortörténeti Könyvtár 21. – Szeged, 2005.
23. Font M. A Kijevi Rusz és a Magyar Királyság a 11. században és a 12. század elején (Szent Istvántól Kálmánig) // Régmúlt idők elbeszélése: a Kijevi Rusz első krónikája / Ford.: I. Ferincz; Szerk.: L. Balogh, Sz. Kovács. Magyar Őstörténeti Könyvtár 30. – Budapest, 2015. – Pp.303–316.
24. Füredi Á., Király Á., Pópity D., Rosta Sz., Zágorhidi Czigány B., Türk A. Balta alakú amulettek a Kárpát-medence 10–11 századi hagyatékában. Régészeti megfigyelések a miniatürizált tárgyakról, valamint a kora Árpád-kori rusz–magyar kapcsolatok kérdéséről (Axe-shaped amulets among the 11th- and 12th-century finds in the Carpathian Basin. Archaeological observations on miniature objects and on the issue of early Árpád-era Rus–Hungarian relations) // A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4–6. II / Főszerk.: A.Türk; Szerk.: Cs. Balogh, B. Major. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia №3.2 – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. – Budapest–Esztergom, 2017. – Pp.413–464.
25. Gardela L. Scandinavian Amulets in Viking Age Poland. Collectio Archaeologica Ressoviensis 33. – Rzeszów, 2014.
26. Gyóni G. Egy Ugrin nevű személy a 11. századi Novgorodban (Угрин из Новгорода [11 в.]) // A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4–6. II. II / Főszerk.: A.Türk; Szerk.: Cs. Balogh, B. Major. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia №3.2 – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. – Budapest–Esztergom, 2017. – Pp.379–388.
27. Horváth C. Oroszvár-Wiesenacker-dűlő // Győr és Moson Megyék honfoglalás és kora Árpád-kori temetői és sírleletei. – Szeged, 2014. – Pp.138–181.
28. Horváth C., Merva Sz., Tomka P. Oroszvár (Rusovce, Sl.) 10–11. századi temetője (10th–11th century cemetery of Oroszvár [Rušovce, Slovakia]) // Sötét idők rejtélyei. 6–11 századi régészeti emlékek a Kárpát-medencében és környékén. TO 3 / Szerk.: A. Liska, I. Szatmári. – Békéscsaba, 2012. – Pp.375–404.
29. Kovács L. Előkelő rusz vitéz egy székesfehérvári sírban (A rádiótelepi honfoglalás kori A. sír és kardja) [Ein vornehmer Krieger in einem Grab von

- Székesfehérvár (Der landnahmezeitliche Grab A von Székesfehérvár-Rádiótelep und sein Schwert)] // Kelet és Nyugat között. Történeti tanulmányok Kristó Gyula tiszteletére / Szerk.: L. Koszta. – Szeged, 1995. – Pp.291–308, 3 tábla/Tab. 1–3.
30. Kristó Gy., Szőke B. M. Oroszvár // Korai Magyar Történeti Lexikon (9–14. század) / Szerk.: Gy. Kristó. – Budapest, 1994. – P.510.
31. Kucypera P., Pranke P., Wadyl S. Problem społeczno-kulturowej identyfikacji miniaturowych toporków y Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej // Tak więc po owocach poznać ich. Funeralia Lednickie, Spotkanie 12 / Red.: W. Dzieduszycki, J. Wrześiński. –Poznań, 2010. – Pp.333–344.
32. Kucypera P., Pranke P., Wadyl S. Wczesnośredniowieczne miniaturowe toporki metalowe z Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej. Korpus zabytków // Życie codzienne przez pryzmat rzeczy, ‘Kultura materialna średniowiecza w Polsce’ 1 / Red.: P. Kucypera, S. Wadyl. – Toruń, 2010. – Pp.103–176.
33. Kucypera P. – Wadyl S. Early medieval miniature axes of Makarov’s type 2 in the Baltic Sea Region (Ankstyvųjų viduramžių Makarovo 2 tipo miniatiūriniai kirviai Baltijos jūros regione) // Archaeologia Lituana. – 2011. – №12. – Pp.122–130.
34. Kürti B. Régészeti adatok a Maros-torok vidékének 10–11 századi történetéhez. (Archäologische Angaben zur Geschichte der Umgebung der Marosmündung in den 10–11-ten Jahrhunderten) // A kőkortól a középkorig. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára / Szerk.: G.Lőrinczy. – Szeged, 1994. – Pp.369–386.
35. Mikhailov K.A., Kainov S. Yu. Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2011. №62. – Pp.229–244.
36. Nadolski A. Miniaturowy toporek z grodziska w Tumie pod Łęczycą (Une hache-d’armes en miniature de l’enceinte fortifiée de Tum près de Łęczycza) // Przegląd Archeologiczny. – 1953. – №9. – Pp.389–391.
37. Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku // Acta Archaeologica Universitatis Lodzianis 5. – Łódź, 1954.
38. Niesiołowska-Wędzka A. Siekiera // Słownik Starożytności Słowiańskich, Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII 5 / Red.: G. Labuda, Z. Stieber. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1975. – Pp.164–167.
39. Panasiewicz W., Wołoszyn M. Staroruskie miniaturowe toporki z Gródka, pow. Hrubieszów (The old Russian miniature axes from Gródek, powiat Hrubieszów) // Archeologia Polski. – 2002. – №47:1–2. – Pp.245–286.
40. Paulsen P. Axt und Kreuz bei den Nordgermanen. – Berlin, 1939.
41. Petersen J. Vikingetidens Redskaper // Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo II, Hist.-Filos. Klasse № 4. – Oslo, 1951.
42. Roesdahl E. Fyrkat. En jysk vikingeborg II. Oldsagerne og gravpladsen // Nordiske Fortidsminder, Serie B. 4. – København, 1977.

43. Shetelig H. En miniatyroks av bronse fra vikingetiden // Bergens Museums Aarbok, 1911. –1912. – №13. – Pp.3–18.
44. Tomka P. Vármegyéink kialakulásának kezdetei a régészeti kutatások tükrében // Fejezetek Győr, Moson és Sopron vármegyék közigazgatásának történetéből / Szerk.: J. Horváth. – Győr, 2000. – Pp.9–20.
45. Wołoszyn M. Ze studiów nad obecnością ruską i skandynawską na ziemiach polskich w X–XII wieku // Świat Słowian Wczesnego Śriedniowiecza / Red. M. Dowarczyk, A.B. Kowalska, S. Moździoch, M. Rębkowski. – Szczecin–Wrocław, 2006. – Pp.595–614.
46. Wołoszyn M. Między Gniezmem, Krakowem a Kijowem. Archeologia o wczesnowśredniowiecznych relacjach polsko-ruskich i formowaniu polsko-ruskiego pogranicza // U źródeł Europy Środkowo-Wschodniej. Pogranicze polsko-ukraińskie w perspektywie badań archeologicznych (Frühzeit Ostmitteleuropas: Das polnisch-ukrainische Grenzgebiet aus archäologischer Perspektive) / Red.: M. Dębiec, M. Wołoszyn. – Rzeszów, 2007. – Pp.177–206.
47. Zemītis G. Christliche und heidnische Symbole aus Bergen des 9–12. Jahrhunderts in zentralletland (Daugmale, Talsi, Mežotne) // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14. Jahrhunderts 2. Hrsg.: Müller-Wille M. Mainz–Stuttgart. – 1998. – Pp.97–113.

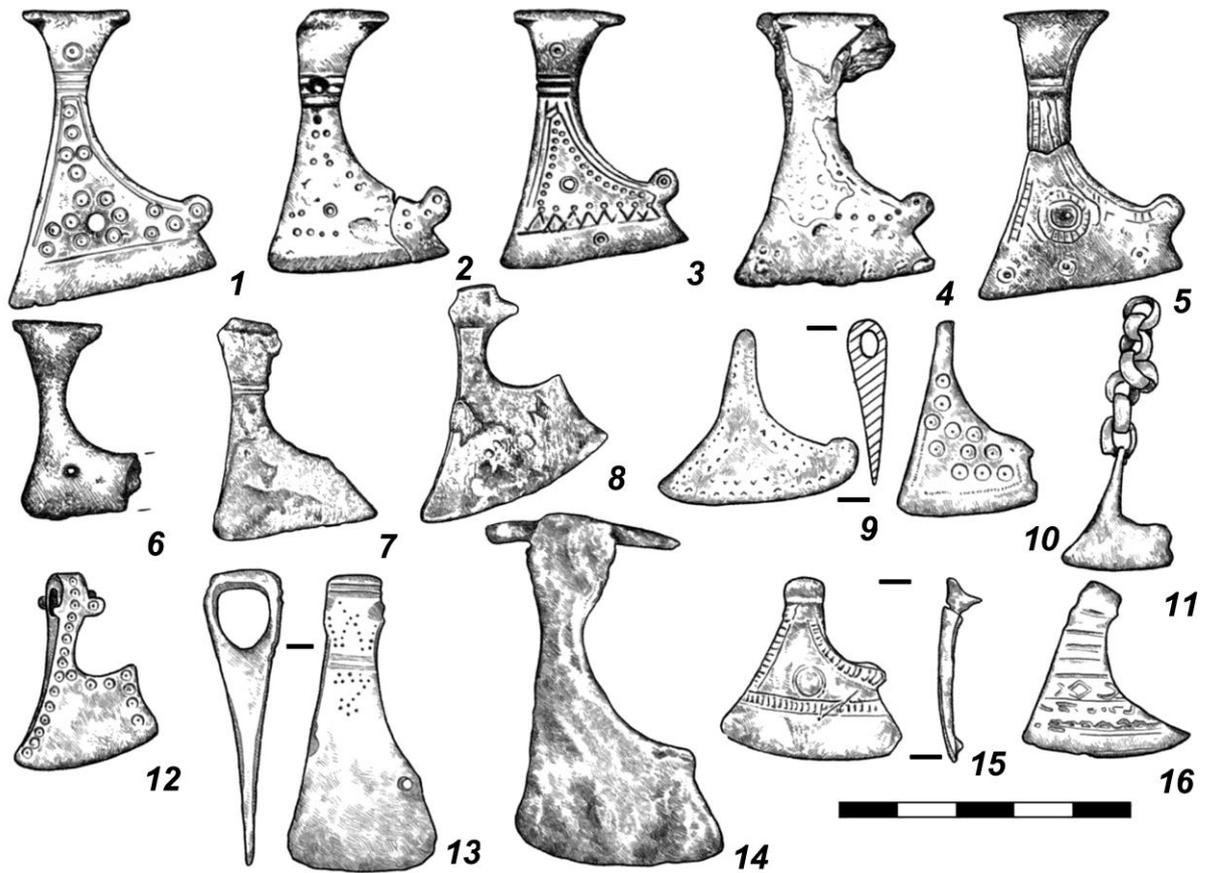


Рис.1. 1-16: Важнейшие типологические виды средневекового топора типа Макаров I [33, Fig.1]

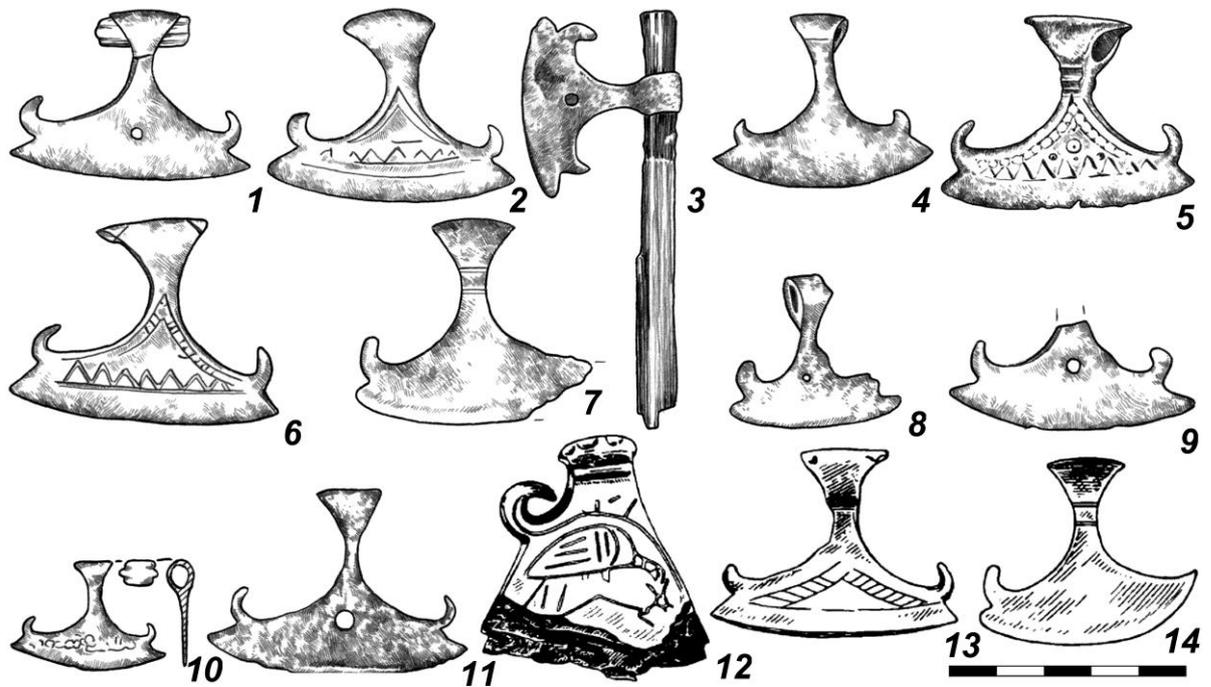


Рис.2. 1-14: Важнейшие типологические виды средневекового топора типа Макаров II [1-10: 33, Fig.2; 11-12: 32, Tabl. XIII. 6; 13-14: 1, рис.2/8-9]

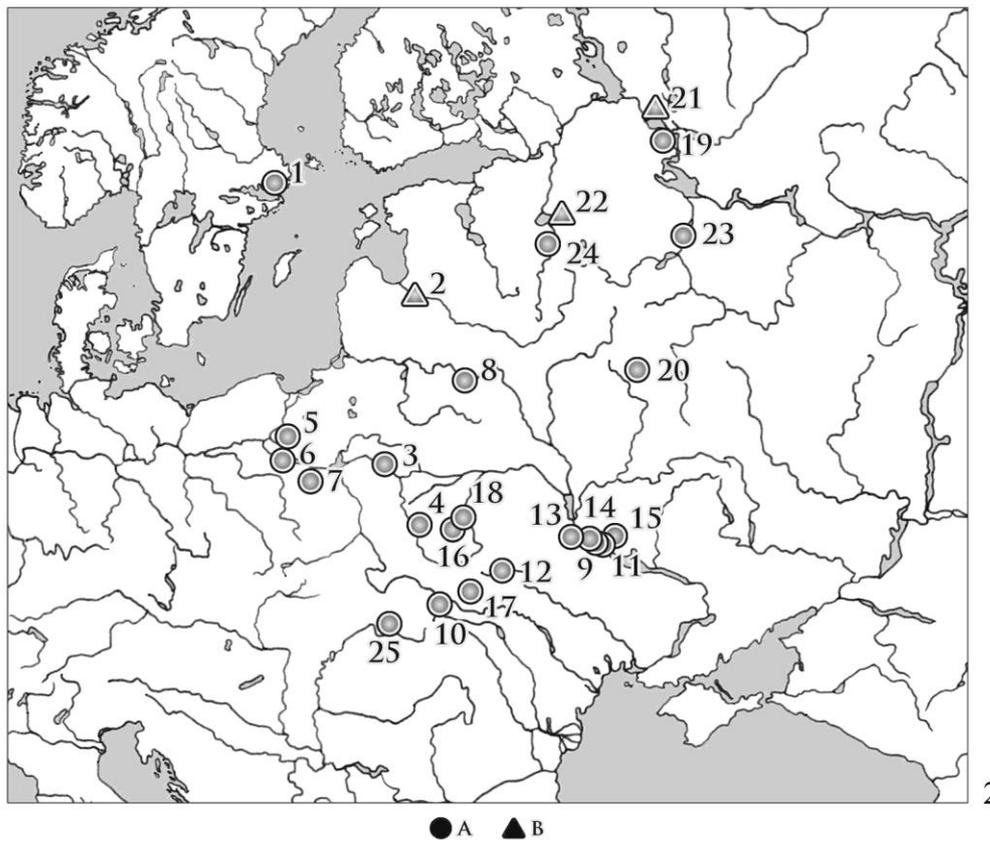
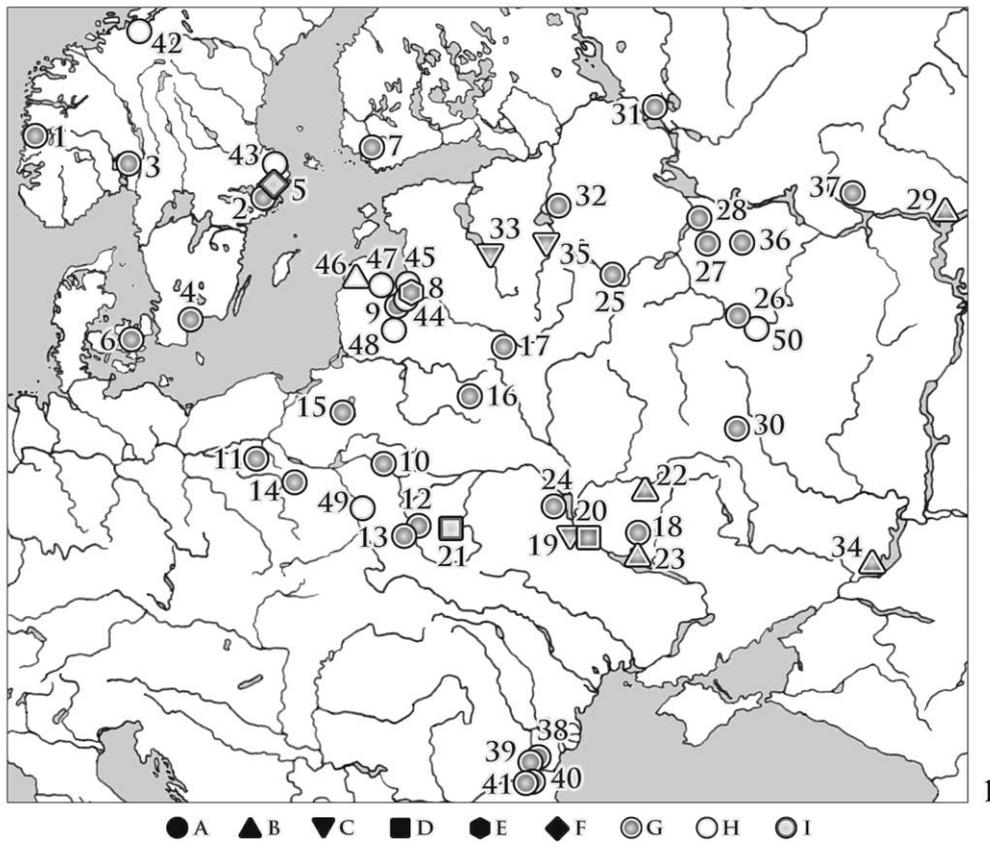


Рис.3. 1: Распространение амулетов-топориков типа Макаров I [32, рис.1];  
2: Распространение амулетов-топориков типа Макаров II [32, рис.2]

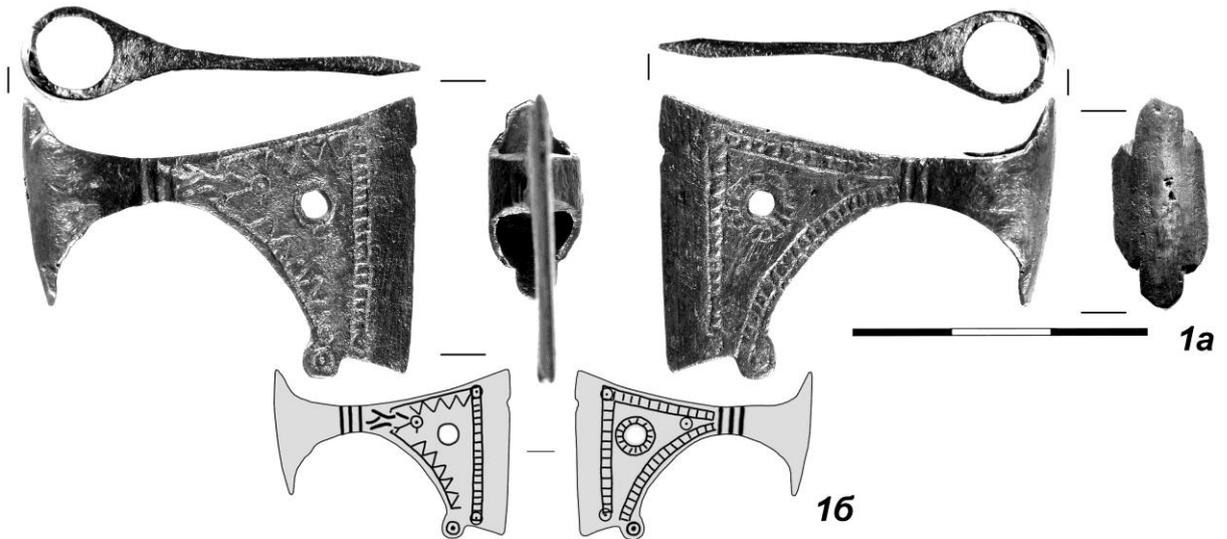


Рис.4. 1а–1б: Бугац-Алшмоноштор. Хутор Куртоши. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка на поверхности земли [24, Fig.11]



Рис.5. Чанадпалота. Хутор Юхаса Т. Фрагмент бронзового амулета-топорика. Единичная находка [24, Fig.14]

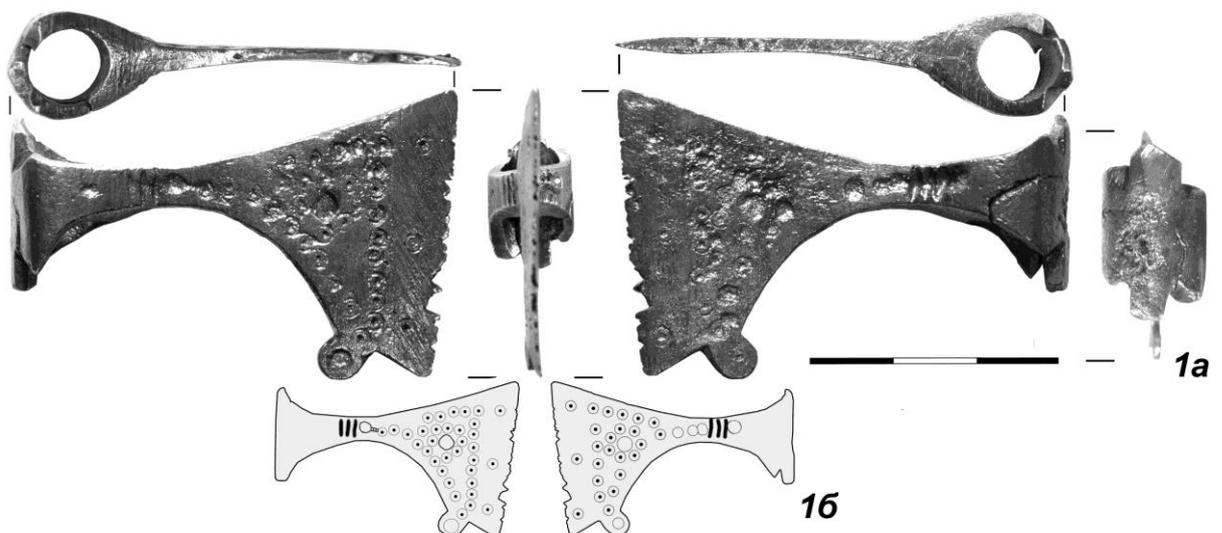


Рис.6. 1а–1б: Дабаш. Церковный холм. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, Fig.16]

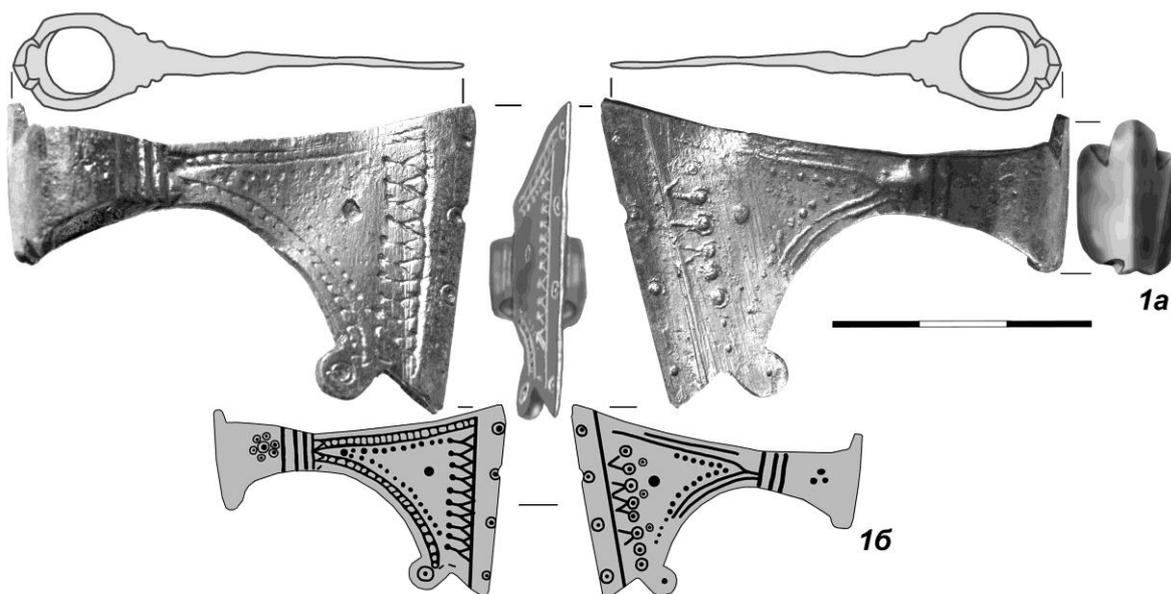


Рис.7. 1а–16: Хайдудорог. Земли педагогов. (Холм Кэвечеш). Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, Fig.17]

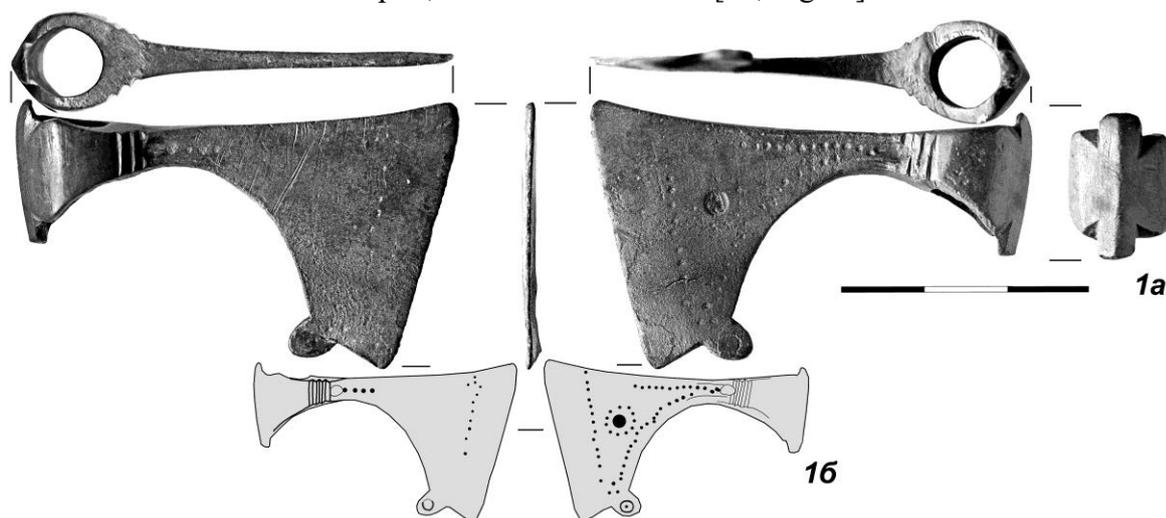


Рис.8. 1а–16: Ипойтэлдеш-Мал-айя. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, Fig.18]

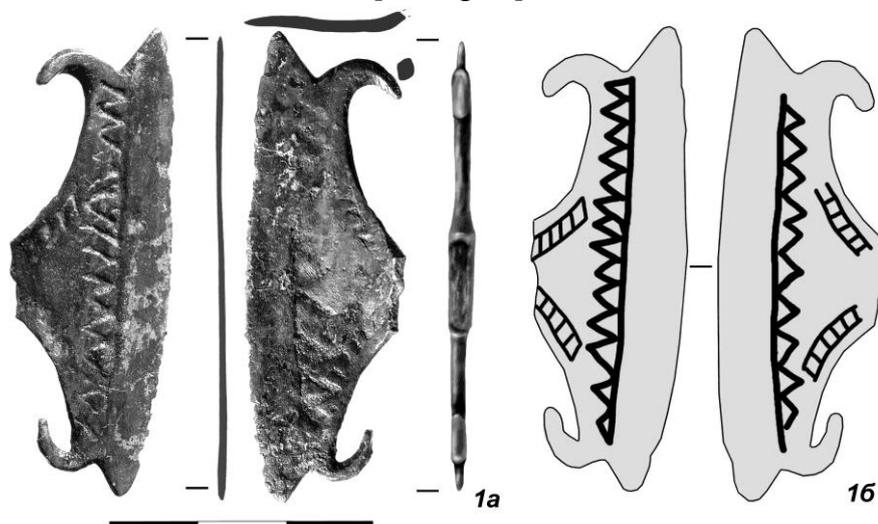


Рис.9. 1а–16: Кечкемет-Баллосэг. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка на поверхности земли [24, Fig.19]

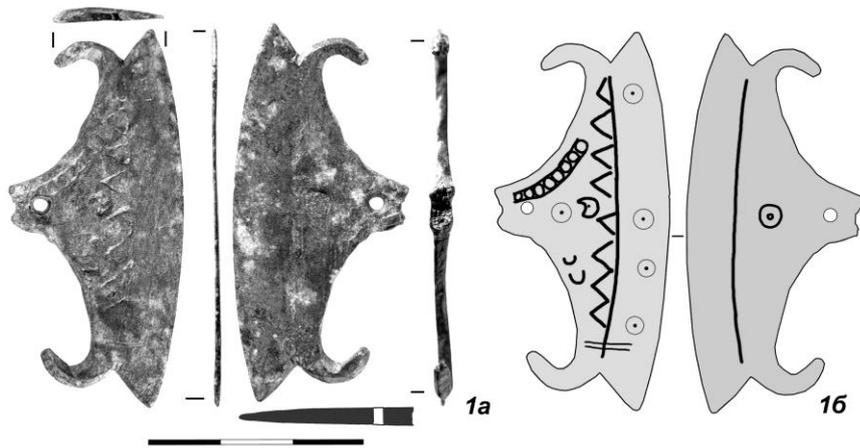


Рис.10. 1а–1б: Шай-Латор, Эршурвар. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, Fig.22]

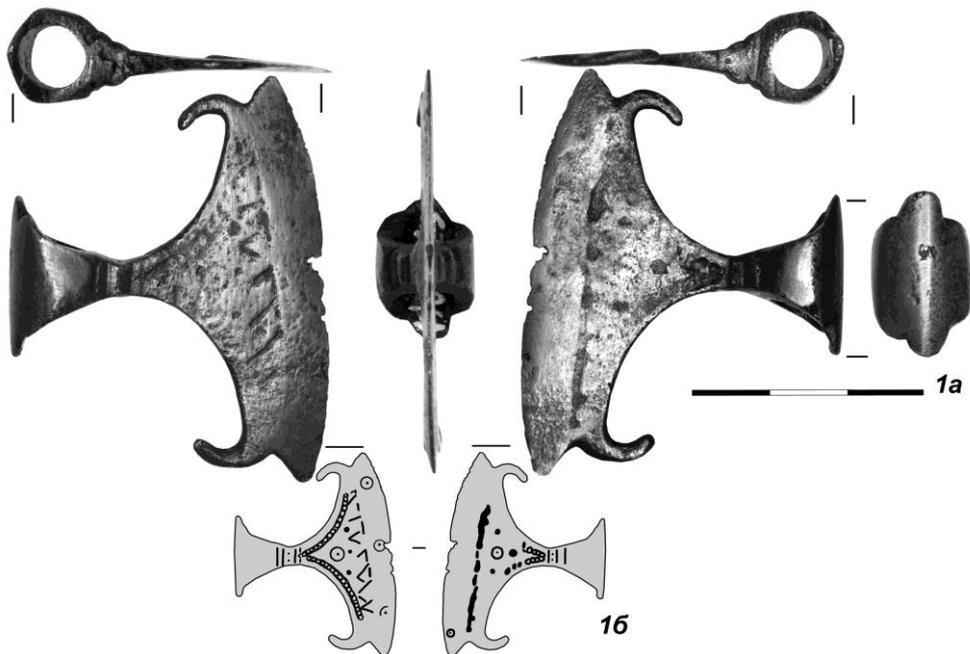


Рис.11. 1а–1б: Саболчверешмарт. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка [24, Fig.23]

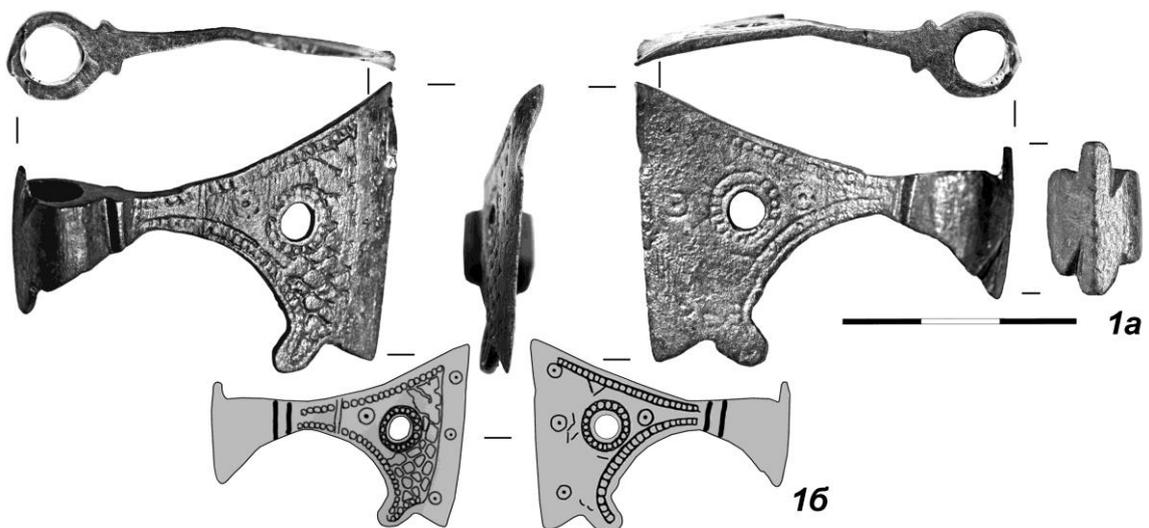
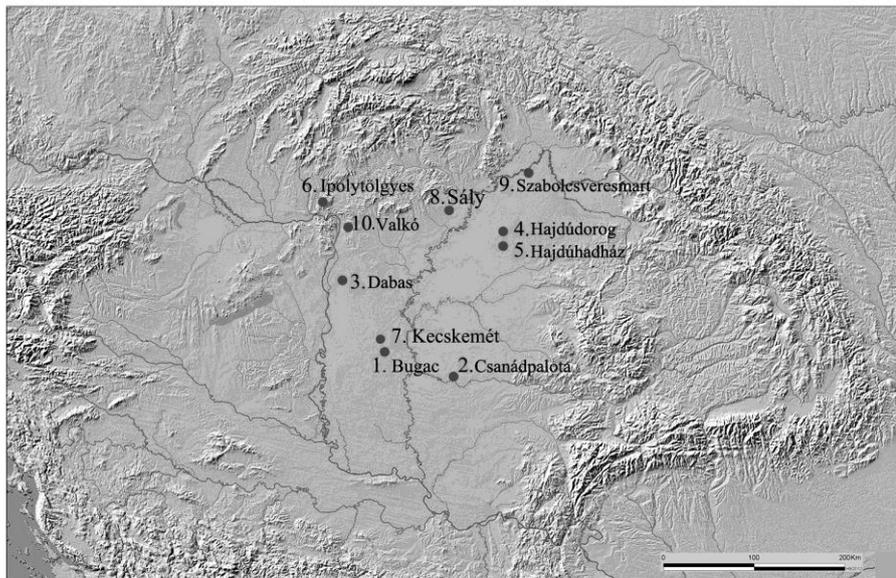


Рис.12. 1а–1б: Валко-Эрегсэлэк. Бронзовый амулет-топорик, единичная находка на поверхности земли [24, Fig.25]



1



2

Рис.13. 1: Распространение амулетов-топориков северо-восточноевропейского типа [32, рис.3];

2: Места находок амулетов-топориков в Карпатском бассейне [24, Fig.27]

УДК 903.01/.09+903.2

**В.Н. Кузнецова****ПОЛЫЕ ОРНИТОМОРФНЫЕ ПОДВЕСКИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ  
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ X–XIII ВЕКОВ**

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, РФ

*Для полых подвесок X–XIII вв. регионально специфичными признаками являются расположение привесок на корпусе и форма звеньев. Группа I с привесками без звеньев характерна для Северо-Запада Руси конца X – XI вв. Древнерусские изделия XI – XII – начала XIII вв. и ветлужско-камские подвески X–XI вв. отличает расположение петель вдоль корпуса. Тип II-1.1 с восьмерковидными звеньями широко распространен на Северо-Западе и Северо-Востоке Древней Руси. Здесь же встречен немногочисленный тип II-1.3 со щитковыми звеньями. Тип II-1.2 с витыми звеньями представлен в Ветлужско-Камском междуречье и содержит компоненты, связанные с местными традициями VII–IX вв. и с «западной» стилистикой X–XI вв. Региональное своеобразие изделий Предуралья XI–XIII вв. проявляется в типе II-2.1 с размещением петель для привесок поперек корпуса на массивных щитковых звеньях.*

*Ключевые слова:* украшения, подвески, звенья цепи, Древняя Русь, Северо-Запад Древней Руси, Северо-Восток Древней Руси, Предуралье, Приладожье, средневековье.

**V.N. Kuznetsova****HOLLOW ORNITHOMORPHIC PENDANTS OF THE EASTERN  
EUROPEAN FOREST ZONE IN THE 10<sup>TH</sup> – 13<sup>TH</sup> CENTURIES**

The Russian Museum of Ethnography, Saint-Petersburg, RF

*The location of the hollow ornithomorphic pendants' jingling details on the pendants' bodies shows the specificity of the regional craft tradition. Group I, with non-chained jingling details, was typical for the North-West of Ancient Russia in the end of the 10<sup>th</sup>–11<sup>th</sup> centuries. Ancient Russian pendants of the 11<sup>th</sup>–12<sup>th</sup> – beginning of the 13<sup>th</sup> centuries and pendants of the Vetluga and Kama region of the 10<sup>th</sup>–11<sup>th</sup> centuries have loops for the jingling details on each side of the body. Type II-1.1 with eight-shaped chain links was widely distributed in the North-West and North-East of Ancient Russia. Rare type II-1.3, with shield-shaped chain links, was distributed in the same area. Type II-1.2, with twisted chain links, was distributed in the in the Vetluga and Kama region, it had features of the local traditions of the 7<sup>th</sup> – 9<sup>th</sup> centuries and western stylistics of the 10<sup>th</sup>–11<sup>th</sup> centuries. Type II-2.1, with loops for the jingling details across it's body and shield-shaped chain links was characteristic of the Ural region in the 11<sup>th</sup>–13<sup>th</sup> centuries.*

*Key words:* adornments, pendants, chain links, Ancient Russia, Ural region, North-West of Ancient Russia, North-East of Ancient Russia, Ladoga region, Middle Ages

В общем привески-уточки имеют бодрый,  
а иногда и прямо кокетливый вид

*А.А. Стницын*

Полые орнитоморфные подвески – украшения, в равной степени характерные и для запада, и для востока лесной зоны Восточной Европы<sup>7</sup>. Распростране-

<sup>7</sup>Автор выражает благодарность за помощь в работе с коллекциями, консультации, информацию о находках сотрудникам Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ): к.и.н. Б.С. Короткевичу, к.и.н. Р.С. Минасяну, к.и.н. Е.А. Шаблавиной, главному хранителю Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее – КИАХМЗ) С.В. Рябинцеву и В.С. Баранову, являвшемуся на момент работы с коллекциями хранителем фонда «Археология», сотруднику Пермского краеведче-

ние этих изделий в эпоху средневековья воспринимается как данность. В литературе устоялось мнение о связи изображения водоплавающих птиц с демиургической функцией, а вслед за такой трактовкой название «уточки» переносится и на орнитоморфные подвески первой половины II тыс. н.э., впрочем, многие исследователи оговаривают, что оно является условным. Существует тенденция рассматривать полые, особенно орнитоморфные подвески, как весьма стабильную категорию малой пластики, лишенную динамики развития и неизменно сопровождавшую женский убор на территории лесной зоны Восточной Европы. Весьма показательным является мнение П.Н. Третьякова о полых украшениях XII–XIII вв., встреченных в костромских курганах: «Нагрудные украшения представлены одной формой – полыми коньками-птицами, дающими по своим формам ряд вариантов. Украшение это, ведущее свое начало от ранних окских могильников, к началу второго тысячелетия н.э. получает распространение в Прикамье и, видимо, на севере, где идеологическая почва для этих изображений сложилась еще ранее» [42, с.26]. В работе Г.А. Архипова встречаем следующую характеристику находок IX–XI вв.: «Литые бронзовые уточки встречаются широко по всему северу Европейской части СССР. Появляются они одновременно (III–IV вв. н.э.) как в Прикамье, так и на Оке» [3, с.30].

Колоколовидное тулово со сквозным отверстием в центре и выделенной шеей с орнитоморфной головкой создают впечатление стандартности изделий и непрерывности их развития. Несмотря на то, что для передачи образа был выбран один и тот же технологический прием, изобразительная традиция не оставалась неизменной в I и II тыс. н.э. К тому же полые подвески выполнялись в технике литья по восковой модели, что уже допускает некоторую вариативность в оформлении. Оформление головы и корпуса, фигурирующие как признаки таксонов в фундаментальных и не утративших значимость работах Л.А. Голубевой и Е.А. Рябиной [16; 38], не всегда оказывается подходящими основаниями для классификации. Более стабильным признаком является размещение петель для шумящих привесок и форма звеньев, на которых они прикреплены к корпусу подвески.

Конструкция нижней части корпуса позволяет провести классификацию и многочисленных полых подвесок X–XIV вв. К сожалению, далеко не на всех изделиях сохраняются звенья и привески. Однако даже существующая на сегодняшний день выборка позволяет рассмотреть украшения, исходя из сочетания таких признаков, как размещение петель, форма звеньев и привесок. Расширенный вариант классификации полых подвесок представлен в диссертационной

---

ского музея Н.В. Кулябиной, руководителю Музея Археологии и этнографии Пермского Предуралья Пермского государственного педагогического университета (далее – МАЭ ПГГПУ) к.и.н. А.В. Вострокнутову, заведующей Тихвинским историко-мемориальным и архитектурно-художественным музеем В.В. Бондаревой и хранителю фонда «Археология» Соколовой Е.В.

работе автора<sup>8</sup> [28]. В данной статье рассматриваются изделия, относящиеся к отделу А – Полые подвески с привесками на нижнем крае корпуса. Подробно освещаются изделия подотдела А-1 – подвески с одной парой привесок. Украшения, относящиеся к подотделу А-2 – подвески с двумя и более парами подвесок, рассматривались автором в статье «Кони-птицы», полые зооморфные подвески Древней Руси XII–XIV вв.» [27].

**Группа I. Полые подвески с привесками без звеньев**

В группу I входят подвески-«уточки» с продолговатым корпусом, поперек которого расположены пара петель или планка, к последним крепятся привески-лапки без цепочек или костыльков (рис. 2/1–3). Согласно классификации Е.А. Рябины, изделия относятся к варианту 1 типа XVIII, объединяющему «изображения приземистых, как бы плывущих уток» [38, с.35, кат.483–502]. Л.А. Голубевой подобные изделия обозначены как «Подвески полые с шумящими привесками» тип 2, варианты 1 и 2 [16, с.17]. Находки датируются X–XI вв. и преимущественно происходят из могильников Юго-Восточного Приладожья [9, с.43, рис.11, с.113–114, 134; 23, рис.34/25, 59/13; 37, табл.IX/4, XI/11].

На Северо-Западе Руси изделия были также встречены в могильниках Челмухи в Карелии [17, табл. II/2], Шугоозеро<sup>9</sup> [24, рис. между с.74–75], в Новгороде [38, кат.501], на северо-востоке – в могильнике Ступолахта-2, курган 2 в Вологодской области [26, рис.3/8], на поселении Усть-Шексна<sup>10</sup>.

На территории Верхокамья изделия были встречены в д. Иванчино<sup>11</sup> [29, кат.162], в могильниках: Рождественском [7, с.443, рис.204/11–13], Амбор [29, кат.163], Степаново Плотбище [29, кат.164]. Находки происходят также из Танкеевского могильника в Казанском Поволжье [5, с.16], Веселовского и Русенихинского могильников в Поветлужье [3, рис.26/2, 14; 34, рис.2/1, 3, 6], поселения Кыско (Косьминские озера) в Печорском Предуралье [32, рис.42/9].

---

<sup>8</sup> Более подробно с принципами классификации, а также с количественными данными по учтенным изделиям можно ознакомиться в рукописи автора [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.academia.edu/ValentinaKuznetsova> (дата обращения 13.05.2018).

<sup>9</sup> Государственный каталог музейного фонда РФ (далее – Госкаталог). Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей ТМ КП-3092/58. Номер в Госкаталоге 10838169. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10956949> (дата обращения 13.05.2018); ТМ КП-3092/59. Номер в Госкаталоге 10838211. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10956907> (дата обращения 13.05.2018); ТМ КП-3091/213. Номер в Госкаталоге 10641153. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10757417> (дата обращения 13.05.2018); ТМ КП-3091/211. Номер в Госкаталоге 10641156. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10757414> (дата обращения 13.05.2018); ТМ КП-3091/209. Номер в Госкаталоге 10641100. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10757353> (дата обращения 13.05.2018); ТМ КП-3091/210. Номер в Госкаталоге 10641155. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10757415> (дата обращения 13.05.2018); ТМ КП-3091/212. Номер в Госкаталоге 10641162. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10757408> (дата обращения 13.05.2018).

<sup>10</sup> Справочная система Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее – РГИАХМЗ). РБМ-31915 [Электронный ресурс]. URL: <http://iss.rybmuseum.ru/iss2/items?query=подвеска&info=238263&sa-fund=16> (дата обращения 13.05.2018). Госкаталог. РГИАХМЗ. Номер в Госкаталоге 11534502 [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11648854> (дата обращения 13.05.2018)

<sup>11</sup> ПКМ 11327/6.

## ***Группа II. Подвески с привесками на звеньях***

В группе II расположение петель для крепления привесок – вдоль или поперек корпуса – определяет разделение подвесок на две подгруппы. Форма звеньев привесок является типобразующим признаком (рис.1).

***Подгруппа II-1. Подвески с петлями для привесок, расположенными вдоль корпуса***

### ***Тип II-1.1. Подвески с восьмерковидными звеньями***

Согласно классификации Е.А. Рябикина, эти изделия преимущественно входят в варианты 2–5 типа XVIII [38, с.36–38, кат.503–553].

Звенья на изделиях типа II-1.1 представляют S-овидный жгут, концы загнуты к центру. Большинство находок происходит из памятников северных областей Древней Руси, и датируется XI – началом XIII вв. [2, рис.202/6; 9, с.107, рис.12, табл.III/12; 23, рис.10/16, 26/1, 6, 43/4, 51/1, 52/1, 59/8; 30, табл. XIII/9, табл. XIV/20; 38, табл. XVIII/4, 5, 7–13, табл. XIX/2, 5]<sup>12</sup>, для этого периода восьмерковидные цепочки можно рассматривать как характерный атрибут украшения этого региона<sup>13</sup>.

Вне данной территории Севера Руси такие изделия были встречены в Марийском Поволжье [4, рис.26/7], Казанском Поволжье [5, рис.1/3], Пермском и Удмуртском Предуралье [19, с.242, рис.57/7; 29, кат.310], Повымье [1, рис. 20/13], Западной Сибири [18, кат.299] (рис. 2/11), на о. Вайгач [43, рис.3/3], Фенноскандии [44, taf.92, abb.742; 45, pl.41/14].

Подвески отличает разнообразие декора корпуса, а также вариативность в трактовке голов (представлены изделия с гладкими головами, или дополненные гребешками и «ушками»). На сегодняшний день известно три варианта оформления привесок: «лапки», «бубенчики» и «валюты» (рис.2/4–16).

Наиболее многочисленны изделия, дополненные лапчатыми привесками. Значительная их концентрация наблюдается в материалах Приладожья.

Стоит отметить, что среди лапчатых подвесок представлены как трехпалые, так и пятипалые. Последние весьма часто встречаются на различных украшениях, происходящих из Костромского Поволжья и Белозерья. Единичные находки обнаружены в Веселовском могильнике [4, рис.26/7], Кудымкарском селище [29, кат.310], Старокуйбышевском селище [5, рис.1/3]. Т.Б. Никитина полагала, что пятипалые лапки являются лягушачьими [35, с.293]. Впрочем, полиморфизм изображений проявляется уже и в дополнении подвесок, среди которых встре-

<sup>12</sup> Госкаталог. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (далее – НГОМЗ). НГМ КП 7126. Номер в Госкаталоге 10826767. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5134641> (дата обращения 13.05.2018); Достояние планеты. [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoyanieplaneti.ru/4914-a-roitskom-raskope-nashli-unikalnuyu-podvesku-v-vide-utinoj-lapki> (дата обращения 13.05.2018); [Электронный ресурс]. URL: [http://dostoyanieplaneti.ru/media/k2/items/cache/ec46fcda4b88e2064437c26396403b6f\\_L.jpg](http://dostoyanieplaneti.ru/media/k2/items/cache/ec46fcda4b88e2064437c26396403b6f_L.jpg) (дата обращения 13.05.2018); ГЭ 700/297, 1416/3.

<sup>13</sup> Порядка 30 из 62 изделий, учтенных в диссертационной работе автора, было встречено на Северо-Западе Руси, преимущественно в памятниках Ленинградской области, распространены подобные изделия были в Белозерье и Верхневолжье: свыше 10 экземпляров происходит из Вологодской области, такое же количество – из Костромской и Ярославской областей.

чаются изображения куриных, трехпальными привесками — лапками водоплавающей птицы.

Говоря о полиморфизме, стоит оговорить, что весьма своеобразный облик имеют подвески с привесками-бубенчиками (рис.2/13–14). Находки происходят из Костромского Поволжья<sup>14</sup> и Юго-Восточного Приладожья [9, табл. III/9]. Изделия отличают широкий или заостренный клюв, «ушки» и грива. Большинство подвесок украшены волнистым орнаментом. Находка из кургана 5 близ д. Подольское оснащена дополнительной привеской на хвосте<sup>15</sup>. Такая же деталь присутствует на подвесках из кургана 1 у дд. Митино и Зворыкино [15, рис.12/1] и Новгорода<sup>16</sup>; в этих изделиях сохранились только восьмерковидные звенья цепочек, привески утрачены.

Находки подвесок с привесками в форме волнот немногочисленны, пока известно два экземпляра из Вологодской области – из могильников Митино II [2, с.249, рис.215/32] и Кривец [25, рис.40/1] (рис.2/15–16).

Общая тенденция для полых и пластинчатых древнерусских орнитоморфных подвесок XI–XIII вв. заключается в изменении абриса голов – в появлении острых загнутых клювов и гребешков, характерных для семейства куриных. С одной стороны, данный тип П-1.1 отличает преимущество с более ранними орнитоморфными подвесками группы I: некоторые подвески П-1.1 сохраняют подтреугольную орнаментацию, вероятно, обозначающую крыло. Подобные изделия происходят из Ярославля<sup>17</sup>, могильников Приладожья [23, рис.51/1], а также Кузьминского могильника в бассейне р. Чепцы (рис.2/7) [19, с.242, рис.57/7]. С другой стороны, внутри данного типа появляются новые декоративные решения: орнамент в виде волнистой полосы, привеска на хвосте, полиморфные массивные головы, дополненные одновременно рогами, гривой, клювом, встречающиеся на некоторых подвесках. Очевидно, внутри этой разновидности украшений также зарождаются черты нового типа полых подвесок группы А-2.1 [27; 28, с.13].

#### ***Тип П-1.2. Подвески с витыми звеньями***

Оформление звеньев данного типа наиболее разнообразно, общим является наличие витого элемента. Нижний конец, сформировав петлю, несколько раз огибает звено по центру, таким образом, создается витой элемент. Верхний конец, также формирует петлю и примыкает к перевитию. Обе петли находятся в одной плоскости. Вероятно, такая форма предвещает появление щитковых звеньев, характерных для Предуралья XI–XIII вв. На некоторых щитковых звеньях сохраняется витой элемент по центру, но верхний петли звена примыкает к нему

<sup>14</sup> ГЭ 624/142; КИАХМЗ 15475/55; КИАХМЗ 15455/14.

<sup>15</sup> КИАХМЗ 15455/14

<sup>16</sup> Госкаталог. НГОМЗ. НГМ КП 7126. Номер в Госкаталоге 5053244. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5134641> (дата обращения 14.05.2018).

<sup>17</sup> ЯГИАХМЗ, выставка «От времени Ярославова...» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yarmp.yar.ru/vystavki/postoyanny-e-e-kspozitsii/vy-stavka-ot-vremeni-yaroslavova/> (дата обращения 14.05.2018).

не с боку, а с обратной стороны, в результате две петли располагаются в перпендикулярных плоскостях. А.В. Вострокнутов, характеризуя звенья цепи, распространенные в землях Пермского Предуралья, начиная с XI в., отмечал следующее: «Форма звеньев немного напоминает собой форму аналогичных изделий более раннего периода (витых звеньев цепи). Затрагивая тему происхождения, следует отметить, что оформление их напоминает стилизованную передачу «витков». Такая традиция сохранилась до XI в. на территории Удмуртии» [12, с.5]. На некоторых звеньях подвесок типа II-1.2 перевитие в ходе литья превращается в прямоугольное утолщение с насечками.

Находки типа II-1.2 были встречены в основном на территории Ветлужско-Камского междуречья. В Поветлужье изделия были найдены в могильниках Нижняя Стрелка и Русенихинский [35, рис.2/ 5, 8, 9]. Согласно Т.Б. Никитиной, основная масса находок из могильника Нижняя Стрелка датируется X–XI вв. [34, с.93]. Не противоречит этой дате и инвентарь погребения 17 и жертвенно-ритуального комплекса № 4, из которых происходят подвески типа II-1.2. Два изделия происходят из жертвенного комплекса 14 Русенихинского могильника [33, с.24, 27, рис.3/12–13]. На территории Пермского Предуралья пять подвесок найдены в бывшем Чердынском уезде, в так называемом Редикорском кладе<sup>18</sup> (рис.3/1–5), по одному экземпляру происходят из дд. Харино [29, кат.189] и Усть-Чикурья (рис.3/8) [29, кат.190], клада Кватъпелево<sup>19</sup> (рис.3/6), примечательна и случайная находка из Коми-Пермяцкого округа<sup>20</sup>. Данные украшения известны и в Удмуртском Предуралье. Подвески были найдены в Омутницком могильнике (рис.3/7) [39, рис.4/14, 17]. Два изделия происходят из клада, выявленного на городище Иднакар, и датированного X–XI вв. [20, с.247]. Аналогичная дата предложена и для подвески из Болгара [10, с.130, рис.2/1]. Наиболее поздним периодом датировано украшение из погребения 6 могильника Крохинские Пески, Н.А. Макаров отнес комплекс к XI – началу XII в. (рис.3/9) [30, с.107–108].

Л.А. Голубева объединяла украшения Приладожья и Волго-Камья в один тип [16, с.19]. Е.А. Рябинин также отмечал сходство полых подвесок-«уточек» из этих регионов [38, с.36]. Вероятно, тип II-1.2 занимает промежуточное положение между полыми подвесками Волго-Камья VII–IX вв. и конца XI–XIII в. О преемственности с изделиями VII–IX вв., распространенными в Волго-Камье, говорит форма звеньев. Витые костыльки характерны для подвесок Прикамья VII–IX вв. Однако в облике изделий этого типа появляются и новые черты. Возможно, орнамент подвесок был выполнен в подражании северо-западным подвескам – нижний край корпуса окантован витым жгутом, на самом туловище расположены рельефные полосы, в некоторых случаях образующие подтреугольные фигуры, как у изделий группы I и у некоторых экземпляров типа II-1.1.

<sup>18</sup> ГЭ 535/80, 81, 82, 83, 84.

<sup>19</sup> МАЭ ПГГПУ № 93.

<sup>20</sup> МАЭ ПГГПУ № 506.

Наиболее выразительно такое оформление представлено на изделиях из Коми-Пермяцкого округа<sup>21</sup>. Схожим образом оформлено туловище украшения из Крохинских Песков.

Декор подвески из Иднакара – волнистая линия, оконтуренная прямыми полосами – вероятно, также имеет западное происхождение [20, рис.7/42]. Так, например, оформлен корпус изделий типа П-1.1 из курганов у Шахново и Рочевщины в Юго-Восточном Приладожье [9, табл. III/9, 14], погребения 10 могильника Манино II на Кубенском озере [2, рис.215/32]. Кроме того, данный орнамент является отличительной чертой изделий группы А-2.1 [27]. В то же время в декоре подвесок типа П-1.2 проявляется местное своеобразие. На украшениях присутствует орнамент в виде нескольких рядов жгутов, часто покрытых насечками, и ложной зерни. Головы некоторых подвесок дополнены двумя выступами – «рожками».

### ***Тип П-1.3. Подвески со щитковыми звеньями***

Изделия типа П-1.3 немногочисленны, автору данной статьи известно два экземпляра (рис. 3/10–11). Щитковые звенья более характерны для украшений с петлями для привесок, расположенными поперек корпуса (подгруппы П-2). Подвески типа П-1.3 происходят из Новгорода [22, №91] и Костромского Поволжья<sup>22</sup>, они дополнены привесками в виде бубенчиков конической формы. Подвеска из Костромского Поволжья отличается массивной головой с волотообразными рогами и гривой. Подобный полиморфизм наиболее ярко представлен в украшениях XII–XIII вв., получивших название «кони-птицы» (типа А-2.1.2, по классификации автора) [27; 28, с.13].

Новгородская находка датирована XIV в., ее корпус орнаментирован жгутами с насечками, голова дополнена крючкообразным клювом и хохолком. Аналоги такому изображению не известны среди полых подвесок; схожее оформление клюва просматривается на некоторых находках. Необычный облик новгородского изделия напоминает орнитоморфные профили с хохолками, изображенные на древнерусских створчатых браслетах. Вероятно, данное изделие, так же как и ряд других, отражает проникновение образов древнерусской книжной культуры в традиционные украшения населения лесной зоны Восточной Европы.

### ***Подгруппа П-2. Подвески с петлями, расположенными поперек корпуса***

В подгруппе П-2 выделяется один тип, т.к. на сегодняшний день не известно ни одного случая, когда эта разновидность украшений дополнялась какими бы то ни было цепочками, кроме щитковых (рис.4). А.В. Вострокнутов также предложил для подобных звеньев аналогичное название, так как их отличительной чертой является щиток, который прикрывает петли: «Последние располагаются следующим образом: верхняя – перпендикулярна щитку, нижняя в одной с ним плоскости» [12, с.6].

<sup>21</sup> МАЭ ПГГПУ №№ 93, 506.

<sup>22</sup> КИАХМЗ.

***Тип II-2.1. Подвески со щитковыми звеньями***

В оформлении корпуса подвесок наблюдается устойчивое сочетание признаков. Помимо размещения привесок поперек корпуса (зачастую на переднем крае, реже в центре), наличия щитковых звеньев, единство приемов присутствует и в орнаментации находок – жгутовые пояски (часто с насечками) украшают туловище и шею изделий. В оформлении голов подвесок, напротив, прослеживается большое разнообразие. Выделяются два подтипа: II-2.1-1 – с проработанной головой и II-2.1-2 – с головой в форме крючка. Каждый из них имеет по два варианта привесок: лапки и бубенчики.

Подвески с проработанной головой и с привесками-лапками представлены шестью экземплярами. На головах часто присутствуют навершия в виде «рожка». Подвеска из д. Михалева дополнена и «рожками», и гривой, которая проходит вдоль всего корпуса и передана рельефной полоской (рис.4/1) [29, кат.184]. Аналогичным образом грива изображается и на древнерусских полых подвесках – «коньках» и «барашках». На подвесках, происходящих из Веселовского, Выжумского [3, рис. 26/1; 4, рис.22/21] и Нижнестрелкинского [34, с.108, рис.6/4] могильников в Поветлужье, Огурдинского и Терикановского могильников в Пермском Предуралье [8, с.75, рис.6/38; 31, рис.2/14] петли для привесок расположены в центре корпуса. Погребение 5 могильника Нижняя Стрелка было датировано концом XI в. [36, с.340], погребение 29 Веселовского могильника – последней четвертью XI в. по «браслетам «с головкой», пластинчатым и четырьмя браслетам, витым из трех и шести проволок» [3, с.67]. Находку из погребения 8 Выжумского III могильника Г.А. Архипов, со ссылкой на работу Л.А. Голубевой (1979), относил к XI – началу XII в. [4, с.32]. Подвеска из размытого могильника на мысу р. Терикановки по аналогии с описанными выше изделиями может быть отнесена к XI в. [31, с.105–106]. Для находки из Огурдинского могильника А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой был приведен широкий круг аналогий [8, с.149]. Исследователями также отмечалось, что Огурдинский могильник функционировал весьма ограниченный период с рубежа X–XI – до второй половины XI в. [8, с.217].

Ключевым отличием прикамских полых орнитоморфных подвесок XI–XIII вв. от изделий Древней Руси, помимо обилия декоративных элементов (жгутов и насечек), становится расположение петель поперек корпуса. Однако в большинстве изделий типа II-2.1 петли помещаются на переднем крае корпуса. Вероятно, украшения с поперечными петлями для привесок в центре корпуса – это переходный вариант от изделий с продольными петлями. В пользу подобного статуса изделий свидетельствует и их дата, подвески могут быть датированы XI веком.

Наиболее многочисленны подвески с проработанной головой и привесками-бубенчиками. Эта разновидность также демонстрирует многообразие в оформлении голов. Подвески с гребнем – одни из наиболее распространенных (рис. 4/2–3). Гребень обозначается округлыми каплеобразными выступами,

насечками или горизонтальной (иногда рельефной) линией вдоль головы подвески. Абрис голов многих подвесок аналогичен древнерусским изделиям. Вероятно, это явление обусловлено изображением одних и тех же видов птиц и заимствованием стилистических приемов из Северо-Западных и Северо-Восточных земель Древней Руси. Примечательно, что подвески с гребнем получают различные интерпретации. А.М. Белавин полагал, что находки из родановских, вымских и зауральских памятников могут изображать как уточек, так и глухарей [6, с.169], а Л.П. Хлобыстин находку с о. Вайгач и вовсе трактовал как коня [43, с.129]. В.Д. Викторова отмечала, что среди полых подвесок Ликинского могильника «реалистичных изображений водоплавающих птиц нет» [11, с.72], в изделиях читаются абрисы хищных птиц, голова одной подвески напоминает собаку, другого – конскую [11, с.71, 73].

Получают развитие подвески с «рожками» в виде двух выступов. Головы подвесок из Чезтыягского могильника на р. Вычегде [21, рис.4/1–5], Антыбарского в Пермском Предуралье [6, рис.68/5], бывшего Чердынского уезда [40, табл.ХХII/8] и, вероятно, д. Ошиб<sup>23</sup> [29, №182] дополняют петлевидные «рожки/ушки» (рис.4/4–5). Встречена находка с подобным декором и в верхневолжском могильнике Бежицы [41, рис.4/1]. Такой вариант «рожек» встречался на подвесках типа II-1.1 и II-1.3 из Приладожье и Костромского Поволжья [9, табл.III/9]<sup>24</sup> и был особенно распространен в «коньках-барашках» (тип А-2.1.2, по классификации автора, типа XIX, по Е.А. Рябинину). Возможно, что в прикамских подвесках петлевидные «рожки/ушки» были заимствованы из древнерусских изделий.

Вероятно, использование «якорьков» в оформлении голов схематичных, по всей видимости, орнитоморфных подвесках связано с влиянием волжско-финской изобразительной традиции (рис.4/6–8). Для большинства подвесок с головой в форме крючка предложена дата XII–XIII вв. [14, 1987, рис.2/138; 29, кат.175, 177–178, 181, 183]. На сегодняшний день найдена одна подвеска с привесками-лапками, изделие происходит из коллекции М.Н. Зеликмана [29, кат.181], все прочие находки дополнены привесками-бубенчиками.

Известны также «двуглавые» подвески, верхняя часть которых передана двумя крючками (рис.4/8) [29, кат.183]<sup>25</sup>, из Мало-Аниковского могильника происходит уникальное «трехглавое» изделие [13, рис.1/16].

Завершая обзор полых подвесок с одной парой шумящих привесок (подотдела А-1), стоит отметить, что изделия, с одной стороны, отражают различные региональные традиции, с другой, взаимопроникновение различных стилистик. Подвески X–XI вв., распространенные как в западных землях лесной зоны, так и в восточных изображают преимущественно водоплавающих птиц. Начиная с

<sup>23</sup> Вероятно, петлевидные «рожки» на голове находки были повреждены, на данный момент там фиксируются две пары штырьков (ПКМ № 11393/2).

<sup>24</sup> КИАХМЗ 15475/14, 55.

<sup>25</sup> ПКМ 11352/143, 11366/73.

XI в. с образами, представленными в полых украшениях, происходят метаморфозы. На головах подвесок подгруппы II-1 изображаются гребешки, клюв приобретает заостренную форму. В изделия проникают и полиморфные черты: появляются «рожки», гривы, тупой «нос» или «край морды». Это явление затрагивает типы, характерные как для северо-западных и северо-восточных земель Древней Руси, и так для Волго-Камья. Новые мотивы читаются и в декоре корпуса. Туловище украшений Приладожья X–XI вв. оконтурено жгутом по нижнему краю, на боках присутствует рельефная подтреугольная фигура. Данный орнамент копируется в подвесках и Древней Руси (II-1.1), и Волго-Камья (II-1.2). Кроме того, на некоторых изделиях появляется орнаментальный поясok в виде волнистой линии, оконтуренной двумя прямыми. Внутри изделий XI–XII вв. подгруппы II-1 «зарождаются» отличительные черты украшений XII–XIV вв. – группы А-2.1 – волнистый орнамент и оформление головы (петлевидные «рожки/ушки», широкий нос/клюв и грива).

В прикамских подвесках XI–XIII вв. типа II-2.1 находят продолжение приемы оформления X–XI вв. – «рожки» в виде двух выступов, жгутовая орнаментация. В трактовке голов проявляются также черты, заимствованные из древнерусских и волжско-финских подвесок.

### Библиографический список

1. Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. – М.: Изд-во «ДиК», 1997. – 758 с.
2. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники. / Отв. ред. Н.А. Макаров. Т.1. Поселения и могильники. – М.: Наука, 2007. – 374 с.
3. Архипов А.Г. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. – 200 с.
4. Архипов А.Г. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья). – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1986. – 114 с.
5. Беговатов Е.А., Казаков Е.П. Птицевидные подвески мери и веси из Татари // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. – Иваново, 1990. – С. 15–17.
6. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с.
7. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
8. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. – Пермь: ПГПУ, 2012. – 259 с.
9. Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. – 1895. – № 18. – 156 с.
10. Валеева Д.К. Искусство города Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. – М.: Наука, 2008. – С. 125-191.

11. Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала: страницы ранней истории манси. – Екатеринбург: Квадрат, 2008. – 207 с.
12. Вострокнутов А.В. Звенья цепи и шумящие привески украшений родоновской культуры Верхнего Прикамья как датирующий элемент // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2013. – Вып. 55, №12 (303). – С.5–12.
13. Вострокнутов А.В. Культ водоплавающей птицы в Верхнем Прикамье в эпоху средневековья // Труды КАЭЭ. – 2009. – Вып. VI. – С. 29–37.
14. Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск: УдНИИ, 1987. – С. 39–61.
15. Голубева Л.А. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. – 1962. – № 3. – С. 53–77.
16. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. – Вып. Е1–59. – М.: Наука, 1979. – 112 с.
17. Гроздилов Г.П. Сел. Челмужи // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 13–14.
18. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров, Л.М. Терехова, Н.В. Федорова. – Екатеринбург: «Внешторгиздат», 1994. – 160 с.
19. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 308 с.
20. Иванова М.Г., Степанова Г.А. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследования пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 238-263.
21. Истомина Т.В. Комплекс погребения 37 Чепцыгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: Материалы совещания, посвященного памяти А.П. Смирнова, дек. 1989 г. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. – С. 127-136.
22. Колчин Б.А., Янин В.А., Ямщиков С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. – М.: Искусство, 1985. – 168 с.
23. Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. – Петрозаводск: Карелия, 1985. – 223 с.
24. Крупейченко И.П. Тайны Тихвинской земли. История края с древнейших времен до конца XIV века. – Тихвин, 1996. – 117
25. Кудряшов А.В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2006. – 197 с.

26. Кудряшов А.В. Памятники IX – начала XI в. в бассейне р. Шексны и Белого озера: возможности для реконструкции историко-культурных процессов в регионе // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сборник материалов Международной научной конференции (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6-8 июня 2012 г.). – Вологда: Древности Севера, 2012. – С.48–64.

27. Кузнецова В.Н. «Кони-птицы», полые зооморфные подвески Древней Руси XII–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода. Великий Новгород, 25-27 января 2017. Вып.31 / Отв. ред. Е.Н. Носов / Новгородский музей-заповедник. – СПб.: Любавич, 2018. – С.139-14

28. Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы XI–XIV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2016. – 22 с.

29. Кулябина Н.В. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: каталог / под ред. Г.Н. Чагина. – Пермь: ПКМ, 2013. – 268 с.

30. Макаров Н.А. Население русского севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

31. Макаров Э.Ю., Мельничук А.Ф., Д.В. Третьяков. Новые средневековые археологические древности близ г. Чермоза Пермского края // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2011. – Вып. 1(15). – С.104–113.

32. Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.

33. Никитина Т.Б. Жертвенные комплексы с одеждой из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1 (36). – С.21–32.

34. Никитина Т.Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // АЭМК. – 1990. – Вып.17. Древности Повелужья. – С. 81–118.

35. Никитина Т.Б. Орнитоморфные изделия и изображения в погребально-поминальном инвентаре могильников Ветлужско-Вятского междуречья // Stratum Plus. – 2017, № 5. – С. 289–306.

36. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X–XI вв. как носители этнической традиции // Труды КАЭЭ. – 2012. – Вып. VIII. – С.336–344.

37. Равдоникас В.И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. – 1934. – Вып.94. – 53 с.

38. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. – Вып.Е1-60. – Л.: Наука, 1981. – 124 с.

39. Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов: УдНИИ, 1985. – С. 92–118.

40. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. – 1902. – № 26. – 110 с.
41. Степанова Ю.В. Шумящие украшения мерянского типа на территории Верхневолжья // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. – М.-СПб.: Альянс Архео, 2011. – С. 79–89.
42. Третьяков П.Н. Костромские курганы // ИГАИМК. – 1931. – Т.10. Выш. 6–7. – С. 1–35.
43. Хлобыстин Л.П. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М: Наука, 1990. – С. 120–135.
44. Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und Text II. – Porvoo-Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1951. – 150 s.
45. Serning I. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. – Stockholm: Hugo Gebers Förlag, 1956. – 193 s.

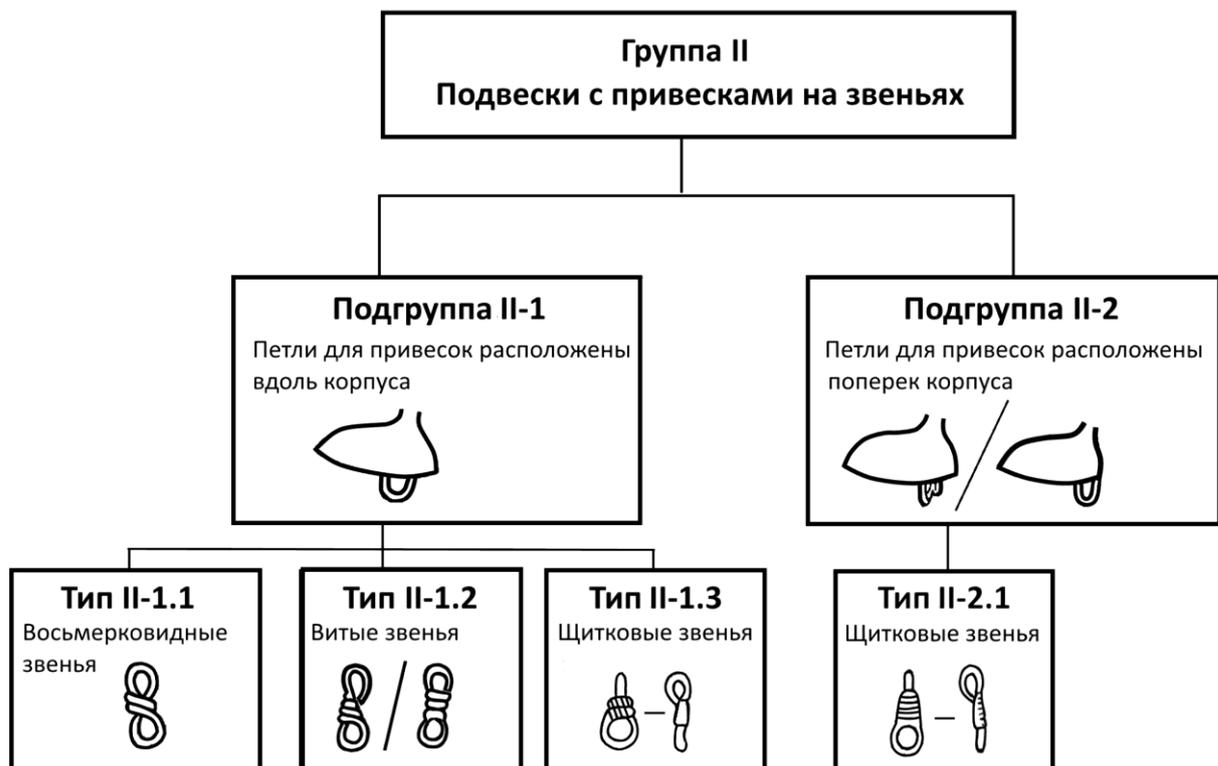


Рис. 1. Схема классификации полых подвесок группы II.

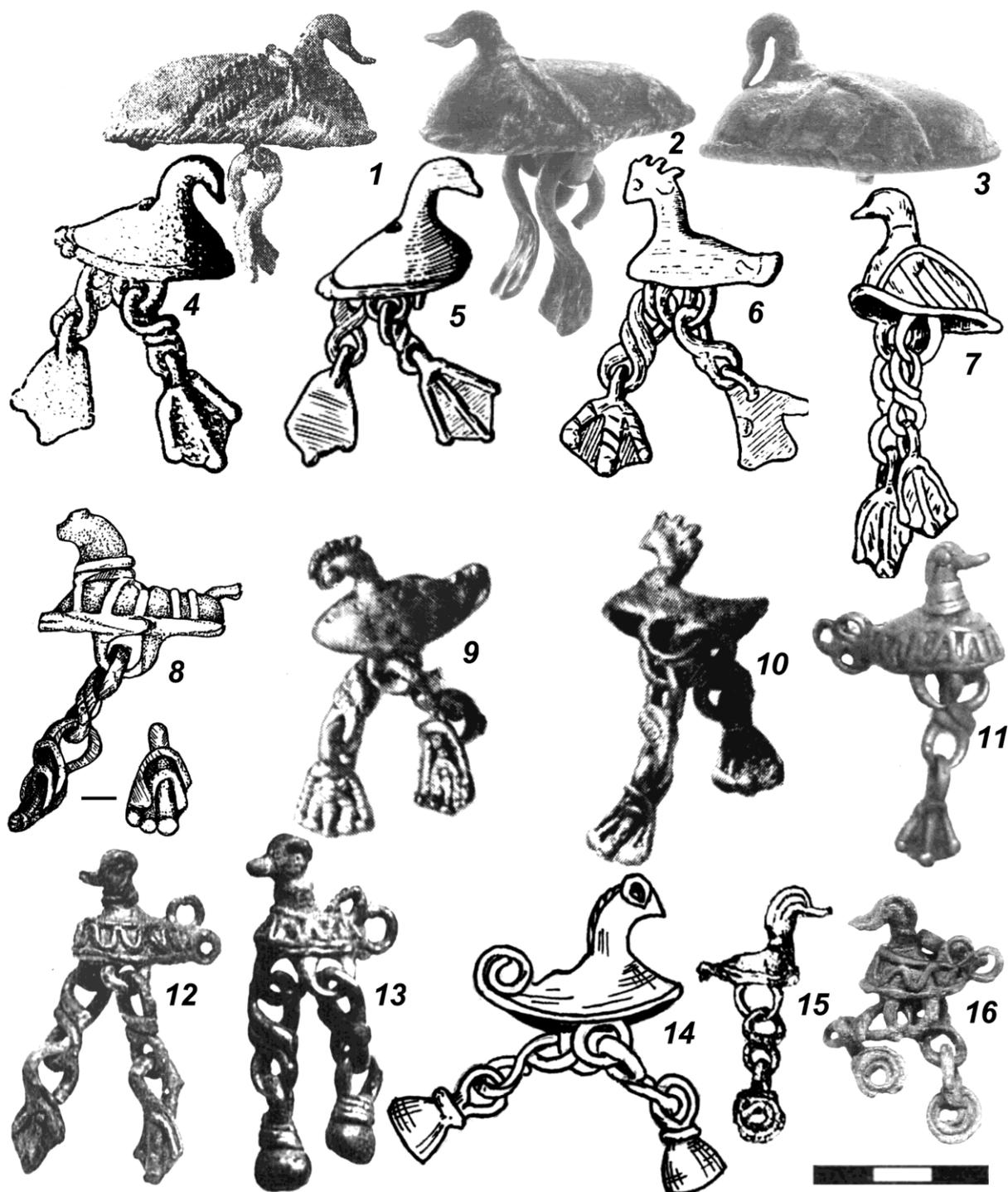


Рис. 2. Полые подвески: 1–3 – группа I; 4–16 – тип II-1.1.

1 – Карлуха (По: Равдоникас, 1934. Табл. XI/11); 2 – Иванчино (По: Кулябина, 2013. Кат. 162); 3 – Амбор (По: Кулябина, 2013. Кат. 163); 4 – Шангеничи-лес (По: Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 10/16); 5 – Шангеничи-село (По: Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 29/1); 6 – Кургино (По: Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 43/4); 7 – Кузьминский мог. (По: Иванов, 1998. Рис. 57/7); 8 – Кочергина (ГЭ 1043/191); 9–10 – мог. Нефедьево IA (По: Макаров, 1990. Табл. XIII/9, XIV/20); 11 – Сайгатинский IV мог. (По: Зыков и др., 1998. Кат. 299); 12 – Шахново (По: Бранденбург, 1895. Табл. III/14); 13 – Рочевщина (По: Бранденбург, 1895. Табл. III/9); 14 – Левашиха (Сухарева) (ГЭ 624/142); 15 – Кривец (По: Кудряшов, 2006. Рис. 40/1); 16 – Миино II (По: Археология севернорусской деревни, 2007. Рис. 215/32).

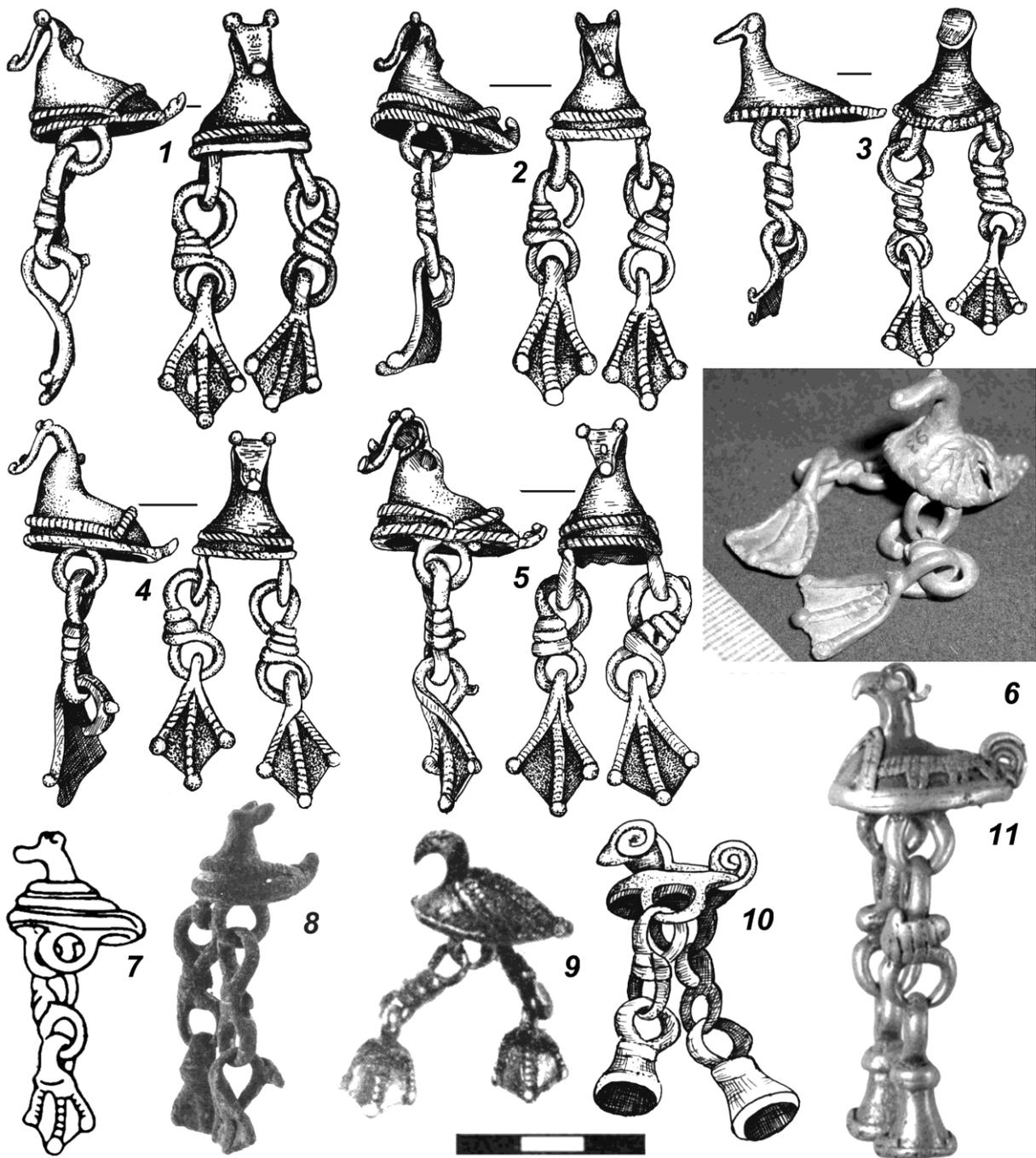


Рис. 3. Полые подвески: 1–9 – тип П-1.2; 4–16 – тип П-1.3.  
 1–5 – Редикор (ГЭ 535/80–84); 6 – Кватъпелево (МАЭ ПГПУ № 93; фото А.В. Вострокнутова); 7 – Омутницкий мог. (По: Семенов, 1985. Рис. 4/17);  
 8 – Усть-Чикурья (По: Кулябина, 2013. Кат. 190); 9 – Крохинские Пески (По: Макаров, 1990. Табл. XXI/4); 10 – Костромские курганы (КИАХМЗ, Красносельский музей ювелирного и народно-прикладного искусства, экспозиция на 2012 г.);  
 11 – Новгород (По: Колчин, Янин, Ямщиков, 1985. № 91).

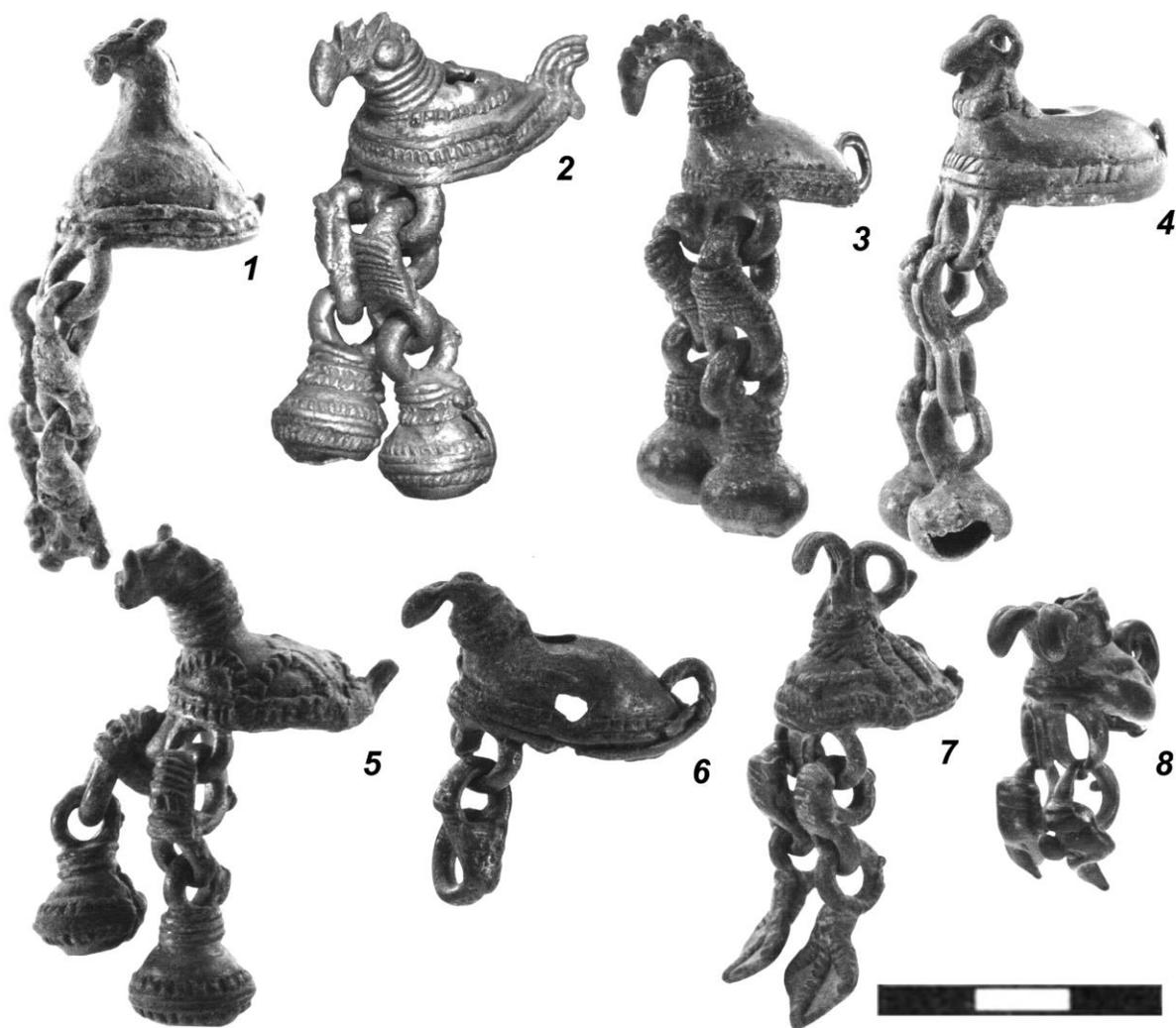


Рис. 4. Полые подвески, тип П-2.1.

1 – Михалева (По: Кулябина, 2013. Кат. 184); 2 – Юрята (По: Кулябина, 2013. Кат. 166); 3 – Степаново Плотбище (По: Кулябина, 2013. Кат. 167); 4 – Антыбары (По: Кулябина, 2013. Кат. 187); 5 – Ошиб (По: Кулябина, 2013. Кат. 182); 6 – Вакино (По: Кулябина, 2013. Кат. 179); 7 – колл. М.Н. Зеликмана (По: Кулябина, 2013. Кат. 181); 8 – Данилово (По: Кулябина, 2013. Кат. 183).

УДК 903.25

**Ю.А. Подосенова****НОЖНЫ В СЕРЕБРЯНЫХ ОБКЛАДКАХ С ФИЛИГРАННЫМ И  
ЗЕРНЕВЫМ ДЕКОРОМ ИЗ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА  
ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Отдел истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, Пермь, РФ

*Предлагаемая вниманию публикация посвящена описанию и введению в научный оборот находок, являющихся редкими для материалов средневековых памятников Пермского Предуралья (ломоватовская археологическая культура) – ножнам в серебряных обкладках с филигранным и зерневым декором, происходящим из материалов Баяновского могильника.*

*Ключевые слова: ножны, ломоватовская археологическая культура, средневековье, Пермское Предуралье, зернь, филигрань.*

**Y. A. Podosenova****THE SCABBARD IN SILVER PLATES WITH FILIGREE AND THE DARK  
DECOR OF PANOVSКОГО BURIAL LOMOVATKA ARCHAEOLOGICAL  
CULTURE**

*Perm Federal Research Centre Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, RF*

*We bring to attention the publication is devoted to description and the introduction into scientific circulation finds, which are rare materials for the medieval monuments of the Perm CIS-Urals (lomovatka archaeological culture) – the scabbard in silver plates with filigree and zernovym decor originating materials Panovskogo burial ground.*

*Key words: sheath, lomovatka archaeological culture of the middle ages, the Perm Urals, granulation, filigree*

Полевые археологические исследования на средневековых памятниках Пермского Предуралья каждый год приносят массу разнообразного, интересного и порой даже уникального на данный период времени материала. Среди этого материала выделяются ножны в серебряных обкладках с филигранным и зерневым декором, происходящие из раскопок последнего десятилетия на Баяновском могильнике, принадлежащем к ломоватовской археологической культуре. Целью данной работы является введение в научный оборот этих изделий.

*Ножны в серебряных обкладках с филигранным и зерневым декором обнаружены при раскопках Баяновского могильника в 2007 г., 2015 г. и 2016 г. (погребения 86, 328, 365, 392, 400). Погребальный инвентарь, являющийся контекстом этих изделий, свидетельствует о том, что эти погребения принадлежали женщинам [2; 3; 4]. Имеющиеся антропологические определения немногочисленных костных фрагментов, обнаруженных в погребениях (погребения 86, 365, 392, 400; определения проводились научным сотрудником ПФИЦ УрО РАН Н.Г.*

Брюховой) принадлежали взрослым индивидам [2; 3; 4]. Все изделия были обнаружены в районе пояса погребенного и являлись частью поясного набора.

### *Конструкция ножен*

Основа всех ножен – деревянная конструкция, выполненная по одной схеме. Их отличие заключается в наложении серебряных обкладок и их декорировании.

Ножны состоят из двух частей – нижней и верхней. Верхняя часть служит рукоятью ножа. Нижняя часть – футляром для лезвия ножа. Не смотря на то, что длина самих ножен достигает 42 см, лезвие ножа было небольшим и выходило из рукояти на 10–15 см.

Верхняя часть ножен выполнена из двух деревянных пластин полусферического сечения. В пластинах по центру вырезан паз для черешка железного ножа. После складывания рукояти деревянную часть обворачивали тонким листом серебра (толщиной 0,23-0,6 мм), края которого сводились внахлест на тыльной стороне рукояти и спаивались. На нижний и верхний края напаян ободок из гладкой проволоочки. Лицевая сторона рассматриваемых рукоятей представлена изделиями с декором (рис.1/1, 2; рис.2/2, 3) и без него (рис.2/1). Рукояти трёх ножен украшены якорьковидным орнаментом и вставкой из камней/смолы. На них каст, имеющий каплевидную форму, обведен штампованной проволочкой с концами, спускающимися вниз и расходящимися в стороны в виде якоря. К «якорьку» по бокам и по касту припаяны зерновые треугольники. Такие же зерновые треугольники обрамляют и ободки из гладкой проволоочки в верхней и нижней части рукояти. Другая рукоять ножен украшена только цилиндрическим кастом каплевидной формы со вставкой (рис.1/1).

Затыльник на рукояти зафиксирован только в одном случае (рис.1/1a). Он представлен простым серебряным листом, обернутым вокруг деревянной основы.

Футляр выполнен также из двух деревянных пластин, сложенных вместе. Серебряные обкладки на этих частях ножен располагались по-разному: цельной пластиной, наложенной на всю деревянную основу ножен (рис.1/2); двумя отдельными пластинами, наложенными на всю деревянную основу ножен (рис.1/1; рис.2). С тыльной стороны края серебряных пластин были соединены внахлест. На это соединение была припаяна и прикреплена с помощью шпенок узкая бронзовая скоба, завершающаяся полукруглым изгибом. Эта скоба закрепляла края пластин, а её изгиб выполнял функцию подвеса. На нижние и верхние края пластин были напаяны ободки из гладкой проволоочки. В отдельных изделиях их обрамляли напаянные треугольники из зерни (рис.1/1; рис.2/1, 3). Лицевая сторона пластин на двух футлярах была декорирована якорьковидным орнаментом (рис.1/1; рис.2/1). В одном случае декор представлен якорьковидным орнаментом и вставкой из камня/смолы. Здесь каст, имеющий каплевидную форму, обведен штампованной проволочкой с концами, спускающимися вниз и расходящимися в стороны в виде якоря. К «якорьку» по бокам и по касту припаяны

зерновые треугольники (рис.1/1). В другом изделии каст для вставки отсутствует, а якорьковидный орнамент образуют две напаянные штампованные проволоочки с концами, спускающимися вниз и расходящимися в разные стороны. К ним по бокам и в верхней части в виде розетки припаяны зерновые треугольники (рис.2/1).

В отдельных изделиях фон якорьковидного орнамента (на рукояти и футляре) был позолочен (рис.1/2; рис.2/1).

Практически во всех экземплярах между деревянной основой и серебряными пластинами фиксируются остатки кожаной прокладки. Возможно, прокладка из кожи служила для лучшей подгонки деталей ножен (как рукояти, так и футляра). С другой стороны, кожаная прокладка могла выполнять и декоративную функцию в тех изделиях, где пластина на футляр накладывалась не целиком.

Химический состав металла серебряных пластин был изучен с помощью рентгено-флюоресцентного анализа. Пластины были выполнены из листа металла с высоким содержанием серебра (Ag более 90%, остальное – Cu, Pb, Au).

#### *Аналогии, датировка изделий и возможное место изготовления*

Учитывая конструкцию и декор изделий – полных и более похожих аналогий подобным изделиям можно привести немного.

Как отмечает К.А. Руденко [5, с.375-378], подобные ножны были встречены в материалах памятников полемской археологической культуры VIII-IX вв.: Варнинского могильника [10, с. 50,132, табл. XXV, XXVI], Полемского могильника VIII-IX в. [5, с.375-378; 9, с.246, рис. 44] и могильника Мыдланьшай [1, табл.VII/1]. Из материалов средневековых памятников Пермского Предуралья (ломоватовская археологическая культура), похожие по конструкции ножны, но отличающиеся по орнаменту, происходят из погребений Редикарского и Каневского могильников, датированных исследователями IX – первой половиной X вв. [6, с.229-233]. Рассматриваемые ножны из Баяновского могильника происходят из погребений, датированных автором раскопок первой половиной X века [2; 3; 4].

Аналогичные ножны, датируемые IX в., место обнаружения которых определяется Прикамьем, хранятся в материалах Фонда Марджани [5, с.375-378].

В настоящий момент время распространения и место изготовления данных изделий определить трудно. Но можно высказать некоторые предположения. Вероятнее всего, время появления таких изделий на территории Прикамья в эпоху средневековья (ломоватовская и полемская археологические культуры) может ограничиваться IX – первой половиной X вв. Именно в этот период широко используется декорирование ювелирных изделий разных категорий с помощью штампованной проволоочки и зерни [7, с.36-43; 8, с.40-43]. Для этого периода характерно и распространение ножен аналогичных конструкций с металлическими обкладками (бронзовыми и серебряными) без декора [6, с.229-233]. Место изготовления данных изделий в настоящий момент можно обозначить как Прикамье (ломоватовская и полемская археологические культуры без

разграничений). К.А. Руденко также предполагает прикамское происхождение данных изделий. Их прототипы исследователь видит в ножнах усечено-конической формы без зерневых узоров [5, с.375-378; 9, с.158. ил. 244]. Такие ножны были широко распространены на территориях рассматриваемых культур ранее.

Возможно, предстоящие в будущем новые находки аналогичных изделий, а также всестороннее отдельное исследование, целиком посвященное появлению, распространению и функционированию на территории средневекового Прикамья такой категории материала как ножны в металлических обкладках, позволит в будущем точно ответить на вопросы о месте происхождения и периоде распространения этих изделий.

### Библиографический список

1. Генинг В.Ф. Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай. ВАУ. Вып.3 / Отв. ред. Е.Г. Суров. – Свердловск: УрГУ, 1962. – С.7–111.
2. Данич А.В. Отчет о раскопках Баяновского могильника в Добрянском МО Пермского края в 2007 г. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2008.
3. Данич А.В. Отчет о раскопках Баяновского могильника в Добрянском МО Пермского края в 2015 г. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2016.
4. Данич А.В. Отчет о раскопках Баяновского могильника в Добрянском МО Пермского края в 2007 г. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2017.
5. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки / Научн. ред. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. – М.: Изд. дом Марджани, 2016. – 560 с.
6. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.
7. Подосенова Ю.А. Зернь и скань в ювелирных изделиях Пермского Предуралья эпохи средневековья // Вестник Пермского университета. История / Гл. ред. Г.А. Янковская. – 2014. – Вып. 1. – С.36–43.
8. Подосенова Ю.А. К вопросу об атрибуции филигрانی ювелирных изделий Пермского Предуралья эпохи средневековья // Труды КАЭЭ. – Вып. IX / Отв. ред. А.М. Белавин. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – С.40–43.
9. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.
10. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры / Науч. ред. В.Ф. Генинг. – Ижевск: НИИ при СовМин УдАССР, 1980. – С. 5–135.

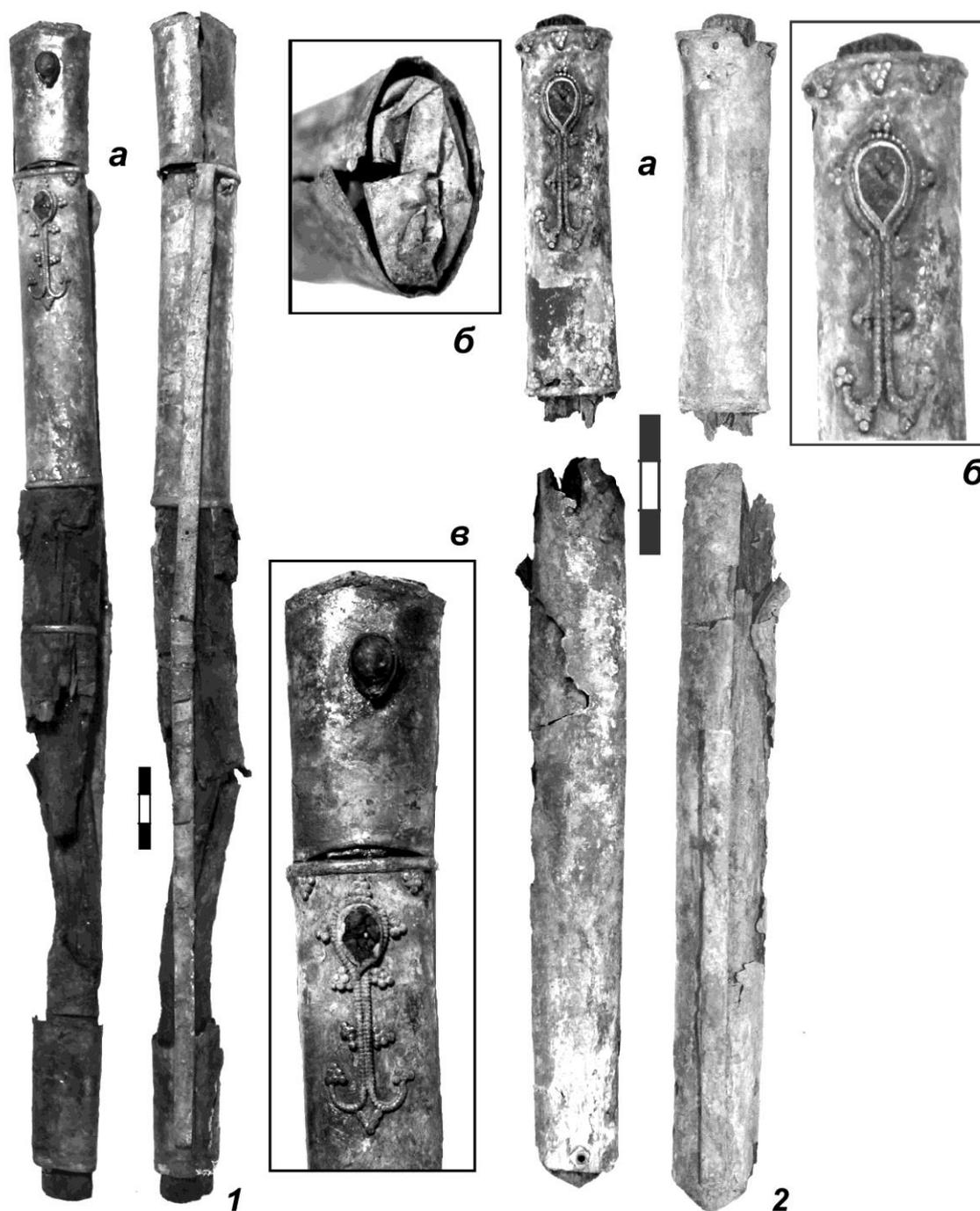


Рис. 1. Ножны с серебряными обкладками и филигранным декором из Баяновского могильника:

- 1 – ножны из погребения 392: а – общий вид, б – особенности затыльника ножен; в – особенности филигранного декора;
- 2 – ножны из погребения 328: а – общий вид, б – особенности филигранного декора.

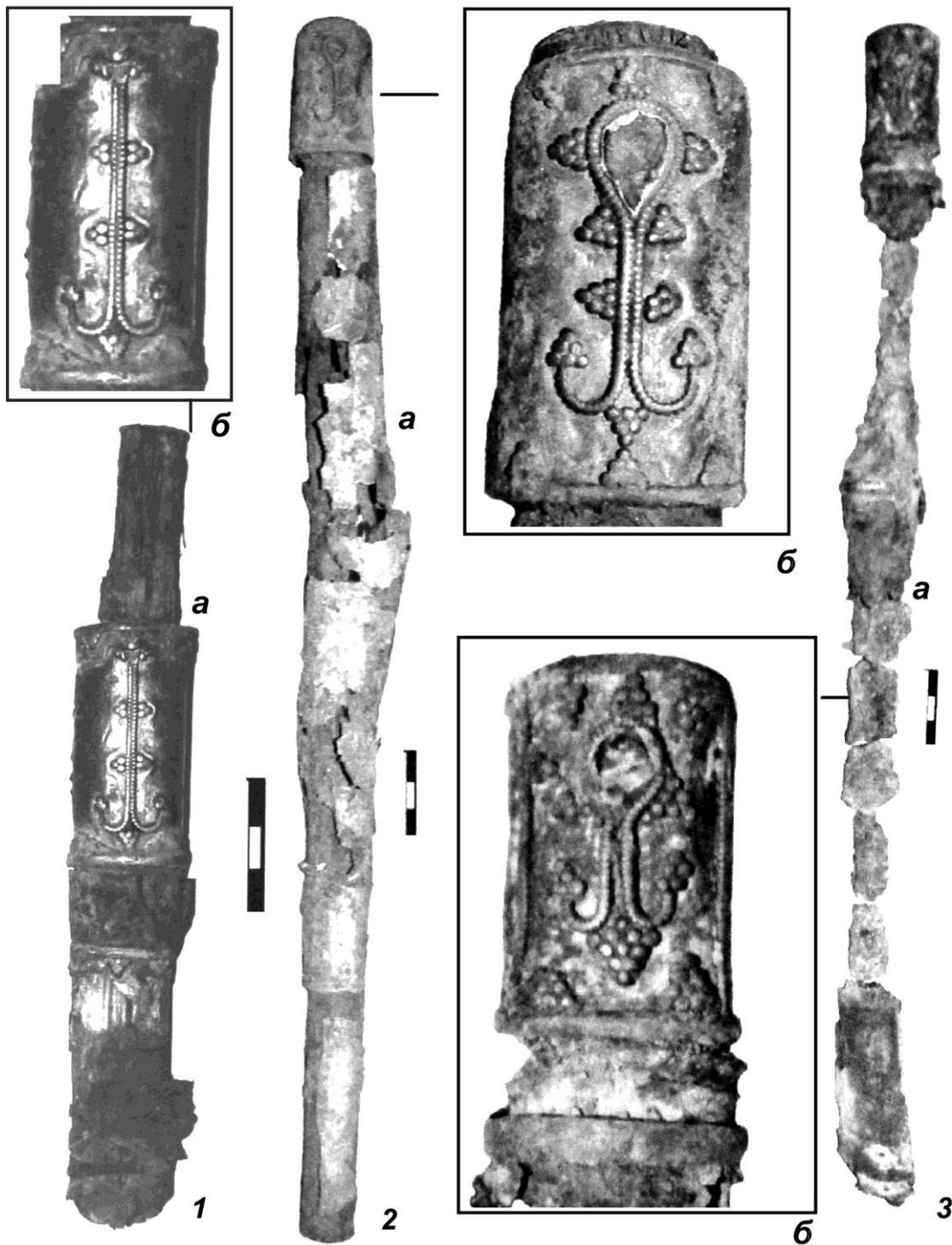


Рис.2. Ножны с серебряными обкладками и филигранным декором из Баяновского могильника:

- 1 – ножны из погребения 86: а – общий вид, б – особенности филигранного декора;  
 2 – ножны из погребения 365: а – общий вид, б – особенности филигранного декора;  
 3 – ножны из погребения 400: а – общий вид, б – особенности филигранного декора

УДК 671.02:902(4/9):7(091)

**К.А. Руденко****ПЛЕТЕННЫЕ ГРИВНЫ С ПОДВЕСКАМИ-ЛУННИЦАМИ ИЗ ВОЛЖСКОЙ  
БУЛГАРИИ: ДИЗАЙН, АТТРИБУЦИЯ**

Государственный институт культуры, Казань, РФ

*В статье рассматриваются редкие ювелирные изделия из Волжской Булгарии. Это украшения, сплетенные из тонкой серебряной проволоки и украшенные круглыми подвесками-лунницами. Известно всего два таких изделия. Одно из них находится в Национальном музее Республики Татарстан в Казани. Второе изделие хранится в Фонде Ш. Марджани в Москве. На одном из них дополнительно прикреплены маленькие круглые медальоны, украшенные зернью и сканью, а также две западноевропейские и одна византийская серебряные монеты XI в. Это позволяет датировать оба украшения XI – началом XIII столетия.*

*Подвески-лунницы украшены зернью, сканью, позолотой, а также вставками из сердолика (сердоликовая бусина) и стекла. Их особенностью является использование вставок из маленьких фрагментов бирюзовой или белой глазурированной керамики, которая была привезена из Ближнего Востока. Их можно датировать XII – XIII столетиями. Гривны ремонтировались. Последний раз это было сделано в начале XIII века.*

*Автор считает, что основой этих украшений были проволочные плетеные гривны, а подвески были к ним прикреплены позже. Скорее всего, подвески-лунницы изготавливали в одной мастерской, но разными ювелирами.*

*Ключевые слова: Волжская Булгария, ювелирные украшения, зернь, скань, подвески-лунницы, шейные гривны*

**Rudenko K.A.****PLATED HERVES WITH LUNULA PENDANTS FROM THE VOLGA  
BULGARIA: DESIGN, ATTRIBUTION**

State Institute of culture, Kazan, Russia

*The article considers rare jewelry from the Volga Bulgaria. These are jewelry, woven from a thin silver wire and decorated with round lunula pendants. Only two such products are known. One of them is in the National Museum of the Republic of Tatarstan in Kazan. The second product is stored in the Sh. Mardzhani Foundation in Moscow. On one of them additionally attached are small round medallions, decorated with granules and filigree. In addition, there are silver coins of Western Europe of the 11th century. They were used as part of the decor. This allows you to set the date of production of this artifact. Both decorations date from the 11th - the beginning of the 13th century.*

*Pendants are decorated with granulation, filigree, gilt, as well as inserts of carnelian (cornelian bead) and glass. A feature of these lunula pendants is the use of inserts of their small fragments of glazed ceramics, which was brought from the Middle East. These fragments are either turquoise or white. They can be dated from the 12th to the 13th centuries. Hryvnia were repaired. The last time it happened in the early 13th century.*

*The author claims that the basis of these artifacts were wire braided hryvnia, which were produced in the first place. The pendants were attached to them later. Most likely, lunula pendants made in one workshop, but different jewelers.*

*Keywords: Volga Bulgaria, jewelry, grain, filigree, lunula pendants, cervical hryvnia.*

Из достаточно большого числа болгарских ювелирных украшений выделяются изделия, с одной стороны, характерные для Волжской Булгарии и ее ремесла, с другой – имеющие особенные детали и стиль декора. Речь идет о шейно-нагрудных, плетеных из серебряной проволоки украшениях – гривнах, или как их иногда называют, – шейных обручах. Изготовленные способом свободного плетения, гривны, как и браслеты, являются характерной продукцией болгарских ювелиров. Такие изделия хранятся как в музеях Татарстана: НМ РТ, БГИАМЗ [26, кат. 244; 247; 248; 251], так и в других музейных собраниях РФ (ГИМ, Русский музей, ГЭ, ПГКМ).

Плетеные гривны в основном встречаются в кладах домонгольского времени на территории Волжской Булгарии вместе с другими изделиями, изготовленными в этой же технике, например, с проволочными браслетами [25, с.328]. Случайные находки гривен происходят из поселений, например, с Булгарского городища или IV Старокуйбышевского селища [14, с.123, рис.42/9; 26, с.446, кат. 247]. Всего нами учтено 13 экземпляров таких артефактов [26, с.203-205; 23, с.405, 411-413, кат.321,332]. За пределами Волжской Булгарии находки болгарских ажурных гривен редки, и зафиксированы, как правило, в кладах. Например, близ д. Б. Хайча (Украина) в кладе, датированном XI – началом XII в. [17, с.91, табл.XI/2].

Булгарские гривны относятся к шестипроволочным, сплетенным из трех пар перекрученных между собой серебряных проволок, причем каждая пара – это сложенная пополам одна гладкая проволока диаметром в сечении 1,5-2 мм. Основа гривны – плетёная ажурная конструкция, постепенно сужающаяся к окончаниям за счет уплотнения плетения, а ближе к окончанию – ковки. На каждый из ее кончиков, скованных в сплошной стерженек и иногда дополнительно пропаянных, надевался конический колпачок, сделанный из тонкой серебряной пластины. Колпачок изготавливался так: один конец пластины расковылся, и из этой более тонкой ее части сворачивалась узкая и длинная воронка. Длина последней была такой, чтобы полностью закрыть окончания плетеной конструкции, а диаметр основания должен был соответствовать толщине сечения стерженька – окончания гривны. Верхняя же половина пластины сковывалась в тонкий стержень квадратного сечения, окончание которого было загнуто крючком. Эти два крючка на концах гривны образовывали ее замок.

Дополнительные декоративные элементы на известных нам экземплярах чаще всего отсутствуют. Подчеркнем, что техника изготовления гривен – ажурное плетение из трех скрученных попарно проволок, как и конструкция замка, у болгарских изделий везде одинакова.

Размер болгарских гривен следующий: крупных – до 25 см (в среднем: 24-27 x 26-30 см), небольших – до 18 см (18 x 16 x 2 см) в диаметре. При этом они обнаруживают устойчивый весовой стандарт ( $m=181-186$  и  $160-165$  г), что позволяет предполагать их использование и в качестве платежного средства.

Публикации о болгарских гривнах немногочисленны. Можно отметить статью Г.Ф. Поляковой о Балыкульском кладе, где затронут вопрос о времени их производства, и отмечено, что они вместе с плетеными браслетами составляли стилистически единый комплект болгарских украшений [21, с.244-249]. Мною болгарские гривны были систематизированы, отнесены к одному типу с 4-мя подтипами, и датированы первой пол. XI – первой третью XIII в. [26, с.206].

Датировка этих артефактов непроста. Г.Ф. Полякова считает, что они изготавливались булгарами со второй половины X в. и импортировались на Русь, но ее мнение слабо аргументировано. На фоне представительной серии шейных гривен разных типов в древнерусских кладах IX и X вв. [7, с.19-22; 26-27], трудно предполагать их импорт из Болгарии в это время<sup>26</sup>. Да и в последующее время гривны собственных модификаций широко использовались на Руси, например, в земле вятичей [8, с.185-192]. Интересны гривны ажурного плетения из коллекции Русского музея близких размеров (15,5 x 17,5 x 1,3; 18 x 16,8 x 1,7 см), но с иной конструкцией замка [15, с.84-85, ил.176, 181]. Являются ли они болгарскими – вопрос открытый.

В начале 1990-х гг. М.М. Кавеев на Кожаевском IV селище в Татарстане обнаружил плетеную серебряную гривну в составе клада, имевшего стратиграфическую дату – вторая половина XI в. [12, с.107, рис.1/1]. На основании этой находки можно утверждать, что такие изделия у болгар в этот период производились и имели хождение. Поскольку во второй половине X – начале XI в. болгары такие гривны еще не делали<sup>27</sup>, а в конце столетия они уже известны, то логично предположить, что стали их производить во второй–третьей четверти XI века. Это не противоречит и датировке таких гривен по другим источникам [17, с.91]. Верхняя граница изготовления плетеных гривен ограничивается серединой 30-х гг. XIII в. – временем монгольского нашествия, не исключено, что они исчезли и ранее – в начале XIII века. Нет фактов, свидетельствующих об изготовлении таких изделий после 1236 года.

Болгарские гривны очень стандартизированы, при этом дополнительные украшения к ним (привески) встречены только в двух случаях. Это гривны из Именьковского и Рождественского кладов с подвешенные к ним на небольших цепочках бубенчиками желудевидной формы [26, с.445, 447, кат. 246, 249]. Судя по составу этих кладов, такие изделия датируются второй половиной или концом XII – началом XIII вв. Но установить, сразу ли эти они украшались таким образом, либо это была последующая «доработка», пока невозможно.

Помимо гривен с бубенчиками, известно еще два изделия с привесками в виде лунниц – плоских прорезных дисков, украшенных вставками, зернью и сканью. Первая из них – плетеная гривна с подвесками-лунницами из собрания

<sup>26</sup> Гривны использовались не только в качестве личного украшения, но с домонгольского времени стали «специфической чертой древнерусского украшения икон» [28, с. 154].

<sup>27</sup> Судя по материалам Танкеевского и Тетюшского могильников, не изготавливались они булгарами и ранее – в IX – первой половине X в.

Национального музея Татарстана (инв.№СУ-824; Вр-5) (рис.1/1), из случайных находок у г. Чистополя<sup>28</sup> в Татарстане, опубликованная О.С. Хованской [32, с.239-243; 26, с. 256, 257, 449, рис.55; 56; кат. 253]. Замóк гривны отсутствует, а лишённые колпачков окончания изделия разведены на 9 см. Гривны с разжатыми окончаниями известны в древнерусских древностях домонгольского времени [4, с. 45-46].

О.С. Хованская датировала чистопольскую гривну XI–XII вв.; мной была предложена более поздняя датировка: XII – первая половина XIII в. [32, с. 243; 26, с.194]. Согласно атрибуции О.С. Хованской, это изделие было сделано булгарами по заказу представительницы финно-угорских северных племен [32, с.243]. Основанием для такого рода вывода, вероятно, послужило исследование В.В. Гольмстен, посвященное лунницам из собрания ГИМ, где была отмечена специфика таких изделий в Прикамье [6, с.7], которая в целом соответствует подвескам-лунницам чистопольской находки; как и идея о производстве лунниц закрытого типа волжскими булгарами [6, с.19].

Последнее мнение устойчиво повторяется исследователями вплоть до сего дня, хотя в коллекциях из самой Волжской Булгарии известна всего одна серебряная замкнутая лунница с позолоченным фоном и со стеклянной вставкой квадратной формы<sup>29</sup> [22, с.187, рис.63/17], а В.В. Гольмстен оперировала двумя находками, одна из которых была из Вятской, а вторая из Пермской губерний. Оттуда же происходили и бронзовые копии таких украшений [6, с.7, 15, рис.7, 8, 22, 23, 26]. Интересно, что и сами булгары производили литые реплики с таких лунниц, о чем можно судить по соответствующим литейным формам, немногочисленным готовым отливкам и производственному браку [26, с.194-196, ил.320-322].

Происхождение второй гривны с подвесками из коллекции Фонда Ш. Марджани<sup>30</sup> (г. Москва) (инв. № Им/м-148) [23, с.411–413, кат. 332] (рис.2/1) неизвестно. Сохранность ее существенно лучше чем предыдущей: цел замóк, привески и большая часть декора лунниц, хотя края двух из них обломаны (рис.2/Б,В).

Эта гривна, помимо лунниц, украшена серебряными монетами-подвесками (две монеты прикреплены непосредственно к гривне и одна в качестве привески на центральной луннице). Монеты, по определению О.В. Тростянского, чеканены в Западной Европе и в Византии в первой – третьей четверти XI века. Это подражание монетам аббатства Корвей середины XI в.; милиарисий византийского императора Василия II 976–1025 гг. с императорским титулом (1014–1024 гг.) и монета императора Генриха II 1002–1024 гг., чеканеная в Страсбурге. Судя по сохранности, монеты не имели долгого хождения и стали украшением вскоре

<sup>28</sup> Она поступила из фондов краеведческого музея г. Чистополя (Акт №76 от 14 июня 1951 г). Точных сведений о месте ее обнаружения не имеется.

<sup>29</sup> Происхождение ее не ясно. У Г.Ф. Поляковой данных о ее местонахождении и месте находки нет.

<sup>30</sup> Далее – ФМ.

после чеканки, т.е. могли украсить гривну в середине XI в., что не противоречит общей датировке таких изделий.

Отметим, что использование западноевропейских и тем более византийских монет в практике болгарских ювелиров – явление исключительное, пока это единственный пример. Да и сами западноевропейские и византийские монеты чеканки 1030–1070-х гг. на болгарских поселениях большая редкость: они встречены только на Измерском и Семеновском селищах в Спасском районе РТ, одна пробитая монета есть в составе Крещёнобаранского клада начала XI в. [1, с.23-24; 14, с.28-29, табл.II]. Вместе с тем, западноевропейские монеты достаточно часто встречаются в составе украшений в погребениях на территории Древней Руси XI в., преимущественно в Новгородской земле [24, с.134; 5, с.407].

Обе гривны изготовлены из серебра. Судя по данным анализов, подвески-лунницы на гривне из Фонда Марджани изготовлены практически из чистого серебра – его содержание составляет от 60 до 90%. Данные<sup>31</sup> таковы (рис.2/А-В): лунница А: Ag – 94,68/97,65<sup>32</sup>; Cu – 3,67/0,99; Au – 0,995/0,995; Ir – 0,438/0,36; Zn – 0,168/0,168; лунница Б: Ag – 67,28/88,45; Cu – 1,14/12,58; Au – 29,71/1,12; Fe – 0,995; Ir – 2,17; лунница В: Ag – 94,36/93,01; Cu – 3,45/5,25; Au – 1,33/1,26; Ir – 0,201/0,386; Fe – 0,317.

Общие параметры изделий очень близки: диаметр их 27–30 см, ширина плетения 1,7–2,2; диаметр подвесок-лунниц 6,2–6,7–7 см и 9–9,7 см. Совпадает как конструкция больших (центральных или средних) подвесок-лунниц, так и их общий дизайн (скано-зерневая техника орнамента, вставки). Кроме того, в орнаментах использована зернь на колечках: гранулы зерни на узорах крепятся к основе с помощью мелких колечек скани и припоя. Данный прием в этот период времени использовался древнерусскими ювелирами [7, с.103, кат.А-20/7; А-128/2].

Подвески чистопольской гривны практически все в чем-то отличаются друг от друга. Особняком стоит центральная подвеска сложной конструкции (рис.1/Б) в виде двух плоских колец (одно внутри другого, более широкого), соединенных между собой четырьмя крестообразно расположенными узкими полосками. Боковые подвески (рис.1/А,В) практически одинаковы и по размеру (6,2 и 6,5 см) и по дизайну: в центре привеска на цепочке, внизу – четыре полых шарика; во внутреннем орнаментальном поле – три вставки. Однако на левой луннице одна из вставок имеет каплевидную форму, чего нет на второй луннице. Еще более удивляет разница в композиции зерневого декора: на правой он состоит из крупных, средних и маленьких треугольников и двух горизонтальных ромбов, завершающих рисунок; на левой – средних размеров треугольники зерни и два крупных вертикальных ромба, при этом касты (за исключением каплевидного) обведены пояском скани.

<sup>31</sup> Благодарю сотрудников Фонда и его директора – Р.Р. Сулейманова за возможность использовать данные анализов.

<sup>32</sup> Через дробь указаны данные анализа с обратной стороны изделия.

Средняя подвеска (рис.1/Б) отличается от боковых не только размером ( $d=10$  см), конструкцией, но и оформлением: вместо 4-х крупных шариков в нижней части, здесь только три, помимо вставок имеется пара полусферических элементов, украшенных зернью. Орнамент состоит из двух рядов (верхнего и нижнего) средних и маленьких (снизу) треугольников зерни, между которыми помещены два горизонтальных ромбика. В окантовке крупной вставки использована сплошная обводка зернью и примыкающие к ней зерновые треугольники. Своеобразие декору придает и орнаментальный пояс у края изделия из зерни на колечках. Складывается впечатление, что центральную бляху делал один ювелир, а две других – либо другой мастер, либо подмастерье.

Подвески второй гривны (рис.2/А-В) выполнены в одном стиле: все они конструктивно состоят из двух частей/дисков и имеют привески на цепочках. Выдержан и цветовой дизайн: боковые вставки сделаны из аккуратно обточенных фрагментов кашинной керамики с бирюзовой глухой поливой. Верхняя вставка желтовато-коричневатого цвета в квадратном касте, обведенном по основанию зернью. По углам каста имеются маленькие вставки из мелких фрагментов той же кашинной керамики, но с глухой глазурью цвета слоновой кости.

Фон всех подвесок на гривне ФМ позолочен уже после крепления шатонов и пайки зерновых узоров. На средней луннице к нижнему краю прикреплены две маленькие замкнутые лунницы (диаметр 2,1 см), украшенные зернью, одна монета и подцилиндрическая серебряная бусина, высотой 3,3 см, состоящая из двух полусфер, соединенных узкой серебряной полоской; в нижней части имеется пирамидка из зерни (рис.2/Б). На других лунницах к цепочкам прикреплены только миниатюрные замкнутые лунницы.

Вполне очевидно, что подвески-лунницы этих двух гривен составляют два родственных, но самостоятельных комплекта, отличающихся деталями, однако поразительно похожими по общему дизайну. Наибольшую близость обнаруживают подвески, прикрепленные в центре обеих гривен.

Из принципиальных отличий отметим наличие позолоты на лунницах на гривне ФМ, впрочем, на лунницах чистопольской гривны она могла и не сохраниться. Позолота очень редко применялась в болгарском ювелирном деле, но достаточно часто она встречается на ювелирных изделиях Прикамья IX – XIV вв. Из датированных комплексов отметим находку позолоченной замкнутой лунницы из Большого Московского клада, скрытого в 30-е гг. XIII в. [19, с. 113].

Другая оригинальная деталь чистопольских подвесок – конструкция боковых замкнутых лунниц с внутренними привесками (они не сохранились), а также крупные полые шарики-бусины, напаянные на нижнюю часть всех трех подвесок. На боковых подвесках – по четыре бусины, что нет на других таких изделиях.

Если брать саму форму подвесок, то подвески-лунницы у болгар в X–XI вв. не встречаются, за исключением одного дисковидного украшения из Танкеевского могильника (погребение 97). У его края имеется овальный вырез, полу-

чившийся путем сведения острых окончаний, заведенных друг за друга [13, с.181,182, рис.65/9]. Вполне вероятно, что разомкнутые лунницы изготавливались булгарами, хотя доказать это невозможно. Заметим, что с VIII в. прослеживается типологическое развитие серповидных форм лунниц<sup>33</sup> в славяно-русских древностях [7, с. 67-75], но лунниц замкнутого типа среди них практически нет.

Замкнутые лунницы были достаточно широко распространены в Предуралье с XII в., хотя общее количество таких артефактов вряд ли превысит десяток. Так, замкнутые лунницы с шатоном и стеклянной вставкой есть в погребальном инвентаре захоронений XII в. могильников на Верхней Каме [27, с.118, рис.32/9-11]. Аналогичные им встречены на Урале, например, в погребении 53 Сайгатинского III могильника [16, с.108, кат. 43, ил.52]. Помимо замкнутых, здесь распространены и серповидные (разомкнутые) типы лунниц [27, с. 120, рис.33/13; 2, с. 36/1-17]. За Уралом такие находки немногочисленны [31, с. 134, рис. 2/9-11].

Речь в данных случаях всегда идет о простых замкнутых лунницах с круглым отверстием. Причем носились они часто отверстием вверх [31, с.134]. Замкнутых лунниц сложной композиции со скано-зерневым декором, которые рассматриваются нами, в Уральском регионе не известно. В Волжской Булгарии домонгольского времени серебряные замкнутые лунницы практически не встречаются, за исключением рассмотренных выше. Распространение же бронзовых литых реплик замкнутых лунниц у болгар было сопоставимо с тем, что мы наблюдаем в Прикамье в этот же период.

Истоки формы подвески в виде замкнутой лунницы, вероятно, несколько иные, чем лунниц разомкнутых. Близкие им, но меньшие по размеру (диаметр 3–4,5 см) филигранные золотые подвески производились в Сирии или Египте в XI в. [38, р.148-149, cat.58–60; 34, р.100, fig.71], а также в Иране [30, с.132-133, кат.120, 121; 37, р.118]. В последнем случае это миниатюрные привески к серьгам. Тем не менее, в этих странах на фоне достаточно большого разнообразия такого рода бижутерии данные артефакты немногочисленны. Украшения этого типа с перегородчатой эмалью (*cloisonné*) [38, р.149, cat.58,60] можно связывать с византийскими традициями или видеть в них изделия византийских мастеров.

В продукции византийских ювелиров достаточно большое число украшений с композицией в виде двух вписанных друг в друга кольцевидных фигур. Особенно интересна в этом отношении подвеска, выполненная в технике *cloisonné* с круглым медальоном в нижней части с изображением святого [35, s.395, abb.128a,b]. Не исключено, что сложная форма «замкнутой лунницы» – это ими-

<sup>33</sup> Форма серповидной лунницы могла развиваться конвергентно в разных регионах. Так в Северном Иране с первых веков н.э. встречаются литые подвески на ожерелье в виде стилизованных фигурок птиц с крыльями в виде полумесяца, а также более простые формы [30, с.85, 105, кат. 73, 93]. Впрочем, форма полумесяца встречается и в греко-римских ювелирных изделиях и была связана с богиней Артемидой-Дианой.

тация медальонов или подвесок с круглыми вставками или элементами декора, не связанных генетически с незамкнутыми лунницами.

Впрочем, первоисточник этой формы выявить в исламском или христианском ювелирном искусстве весьма проблематично, учитывая тот факт, что разделять художественные приемы, использовавшиеся теми и другими мастерами в каких-то моментах достаточно сложно, судя, например, по серьгам с арабской надписью, изготовленным в X в. в Константинополе [35, s.250–253, kat.Nr.66a,b; 67].

То же можно сказать и о полусферических декоративных деталях на лунницах, встречающихся и на других болгарских изделиях, например, в качестве щитка перстня или головки булавки [26, с.175, 238, 381, рис.36/1, ил.275, кат.78]. Щиток в виде полусферы со сканными узорами есть и в византийских древностях X – XI вв. [35, s.324–325, kat.217, 219], а также на древнерусских звездчатых колтах середины XII в. [15, с.55, кат.95,96]. Аналогичные полусферические детали можно обнаружить и на иранских золотых браслетах XI в., правда, авторы отмечают, что предтечей браслетов такого стиля могли быть византийские изделия [36, p.40–42, cat.16–17]. Миниатюрные ажурные полусферы украшали золотые серьги иранского изготовления, датированные XI в. [30, с.145, кат.133]. Связи между Византией и исламским миром в разных областях культуры сложились еще в VII–IX вв. [33], да и позже эти контакты не останавливались, об этом, например, можно судить по филигранным подвесками XI–XII вв., выполненных в традициях как византийского, так и исламского искусства [36, p.76, cat.43].

Что касается построения декора рассматриваемых изделий, то ближе всего ему орнамент на золотых подвесках египетского производства XI в. из Metropolitan Museum [36, p.80–81,83, cat.47,49a; 34, p.100, fig.71] (рис.1/2). При сравнении можно заметить, что пояски зерни на колечках или просто зерновые композиции на подвесках чистопольской гривны как бы имитируют тонкие сканные узоры египетского изделия<sup>34</sup>. Это сравнение вполне корректно, поскольку болгары были знакомы с оригиналами таких поделок, о чем свидетельствует каменная литейная форма из Биляра для изготовления лунниц, на которой воспроизведен растительный орнамент, близкий тому, что имеется на сирийском украшении [26, с.196, ил.321].

Примечательно и то, что на ближневосточной подвеске имеется самоцвет шаровидной формы, расположенный в нижней части украшения и как-бы соединяющий «рога» лунницы – очень напоминающий полые шарики на чистопольских подвесках, правда там их три или четыре и в целом они, скорее всего, больше имитируют жемчуг, чем драгоценные камни. Кстати, и утраченные привески внутри лунниц чистопольской гривны можно реконструировать по аналогиям с сирийскими серьгами XI в., как небольшие серповидные элементы, по су-

<sup>34</sup> Зерновые узоры в виде треугольников и ромбов универсальны и встречаются со времен античности, также они были широко распространены и в средневековье в разных странах, в том числе и на Руси, поэтому приводимая аналогия достаточно условна.

ти – разомкнутые лунницы [36, p.87, cat.51c]. Правда, наличие в декоре пары птиц и вставок в технике *cloisonné* наталкивают на византийские аналогии, хотя мотив из парных птиц не редкость и в исламских украшениях XI–XII вв. [10, с.26, кат.41].

По характеру общей композиции гривны с подвесками напоминают больше всего древнерусские бармы великокняжеского убора или женские родовые мониста, к которым восходит приклад древнерусских богородичных икон. В качестве примера можно привести золотые филигранные украшения XII – начала XIII в. из Старорязанского клада 1822 г. (бармы, колты) [28, с.152–153; 3, с.182–183, кат.23]. Это сходство усиливают и вставки в высоких гладких гнездах на рассматриваемых лунницах, что также характерно для старорязанских украшений, хотя форма их и технологические особенности крепежа [29, с.586, рис.7-10] здесь совершенно иные. Композиция из трех медальонов-подвесок встречается на серебряных цатах православных икон XIV–XVII вв. и более раннего времени<sup>35</sup> [5, с.51, рис.7; 11, с.594, 600, ил.548, 552].

Аналогичный композиционный прием использован при изготовлении серебряного с позолотой оплечья XII – начала XIII в. из Исад (Владимирская область) [20, с.12]. Близкие художественные решения нагрудных украшений имеются в византийских изделиях [35, s.210-216, kat.1]. Впрочем, это не может считаться абсолютной и точной аналогией, поскольку гривны с тремя монетовидными подвесками встречены и в средневековых древностях других европейских стран, например, скандинавских, найденных на территории Восточной Европы (курган 459 Больше-Тимеревского могильника в Ярославской области 2 пол. X в. [18, с.130, кат. 350]).

Обращают на себя внимание еще несколько деталей. Это использование сердоликовых бусин в качестве вставки (рис.1/А) и фрагментов кашинной глазурованной керамики (рис.1/Б; 2/А,В) в том же качестве. Отметим, что болгарские ювелиры эти приемы в X–XI вв. практически не применяли, да и для болгарских изделий XII – начала XIII в. мы таких примеров не знаем, за исключением только одной группы серебряных украшений, происхождение которой определить точно пока невозможно. Она включает лопастные пластинчатые браслеты (Большой Московский клад, Предуралье, Урал и Зауралье), массивные плетеные браслеты со вставками из сердоликовых бусин (Спасский клад). Кстати, украшения со вставками из сердоликовых граненых бусин встречены на Верхней Каме и датированы XII в. [27, с.120-121, рис.33/31,36].

Насколько можно судить, прием использования сердоликовых граненых бус в качестве вставки появляется в Волго-Камье в XII в., а в Волжской Булгарии и у ее ближайших соседей – в конце XII – начале XIII вв. Интересно, что в Прикамье этот прием сочетался с использованием в декоре ювелирных изделий

<sup>35</sup> Благодарю И.А. Стерлигову, указавшую мне на аналогии такого рода композиции на древнерусских изделиях XII–XIV вв.

полусферических элементов, как, например, на изделиях из Вильгортского клада в Пермском крае [26, с.190-191, ил.312].

Фрагменты керамики бирюзового цвета использовались во вставках иранских золотых украшений XI в., но скорее всего, как замена выпавшей [30, с.145, кат.133]. Вставки из фрагмента керамики очень редки в болгарских и ордынских ювелирных изделиях. На украшениях X–XI вв. Волго-Камья не известно ни одного такого случая. Только в XII–XIII вв. единичные образцы таких вставок встречены в Предуралье и на Урале, например, на арочной привеске из Сайгатинского-3 могильника (погребение 31), датированного XIII–XIV вв. [16, с.85-87, ил.38/2].

Таким образом, основу рассмотренных изделий составляют стандартные болгарские шейно-нагрудные украшения – плетеные 6-ти проволочные гривны, производившиеся со второй половины XI в. Если принимать во внимание монеты-привески, то, по крайней мере, одна из них была изготовлена в это время. Лунницы-подвески в продукции болгарских ювелиров, появились в самом конце XI – XII вв. и, соответственно, не ранее этого времени украсили данные гривны. Можно считать, что окончательный вид с подвесками-лунницами и другими аксессуарами они приобрели в XII в. Эту дату подтверждают и использование в оформлении лунниц сердоликовых бусин и фрагментов керамики, даже если это и стало результатом ремонта и «возмещения» утрат. Общая композиция украшений, состоящая из трех подвесок, по имеющимся аналогиям также указывает на XII век.

Судя по идентичности конструкции, единству стилового оформления подвесок на гривне ФМ, как и отсутствию вставок из сердоликовых бусин, ее можно считать более ранней по сравнению с чистопольской, и датировать концом XI – началом XII в. Изготовил ее в первоначальном виде мастер, работавший в Волжской Булгарии, хорошо знакомый с технологиями ближневосточных или византийских ювелиров. Обновление гривны (золочение, замена привесок), видимо, произошло в конце XII – начале XIII века.

Чистопольская гривна, скорее всего, изначально не имела никаких подвесок и в первой половине – середине XII в. обрела сначала одну центральную подвеску-лунницу (практически той же конструкции, что и на гривне ФМ), а затем и еще две боковые. Окончательно ее композиция сложилась ближе к концу XII – началу XIII вв. Изготовил ее ювелир, вероятно, работавший в той же мастерской, что и его предшественник (отсюда и точное воспроизведение формы центральной подвески), но тяготевший в своих производственных навыках к владимирской или рязанской ювелирной традиции (использование полусферических декоративных деталей, зерни на колечках, крупных полых шариков в нижней части подвески). Ряд деталей на боковых лунницах (привеска внутри) позволяют предположить, что завершившие дизайна этого изделия ювелиры руководствовались также произведениями иранских ювелиров XI–XII вв., хотя добиться сти-

листической выдержанности зерневых узоров двух боковых подвесок им не удалось.

### Библиографический список

1. Беговатов Е.А., Черняев А.А., Храмченкова Р.Х. Новые находки западноевропейских монет и серебряных слитков в низовьях р. Камы // Исследования по средневековой археологии Евразии / науч. ред. К.А. Руденко. – Казань: РИЦ, 2012. – С.23-28.
2. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с.
3. Византийские древности. Произведения искусства IV – XV вв. в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог / Отв. ред.-сост. И.А. Стерглигова. – М.: Пинакотека, 2013. – 608 с.
4. Воронин К.В. Об уборе одной из икон древнерусского времени // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2016 г. / ред. И.В. Волков, К.В. Воронин, В.В. Зайцев. – М.: Столичное археологическое бюро, 2017. – С. 43-61 (ТСАБ. Т.1).
5. Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. – М.-Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 403-435.
6. Гольмстен В.В. Лунницы Императорского Российского Исторического Музея им. Императора Александра III. – М., 1914. – 20 с. (отд. оттиск из Отчета Историч. Музея за 1913 г.).
7. Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Средневековые мастера / ред. Р.А. Рабинович. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Stratum Plus, 2005. – С.21-170.
8. Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. – М.: Кн. двор «ЛИБРИКОМ», 2014. – 400 с.
9. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. – М.: Индрик, 2011. – 404 с.
10. Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесола Л.С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды: коллекция особой кладовой отдела Востока ГЭ. – М.: Искусство, 1984. – 216 с.
11. Игошев В.В. Драгоценная церковная утварь XVI–XVII веков. – Великий Новгород, Ярославль, Сольвычегодск. – М.: Индрик, 2009. – 728 с.
12. Кавеев М. М. Клад ювелирных изделий с Кожаевского IV селища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. – Казань, 1992. – С. 105–109.
13. Казаков Е.П. Культура Ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – 335 с.

14. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
15. Клады Древней Руси в собрании Русского музея: Альманах. – Вып. 457. – СПб.: Palace Editions, 2015. – 96 с.
16. Комова Н.Г., Приступа О.И. Серебро древней Югры. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Изд-во Баско, 2012. – 140 с.
17. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 150 с.
18. Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. – М.: Кучково поле, 2012. – 320 с.
19. Наследие варягов: диалог культур / отв. ред. И. Янссон. – М.: ГИМ, 1996. – 120 с.
20. Недошивина Н.Г. Древнерусские клады в собрании Государственного исторического музея. – М.: ГИМ, 2010. – 20 с.
21. Полякова Г.Ф. Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М.: Советская Россия, 1971. – С. 244-249.
22. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. – С. 154-268.
23. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. – М.: Изд. дом Марджани, 2016. – 560 с.
24. Равдина Т.В. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. – М.: Наука, 1988. – 152 с.
25. Руденко К.А. Булгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI-XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. В.И. Завьялов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – С. 322 - 348.
26. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. – Казань: За-ман, 2015. – 528 с.
27. Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. – Л.: ЛГУ, 1987. – 200 с.
28. Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI-XIV вв. Происхождение, символика, художественный образ. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 264 с.
29. Стерлигова И.А. «Колты» из Старорязанского клада 1822 года: драгоценности рязанской княгини или Царицы Небесной? // В камне и бронзе. Сборник статей в честь А. Песковой / отв. ред. А.Е. Мусин. – СПб.: ИИМК РАН; ООО «Невская Книжн. Типограф.», 2017. – С. 583-594.
30. Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США: Каталог. – СПб.: ГЭ, 1999. – 150 с.

31. Федорова Н.В. Булгарские сканые украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / отв. ред. А.Х.Халиков. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990. – С. 131-141.
32. Хованская О. С. Нагрудное украшение из болгарского города Джукетау // Советская археология. – 1958. – № 1. – С. 239–243.
33. Age of Transition. Byzantine Culture in the Islamic World / ed. H. Evans. N. – Y.: the Metropolitan museum of art, 2015. – 160 p.
34. Bloom M. J. Arts of the City Victorious: Islamic Art and Architecture in Fatimid North Africa and Egypt. New Haven and London: Yale University Press, 2007. – 236 p.
35. Bosselmann-Ruickbie A. Byzantinischer Schmuck des 9 bis fruhen 13 Jahrhunderts. – Wiesbaden: Reichert Verlag, 2011. – 420 s.
36. Jenkins M., Keene M. Islamic jewelry in the Metropolitan museum of Art. N.-Y.: The Metropolitan museum of Art, 1983. – 160 p.
37. Jewelry. 25 000 years of Jewelry from the collections of the Staatliche Museen zu Berlin / ed. M. Eichhorn-Johannsen, A. Rasche. Munich; L.; N-Y.: Prestel, 2013. – 384 p.
38. Spink M., Ogden J. The Art of adornment. Jewellery of the Islamic Lands. Part One. L.: New Foundation, 2013. – 372 p. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XVII).



Рис.1. 1 – гривна с подвесками. Серебро, зернь, скань, поделочные камни. Волжская Булгария. XII – начало XIII в. Собрание НМ РТ, инв. № СУ-824, Вр.-5. А, Б, В – детали. Фото М.М. Багаутдинова;  
 2 – Подвеска. Золото, зернь, скань, перегородчатая эмаль, поделочный камень. Египет (?), XI в. Собрание Metropolitan Museum (По: [Bloom, 2007, p. 100, fig.71])



Рис.2. 1 – гривна с подвесками. Серебро, зернь, кань, позолота, поделочные камни, керамика, стекло. Волжская Булгария. Конец XI – вторая половина XII в. Собрание Фонда Ш. Марджани. Инв.№ Им/м-148.

А, Б, В – детали (По: [Путешествие, 2016, с.413])

УДК 903.2+903.04

**А.В. Курбатов****КОЖЕВЕННОЕ РЕМЕСЛО И ОБУВЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ  
ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ В I – НАЧАЛЕ II ТЫС.Н.Э.**

Сектор славяно-финской археологии ИИМК РАН, Санкт-Петербург, РФ

*Обозрение археологических материалов показывает, что обувь и другие кожаные предметы часто встречаются в раннесредневековых могильниках финно-угорских народов Прикамья и Среднего Поволжья. Они хорошо изучены и введены их в научный оборот. Однако практически за пределами научного интереса остаются вопросы изучения самого кожаного материала. При всей фрагментарности этого вида материалов, новые данные по этому вопросу можно получить, используя накопленный опыт изучения кож в древнерусских городах, а также расширяемый опыт использования методов естественных наук.*

*Ключевые слова: Пермское Прикамье, I – начало II тыс. н.э., кожаное ремесло, кожаные изделия, кожаное сырье, обувь.*

**A.V.Kurbatov****LEATHER CRAFTS AND FOOTWEAR OF THE MEDIAEVAL  
POPULATION OF THE PERM KAMA REGION IN THE 1<sup>ST</sup> – EARLY 2<sup>ND</sup>  
MILLENNIUM AD**

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg, RF

*Reviewing of archaeological evidence demonstrates that footwear and other leather artefacts are often found at Early Mediaeval cemeteries of Finno-Ugric peoples of the Kama River and middle Volga region. They are fairly well studied and published in scientific literature. Nevertheless, the questions of investigations of the leather material itself have remained practically beyond the confines of the scientific interest. Given the entirely fragmentary state of this kind of evidence, new information on this problem can, however, be obtained using the experience gained through investigations of leathers from Old-Russian towns, as well as the ever expanding practice of the application of methods of natural sciences.*

*Keywords: Perm Kama region, 1<sup>st</sup> – early 2<sup>nd</sup> millennium AD, leather working, leather artefacts, leather raw materials, footwear.*

Большого человека видать издалека,

Рука его – владыка,

А в голове идей – река.

*/Омар Хайам, неизвестные рубаи/*

**Введение.** Обозначенное название региона соответствует более принятым в научной литературе географическим локациям – Верхнее Прикамье и Пермское Предуралье. В этом регионе, в силу природных условий и, вероятно, в силу особенностей жизнедеятельности обитателей, сохранность органических материалов на средневековых памятниках минимальна [6, с.26 и сл.]. Поэтому долгое время рассуждения ученых об особенностях выделки кожи и меха, а также особенностях костюма, имели форму первичного сбора и оценки различных источ-

ников информации – письменных, археологических, изобразительных, этнографических и отчасти лингвистических, проецированных на взгляды конкретных исследователей о развитии обществ на указанной территории в отдельные эпохи. Все исторические данные и мнения исследователей достаточно полно собраны и изложены в работе Н.Б. Крыласовой, посвященной истории Прикамского костюма [22].

За прошедшие почти два десятилетия ситуация с источниками принципиально не изменилась, вырос только их объем, и в первую очередь – археологических материалов. Среди них отметим интересные предметы, найденные при раскопках Рождественского городища в 2011 г. Здесь была изучена постройка с печью, развал которой сохранился в углубленном подвале постройки, или «подпечье» (по Н.Б.Крыласовой). В заполнении были найдены, среди прочего «женского» набора вещей, серия костяных (и роговых) орудий труда – «разбивальники» для разминания кожаных шнурков, пряслица(?), проколка и кочедыки для плетения. Датировка комплекса определяется в рамках XI – XII вв. [23, с.130–131, рис. 4].

Второе направление, определившееся в средневековой археологии лесной зоны Восточной Европы – это рассмотрение кожаной обуви в составе костюма. Основную информацию о комплексах костюма дают погребальные памятники. И здесь сведения ограничиваются отдельными металлическими привесками, которые рассматриваются как украшения обуви, а может быть застежки на ней. Поэтому вполне справедлив общий вывод: «Редкие находки украшений и застежек позволяют предполагать существование кожаной обуви, однако, судя по всему, преобладающей была лыковая обувь» [22, с.50].

Третье направление – изучение торговых и других связей Верхнего Прикамья с соседними народами посредством выделения изделий местного изготовления и привозных. С этой стороны материальную культуру региона немало времени плодотворно изучает А.М. Белавин [5]. В отношении кожевенного ремесла и его продукции в Прикамье и Среднем Поволжье можно предполагать, что, начиная с VIII – IX вв., все большее значение в качестве товарообмена должна была играть Волжская Булгария. Однако, уровень развития технических и технологических приемов в кожевенном деле в ранний период существования этого государства достаточно проблемно, а тем более говорить о распространении этих приемов на соседних территориях.

В настоящей работе я постараюсь дать некоторые соображения на эту тему, сложившиеся на сегодня. В первую очередь, обращая внимание на технические моменты, связанные с кожевенным сырьем и приемами его выделки. Источником этого являются изначальный допуск, что кожевенное дело южных соседей населения Верхнего Прикамья в раннем средневековье стояло примерно на одном уровне. Это позволяет детально рассматривать, в качестве вероятных аналогий, материал и формы изделий разных территориальных групп населения лес-

ной зоны Прикамья и Среднего Поволжья, в погребальных памятниках которых фрагменты кожаных изделий сохранились в значительно большем количестве.

В качестве примера возможностей новых подходов к изучению изделий из органических материалов отметим интерес, появившийся в последние годы к другому виду органического сырья – тканям из растительного и животного сырья. Например, 45 фрагментов ткани из марийских могильников X – XI вв. Русенихинского и «Нижняя стрелка» позволили выделить 6 групп текстиля: шерстяные ткани саржевого и полотняного переплетения, полотняные ткани из растительного сырья, шерстяные ткани, шнуры и кисти из шерстяных нитей, а также войлок. Кроме того, проведено восстановление кроя отдельных деталей одежды [41]. Столь же детальный анализ тканей проделан по материалам Бояновского могильника [8].

*Взгляд из настоящего «далека».* При всей ограниченности органических остатков в Верхнем Прикамье имеется, по крайней мере, одна группа находок, прямо отражающая процесс работы с кожевным сырьем, это костяные «разбивальники». Это неудачное определение стало широко использоваться в научной литературе с легкой руки Сергея Аристарховича Семёнова, изучившего следы сработанности на костяных предметах с Роданова городища и давшего им объяснение в рамках технических возможностей выделки шкур [50]. Он убедительно объяснил способ разминания и растягивания сыромятных шкур с помощью таких костей, приводя аналогичные приспособления в обиходе других народов. Здесь наиболее существенно уточнение об особом применении таких костей – только для разминания узких сыромятных ремней. Тогда как для разминания полных шкур и кож необходимо было приспособление с широким и ровным рабочим краем – типа горизонтально лежащей доски, закрепленной в раме, которая закрепляется в вертикальном положении. Приводятся рисунки такого приспособления, которое использует «современный кустарь» и более ранний вариант, показанный на древнеегипетских фресках из гробниц. Такие иллюстрации методов работы египетских кожевников эпохи Среднего Царства приводят и другие специалисты [66, fig.2]. В то же время, надо отметить, что приспособления для разминания сыромятных кож и меховых шкур имеют существенные различия у разных народов. Отметим, что в археологическом материале средневековых обществ Восточной Европы такие приспособления не выявлены.

Определенные сомнения вызывают представления о широком распространении в древности лыковой плетеной обуви. Вслед за М.В. Талицким [57, с.57], о ней вспомнила Н.Б. Крыласова в приведенном выше отрывке. В первой работе определенно написано, что в Верхнем Прикамье «широко распространенной обувью являлись, несомненно, лапти. Для изготовления их служили костяные кочедыки, в огромном количестве находимые на городищах. Но существовала также и обувь из кожи». Однако подтверждений такой «определенности» нет.

Связь кочедыков, находимых на средневековых памятниках, отметил в конце XIX в. А.И. Черепнин, проводивший в течение нескольких лет (с 1893 г.)

раскопки Борковского могильника на р. Оке в Тульской губернии, писал: «Лапти служили много веков обычною обувью русской деревни. Весьма вероятно, что употребление лаптей было распространено и в доисторическое время среди племен, населявших северную и среднюю Россию. В курганах и древних городищах нередко находили железные кочедыки. До изобретения железных кочедыков, лапти, по-видимому, плели кремневыми кочедыками» [63, с.7–8].

Обзор научных работ открывает, что мнение о глубокой древности изготовления лаптей у русских сложилось у всех отечественных историков XIX – XX вв., писавших о древней одежде. Такое мнение построено на письменных источниках, а точнее, на конкретном летописном упоминании, объясненном в контексте социальной структуры общества. С точки зрения не историка материальной культуры, а историка или филолога, объяснение термину *лапотъ* и производному от него – *лапотник* – может быть иным. В «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), сохранившейся в составе Лаврентьевской летописи, под 985 г. читаем: «В лето 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрыною съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ, и победи Болгары. Рече Добрыня Володимеру: съглядахъ колодникъ оже суть вси въ сапозехъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ. И сотвори Володимер съ Болгары миръ» [31, с.36]. Почти аналогичные записи есть и в других древнейших летописных сборниках [19, с.169]. На основании этой записи, с косвенным упоминанием лаптей, в которых видят лыковую обувь, лапти относятся к древнейшей форме обуви славян.

В другом памятнике письменности – «Слове» Даниила Заточника – слово *лычница* выступает как прямое название вида обуви: «Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоємъ, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе» [53, с.318]. Но этот пример требует уточнений. В раннем списке «Слова», относимом к XII в., данное выражение отсутствует. Оно появляется только в списках основной редакции XIII в., известном в собраниях Чудовского монастыря и В.М. Ундольского [43, с.60]. В списках так называемой «первой переделки редакции XIII в.» эта фраза звучит иначе: «Но лутчши мне в лычне сапозе моя нога во княже дворе, нежели в боярском дворе в черлене сапоге ходити» (собр. Соловецкого монастыря, вторая половина XVI в.), или «Но лутчи бо ми во твоєм дворе нозе мои в лыченицу обувени были, а нежели в боярском дворе в червленных сапогах ходити» (собр. Н.С. Тихонравова, вт. пол. XVII в.) [43, с.85]. Имеющиеся расхождения в текстах позволяют допускать, что сохранившееся в рукописях XVI – XVII в. слово *лыченица*, могло не употребляться в древнерусское время, или иметь иное значение, чем в позднейший период. К московскому периоду истории относится сходное упоминание в Никоновской летописи: «[1530] Касиан зовомый Босый ... во вся бо дни жизни своя хождаше обувень просто въ сандалейцо лычно» [40, с. 50].

Эти скудные записи о существовании в средневековой Руси обуви из растительного волокна получили в отечественной историографии социальный

подтекст, отразившийся в общеисторических выводах. Взгляд о повсеместном ношении древнерусскими крестьянами плетеной из лыка и бересты обуви сложился в среде образованной части общества ещё в XVIII в. и получило конкретное социальное объяснение – чрезвычайная бедность крестьянства. Н.М. Карамзин так объяснил сообщение ПВЛ: «Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с Болгарами» [17, с.153]. Эти же слова позднее повторил А. Терещенко [58, с.323–324]. А слово *лапотник* – в значении «крестьян и других людей низкого состояния», впервые фиксирует Словарь Академии Российской конца XVIII в., где лапоть имеет единственное значение – обувь «из лыка, бересты или пеньки сплетенная» [52, стлб.522].

Советские историки взяли готовое мнение без необходимой критики или проверки. В обобщающей работе «История культуры Древней Руси» А.В. Арциховский писал: «Крестьянская обувь делалась обычно из лыка». Но затем добавил, что не только в городах, «но и в деревне кожаная обувь не была редкостью – она часто встречается в крестьянских курганах» [3, с.236].

Мнение о превалировании лаптей в быту сельских жителей можно найти во многих работах по этнографии и истории русского средневековья [46, с.48–49; 47, с.137]. Такое мнение отражает и коллективная работа по истории крестьянства СССР, где плетеная обувь признается основной для сельского населения России, Украины и Прибалтики [16, с.496–499]. Свои выводы исследователи подтверждают находками в городах кочедыков – инструментов для плетения изделий из лыка – обуви и необходимых в любом хозяйстве коробов, кошель, корзин, циновок, ремней. А чрезвычайную редкость находок лаптей при археологических раскопках в городах объясняют социальным различием в культуре горожан и жителей села.

Значительную поддержку такому мнению историков оказывают работы этнографов, где доминирует стремление выделить архаические элементы в культуре, отделив их от поздних наслоений. Считается, что «лапти сами по себе являются большим архаизмом, и их территориальная распространенность может вскрыть древнейшие этнические группировки» [32, с.31]. Этот взгляд, отраженный уже в работах раннего этапа исследований советского времени, основан на изучении материальной культуры достаточно позднего периода (XIX – начала XX вв.), для которого справедлив вывод, сформулированный в одной из работ Г.С. Масловой: «Крайняя бедность большей части крестьянства обусловила длительное бытование примитивной обуви из лыка и кожи, кое-где вплоть до Октябрьской революции. Лапти у белорусов носили в будни и в праздники, венчали и хоронили в лаптях. В других же областях они были только рабочей обувью, обувью бедноты» [35, с.284]. В последней обобщающей работе по этнографии русских, подобные выводы уже распространяются и на средневековье: «Обувью, по всей видимости, как для мужчин, так и для женщин в XIII – XV вв. служили в основном лапти, преимущественно косога плетения»,

хотя оговаривается, что «рядовой горожанин одевался подобно крестьянину, но на ногах у него, как правило, были кожаные сапоги, которые почти совсем вытеснили лыковые лапти» [64, с.319–320]. Для XVI в. и позднее «традиционной женской и мужской обувью были лыковые лапти и в меньшей степени примитивные поршни (или моршни) из 1–2 кусков сыромятной кожи... Во второй половине XIX – начале XX вв. лапти стали в основном обувью бедняков, а также служили рабочей обувью, но в южнорусских районах их надевали и по праздникам» [64, с.347].

Археологи выражали свое отношение к этому вопросу в зависимости от личных взглядов на источники и объективность неких допусков в исторических реконструкциях. Так, В.В. Седов писал об одежде восточных славян VI – IX вв.: «Нужно полагать, что во второй половине I тыс. н.э. славяне носили и лыковые лапти. Однако археологически это пока засвидетельствовано лишь находками костяных кочедыков для плетения такой обуви» [49, с.37]. Более категорично выразил свою позицию другой известный археолог – М.Г. Рабинович, писавший одновременно с В.В. Седовым об одежде древнерусского населения: «Наиболее распространенной мужской и женской обувью были лапти, лыченцы, лычаги – туфли, плетенные, как указывает само название, из древесной коры или луба – лыка. Лыковые лапти были преимущественно крестьянской обувью». И далее добавляет: «Но они значительно древнее, чем крестьянство. Кочедыки – инструменты для плетения лаптей – находят на поселениях раннего железного века лесной полосы Европейской России I тысячелетия н.э.» [46, с.48–49].

На сегодня данные археологии о плетеной обуви в Древней Руси малочисленны, учитывая большую изученную площадь в городах. Широкомасштабные раскопки, проводимые многие десятилетия, при хорошей сохранности органических материалов во многих городах Руси, показали почти полное отсутствие лаптей. Это относится и к древнейшим горизонтам Старой Ладogi VIII – X вв., синхронным упоминанию *лапотников* в ПВЛ, и к средневековому Полоцку, Минску, Берестью и другим городам. Подводя итоги первым десятилетиям раскопок в Новгороде, А.В. Арциховский писал: «Вообще в Новгороде при всех раскопках и земляных работах кожаная обувь попадает часто... Любопытно полное отсутствие в новгородских археологических материалах лаптей (а лыко вообще сохраняется в новгородских слоях хорошо, и куски его встречаются часто). Очевидно, лапотников в Новгороде не было даже среди бедняков» [2, с.173]. И не случайно то, что описывая достижения Новгородской археологической экспедиции за 50 лет, руководители не назвали лапти среди изделий из бересты [18, с. 82–84].

Рассмотрение данных по лаптям из археологических раскопок, накопленных к концу XX в., показало, что берестяная обувь стала обыденной не ранее XVI в. [25, с.230]. Эти выводы заставляют осторожно анализировать сообщения о подобных находках в слоях древнерусского времени, сделанных в последние годы в Новгороде, Старой Руссе и других местах [9, с.110; 61, с.52].

И, тем более, сложно разобраться в стратиграфической ситуации на раскопах более раннего времени, где отмечены лапти. Например, находка плетеной обуви в Старой Руссе в комплексе с постройкой первой половины XI в., с которой связан выразительный комплекс церковных древностей: тонкие восковые свечи, деревянный сосуд с крестом в придонной части и орнаментом в виде рыбьей чешуи по бортику [37, с.174–187]. В другой работе дано описание находки: «В непосредственной близости от нее [постройки – А.К.] обнаружены детали обуви, плетеной из лыка и бересты с фрагментами веревок (сандалии?) (заметим, что подобные находки на территории Северо-Запада нам не известны» [60, с.92].

Кожаные лапти – обувь, сплетенную из узких полос кожи, можно назвать уникальными по своей редкости. Такой лапотъ найден в подмосковных курганах [33, с.42], а также на Загородском посаде г. Твери. Последнюю находку, видимо, следует относить к первой половине XVIII в. [25, с.226].

Таким образом, сбор и анализ всей исторической информации о лаптях позволяет видеть в ней специализированную обувь для сельскохозяйственных (полевых) работ, к которой надо относить и лыковые лапти, и другую низкую обувь, сплетенную из растительных волокон, а также усиленную по плантарной (подошвенной) стороне кожаными ремешками. Под этим углом зрения будет правильным рассматривать и многократно приводимую историками запись в Лаврентьевской летописи под 985 г. [31, с.36]. В *лапотниках* следует видеть земледельцев, т.е. оседлое население, в бытовом отношении отличное от кочевников, чей быт предполагал верховой образ жизни (на лошади), при которой удобнее ношение высоких сапог. Именно различие в стиле жизни этих групп населения и объясняет совет Добрыни князю Владимиру, поскольку собирать дань с землепашцев было проще и надёжнее, чем гоняться по степи за кочующими ордами.

Также можно предполагать, что древнейшие *лапти*, скорее всего, были кожаными. Они бытовали на протяжении всего средневековья, а в отдельных местностях России зафиксированы и в XX в. Так, в приходно-расходных книгах Тихвинского монастыря конца XVI в. указано название обуви, сплетенной из кожаных ремней, подобно лыковым лаптям, это – *опочи*: «[1592] Послан из монастыря старец Кас(ь)янь на Сверх на тоню на Ковач...да купил смолы, да дектю, да стягло, да ремен(ь)я на опочи на 19 алтнь на 3 московки» [54, с.228]. Но в других документах XVI – XVII вв. это слово не встречено. В словарях оно отражено только для второй половины XX в. и записано в Забайкалье. Здесь *опочи* означает мягкую обувь без голенищ: «[1980] По привычке все были в опочах, в опочах легче было косить. Опочи делались за полчаса» [55, с.286].

А распространение лыковой обуви в средневековой России в качестве повседневной произошло только в XVI в., и связано оно с постепенным обнищанием широких народных масс в связи с усилением фискальных функций Московского государства и регламентацией деятельности податного населения. Представление же о древности повсеместного ношения лыковых лаптей сложилось в

среде образованных русских дворян, историков и литераторов XVIII в. Их взгляды, без достаточной критики, восприняли историки XIX–XX вв.

До настоящего времени «древность» ношения лаптей поддерживают этнографы, изучающие традиционную культуру не только русского населения. Об этом пишут и исследователи финно-угорских народов Поволжья, отмечая широкое и почти повсеместное изготовление и ношение лаптей у мордвы [36, с.49, 76, 98, 124, 142], у марийцев [51, с.180–182]. О лаптях у чувашей Н.В. Покровский пишет прямо: «Лапти – это древнейший вид обуви не только у чуваш, но, как видим из данных языка, и у многих других народов» [45, с.166]. Не удивительно, что и археологи, изучающие древние народы Поволжья, делают подобные заключения.

Итог: Археологические раскопки последних лет и критика предложенного толкования источников не дали оснований для сомнений в предлагаемой нами трактовке отмеченного исторического сюжета. Более того, в последнее время отдельные археологи поддержали предложение видеть в лаптях их функциональную сторону, т.е. по сути, рассматривать лапти как особую рабочую обувь [42, с.307].

Следующим сюжетом может быть рассмотрение обуви как части костюма. Определенными показателями активизации в изучении древнего костюма многих народов можно считать первую в России конференцию по изучению «археологического» костюма, проведенную в Самаре в 2000 г., а также монографии С.А. Яценко по костюму древних ираноязычных народов Евразии [65, с.14 и сл.]. Средневековый костюм населения Пермского Предуралья изучает Н.Б. Крыласова [21], а народов Северного Кавказа – З.В. Доде [12]. В них предложены разные методические подходы и их практическая реализация.

А.А. Красноперов предложил принципы классификации костюма пьанборского (чегандинского) населения Прикамья, отмечая отсутствие общепринятой методики реконструкции древнего костюма по археологическим данным. Одним из конструктивных элементов одежды он называет украшения обуви, которые в отсутствие органических материалов могут использоваться при реконструкции. Для реконструкции предлагается два подхода: 1) на основе сочетания предметов, найденных в разных местах и 2) на основе закрытых комплексов. «Обувь представлена остатками ремешков, скреплявших ее у щиколотки. Обычно комплект украшений обувных ремешков бывает парным и симметрично расположен у обеих стоп, застежки, чаще всего располагаются с внешней стороны, либо на взёме». Отдельными конструктивными элементами ремешков исследователь видит застежку, украшения, украшения конца ремешка и органическую основу [21, с.165–166, 174].

Для Северного Кавказа, например, З.В. Доде предлагает три типа реконструкции костюма: 1) на данных первоисточника – аутентичная реконструкция; 2) на подробных и многочисленных изобразительных материалах в отсутствии артефактов – аподиктическая реконструкция; 3) при наличии только деталей

убранства костюма – гипотетическая реконструкция [12, с.6–12; 13, с.62 и сл.; 14, с.305 и сл.].

Ю.В. Савченко задается вопросом о возможности изучения видов обуви у населения, оставившего рязано-окские могильники [48, с.98–100]. Указывая на описание женского захоронения №110 в Шатрищенском могильнике, исследователь и публикатор которого Т.А. Кравченко определяет обувь как «поршень», в дальнейшем Ю.В. Савченко рассматривает материалы погребений соседних территорий, где также остатки обуви можно относить к типу поршневидной, разделяя её на низкие и высокие варианты. Судя по расположению пронизей и наличию в них остатков кожаных ремешков, в погребении №150 Шатрищенского могильника была низкая обувь открытого типа, стянутая на подъеме пряжкой. А бытование высоких форм поршней подтверждают факты нахождения в районе лодыжки погребенных или ниже колен обувных пряжек, служивших для скрепления голенища специальными ремнями, обернутыми вокруг голени. В качестве аналогий приводятся такие ремни на обуви в виде чулка у племен Карпатского бассейна в сарматскую эпоху [7, с.239 и сл.]. Из более близких аналогий называются материалы Азелинского и Суворовского могильников, послуживших В.Ф. Генингу для реконструкции костюма азелинского населения.

Кроме того, Ю.В. Савченко провела типологический анализ обувных пряжек, разделив их на пряжки из цветных металлов и сплавов, а также пряжки из железа. Отмечено, что существовали разные варианты обувных пряжек в мужских и женских погребениях. В поздних комплексах в области ног часто фиксируются пронизки, привески и пр. Отмечена и расшивка носка и боков поршня пронизьями, а также подвешивание к заднику обуви шумящих украшений. Определенные параллели с этим отмечены в костюме позднейшей мордвы и муромы. До VIII в.н.э. единственным украшением обуви муромы у мужчин и женщин были бронзовые спиральные пронизы, но позднее распространяется иная мода. На голень в несколько оборотов накручивали портянку из полотняной или шерстяной ткани и затягивали кожаным ремешком с бронзовыми пластинчатыми обоймочками [11, с. 28].

Попытки рассмотреть обувь средневекового населения Пермского Предуралья неизбежно приводят нас к необходимости принять априорно возможное сходство обуви с изделиями, найденными у соседних народностей в это время. На этом пути возможности исследователя значительно расширяются благодаря археологическим материалам. В частности, на территории современной Мордовии.

В последние годы изучение материальной культуры древней мордвы проводили разные исследователи. Так, И.М. Петербургский и В.Н. Аксенов уделили большое внимание классификации материальной культуры и общей характеристике ремесленных занятий населения. Относительно обработки кожи они написали: «Развитое скотоводство давало в избытке сырье для кожевенного дела.

Кожа шла на изготовление обуви, обор, поясов, деталей головных уборов, предметов конского снаряжения и других изделий. Обувь делали как на мягкой, так и на подшивной подошве в виде башмаков и полусапожек... Кроме башмаков мордовскими мастерами из кожи изготавливались лапти». И далее: «Проведенный анализ предметов из кожи свидетельствует о том, что мордовские кожевники знали способы обработки шкуры как крупного, так и мелкого рогатого скота. Им были известны и методы получения толстой сыромятной и мягкой кожи. Технические приемы, связанные с выделкой того или иного сорта кожи, аналогичны тем, что использовали русские кожевники... Принцип изготовления сафьяна был более сложным, чем производство юфти, и заключался в более тщательной обработке кожи до дубления... Сафьян выполнялся из шкур мелкого рогатого скота, преимущественно козых» [44, с.82–84].

Такая оценка деятельности мордовских кожевников, объединяющая опыт технических навыков и русских кожевников и местных кожевников-кустарей XIX – XX вв., представляется несколько завышенной, особенно в части возможного местного производства сафьяна. Это очень сомнительно, учитывая необходимое для этого особое дубильное сырье – кору и листья растения сумак (или сумак), произрастающего в субтропическом поясе [59, с.479–480; 34, с.55–56]. Поэтому на протяжении античности, средневековья и, частично, в Новое время сафьян привозился на территорию Руси, а позднее, и России из Персии и Ближнего Востока.

Кроме того, мнение о выделке сафьяна только из козых или овечьих шкур не совсем верно. Для XVII в. имеются таможенные записи из г. Верхотурска о телятинах: «[1636] Шестеры сапожнишка телятинных сафьянных моклых» [56, с.75]. Также имеются данные о выделке сафьяна из жеребьячьей шкуры [4, с.221].

До некоторой степени средневековую систему изготовления дубленой таннидными настоями кожи в Среднем Поволжье и Прикамье можно соотносить с кустарной выделкой Нового времени. Описание таких процессов у чувашей приводил Н.В. Покровский [45, с.125–128], а для русского населения Г. Поварнин, который пытался на основе данных второй половины XIX – начала XX вв. построить модель вероятного технологического процесса у славян и на Руси [24, с.367 и сл.]. Здесь следует принимать во внимание постоянное развитие всех приемов и стадий дубления на протяжении всего средневековья и Нового времени, а также обмен опытом с соседними народами.

В настоящее время остается не востребованным накопленный археологами материал из средневековых могильников Поволжья. Приводимые археологами оценки сырья иногда выглядят поверхностными. Например, И.М. Петербургский и В.Н. Аксенов находят в мордовских могильниках поршни из сыромятной кожи, восстанавливая технику их пошива на основании работы В.П. Левашевой [33, с.42]. Но в какой степени можно говорить о конкретно сыромятной коже в Лядинском могильнике остается неясным [44, с.83]. В попытке детальной реконструкции погребального женского костюма древней мордвы по материалам

Безводнинского могильника, Ю.А. Краснов дает заключение по обуви: «Обувь из кожи, чаще всего сыромятной, в виде поршней или невысоких мягких полусапожек, зафиксирована этнографическими данными наряду с лыковой у ряда финно-угорских народов Восточной Европы» [20, с.54].

Также необоснованным выглядит заключение Т.Б. Никитиной о сырье для кожаной обуви древних марийцев, найденной в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья: «Обувь, реконструируемая по фрагментам кожи, ткани и металлическим украшениям, найденным в могильниках IX–XI вв., изготовлялась из одного или двух кусков сыромятной кожи» [38, с.5–6].

В Азелинском и Суворовском могильниках азелинской культуры III–V вв. В.Ф. Генинг выделил много кожаных деталей, в том числе широкие женские (6 – 7 см) и узкие мужские (2 – 3 см) пояса, а также обувь типа поршней [10, с.42–43]. Свое заключение о виде обуви и сырье он основывает на наблюдениях этнографов, называя обувь высокими поршнями, скроенными «из одного куска сыромятной кожи». При этом в описании погребений присутствуют интересные подробности. Например, в описании погребения № 28: «Кожа пояса окрашена в яркокрасный цвет, на спинной части сплошь покрыта медными накладками... Сохранились остатки кожаной обуви, окрашенной в красный цвет, медные обувные пряжки обычного типа (сломаны), на пятках прямоугольники из обоймочек (как в погребении 14) и ремешки с медными накладками» [10, с.123]. Или в погребении № 30: «Кожа пояса по диагонали крест-накрест украшена прочерченным узором (типа рис.23)... Вместе с мечом положен кожаный ремень с сетчатым врезным узором, пряжкой, наконечником и накладками» [10, с.125]. Из этих описаний можно увидеть, что яркокрасная кожа поясов и обуви могла быть сафьяном, а сетчатое тиснение поверхности является характерным признаком средневековой булгары [28, с.447 и сл.]. Оба сорта кожи относятся к группе кож таннидного дубления.

Приведенные примеры показывают перспективное направление в изучении органических материалов средневековых могильников Среднего Поволжья и Прикамья – изучение кожевенного сырья. В этом направлении можно отметить недавнюю публикацию сумочек из мордовских могильников, сделанных из кожи с хвоста бобра, имеющего характерную фактуру, напоминающую рыбу чешую [39, с.151 и сл.]. Такие же сумочки встречаются в Пермском Приуралье. Учитывая большое распространение речного бобра в древности в реках Предуралья, о чем свидетельствуют названия «бобровых рек» [6, с.29] и большое количество костей бобра, находимых на средневековых поселениях, надо предполагать особое значение этого сырья в общественных представлениях древнего населения.

Определенный импульс для новых исследований может придать использование новых возможностей в естественнонаучных методах, для которых использование в археологии постоянно расширяется. Отметим недавний опыт применения новых химических анализов и оптической микроскопии для определения кож на предмет породы животного и способов их выделки [15, с.278–281].

**Выводы.** Обзор археологических материалов показывает, что обувь и другие кожаные предметы, встречаемые в могильниках финно-угорских народов Прикамья и Среднего Поволжья, определяет некоторая общая простота и декоративность. При достаточно хорошей изученности и степени введения их в научный оборот, практически за пределами научного интереса остаются вопросы изучения самого кожевенного материала. При всей фрагментарности этого вида материалов, новые данные по этому вопросу, определенно, можно получить. В частности, можно отметить накопление на сегодня опыта органолептических наблюдений автора данной работы по археологическим материалам и сборам современных кож [29]. Можно привести пример упоминаемых выше сыромятных кож, булгари, сафьяна и других (рис. 1–6).

Представляется перспективным в этом направлении использовать взгляды и выводы А.М. Белавина о природном и географическом своеобразии Пермского Предуралья, оказавшим сильное влияние на развитие материальной культуры населения во все исторические периоды [6, с.26–40]. Для эпохи раннего средневековья существенное значение имели меридианальные связи Верхнего Прикамья с ближними и дальними народами – по Каме и Волге, через Каспийское море, в области Средней Азии и Переднего Востока [5, с.6]. Именно эти активные торговые контакты объясняют наличие в Среднем Поволжье и Прикамье большого количества арабского серебра, шелковых тканей и других вещей, получаемых в обмен на разнообразные меха. Одним из товаров, поступавших на Север, вероятно, был особый сорт кожи – сафьян. Наиболее полный список товаров, поступавших по Волжскому пути в Хорезм в конце X в. приводит Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси в «Книге лучшего разделения в познании климатов», написанной в 985 – 989 гг. В конце списка товаров, половину которых составляют меха различных животных, автор добавил: «Все это – из Булгара» [62, с.192].

В этом направлении сегодня работают многие исследователи. Например, древние марийские памятники IX – начала XII вв. в Вятско-Ветлужском междуречье с точки зрения торговых и культурных контактов получили анализ в диссертационной работе А.В. Акилбаева 2017 г. В ней делается акцент на выявлении и анализе привозных вещей. В составе деталей костюма учтены 166 металлических элементов обуви, разделяемые на 5 групп. Так, обувные привески названы характерными для волжских финнов, и происходят из рязанско-окских могильников. Автор объясняет их присутствие общностью волжско-финских народов, не исключая того, что часть украшений обуви могла быть импортом из Прикамья или с Оки [1, с.13].

### Библиографический список

1. Акилбаев А.В. Древнемарийские памятники IX – начала XII вв. в системе древностей Великого Волжского пути (по материалам украшений и предметов одежды) / Автореферат диссертации ...кандидата исторических наук. Казань, 2017.

2. Арциховский А.В. Раскопки восточной части дворища в Новгороде // МИА. Вып.11. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. – Т. I. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – С.152–176.
3. Арциховский А.В. Одежда // История культуры древней Руси. – Т.1. – М.-Л., 1951. – С.234 – 262.
4. Атрибуция музейного памятника: классификация, терминология, методика: Справочник / Отв. ред. И.В.Дубов. – СПб: Лань. 1999.
5. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этно-культурных связях. – Пермь: ПГПУ. 2000. – 200 с.
6. Белавин А.М. Пермское Предуралье как культурно-экологическая область // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. Сборник научных статей. – СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2007. – С.26–40.
7. Вадаи А.Х., Кульчар В.К. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 36. – Budapest. 1984. – С.239–261.
8. Вострокнутова Г.И. Исследование текстильных изделий Бояновского могильника // Труды КАЭЭ. – Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная / Отв. ред А.М. Белавин. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – С.31–49.
9. Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп / Отв. ред. В.Л.Янин. – М.: ИА РАН; НГОМЗ, 1992.
10. Генинг В.Ф. Азелинская культура III – V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // Вопросы археологии Урала. – Вып. 5. – Ижевск, 1963.
11. Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII – XI вв.: Учебное пособие. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. – 77 с.
12. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. – М.: Восточная литература, 2001. – 136 с.
13. Доде З.В. Репрезентация: дефиниция или метод? (репрезентативный костюм или костюм как репрезентация историко-культурной реальности?) // Новая локальная история. – Вып. 1. – Ставрополь, 2003. – С.62–76.
14. Доде З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т. 2. – Донецк, 2005. – С.305–329.
15. Жилина М.В., Бурков А.А. Опыт применения естественнонаучных методов в исследовании кожаной обуви XV – XVI вв.: по материалам раскопок в Хлыновском кремле (1956 – 1958 гг.) // Актуальная археология-4. Комплексные исследования в археологии. – СПб: ИИМК РАН, 2018. – С.278–281
16. История крестьянства СССР. – Т.2: Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. – М.: Наука, 1990.
17. Карамзин Н.М. История Государства Российского. – Т.1. – М., 1989.

18. Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982. – С.3–137.
19. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. – М.-Л.: ИИ АН СССР, 1937. – 487 с.
20. Краснов Ю.А. Женская одежда по материалам Безводнинского могильника // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – Вып. 170. – М., 1982. – С.51–58.
21. Краснопёров А.А. Принципы классификации предметов одежды пьяноборского (чегандинского) населения // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. – Казань: Фэн, 2009. – С.165–176.
22. Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – 260 с.
23. Крыласова Н.Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды КАЭЭ. – Вып. X. – Пермь: ПГПУ, 2015. – С.125–137.
24. Курбатов А.В. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // ПСКОВ. – Т.1. – СПб-Псков, 1997. – С.367–373.
25. Курбатов А.В. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // Тверской археологический сборник. – Вып. 4, т. II. – Тверь: ТГОМЗ, 2001. – С.225–233
26. Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII – XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993 – 1997 гг.). – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004.
27. Курбатов А.В. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. – СПб: Дмитрий Буланин. 2007. – С.89–133.
28. Курбатов А.В. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. – СПб: Дмитрий Буланин, 2010. – С.447–452.
29. Курбатов А.В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus, №5, 2010. – СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2010. – С.169 – 218.
30. Курбатов А.В. Сырьевая база древнерусского кожевенного ремесла (по материалам городов северо-запада и центра России) // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. – Вып. 3. – СПб., 2012. – С.102–163.
31. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ, I. – СПб., 1846.
32. Лебедева Н.И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии // Труды общества исследователей Рязанского края. – Вып. XVIII. – Рязань: Рязгостип, 1929. – 32 с.

33. Левашева В.П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Труды ГИМ. Вып. 33. – Очерки по истории русской деревни. – 1959. – С.38–59
34. Лидов А.П. Сумак // Энциклопедический словарь / составители Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – Т. XXXII. – СПб., 1901. – С.55–56.
35. Маслова Г.С. Одежда // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – С.259–291
36. Мордовский народный костюм: Альбом / Сост. и авт. текста Т.П. Прокина, М.И. Сурина. – Саранск.: Морд. кн. изд-во, 1990. – 382 с.
37. Мусин А.Е., Торопова Е.В., Торопов С.Е. Христианские древности Старой Руссы (вопросы топографии и археологического контекста) // ННЗИА. – Вып.16. – Великий Новгород, 2002. – С.174–187.
38. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX – XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Серия: Археология Евразийских степей. – Вып. 14. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. — 408 с
39. Никитина Т.Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. – 2013. – №2. – С.151–161.
40. Никоновская летопись // ПСРЛ, т. 13, 1-я пол. – СПб., 1904.
41. Орфинская О.В., Никитина Т.Б. Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX – XI вв. // Поволжская археология. – 2014. – № 2(8). – С.70–91.
42. Осипов Д.О. К истории лаптя на Руси // ТТЗ. – Тверь, 2010. – Вып.6. – С.303–308
43. Памятники древнерусской литературы. Вып.3. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. – Л.: АН СССР, 1932. – 193 с.
44. Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Вадская мордва в VIII – XI вв. – Саранск: изд-во Морд. ун-та, 2006. – 146 с.
45. Покровский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. – Вып. 1. – Чебоксары, 1929.
46. Рабинович М.Г. Древнерусская одежда IX – XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. – М.: Наука, 1986. – С.40–62.
47. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. – М.: Наука, 1988. – 312 с.
48. Савченко Ю.В. Обувь культуры рязано-окских могильников (к постановке вопроса) // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. – Ч. 2. – М.: ГИМ, 2003. – С.98–100.
49. Седов В.В. Одежда восточных славян VI – IX вв.н.э. // Древняя одежда народов Восточной Европы /Отв. ред. М.Г.Рабинович. – М.: Наука, 1986.–С.30–39

50. Семёнов С.А. Костяные разбивальники из Роданова городища // КСИИМК. – Вып. XV. – М.-Л., 1947. – С.138–142
51. Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Ист.-этногр. исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). – Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1975. – 247 с.
52. Словарь Академии Российской. Часть III. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1792. – 761 с.
53. Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 8. – М.: Наука, 1981. – 351 с.
54. Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 28 / гл. ред. В.Б. Крысько. – М.: Наука, 2008. — 303 с.
55. Словарь русских народных говоров. – Вып. 23 / гл. ред. Ф.П.Филин. – Л.: Наука, 1987. – 375 с.
56. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой пол. XVIII в. / составитель Л.Г. Панин. – Новосибирск: Наука, 1991. – 179 с.
57. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X – XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. МИА. – № 22. – М. 1951. – С.33–96
58. Терещенко А.В. Быт русского народа. – Ч.1. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1848. – 527 с.
59. Тихвинский М.М. Сафьян // Энциклопедический словарь, составители Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. – Т. XXVIII. – СПб., 1900. – С.479–480
60. Торопова Е.В. Новые данные о времени возникновения Старой Руссы // Ежегодник НГОМЗ 2002. – Великий Новгород, 2003. – С.91–94
61. Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Доброва О.П., Мясникова С.В. Итоги археологических исследований на Пятницком раскопе в Старой Руссе в 2004 г.// ННЗИА. – Вып. 19. – Великий Новгород, 2005. – С.48–53
62. Халидов А. Перечень товаров Волжского пути в арабских источниках IX – начала XIII в. // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и международного научного семинара, 28–29 августа 2000 г. – Казань, 2001. – С.189–193.
63. Черепнин А.И. Местная старина. Борковский остров // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1894г.–Т. IX. Вып. 1. – Рязань, 1894. – С.1–26
64. Шмелева М.Н. Русская одежда // Русские. Серия: Народы и культуры. – М.: Наука, 1997. – С.316–353.
65. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). Серия: Культура народов Востока. – М.: Восточная литература, ИФ РАН, 2006.
66. Forbes Rj. Studies in ancient technology. Vol. V. Leather in antiquity. Leiden: E.J.Brill. 1957. – P.1–77

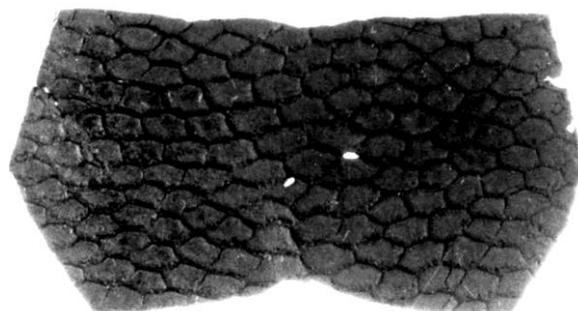


Рис. 1. Обрезок из шкуры хвоста бобра. Тверской кремль, последняя четверть XIII – первая половина XIV в. Раскопки 1993 – 1997 гг. Взято: Курбатов 2004, рис. 128.



Рис. 2. Обрезки кожи «булгари» (№ 3, 4). Тверской кремль, последняя четверть XIII – первая половина XIV в. Раскопки 1993 – 1997 гг. Взято: Курбатов 2004, рис. 124.



Рис. 3. Деталь (попона?) из красnodубной кожи, вероятно, сафьяна. Рюриково Городище. Раскопки 2001 – 2004 гг. Отмечена в: Курбатов 2007: 96.

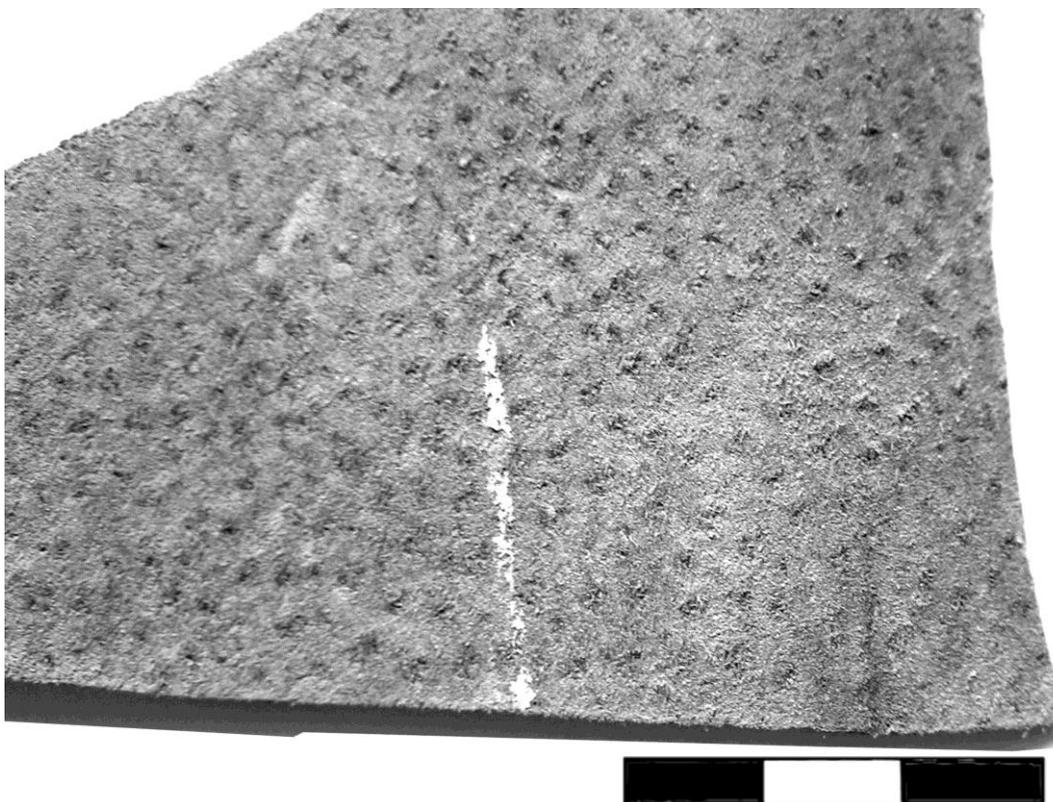


Рис. 4. Спилок кожи свиньи. Взято: Курбатов 2012, рис. 10.

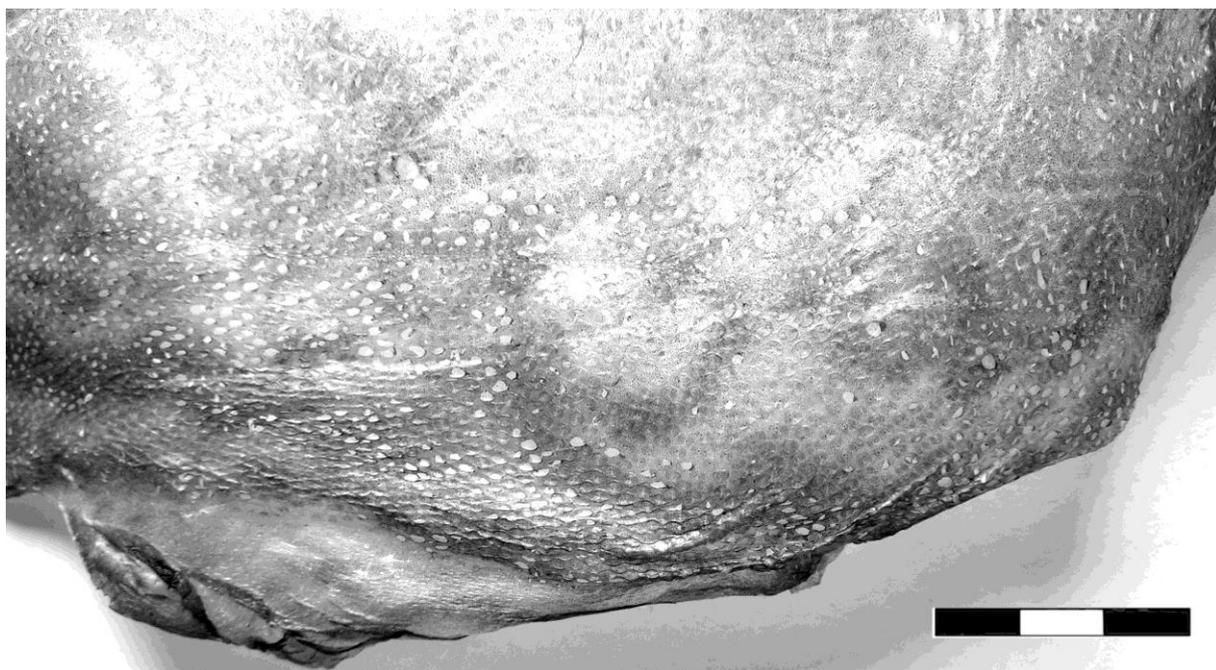


Рис. 5. Сухая кожа лосося. Взято: Курбатов 2012, рис. 15.

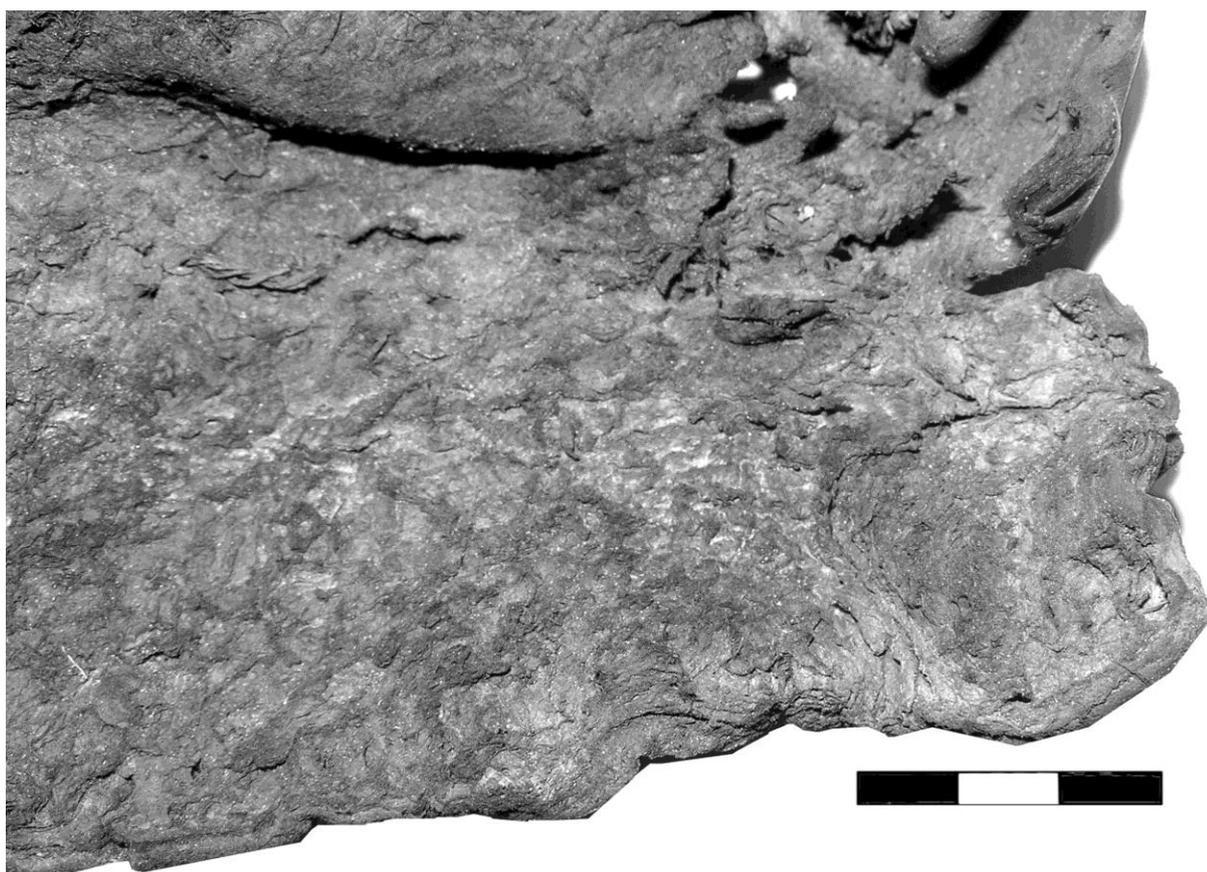


Рис. 6. Кожаный поршень. Сыромятная кожа. Погребение № грунтового могильника в г. Кемь, Республика Карелия. Раскопки 2017 г. Фото автора.

УДК 930.26(086.6)(471.5)

**Р.Д. Голдина, С.А. Перевозчикова****ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЙ ПОД КУРГАНАМИ  
ВЕРХ-САИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В СЫЛВЕНСКОМ ПОРЕЧЬЕ**

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, РФ

*В статье приведены результаты многолетнего (1981-1991 гг.) исследования одного из уникальных средневековых памятников Сылвенского поречья – Верх-Саинского могильника, исследованного Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета. На нем были изучены как курганные (108 курганов и 133 захоронения), так и бескурганные могилы (185 погребений). Это единственный могильник Прикамья, где удалось четко зафиксировать время перехода от обычая сооружать насыпи над погребениями к, вероятно, небольшим холмикам над индивидуальным захоронением. В статье приведены особенности погребального обряда населения, оставившего раннюю, курганную часть некрополя.*

*Ключевые слова:* Сылвенское поречье, Верх-Саинский могильник, погребальный обряд, средневековье

**R. Goldina, S. Perevozchikova****OBSEQUIES OF BURIAL MOUND GRAVES OF VERH-SAYA BURIAL  
GROUND IN THE SYLVA DISTRICT**

Udmurt state university, Izhevsk, RF

*The article presents the results of a study (1981-1991) of one of the unique medieval monuments of the Sylvensky district. The Verh-Saya cemetery was investigated by the Kamsko-Vyatka archaeological expedition of the Udmurt State University. It was studied 108 burial mounds and 185 graves. This is the only burial ground of the Kama region where it was possible to clearly record the disappearance time of the custom of constructing mounds over burials. The article shows the features of the funeral rite of the population, who left the early, barrow part of the necropolis.*

*Keyword:* Sylva district, Verh-Saya burial ground, obsequies, Middle Ages

Верх-Саинский комплекс памятников раннего средневековья входит в состав самой крупной и компактной группы неволинской культуры – Средне-Шаквинской. Она включает в себя 4 городища (Верх-Саинские I и II (Городок), Кокуйское, Морозовское), 4 могильника (Верх-Саинский, Бартымский I, Копчиковский курганный, Кляповский), 37 селищ, а также 7 уникальных Бартымских кладов восточного серебра.

Административным центром этой группировки было Верх-Саинское I городище и сопутствующий ему могильник VI – начала IX в., расположенные в 3,5 км к западу от д. Бартым, на другом, правом берегу р. Шаква, в устье впадающей в нее небольшой р. Сая. Они занимали важный стратегический объект – высокий мыс Саинско-Шаквинского водораздела. С этой площадки открывается роскошный вид на панораму окрестностей: в ясную погоду хорошо виден даже районный центр – с. Березовка, расположенное в 8-10 км.

Поскольку в ту пору любые передвижения людей, в том числе и врагов, были возможны преимущественно по рекам, подступы к Верх-Саинскому I го-

родищу были закрыты двумя сторожевыми городками – Верх-Саинским II и Кокуй, расположенными по прямой линии от него и друг от друга с интервалом 3–4 км. О приближении неприятеля население окрестных селищ и Верх-Саинского I городища предупреждал, очевидно, дымом костров или каким-то другим способом небольшой гарнизон, стоящий в этих небольших городках, устроенных на высоких возвышенностях.

Могильник находится на противоположном от бывшей д. Верх-Сая, левом берегу р. Сая. Когда проводились раскопки, от деревни еще сохранились два заброшенных дома напротив моста через реку. Сейчас их нет. Памятник расположен недалеко от впадения р. Саи в р. Шакву, на ее правом берегу, на высокой (18 м) коренной террасе, выше современной д. Шаквы. Площадка памятника в те годы распаивалась, сейчас задернована, на ней построено здание зернохранилища. Уже в те годы могильник был нарушен траншеей.

Памятник был открыт в 1981 г. научным сотрудником Камско-Вятской экспедиции Л.Д. Макаровым. На пашне им были собраны человеческие кости и многочисленный инвентарь, характерный для средневековых памятников Прикамья. Раскопки могильника шли 9 лет: с 1982 по 1992 гг. с перерывами в 1985 и 1991 гг. С 1982 по 1989 гг. работами на раскопе руководил научный сотрудник Н.В. Водолага, при участии Р.Д. Голдиной [1-9].

За это время была исследована площадь 5974 кв.м, на которой были изучены 108 курганов, содержащих 133 захоронения, 185 бескурганых (грунтовых) погребений, 11 ям, прокалы, столбовые ямки и собраны многочисленные находки из разрушенных могил.

Верх-Саинский могильник использовался в течение трех с небольшим столетий, и представлял собой сложный комплекс, сочетавший курганную и бескурганную части. Наличие курганов – не только важный элемент погребального ритуала, но и явление хронологического порядка, поэтому погребальный обряд курганной и бескурганной частей могильника рассмотрены отдельно.

Курганы (108 единиц) датируются VI-VII вв. Они располагались выраженными рядами в северо-восточной части раскопа. Условно можно выделить 21 ряд, вытянутых в направлении С-Ю, и 17 рядов, вытянутых по линии В-З. По неоднократным взаимонарушениям канавок можно предположить, что процесс захоронения «шел» с севера на юг. Так, канавка кургана 9 перекрывает канавку кургана 21, а канавку кургана 9 нарушает ровик кургана 3. Его, в свою очередь, перекрывает ровик кургана 26. Курган 12 перекрывает насыпь кургана 13, чей ровик также нарушает ровик кургана 14. Подобная картина наблюдается и несколько восточнее: ровик кургана 30 нарушен ровиком кургана 31, а курган 93 нарушен курганом 92, который соответственно нарушен курганом 91. Однако есть исключения из правила, например, курган 5 перекрывает канавку кургана 6, расположенного южнее. В результате глубокой распашки курганные насыпи не сохранились. Их можно зафиксировать лишь благодаря остаткам канавок. У 61 (56,5%) кургана канавки сохранились, а у 47 (43,5%) курганов они уничтожены.

Как правило, курганы ограничены одной или двумя канавками, в некоторых случаях можно предположить, что короткие канавки представляли собой 2 или 3 углубленные части одной (курганы 6, 21, 25, 30, 90). Концы канавок, в основном, зафиксированы в восточной стороне.

Наиболее распространенной формой канавок являлась дугообразная (44 канавки, 66,8%), но встречались полукольцевые (15 канавок, 22,7%), кольцевые (2 канавки, 3,0%) и прямоугольные (2 канавки, 3,0%). Размеры канавок зависели от размера кургана. Длина канавок, в основном, варьирует между 1,01-3,0 м (26 канавок, 39,4%), иногда между 7,01-9,0 м (13, 19,7%). В меньшей степени представлены размеры 3,01-5,0 м (8 канавок, 12,1%), 5,01-7,0 м (7, 10,6%), а 4 канавки имели длину более 9,0 м (6,1%). Ширина канавок – менее 0,5 м (45 канавок, 68,2%), иногда в пределах 0,51-0,7 м (14, 21,3%). Остальные канавки имели ширину более 0,7 м. Глубина курганных ровиков составляла 0,26-0,5 м (37 канавок, 56,1%) и 0,51-0,7 м (25, 37,9%).

В канавках курганов 18, 26, 54 и 69 зафиксированы грабительские вкопы: в курганах 18, 54 и 69 – в одном из концов канавок, в кургане 26 – в центре ровика. В половине из сохранившихся курганных канавок (30 канавок, 45,5%) найдены вещи: фрагменты керамики и раздавленные глиняные сосуды, кости и зубы животных, бусы, фрагменты железных вещей, остатки обгоревших деревянных конструкций.

Под одной курганной насыпью обнаружено от 1 до 4 погребений. Зафиксированы курганы с одной могилой (85, 78,7%), двумя (16, 14,8%) или тремя (4, 3,7%) погребениями. В центральной части раскопа располагался курган 16 с 4 захоронениями (0,9%). Под одной насыпью могилы расположены без взаимонарушений. В 3 случаях (52, 72 и 79) могилы «заходили» одна на другую. Это, возможно, свидетельствует о подхоранивании умерших в более позднее время. Всего на могильнике раскопано 133 погребения. На площадках курганов 13 и 88 могил не обнаружено.

Как правило, захоронения совершались в ямах прямоугольной формы (126 погр., 94,7%). В единичных вариантах выявлены могилы квадратной (1, 0,8%) и овальной (1, 0,8%) форм. Стенки погребальных ям – вертикальные (62 погр., 46,6%) или наклонные (35 погр., 26,3%). Практически у всех могильных ям наблюдалось уплощенное дно (99 погр., 74,4%).

Преобладающей ориентировкой могильных ям являлась широтная, по линии В-З (71 погр., 53,3%). Многие захоронения ориентированы по линии ВСВ-ЗЮЗ (32 погр., 24,0%), а также С-Ю с небольшими отклонениями (23, 17,4%), ВЮВ-ЗСЗ (7, 5,3%).

Длина могильных ям (64, 48,1%) варьирует в пределах 2,0-2,5 м. В меньшей степени представлены могилы, имевшие длину 1,51-2,0 м (37, 27,8%), 1,01-1,5 м (8, 6,1%), 2,51-3,0 м (6, 4,5%). Ширина могил колебалась в пределах 0,61-0,8 м (63, 47,3%), реже – 0,81-1,0 м (36, 27,1%) или 0,41-0,6 м (14, 10,5%). Изучение

соотношения длины и ширины могильных ям показало, что чаще всего были использованы могилы длиной 1,51–2,5 м и шириной 0,61–1,0 м.

Глубина могил составила 0,41–0,6 м (56 погр., 42,1%) и 0,61–0,8 м (44, 33,1%), реже – до 0,4 м (17, 12,7%), 0,81–1,0 м (9, 6,7%). Погребения кургана 103 имели глубину до 1,05 м, а кургана 85 – глубиной до 1,3 м.

Костные останки сохранились лишь в 67 могилах (50,4%). Захоронения совершали преимущественно в индивидуальных ямах (62 погр., 92,5%). Известны 4 могилы, в которых найдены остатки двух костяков (6,0%), и одна – с остатками трех (погребение 1 кургана 12; 1,5%). В последнем случае были захоронены 3 женщины, 13 и 16–20 лет. В погребении 1 кургана 1, погребении 2 кургана 52 и погребении 1 кургана 58, где были найдены по 2 костяка, зафиксированы с правой стороны мужчина (20–25 или 50–60 лет), а с левой – женщина (15–16 или 20–30 лет). Лишь в погребении 1 кургана 58 найдены останки 2 детей (3–5 и 6 лет).

Умершие были уложены головами, в основном, в восточном направлении (34 погр., 46,6%) с небольшими отклонениями к ВСВ (16, 21,9%) и ВЮВ (1, 1,4%). Остальные направления единичны: СВ (5, 6,8%), север (3, 4,1%) с отклонением к ССЗ (1, 1,4%), запад (2, 2,7%), юг (1, 1,4%).

В курганной части некрополя прослежены 2 типа деревянных погребальных сооружений (33 погр., 24,8%): прямоугольная рама, сколоченная из плах, и гробовище, изготовленное из продольных досок, скрепленных в торцах поперечными брусками.

Анализ древесных остатков от конструкций показал, что использовали, главным образом, сосну. Возможно, в погребении 1 кургана 96 умерший был обернут берестой, а в могиле кургана 41 найдены остатки бересты от покрытия деревянной конструкции. В целом, можно сказать, что погребальная конструкция имела прямоугольную форму, соответствовавшей размерам умершего человека. В 6 могилах (курганы 21, 25, 26, 37, 73) погребальные конструкции были обожжены.

Умершие были уложены вытянуто на спине (25 костяков, 34,2%). Кости рук вытянуты вдоль туловища (6 костяков, 8,2%), иногда согнуты (2 костяка, 2,8%) или уложены на кости таза (1 костяк, 1,4%).

В погребении 1 кургана 1 у мужчины А и женщины Б кости ног сложены вместе с костями черепа. Еще у 6 умерших зафиксировано отсутствие или перемещение костей рук или грудной клетки. В погребении 2 кургана 52 у мужчины А и женщины Б кости рук перемешаны и несколько смещены. У мужчины из погребения 1 кургана 58 часть грудной клетки была перемещена в изголовье. У женщины Б из этого же погребения кости грудной клетки отсутствуют. В погребениях 1 курганов 76 и 77 нет костей левой половины грудной клетки.

118 погребений курганной части Верх-Саинского могильника (88,7%) сопровождаются инвентарем: украшениями, поясными деталями, оружием, конским снаряжением и предметами быта.

Половина могил (65 погр., 48,9%) подверглась грабежам. Грабительские вкопы почти всегда наложены на всю ширину и на 2/3 длины погребения. Скорее всего, ограбления производились, когда курганные насыпи еще были заметны. Обращает на себя внимание точность произведенных вкопов. Вероятно, грабитель знал, в каком именно месте кургана расположена могильная яма. В случаях, когда вкоп занимал почти всю площадь кургана (например, курган 91), можно сказать, что грабитель слепо раскапывал курган, пока не наткнулся на могилу. Подобных вкопов в могильнике единицы. В основном, вкопы не выходят за рамки погребальных ям, что, вероятно, было связано с тем, что время ограбления следовало близко после захоронения.

В женских захоронениях найдены височные украшения, монеты, бусы, бисер, раковины каури, браслеты, гривны, перстень, различных типов подвески и пронизки, детали поясов в виде пряжек, накладок и наконечников, подарочные наборы, зеркала, игла и берестяной колокольчик. Кроме этого у женщин были обнаружены железные пряжки, ножи, ножны, шилья, удила, пряслица и фрагменты керамики.

В мужских погребениях, как и женских, встречались бусы, поясная гарнитура, железные пряжки, ножи, ножны, удила и фрагменты керамики. Только в мужских обнаружены костяные наконечники стрел, сабли, стремена.

Височные подвески (63 экз.) обнаружены в 33 погребениях (24,8% от общего количества могил). Еще 5 фрагментов височных подвесок найдены в межмогильном пространстве. Изделия выполнены, в основном, из бронзы; 18 предметов – из серебра. В качестве привесок использовали стеклянные (17 экз.) или сердоликовые (5 экз.) бусины, а янтарными вставками украшали плоские привески (5 экз.). Точное положение не всегда определено. Часть из них находилась слева (3 экз.) или справа (1 экз.) у черепа, в изголовье (4 экз.). Иногда подвески найдены у правого плеча (2 экз.), в области грудной клетки (6 экз.), пояса (3 экз.) или ног (1 экз.). Чаще всего (25 экз.) височные подвески лежали в подарочных наборах. В области грудной клетки зафиксированы бусы и бисер, монеты, гривны, подвески и пронизки

Гривны найдены в 10 погребениях (7,5% от общего количества могил) в количестве 10 экз. Они изготовлены из бронзы, за исключением трех серебряных из курганов 14, 35 и 54. Две гривны были положены в подарочные наборы, одна найдена у правого плеча, остальные (6 экз.) – в области шеи.

Монеты происходят из 12 погребений (9,0% от общего количества могил) в количестве 26 экземпляров. Еще несколько монет найдены в межмогильном пространстве. Все монеты располагались в женских захоронениях. Учитывая расположение монет, их пробитость, можно утверждать, что их использовали в качестве дополнительных украшений ожерелий или наконечников. Монеты встречались по 2 экз., в одном случае – 4. В погребении 1 кургана 54 монеты имели следы ушек. Лишь монета из погр. 4 кургана 16 оказалась не пробита

и уложена справа у таза. Еще 7 монет-подвесок выявлены в составе подарочного набора (курган 54, погребение 1).

Бронзовые подвески зафиксированы в 28 погребениях (21,1% от общего количества могил) в количестве 86 экз. В погребении 1 кургана 35 к цепочкам арочной подвески были подвешены раковины каури.

Бронзовые пронизки найдены в 28 погребениях (21,1% от общего количества могил) в количестве 463 экз. (из них 391 экз. входит в состав пронизей).

В качестве украшений рук выступали браслеты и перстень. Браслеты выявлены в 15 погребениях (11,3% от общего количества могил; 11 умерших) в количестве 20 экз. Они выполнены, в основном, из бронзы, и лишь в погребениях 1 курганов 17 и 54 на браслеты надеты серебряные рифленые кольца со стеклянными и сердоликовыми вставками. Предположительно, браслеты были одеты в одном случае на левую руку (1 экз.), в другом – на правую (3 экз.). Кроме этого, они были найдены у правой ноги (1 экз.), у правого плеча (1 экз.) или в подарочных наборах (12 экз.). При наличии в могиле нескольких браслетов, они могли быть разных типов.

Единственный бронзовый перстень с янтарной вставкой в погребении 1 кургана 54 был найден в подарочном наборе.

К поясной гарнитуре относятся пряжки, накладки и наконечники, реже – обоймы и пронизы. Эти предметы использовали также и в качестве обувной гарнитуры. Пряжки выявлены в 49 погребениях (36,8% от общего количества могил) в количестве 70 экз. Они выполнены, в основном, из бронзы, но встречаются также пряжки из серебра. Накладки обнаружены в 45 погребениях (33,8% от общего количества могил) в количестве 290 экз. Они выполнены из бронзы или серебра. Наконечники ремней зафиксированы лишь в 27 погребениях (20,3% от общего количества могил) в количестве 43 экземпляров. Они выполнены из бронзы или серебра.

Пояса из подкурганых захоронений имели весьма характерный набор деталей: крупные трехсоставные пряжки чаще с В-образным кольцом, выступающей за его пределы иглой и овальным щитком, наконечники типа коробочки, а также прямоугольные и круглые накладки. К поясу были подвешены с помощью кожаных шнурков своеобразные ножны конической формы, выполненные из дерева и обложенные бронзовыми пластинами, а также зеркала и туалетные коробочки.

Разнообразно положение поясов в могилах. В 9 случаях пояс был одет на умершего (погр. 12/2, 14/1, 16/3, 16/4, 38/1, 41/1, 63/1, 73/1, 79/1), в 4 – сложен пополам и уложен рядом (9/2, 16/1, 44/1, 46/1), в 3 могилах уложен в области пояса, но не одет (35/1, 60/1, 64/1), у 3 захороненных пояс вытянут вдоль тела: в погребении 17/1 – от левого бедра до левого плеча, в могиле 28/2 – в области головы, в захоронении 54/1 – от левого бедра до локтевой кости правой руки. В могиле 87/1 пояс лежал на костях голени. Вытянутые пояса составляют 2,26% от всех могил и 15% от могил с поясами.

Ножны обнаружены в 19 погребениях (14,3% от общего количества могил) в количестве 19 экз.; еще двое ножен найдены на площади раскопа. Они выполнены из серебра, иногда бронзы, с деревянным каркасом внутри. Эти предметы, в основном, принадлежали женщинам (6 экз.), лишь в одном случае ножны найдены в мужской могиле. В остальных захоронениях пол не определен. К поясу ножны крепили чаще слева. Примечательно, что в погребении 1 кургана 9 и в погребении 4 кургана 16 между верхней частью ножен и поясом, там, где нет накладок, зафиксированы большие бляхи с изображением медведей. Диаметр петелек бляшки позволяет предположить, что сквозь них был продет кожаный шнурок, к концам которого крепили ножны. Расстояние между петельками, большее, чем основа ремня, допускает возможность использования бляшки как некоего фиксатора ножен. В погребении 1 кургана 44 ножны лежали в подарочном наборе справа у черепа.

Зеркала выявлены в двух женских погребениях (1,5% от общего количества могил) в количестве 2 экземпляров. Еще одно зеркало найдено в пахотном слое. Один экземпляр, скорее всего, был прикреплен к поясу, а другой лежал слева у костяка.

К предметам вооружения относятся ножи, наконечники стрел, копий и сабля. Ножи найдены в 58 погребениях (43,6% от общего количества могил) в количестве 67 экземпляров. Они встречались, в основном, по 1 экземпляру в погребении, за исключением двух погребений курганов 10 и 32, где найдено по 2 ножа, и двух погребений курганов 12 и 59, где зафиксировано по 3 ножа. Ножи выявлены, в основном, у ног: у правой (4 случая) или левой (1) голени, у правого (4 костяка) или левого (6) бедра, в области таза (7 случаев), между ног (1) или в ногах (1 костяк). Девять ножей располагались в области грудной клетки, а 1 экз. найден в подарочном наборе. В остальных случаях положение ножей определить не удалось.

Наконечники стрел обнаружены в 6 погребениях (4,5% от общего количества могил) в количестве 13 экземпляров. Они выполнены из железа (7 экз.) и кости (6 экз.). Еще 14 железных наконечников стрел найдены в межмогильном пространстве. Изделия обнаружены в области грудной клетки (погребения 1 курганов 37 и 43) или в ногах (погребение 1 кургана 77). В остальных случаях положение не определено.

Железные наконечники копий найдены в 2 погребениях (1,5% от общего количества могил) по одному в могиле. Еще один наконечник собран с поверхности. Оба наконечника в могилах располагались в изголовье справа.

Фрагменты кольчужного плетения из железа зафиксированы в 6 погребениях (4,5% от общего количества могил). Кольчужные изделия разбросаны по всей площади захоронения. Один фрагмент найден на одном из участков. Сабля в виде обломков найдена также в ограбленном мужском захоронении.

Железные стремяна зафиксированы в двух погребениях (1,5% от общего количества могил) в количестве 3 экземпляров. Еще 13 стремян найдены на

участках и собраны с поверхности. Расположение стремян определить не удалось.

Удила из железа обнаружены в 19 погребениях (14,3% от общего количества могил) в количестве 20 экземпляров. В 5 погребениях удила принадлежали женщинам, в 1 – мужчине, в остальных случаях пол не определен. Во всех захоронениях удила найдены по одному, и лишь в погребении 4 кургана 16 найдены в 2 экземпляра. Удила укладывали в области ног: у правого колена (2 костяка), в ногах (2), у левого бедра (1 случай), между ногами (1), у левой стопы (1) или у правой голени (1). Удила в погребении 4 кургана 16 найдены в области таза и в ногах. Примечательно, что в большинстве могил рядом с удилами располагались маленькие железные или бронзовые пряжки от узды.

К орудиям труда относятся пряслица и шилья. Пряслица зафиксированы в 5 погребениях (3,8% от общего количества могил) в количестве 5 экземпляров. Кроме этого, еще 8 пряслиц выявлены в межмогильном пространстве и собраны с поверхности. Пряслица изготовлены из глины. Одно из них принадлежало женщине (погребение 1 кургана 79), 2 – мужчинам (погребения 1 курганов 58 и 77); еще в 2 случаях пол умерших не определен. Расположение изделий различно: справа у головы (курган 58, погребение 1А), у левого плеча (курган 77, погребение 1) или у левого колена (курган 77, погребение 1).

Шилья найдены в 12 погребениях (9,0% от общего количества могил) в количестве 12 экземпляров. В 4 захоронениях шилья принадлежали женщинам, в остальных случаях пол не определен. Предметы располагались у левого бедра (1 экз.) или плеча (2), на груди (1) или в составе подарочного набора (2).

Своеобразной категорией являются подарочные наборы, которые найдены в 10 погребениях (7,5% от общего количества могил). Пять наборов обнаружены в женских могилах, в остальных – пол не определен. В состав подарочных наборов входят бусы или бисер (10 наборов), височные подвески (9), браслеты (9), подвески (3), шилья (2), ножны (2), железная пряжка (1), накладки (1), гривна (1 случай), перстень (1). Положение подарочных наборов также различно: у правого плеча (3 экз.), у левой голени (1), между бедер (2), в ногах (2) и у левого бедра (2).

В четырех погребениях найдены зубы и кости животных. В одном случае они находились справа у черепа, в других – в грабительских вкопах.

В конце VII в. на Верх-Саинском могильнике исчезает обычай сооружать курганы и рядом с курганами появляются бескурганные могилы (185 захоронений). Грунтовая часть памятника датируется концом VII – началом IX века. На поверхности никаких следов захоронений нет, но в древности, вероятно, существовали какие-то надмогильные сооружения, о чем свидетельствуют как редкость взаимонарушений могил, так и относительная выдержанность рядов. Могильные ямы также имели прямоугольную или близкую к ней форму, вертикальные или слегка наклонные стенки и плоское дно. Длина могил колеблется от 0,69 до 2,6 м, ширина 0,61–0,8 м, глубина – 0,31–0,7 м. Во многих моги-

лах зафиксированы остатки дерева от погребальных конструкций и перекрытий. Наиболее выразительны 2 варианта: долбленные колоды и дощатые гробы. Захоронения, как правило, одиночные, но известны и коллективные, среди которых преобладали парные. Способ погребения – труположение. Умершие уложены вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела или согнуты в локтях. Умерших также хоронили в одежде с украшениями и сопутствующим инвентарем: оружием, орудиями труда, предметами быта, конским снаряжением, сосудами с пищей. В целом материалы курганной и грунтовой частей Верх-Саинского могильника свидетельствуют о единообразии обряда и устойчивости похоронных традиций населения на протяжении всего периода использования памятника. Поздняя часть памятника напоминает по погребальному обряду и материальной культуре Неволинский могильник – классический памятник неволинской культуры [10, 11].

Погребальный обряд курганной части Верх-Саинского могильника по отчетным материалам 1982-1984 гг. стал объектом изучения Д.В. Шмуратко в составе других могильников эпохи великого переселения народов Прикамья. Им были использованы 146 погребений из Верх-Саи: 37 подкурганных из 133 раскопанных VI-VII вв. и 109 бескурганных из 185 раскопанных (конец VII – начало IX в.) [12, с.191, 195]. Именно эта неполнота выборки и сказалась на полученных автором итогах. В результате тщательного анализа, проведенного исследователем, Верх-Саинский могильник вошел в V «постпьяноборский» кластер вместе с Мазунинским, Красноярским, а также Рождественским V, Бирским, Ижевским, Старо-Кабановским и Кляповским [13, с.70]. В целом же, расклад могильников по группам некрополей, полученный Д.В. Шмуратко, вполне соответствует современному состоянию источников по великому переселению народов Прикамья [13, рис.2]. Четко обозначился позднесарматский, харинский, саргатский, именьевский кластер. Мы бы дополнительно отделили кушнаренковско-козловский, а также следовало бы внимательнее посмотреть, почему так далеки Тураево и Старая Мушта, а также Рождествено V и Азелино, Суворово. Особенно серьезные возражения вызывает постпьяноборский кластер, куда вошел Верх-Саинский могильник. Странно, что Д.В. Шмуратко при определении базы намеренно исключил такой важнейший признак, как наличие курганов. Кроме того, в отличие от мазунинских, которые датируются III-V вв., Верх-Сая относится к более позднему времени: VI – началу IX в. (курганы к VI-VII вв.) [11]. Верх-Сая (неволинская культура) географически удалена почти на 300 км к северо-востоку от компактно расположенных на Средней Каме мазунинских некрополей. Характернейшими особенностями мазунино являются 2 признака: подарочные наборы и положение поясов. Подарочные наборы встречались в мазунино довольно часто (13,5% – Ижевск, 19,4% – Тураево, 17,1% – Мазунино и 26,2% могил – Покровка). В курганной части Верх-Саи они известны в 7,5% могил, а в бескурганной – лишь в 3 случаях (1,6% от количества захоронений). Уложенные вдоль тела пояса – также одна из типичных черт мазунино. Напри-

мер, на Тарасовском могильнике более 90% поясов расположены именно таким образом (там же, ил.77). Под курганами Верх-Саи вытянутые пояса обнаружены лишь в 3 случаях (15% от могил с поясами и 2,26% от всех могил). При всей очевидной пользе статистических методов в археологии, в некоторых случаях следует быть более внимательным к источникам мелочам, которые порой играют очень существенную роль. Успешные исследования Д.В. Шмуратко без сомнения должны быть продолжены, и мы не сомневаемся, что публикуемые нами материалы Верх-Саинского могильника будут способствовать дальнейшему совершенствованию уже полученных результатов.

### Библиографический список

1. Водолаго Н.В. Отчет о работах в Березовском районе Пермской области в 1983 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.177.
2. Водолаго Н.В. Отчет о работах в Пермской области в 1984 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.196.
3. Водолаго Н.В. Отчет о работах в ТАССР и Пермской области в 1988 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.277.
4. Водолаго Н.В. Отчет о работах в Татарской АССР и Пермской области в 1986 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.239.
5. Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях в Березовском районе Пермской области в 1981 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.124.
6. Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях Верх-Саинского могильника в 1982 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.149.
7. Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях могильников в Пермской области и Татарской АССР в 1989 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.288.
8. Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях могильников в Пермской области и Татарской АССР в 1992 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 318.
9. Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях раннесредневековых могильников в бассейне р.Камы в 1987 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 254.
10. Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII-IX вв. в Пермском Предуралье. Монография. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 472 с.
11. Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в.н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 203-285.
12. Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов) / Диссертация на соискание уч. степени к.и.н. – Казань, 2012. – 189 с.

13. Шмуратко Д.В. Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья (или еще одна попытка «угорского следа») // Вестник археологии, антропологии и этнографии / Гл.ред. А.Н. Багашев. №3. – Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2014. – С.66-72.

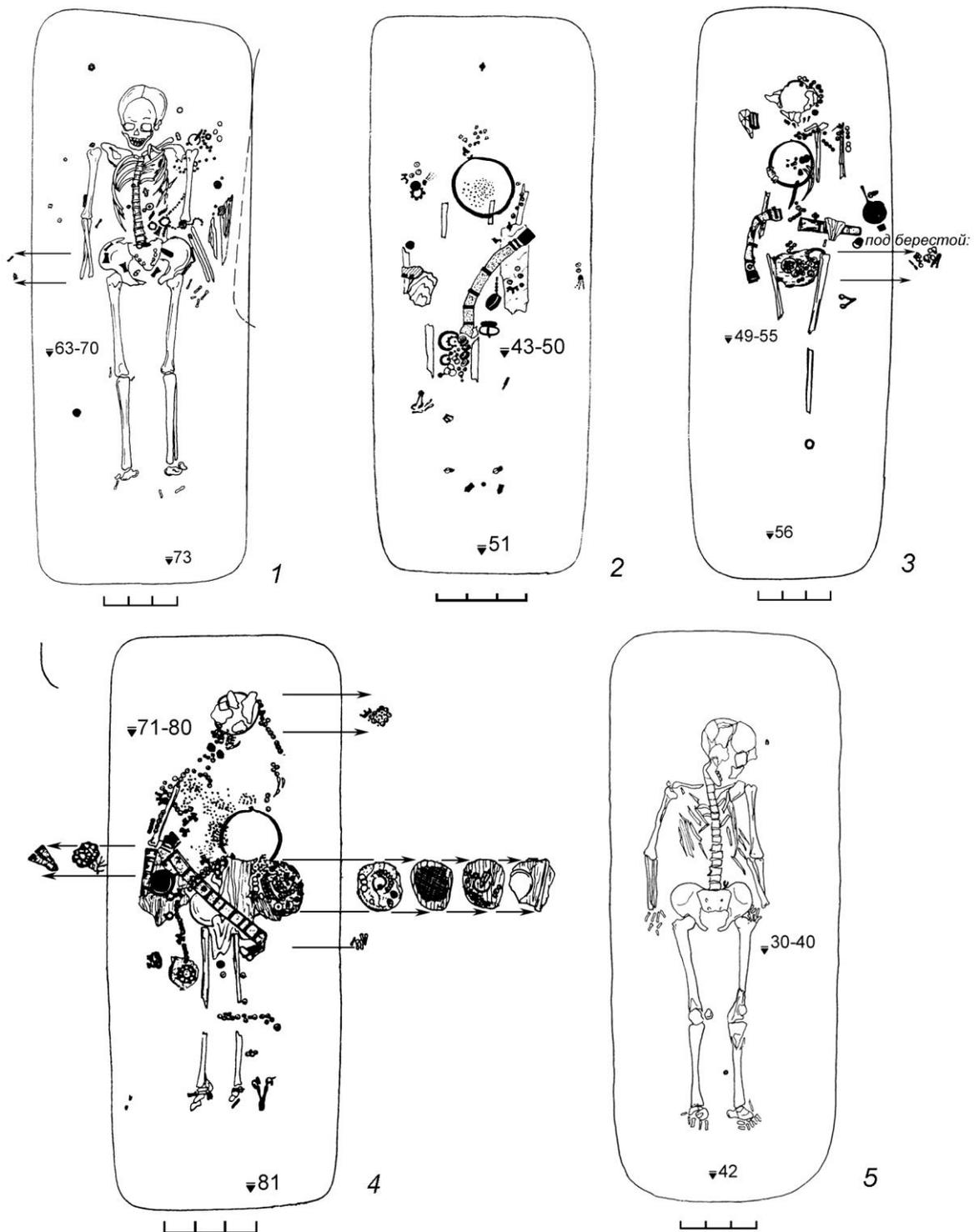


Рис.1. Верх-Саинский могильник.

Планы погребений. 1 – погр.1 кургана 79, 2 – погр.1 кургана 17, 3 – погр.1 кургана 35,  
4 – погр.1 кургана 54, 5 – погр.2 кургана 71

УДК 902.652

**Брюхова Н.Г.\*, Смертин А.Р.\*\*****ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ОПИСАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ  
РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

\* Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, РФ

\*\* Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

*Целью данной работы является историографический анализ исследований могильников родановской археологической культуры и обзор их современного состояния. В статье рассматривается 19 позднесредневековых могильников, которые объединяются в пять групп памятников по территориальному признаку. Большинство описываемых могильников известно ещё с XIX в. Датировки некоторых из них были сделаны по вещам, которые попали в частные коллекции и по подъемному материалу. Только часть памятников была обследована планомерными археологическими раскопками. На основе анализа степени изученности памятников, делаются выводы о перспективах дальнейших исследований некрополей XII-XV вв. на территории Пермского Предуралья.*

*Ключевые слова: могильники, родановская культура, историография, хронология*

**N.G. Bryukhova\*, A.R. Smertin\*\*****HISTORIOGRAPHIC OVERVIEW AND DESCRIPTION OF THE  
CEMETERY OF THE RODANOVSK CULTURE OF PERM CIS-URAL**

\*Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences, Perm, RF

\*\*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, RF

*The article presents a historiographic analysis of the burial grounds of the Rodanovskaya culture. The authors attributed to the Rodanovskaya culture of 19 cemeteries. The cemeteries are grouped into five groups on a territorial basis. Most of the cemeteries are known from the 19th century. The dates of some necropolises were made on things that were in private collections and on lifting material. Systematic archaeological excavations inspected part of the burial grounds. Based on an analysis of the degree of study of cemeteries, the authors draw conclusions about the prospects for further research on the necropolises of the 12th-15th centuries in the territory of Perm Ural region.*

*Key words: burial grounds, Rodanovskaya culture, historiography, chronology*

По средневековым памятникам позднего времени накоплено значительно меньше информации, чем по археологическим объектам предыдущей эпохи. В первую очередь, это касается могильников. При тщательном исследовании и хорошей сохранности инвентаря, могильники могут дать информацию не только о материальной культуре оставившего его населения, но и об особенностях их мировоззрения, существовавшем социальном расслоении и т.д. Не менее важным источником являются антропологические останки, которые позволяют реконструировать внешний облик людей, провести палеодемографические исследования, рассмотреть возможности смены населения, миграций и т.д. Таким образом, комплексное изучение могильников с использованием как историче-

ских, так и естественнонаучных методов, позволяет получить более полную картину прошлого.

Изучение некрополей, существовавших позднее XII в., представляет значительный интерес, как в плане решения вопросов этногенеза коми-пермяков, так и в плане характеристики родановской культуры. Тем более, что в связи с накоплением источниковой базы, и благодаря анализу новых материалов, пересматриваются хронологические рамки родановской культуры [3].

Памятники родановской археологической культуры занимают верхнее течение Камы с притоками, в основном в северных районах современного Пермского края, частично – в Кировской области. Культура была выделена М.В. Талицким на основе раскопок Роданова городища, разведок и раскопок памятников XI–XIV вв. по рекам Иньве и Чусовой и изучения коллекций различных музеев [3, с.33].

К настоящему времени в Прикамье известно более 140 поселений, могильников и местонахождений XII–XIII вв., условно разделяемых на девять территориальных групп: Камско-Колвинскую, Гаинско-Косинскую, Лупьинскую, Верхнекамскую (Зюздинскую), Яйвинско-Камскую, Иньвенскую, Обвинскую, Усьвинско-Чусовскую и Косьвинскую. Наиболее хорошо изучены городища Анюшкар, Рождественское, Искарское, Саламатовское; селища Запосельское, Чашкинское II и ряд могильников (Плотниковский, Антыбарский, Телячий Брод, Аверинский I). К XIV в., однако, из них продолжают функционировать только 49, а к XV в. – лишь 20 памятников. Наиболее заселенными в XIV–XV вв. были Гаинско-Косинская и Камско-Колвинская территории [8, с.15–19].

Целью данной работы является историографический анализ исследований могильников родановской археологической культуры и обзор их современного состояния. Чтобы понять, куда двигаться дальше, и какие есть перспективы для исследования позднесредневековых могильников на территории Пермского Предуралья, необходимо собрать информацию об уже накопленных знаниях по исследованным памятникам.

В статье рассматривается 19 позднесредневековых могильников, с разной степенью изученности. Выделяется пять групп памятников по территориальному признаку (табл.1).

#### *Гаинско-Косинская группа:*

##### **Бурдаковский II могильник**

Могильник известен с XIX века. Он расположен в Гайнском районе Пермского края, на р. Бурдаковка – левом притоке р. Весы, правого притока р. Камы, в 4 км от бывшей д. Бурдаковой.

В.Л. Борисовым в 1900 г. раскопано 17 погребений. Были найдены вещи: стеклянная черная бусина, медные пронизки, бубенчики от привесок, железные ножи, наконечники стрел, большой костяной кружок в виде пряслица, медная решетчатая подвеска, подвеска-уточка и поздний медный котелок с железной ручкой. Могильник датируется XII-XIV вв. [4, с. 88].

Материалы коллекции хранятся в Государственном Эрмитаже (коллекция №575). Для отличия от Бурдаково I могильника, в описи к находкам, хранящейся в Государственном Эрмитаже, Бурдаково II могильник называется «Бурдаково II, могильник на увале».

В настоящее время точное местоположение памятника не известно, так как В.Л. Борисов не указал направление расположения памятника относительно д. Бурдаковой. Место, указанное на карте Гайнского лесничества, оказалось заболоченной поймой р. Вес, и не имело крупных возвышенностей, которые могли бы трактоваться как «увал».

Существует предположение, что в 1962 г. этот памятник был заново открыт Ю.А. Поляковым, и назван могильник Пономарёво [5].

### **Бурдаковский III могильник**

Могильник известен с XIX века. Он находится в Гайнском районе Пермского края у р. Весы, правого притока р. Камы, в 5-6 км от бывшей д. Бурдаковой.

В 1900 г. В.Л. Борисовым было раскопано 13 могил. При остатках погребений найдены медные бубенчики от подвесок, две небольшие шумящие подвески, медный перстень с рубчатой передней частью, железный и костяной наконечники стрел, нож, обломки глиняной посуды. В.Л. Борисов относил могильник к XII-XIV вв. Вещи хранятся в Эрмитаже (коллекция № 572) [4, с.88].

В настоящее время точное местоположение памятника не известно, так как В.Л. Борисов не указал направление расположения памятника относительно д. Бурдаковой. По итогам разведки 2005 г., ориентиры были указаны некорректно [6].

### **Пономаревский могильник**

Пономаревский могильник расположен в Гайнском районе Пермского края, на правом берегу р. Вес, правого притока р. Камы, в 1,5 км юго-западнее д. Пономаревка, на восточной оконечности холмистой гряды.

Памятник открыт Ю.А. Поляковым в 1962 году. Рядом с могильником местными жителями обнаружен клад, в котором находилось около 30 вещей: кинжал, ножи, железные и костяные наконечники стрел. По данному кладу могильник отнесен к родановской культуре [22, с. 37-38].

В 2005 г. К.В. Завалиным был произведен осмотр памятника. В 2009 г. и в 2015 г. памятник обследовался Н.Г. Брюховой. По результатам осмотров последних лет было выявлено множество грабительских вкопов. Внутри разрушенных погребений и в выбросах обнаружено несколько костей человека, а также некоторые предметы материальной культуры (топорня, обломок железного предмета, бронзовый бубенчик, медальон из свинцово-оловянистого сплава округлой формы с двойным бордюром и узором в виде решетки, обломок медальона). Все найденные предметы имеют аналогии на памятниках позднего этапа родановской культуры, и уточняют датировку XII-XIV вв. Возможно, Пономаревский могильник, – это утерянный Бурдаковский II могильник [7].

**Чажеговский (Пилинский) могильник**

Чажеговский могильник расположен в Гайнском районе Пермского края на р. Булач – левого притока р. Лолог, левого притока р. Косы в урочище именуемом «Пилинское».

В 1886-1889 гг. и в 1910 г. И.Я. Кривошековым у местных жителей были приобретены вещи для коллекции Теплоуховых: «На протяжении четверти столетия «Пилинское» не оскудевает в обилии чудских изделий» [12, с. 129, 24] (рис.1).

Памятник открыт в 1900 г. В.Л. Борисовым и датирован X-XIV веками.

В 2005 г. могильник был осмотрен Н.Г. Брюховой в ходе инвентаризации объектов археологического наследия в Гайнском районе Коми-Пермяцкого автономного округа. В 2009 г. могильник был осмотрен Н.Г. Брюховой при проведении мониторинга археологических памятников в Гайнском районе Пермского края. Местоположение могильника уточнено: «д. Чажегово, в 0,5 км к западу, левый берег безымянного ручья»

**Елёвский могильник**

Расположен в д. Елево, на северной окраине, правый берег безымянного ручья в местности «Алексей Ыб» (поле Алексея). Известен с XIX века. «Здесь на пространстве полуверсты и даже на усадьбах жителей Елёвой были в обилии выпаживаемы человеческие кости, оружие, предметы домашнего обихода и медные, а иногда и серебряные кресты» [12, с.100].

Большая часть вещей попала в коллекцию Теплоуховых. В таблицах А.А. Спицына некоторые вещи датируются XIII-XIV вв. [24] (рис. 2).

**Агафоновский II могильник**

Могильник расположен в Гайнском районе Пермского края, на старице р.Камы, близ д. Агафоново.

С XIX в. был известен один Агафоновский могильник. Материалы В.Л. Борисова 1900-1902 гг. «Находки с площади Агафоновского могильника» хранятся в Государственном Эрмитаже (коллекция №574) (рис.3).

Данный памятник был открыт в 1962 г. Ю.А. Поляковым и Р.Д. Голдиной (Вотинцевой). В частности, Ю.А. Поляков отмечал: «К северо-востоку от деревни Агафонково находятся Курьинское II селище и Курьинский могильник. Они занимают невысокий мыс на правом берегу речки Курьи» [22, с. 22].

Археологические раскопки на памятнике были произведены в 1971-1974 гг. под руководством Р.Д. Голдиной. За 4 года работ было раскопано 447 грунтовых погребений, расположенных четкими рядами в 2-х компактных группах. В большей части могил обнаружены остатки трупосожжения, найдены ножи, бронзовые украшения, бусы, сосуды. В то время площадка памятника разрушалась пахотой. Могильник был отнесен к родановской культуре – IX-XIV вв. [11].

В 2005, 2009 и 2015 гг. территория могильника осматривалась Н.Г. Брюховой в ходе мониторинга археологических памятников Гайнского района Пермского края. Ко времени проведения мониторинга территория памятника

заросла смешанным лесом. Хорошо фиксировались отвалы и очертания раскопов прошлых лет. В ходе осмотра территории памятника, были зафиксированы небольшие раскопы, размером 2 x 2 м и траншеи шириной 0,5-1 м. Также фиксировались грабительские вкопы на штык лопаты размером 20 x 20 см (около 20 небольших ямок).

#### **Пармайлово (Бадь-яйн) могильник**

Пармайлово могильник расположен в Косинском районе Пермского края в окрестностях д. Пармайлово. «В окрестностях селения имеется урочище «Карайнь», на котором расположен чудской могильник; могильные холмики едва заметны» (Кривошеков). Сотрудник Кудымкарского музея И.И. Крохалев в 1938 г. сообщил М.В. Талицкому, что могильник на самом деле является городищем [25, с. 175].

Могильник известен с XIX века. Памятник осмотрен в 1956 г. Л.М. Еговкиной и Б.Е. Стояновым. У местного населения известен, как «Бадь-Яйн». На момент обследования в 1956 г. площадка могильника распаивалась. Местные жители сообщили археологам, что до распашки здесь были видны ямы от могил, ориентируясь на которые, в 1900-1905 гг. трое местных крестьян пытались вести раскопки, но «ничего интересного, кроме костей не нашли». Найденный на могильнике медный котел, а также соотнесение имеющихся в Чердынском музее подковки и ральника, найденных в окрестностях д. Пармайловой еще до революции, позволили исследователям датировать могильник X – XIV вв. н.э. [9].

#### ***Верхнекамская (Зюздинская) группа:***

##### **Аверинский I могильник**

Аверинский I могильник расположен в Афанасьевском районе Кировской области на левом берегу р. Камы, в 900 м к северо-западу от д. Аверины, в 500 м к северо-западу от городища Шудьякар. Площадка памятника частично распаивалась.

Памятник был открыт в 1973 году разведочной группой КВАЭ под руководством В.А. Кананина. В 1974 г. Р.Д. Голдиной, а в 1984 г. Е.М. Черных на могильнике были проведены раскопки. На вскрытой площади обнаружено 26 погребений. Изученная часть памятника была датирована XII-XIV вв.

Из предметов материальной культуры были встречены фрагменты керамических сосудов, бусы, серебряные и бронзовые украшения, пояса и детали поясных наборов, орудия труда. Не было встречено оружия и элементов конского снаряжения.

Анатомический порядок костных останков зачастую был нарушен, однако кости сохранились относительно хорошо и в полном комплекте [10, с.125].

#### ***Иньвенская группа:***

##### **Плотниковский могильник**

Плотниковский могильник расположен у д. Плотниково Кудымкарского района Пермского края, на левом берегу р. Зюльган (Серва), левого притока р. Иньва, в 2 км к востоку от г. Кудымкар, на южном склоне залесенного холма.

Могильник известен с XIX в. в упоминаниях И.Я. Кривощёкова. В 1938 г. на могильнике побывал М.В. Талицкий, он датировал памятник X-XIII веками. В 1968 г. одно погребение на могильнике вскрыл В.Ю. Лещенко и отнес могильник к IX-XIII вв. В 1982 г. памятник обследовал В.П. Мокрушин, насчитавший на нем около 100 грабительских вкопов.

В 1989, в 2007 и 2009 гг. памятник исследовался Н.Б. Крыласовой. Дальнейшие раскопки (с 2010 г., по настоящее время) продолжились под руководством Н.Г. Брюховой.

На могильнике собрана представительная коллекция антропологического материала сравнительно хорошей сохранности. Не смотря на то, что большинство погребений были разграблены, вещевой материал, обнаруженный в ходе раскопок, оказался довольно разнообразным. Он представлен украшениями и принадлежностями костюма, орудиями труда и предметами быта. В составе погребального инвентаря почти не использовалось оружие, полностью отсутствуют элементы конской сбруи. Набор орудий труда весьма богатый по сферам применения, чего нельзя сказать по поводу типологии.

В настоящее время основное функционирование памятника связывают с XII-XV вв. Изучено 145 погребений [14].

#### **Кудымкарский могильник**

Памятник располагается в Кудымкарском районе Пермского края на левом берегу р. Кувы, левого притока р. Иньвы в черте г. Кудымкар.

Вещи из могильника стали поступать в коллекцию Теплоуховых ещё в XIX веке. Н.М. Малиев, раскапывая в Кудымкаре старое кладбище коми-пермяков «у церкви», писал: «От Кудымкарских крестьян я узнал, что ещё прежде меня добывали здесь при раскопках в окрестностях села, может быть на месте Кудымкарского городища, старые, чудские черепа – попытку отыскать их делал и я, но бесплодно, – их найдено было несколько; они взяты были и отправлены местному лесничему Теплоухову» [17 с.16].

В 1969 г. памятник был повторно открыт и частично исследован В.А. Обориным, вскрывшим 25 погребений, по материалу которых отнес памятник к XIV-XVI вв. Большая часть погребений была разрушена при расчистке огородов и строительных работах [19].

#### **Кыласово (Анюшкар) могильник**

В восточной части села Кыласово В.А. Обориным и В.П. Денисовым в 1960 г. обнаружены следы разрушенного могильника, одновременного городищу (Кыласово «Анюшкар» городище (X – н. XV вв.)). Могильник занимает подпрямоугольную площадку на самом высоком мысу (20-22 м над уровнем водохранилища) между глубокими логами, полностью застроенную.

Площадь распространения находок на огородах составляет 500 м<sup>2</sup>. Ранние вещи сосредоточены в северо-западной части площадки, поздние – в юго-восточной. Здесь на усадьбе Козонковых самый богатый подъемный материал: детали шумящих украшений, сердоликовые и хрустальные граненые бусы, железные кресала и ножи, фрагменты позднееродановской керамики. Проведение раскопок на памятнике пока невозможно [16, с. 331].

#### **Мартыновский могильник**

Бывшая д. Мартынова, на территории, в 0,35 км к востоку от моста, левый берег р. Ядьва, на южной стороне лога. По другую сторону лога расположено селище. М.В. Талицкий во время обследования в 1938 г. установил, что могильник в значительной мере разграблен [25].

В 1898 г. здесь при человеческих костях были найдены: медный поломанный котелок, железный наконечник стрелы, железная пряжка, скобель, два ножа и обрывки кожаной обуви. Находки поступили в Пермскую ученую архивную комиссию [21, с.74].

М.В. Талицкий высказывает предположение, что указанный могильник и есть то самое Мартыново городище, вещи с которого опубликованы А.А. Спицыным [24, табл. VI, 6; XXXIII, 13].

Памятник датирован XIII-XIV вв.

#### *Соликамская группа:*

#### **Верх-Боровской 1-й (Малая Полянка) могильник**

Могильник расположен в Соликамском районе Пермского края, близ с. Верх-Боровского в урочище, называемом Малая Полянка.

Памятник был обследован в 1895 г. С.И. Сергеевым: «Въ одной версте отъ села, на поляхъ, между рч. Азласомъ и болотомъ въ бору, на такъ называемой „Малой полянке,“ видны ряды ямъ – могильникъ. Могильникъ оказался перерытымъ, не только въ давнее время, но и въ текущемъ году: часть могиль была вскрыта; черепа попадались въ безпорядке въ разныхъ частяхъ могиль... Изъ остальныхъ вскрытыхъ могиль взято несколько глинныхъ черепковъ, изъ которыхъ одинъ съ ручкой» [23, с. 35].

Памятник датируется X-XIV вв. [25].

#### **Верх-Боровской 2-й (Котельный Взвоз) могильник**

Могильник расположен в Соликамском районе Пермского края, в 4 км от с. Верх-Боровского на Котельном взвозе.

С.И. Сергеев проводил раскопки памятника в 1895 г.: «Во всемъ могильнике не оказалось сколько нибудь значительныхъ остатковъ костей. За то подъ дерновымъ слоємъ и въ дерновомъ слое въ десяти могилахъ у основанія рѣлки, во всехъ трехъ рядахъ, найдены: часть серебряной оправы серьги, или др. какого предмета, сердоликовая бусы, цветныя бусы, две бронзовыхъ подвески съ 3 цепочками, бронзовая трубочка съ подвеской, витая медная проволока на ремне, тонкая витая медная проволока, удлиненная граненая хрустальная буса, обломки медныхъ пластинокъ, железная скобочка, железный ножичекъ, глиняные череп-

ки, изъ нихъ одинъ узорчатый; могилы оказались пустыми; всехъ могилъ вскрыто до 40, т.е. вся видимая часть могильника» [23, с.35].

Памятник датируется X-XIV вв. [25].

#### *Усьвинско-Чусовская группа:*

##### **Антыбарский могильник**

Могильник Антыбары расположен в Чусовском районе Пермского края, на правом берегу р. Чусовой, в 200 м к востоку от д. Антыбары. Часть памятника распахивалась, часть повреждена дорогой.

Могильник раскапывался в 1983, 1986-1988 гг. под руководством Г.Т. Ленц. Автор раскопок датирует западную часть памятника XI-XIII вв., а восточную XIII-XIV вв. Было изучено 180 погребений.

В некоторых погребениях встречены остатки скелетов, зачастую представленные мелкими фрагментами трубчатых костей, неполными, сдавленными, фрагментированными черепами и зубами. Также был встречен костяк лошади. В погребениях зачастую встречались обугленные остатки деревянных надмогильных сооружений.

Погребальный комплекс представлен остатками глиняных сосудов, железными орудиями, бронзовыми украшениями, типичными для родановской культуры [15].

##### **Могильник Телячий Брод**

Могильник Телячий Брод расположен в Чусовском районе Пермского края, на правом берегу р. Усьвы, правого притока р. Чусовой, левого притока р. Камы, в 1,8 км к северо-западу от северной окраины г. Чусового.

Памятник впервые осмотрен в 1935 г. М.В. Талицким. В 1964 г. частично исследован В.А. Обориным [20]. В 1986-1987, 1989, 1991 гг. могильник раскапывался под руководством А.М. Белавина (отчёты); в 1999, 2003, 2013 гг. – под руководством Н.Б. Крыласовой. Общая изученная часть памятника составила 793 м<sup>2</sup>, количество погребений – 98.

На могильнике выделяется ранняя часть (VII-VIII вв.) и поздняя (XII-XIV вв.), разделенные ровиком [13].

##### **Темновский (Журавлик) могильник**

Темновский (Журавлик) могильник расположен в Чусовском районе Пермского края на правом берегу р. Чусовой, левого притока р. Камы, в 4 км к западу от с. Копальня и в 3 км к северу от д. Темной. Место могильника представляет округлое возвышение среди леса.

В выбросах из погребений встречены обломки костей и фрагменты сосудов с примесью толченой раковины. М.В. Талицким в 1935 г. были заложены три пробных шурфа общей площадью 20 м, не давшие никаких результатов [25].

В 2003 г. памятник осмотрен С.Л. Островским, в 2016 – К.В. Моряхиной. По данным разведок, памятник сильно пограблен. Могильник датируется по подъемному материалу XII-XIII вв.

Территория памятника зарастает разнотравьем, в данное время не используется для сельскохозяйственных работ. В западной и южной части площадка памятника заросла хвойными деревьями. При осмотре памятника по всей площадке было выявлено около 20 свежих грабительских вкопов размерами 20 x 40 см глубиной до 20 см. В выбросе культурного слоя из вкопов была найдена человеческая кость (фаланга пальца) [18].

#### **Вереинский могильник**

Памятник расположен в Чусовском районе Пермского края на правом берегу р. Чусовой, левого притока р. Камы, в 0,75 км к северо-западу от д. Вереино.

В начале XIX в. на площади д. Вереиной, был открыт могильник: найдены остовы людей, опоясанные кожаными ремнями с серебряными пряжками; при погребениях – две серебряные позолоченные серьги с бусами, медная привеска с пятью цепочками, состоящими из шести колечек и имеющими на концах колокольчики, и бубенчик.

В 1935 г. М.В. Галицкий обследовал место могильника. Здесь им был найдена подвеска «пермский всадник», маленький сосудик и обломок железного кольца [25]. По подъемному материалу датирован IX-XIII вв. [20, с.122].

#### **Шушпанский (Красные села) могильник**

Памятник располагается в Чусовском районе Пермского края на правом берегу р. Шушпанки, в 1,5 км к востоку от д. Глухая Шушпанка.

Недалеко от места Сёла, на стороне речки, противоположной селищу, есть место, называемое Могильники, где, по преданию, было кладбище чуди [25]. По подъемному материалу памятник датирован X-XIV вв. [20, с.122]. Данный могильник отсутствует в своде памятников, поставленных на учёт.

Подводя итоги описанию могильников родановской культуры, можно отметить следующее. Большинство могильников известно с XIX века. Многие площадки памятников распахивались, разрушал памятники и интерес к кладоискательству. Вещи из погребений попадали к местным жителям, а от них в частные коллекции.

По степени изученности памятники можно разделить на 2 группы:

1) исследованные памятники (которые подвергались археологическим раскопкам) – Бурдаковский II, Бурдаковский III, Агафоновский II, Плотниковский, Кудымкарский, Аверинский I, Верх-Боровской II, Антыбарский, Телячий Брод;

2) памятники, которые не исследовались, и о которых известно только из ранних источников – Пономаревский, Чажеговский, Елёвский, Пармайловский, Мартыновский, Кыласовский (Анюшкар), Верх-Боровской I, Темновский (Журавлик), Вереинский, Шушпанский.

Самыми изученными на данный момент являются Агафоновский II, Антыбарский, Плотниковский и Телячий Брод могильники. Материалы этих памятников опубликованы и введены в научный оборот. Сохранность и доступность для исследования ряда некрополей необходимо уточнять: Кыласовский (Анюшкар), Кудымкарский, Елёвский. Местонахождение Бурдаковского II, Бурдаковского III

могильников пока не определено. Датировки части памятников нуждаются в уточнении, а то и в пересмотре (Вереинский). Сбор и анализ антропологического материала, и получение радиоуглеродных дат по погребениям могут помочь в более полном рассмотрении такого важного периода в истории Пермского Предуралья, как родановская культура.

Таким образом, в каждой выделенной группе памятников есть могильники исследованные и неисследованные. При таком малом количестве некрополей родановского времени, необходимо учитывать каждый памятник. В перспективе дальнейшего изучения, нам видится целесообразным продолжать раскопки на уже исследуемых памятниках (Плотниковский, Телячий Брод), начать изучение новых могильников (Пономаревский, Темновский (Журавлик)) и рассмотреть возможности раскопок остальных.

### Библиографический список

1. Белавин А.М. Отчёт о полевых исследованиях в Чусовском районе Пермской области в 1986 году. – Пермь, 1986.
2. Белавин А.М. Отчёт о раскопках селища и могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермской области в 1987 году. – Пермь, 1988.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016, –№1 (32). – С. 28-41.
4. Борисов В.Л. Отчет о раскопках // Отчеты археологической комиссии за 1900 г. – Спб. 1902. – С. 88.
5. Брюхова Н.Г. Материалы по обоснованию снятия объекта археологического наследия Бурдаково II, могильник, с государственного учета. –Пермь: ПГГПУ, 2015.
6. Брюхова Н.Г. Материалы по обоснованию снятия объекта археологического наследия Бурдаково III, могильник, с государственного учета. – Пермь: ПГГПУ, 2015.
7. Брюхова Н.Г. Отчет о комплексном обследовании объекта археологического наследия Пономарево, могильник. – Пермь: ПГГПУ, 2015.
8. Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI–XV вв.: Опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. – 2011. №8. С.15–19.
9. Генинг В.Ф., Еговкина Л.М., Стоянов Б.Е.. Отчет об исследовании археологических памятников на территории Юксеевского с/с Кочевского района и Чазевского с/с Косинского района Коми-Пермяцкого округа. – 1956. – С. 5-6 / Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.С. Субботина-Пермяка. Ф.926, о. 1, д. 8
10. Голдина, Р.Д. Кананин. В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 216 с.

11. Голдина Р.Д., Гусенцова Т.М., Анонова Г.Н., Макаров Л.Д., Кананин В.А., Королев В.М. Работы в Кировской и Пермской областях // Археологические открытия 1974 г. – М.: Наука, 1975. – С.149-150.
12. Кривошеков И.Я. Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. – Пермь, 1914.
13. Крыласова Н.Б. Исследование могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермского края: ритуальные рвы – отражение ритуальной практики средневекового населения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. – Пермь: ПГГПУ, 2016. – С. 66-77.
14. Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник / Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. IV. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – 259 с.
15. Ленц Г.Т. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1988 году – Пермь: ПГПУ, 1988.
16. Ленц Г.Т. Исследования Кыласовского комплекса средневековых археологических памятников // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. – Ижевск, 2000. – 439 с.
17. Малиев Н.М. Антропологический очерк племени пермяков // Труды Общества естествознания Казанского университета. Т. XVI. – Казань, 1887. – 78 с.
18. Моряхина К.В. Отчёт об археологической разведке на территории Верхне-Калинского, Ляминского, Копальнского сельских поселений Чусовского района Пермского края в 2016 г. – Пермь: ПГГПУ, 2017.
19. Оборин В.А. Раскопки Кудымкарского могильника и городища / Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка. Фонд 926, опись 1, дело 12.
20. Оборин В.А. Могильник Телячий Брод VII-XII вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. – Свердловск: УрГУ, 1973. – С.122-132
21. Отчет Археологической комиссии... за 1898 г. – Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов, 1901. – 191 с.
22. Поляков Ю.А. Отчет о разведке в Гайнском районе Пермской области в 1962 г. /Архив ИА РАН, ф.р-1, д.2347.
23. Сергеев С.И. Памятники древности близь сель Искора, Губдора и В.-Боровскаго Чердынскаго уезда // ПУАК. – №3. – Пермь, 1897. – С.25-40.
24. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием А.А.Спицына / Материалы по археологии России. N. 26. – СПб., 1902. – 150 с.
25. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – М., 1952. №27.

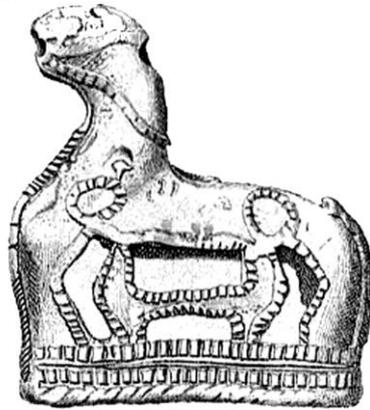
**Таблица 1. Могильники родановской культуры Пермского Предуралья**

Могильник	Год открытия, автор	Исследования	Датировка	Совр. состояние	Примечания
Гаинско-Косинская группа					
Бурдаковский II	известен с XIX в.	В 1900 г. В.Л. Борисовым вскрыто 17 погр.	XII-XIV вв. (по Борисову)	не найден	возможно это могильник Пономарёвский
Бурдаковский III	известен с XIX в.	В 1900 г. В.Л. Борисовым вскрыто 13 погр.	XII-XIV вв. (по Борисову)	не найден	
Пономаревский	1962 г. Ю.А. Поляков	В 1962 году Поляковым Ю.А. осмотрены вещи из кладонисательских раскопок местных жителей. Брюховой Н.Г. во время мониторинга в 2015 г. установлена стратиграфия и собран подъемный материал.	XII-XIV вв. (по Брюховой)	площадка залесена, видны западины и ямы	большинство погребений разрушено грабительскими вкопами
Елёво	известен с XIX в.	исследовались только вещи из коллекции Теплоуховых	XIII – XIV в.в. (по Спицыну)	частично застроен	судя по обилию вещей в коллекциях, большинство погребений разрушено
Агафоновский II	известен с XIX в.? Официально открыт в 1962 г. Ю.А. Поляковым Р.Д. Голдиной	1971-1974 гг. Р.Д. Голдиной раскопано 447 погребений	IX-XIV вв. (по Голдиной)	площадка залесена видны западины и ямы	зафиксированы современные грабительские вкопы
Чажеговский (Шлинский)	1900 г. В. Л. Борисов	Вещи приобретены И.Я. Кривошековым в 1886-89 гг., распахивался, вещи продавались местными жителями. Стратиграфия не установлена	X – XIV в.в. (по Спицыну)	площадка залесена видны западины	вероятно большинство погребений разрушены распахивкой и добычей вещей местными жителями
Верхнекамская (Зюздинская) группа					

Аверинский I	1973 г. В.А. Кананин	В 1974 г. раскопки Р.Д. Голдиной, а в 1984 г. Е.М. Черных. Изучено 26 погребений.	XII-XIV вв.(по Голдиной и Кананину)	площадка ранее распахивалась, теперь заброшенное поле	
Иньвенская группа					
Плотниковский	известен с XIX в.	1938 г. обследован М.В. Талицким, 1968 г. одно погребение вскрыл В.Ю. Лещенко, 1982 г. обследовал В.П. Мокрушин, 1989, 2007 и 2009 гг. исследовался Н.Б. Крыласовой, 2010-2017 раскопки Н.Г. Брюховой. Изучено 145 погребений.	XII-XV вв.(по Крыласовой и Брюховой)	частично раскопан, площадка залесена, видны западины и ямы	большинство погребений разрушено грабительскими вкопами
Кудымкарский	Вещи и черепа поступали в коллекцию Теплоуховых ещё в XIX в. В 1969 г. официально открыт В.А.Обориным	1969 г. В.А. Оборин исследовал 25 погребений	XIV-XVI вв. (по Оборину)	площадка частично застроена, по ней проходят грунтовые дороги	
Кыласово (Анюшкар)	1960 г. В.А. Оборин и В.П. Денисов	собран подъемный материал с огородов	X – XIV вв. (по Ленц)	площадка застроена	
Пармайлово	известен с XIX в.	в 1956 г. осмотрен Л.М. Еговкиной и Б.Е. Стояновым, собрана подъемка и исследованы вещи из "самостоятельных раскопок" местных жителей.	X-XIV вв. (по Генингу)	ранее площадка распахивалась, сейчас зарастает сосняком.	
Мартыновский	известен с XIX в.	1938 г. обследован М.В. Талицким	XIII-XIV вв.	площадка задернована	
Соликамская группа					
Верх-Боровской I (Малая Полянка)	известен с XIX в.	1895 г. раскопки С.И. Сергеева	X-XIV	площадка задернована, частично залесена	

Верх-Боровской II (Котельный Взвоз)	известен с XIX в.	1896 г. раскопки С.И. Сергеева	X-XIV	площадка задернована, частично залесена	
Усьвинско-Чусовская группа					
Ангтыбарский	1935 г. М.В. Талицкий	1935 г. обследован М.В. Талицким, 1964 г. обследован В.А. Обориным, 1983, 1986, 1987, 1988 гг. раскопки Г.Т. Ленц. Раскопано 180 погребений	XI-XIV вв. (по Ленц)	территория зарастает разнотравьем, мелким кустарником, через площадку проходит проселочная дорога	
Телячий Брод	1935 г. М.В. Талицкий	1935 г. обследован М.В. Талицким, 1964 г. раскопки В.А. Оборины, 1986, 1987, 1989, 1991 гг. раскопки А.М. Белавина, 1999, 2003, 2013 гг. раскопки Н.Б. Крыласовой. Вскрыто 98 погребений	поздняя часть XII-XIV вв. (по Белавину)	площадка залесена	зафиксированы современные грабительские вкопы
Темновский (Журавлик)	1935 г. М.В. Талицкий	1935 г. обследован М.В. Талицким, 2003 г. осмотрен С.Л. Островским, 2016 г. К.В. Моряхиной. Собран подъемный материал	XII-XIII вв.	территория зарастает разнотравьем, частично залесена	зафиксированы современные грабительские вкопы
Верейнский	В начале XIX в.	1935 г. обследован М.В. Талицким	X—XIII вв.	площадка задернована, частично залесена	
Шушпанский (Красные села)	известен с XIX в.	1935 г. обследован М.В. Талицким	X—XIV вв.		не стоит на учёте

Табл VI



92.

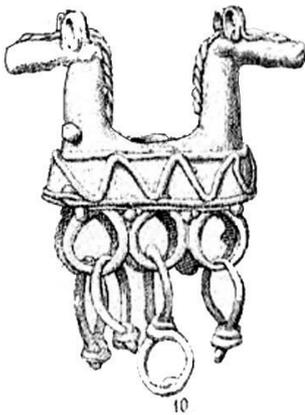
Табл X



11.

Рис. 1 Находки с Чажеговского могильника из коллекции Теплоуховых [24].

Табл VI



10

Табл VIII



14.

Табл VI



19

Рис. 2. Находки с Елѣвского могильника из коллекции Теплоуховых [24].

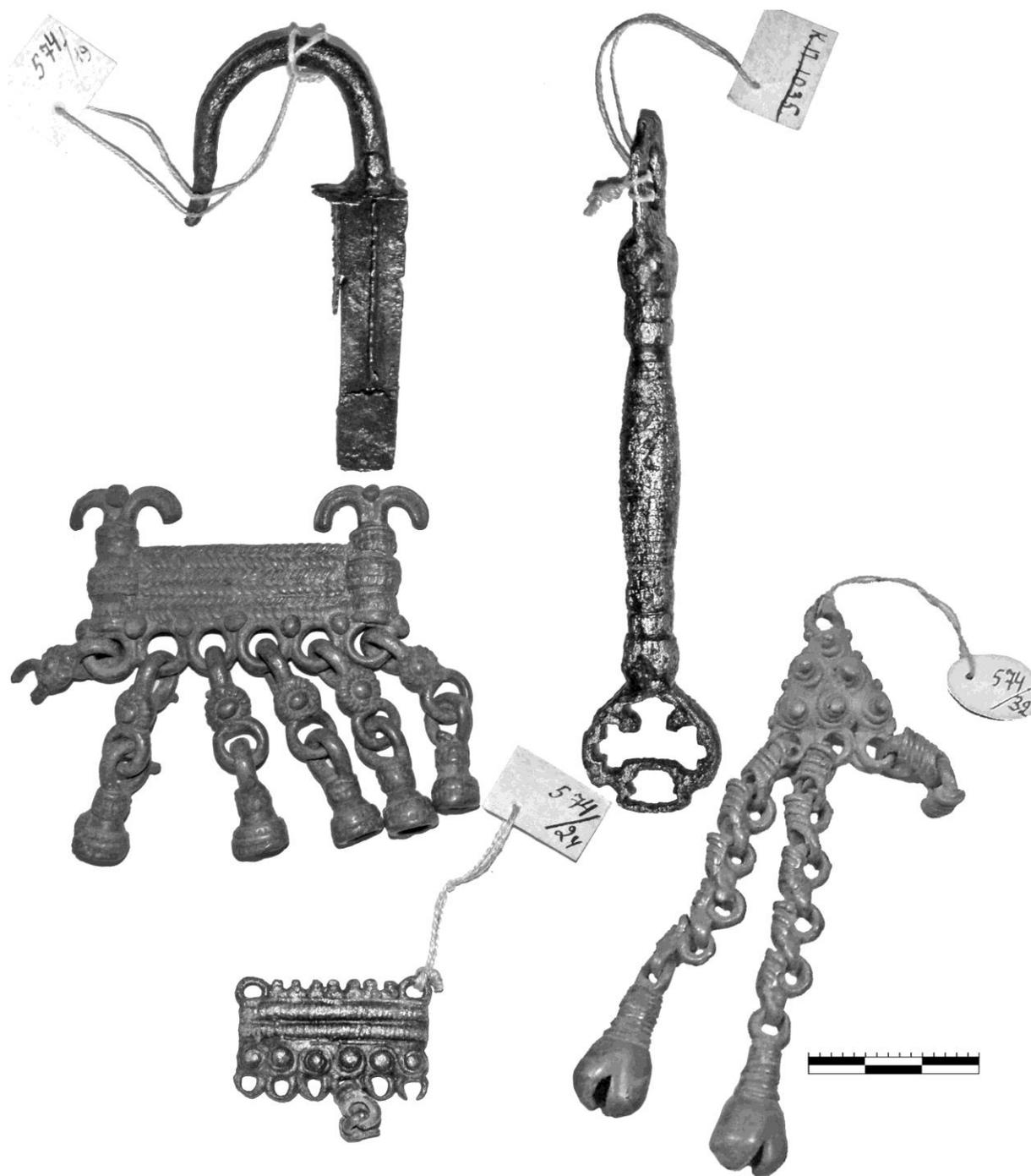


Рис. 3 Находки В.Л. Борисова с площади Агафоновского могильника

УДК 902.2

**А.В. Вострокнутов****ГОРОДИЩЕ ПОЛЮТЫ – СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК  
АРХЕОЛОГИИ В БАССЕЙНЕ Р. ИНЬВА\***

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

*В статье представлены результаты разведочных работ на городище Полюты в Юсьвинском районе Пермского края. Найденные артефакты позволяют датировать данный памятник XI – XIII в. и ставят его в один ряд с соседними крупными городищами*

*Ключевые слова: археология, памятник археологии, городище, артефакты*

Среди средневековых укрепленных поселений, расположенных в бассейне реки Иньва, протекающей в Кудымкарском и Юсьвинском районах Пермского края и впадающей справа в р. Кама, образуя Иньвенский залив Верхнекамского водохранилища в Ильинском районе, городище Полюты одно из самых крупных.

Всего на этой территории расположено 3 средневековых городища, площадь которых превышает 2 га: Анюшкар (2,7 га), Полюты (2,6 га) и Купрос (2,1 га). Из них Анюшкар и Полюты отличаются по площади всего на 0,1 га. Следует также отметить, что все три крупных городища расположены в относительной близости друг к другу: городище Купрос отстоит от городища Полюты в 14 км к западу-северо-западу, а Анюшкар в 22 км к юго-западу.

Городище Полюты расположено на западной окраине деревни Городище (ныне не жилой) в Юсьвинском районе Пермского края. Известно оно с XIX в., находки отсюда, сделанные крестьянами деревни, поступали в коллекцию Теплоуховых. Интересно отметить, что городище, благодаря А.А. Спицыну, получило название «Полюты» или «Полютово», хотя деревня с одноименным названием расположена в 2,4 км к северо-западу от памятника.

М.В. Талицкий, побывавший здесь в 1938 г., отмечал, что местное население не воспринимает это древнее поселение как «городище», называя его «конопляником». По сведениям этого исследователя на памятнике «по всему протяжению лежит мощный культурный слой с массой находок», сильно поврежденный при копке «гряд». Местные жители сообщили М.В. Талицкому, что на площадке городища был найден клад серебряных вещей и бронзовое ведро [7, с.20].

Площадка памятника занимает мысовидное окончание первой надпойменной террасы левого берега р. Городище (правого притока р. Иньвы, правого притока р. Камы) высотой до 10 м, образованном р. Городище и переходом террасы в пойму этой же реки (рис.1). Поверхность городища ровная, имеет уклон в

\* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)»

восточном направлении, усиливающийся ближе к краю террасы. В западной части памятника хорошо сохранился ров глубиной до 1 м и вал высотой 2,5 м, шириной 5 м каждый. Форма вала и рва дугообразная. Вал прикрывает городище с напольной стороны, соединяя склон террасы, обращенный к северу, и склон, спускающийся к р. Городище. Со стороны площадки вал читается плохо – очевидно, имеет место нарастание культурного слоя в этом месте, что привело к нивелированию вала с внутренней стороны.

Поверхность памятника задернована, зарастает травой и мелким кустарником (черемухой и шиповником). На площадке памятника в 2016 г. выявлены незначительные следы несанкционированных раскопок, имеющих характер неглубокого зондажа земли (т.н. «закопушки»). На наиболее крупном нарушении культурного слоя (в центре площадки городища, глубина грабительского вкопа от поверхности -0,3 м) для изучения стратиграфической ситуации и идентификации памятника в культурном и хронологическом планах был заложен шурф. Шурф размерами 2 x 2 м (4 м<sup>2</sup>), был ориентирован по сторонам света. Раскопки его проводились по методике раскопок поселенческих памятников, традиционно используемой в Камской археолого-этнографической экспедиции – горизонтальными зачистками по условным горизонтам.

Объем публикации не позволяет подробно представить итоги изучения планиграфии и стратиграфии шурфа, поэтому ограничимся описанием предметов материальной культуры, обнаруженных во время раскопок.

*I – II условный горизонт (0 - 0,2 м)*

Культурный слой на этом горизонте сложен темно-коричневым суглинком с вкраплением керамической крошки.

На глубине -0,1 от условного «0» найдены медная пластина и поясная накладка (-0,1; рис.2/2, 3). На дне грабительского вкопа обнаружены шарнирные ножницы (-0,3; рис.2/1). Также на данном условном горизонте обнаружены 12 фрагментов лепной и гончарной (булгарской) керамики.

*III – IV условный горизонт (-0,2 – 0,4 м)*

Культурный слой сложен тем же темно-коричневым суглинком с вкраплением керамической крошки.

На этом уровне обнаружены: кольцо железное (-0,4; рис.2/4), привеска-лапка оловянная (-0,3; рис.2/5), накладка поясная с ромбическим орнаментом в центре и насечками по периметру (-0,33; рис.2/6), бронзовый предмет + железный предмет (-0,33; рис.2/7), костяной фрагмент рукояти ножа (-0,4; рис.2/8), железная набойка от каблука (-0,37; рис.2/11). Также на данном условном горизонте обнаружено 7 фрагментов лепной керамики.

*V условный горизонт (-0,4 – 0,5 м)*

Культурные напластования представлены тем же темно-коричневым суглинком с керамической крошкой.

На глубине -0,5 от условного «0» (-0,35 от поверхности северной стенки) шурфа у северной стенки зафиксировано пятно треугольной формы, состоящее

из угля и золы. Внутри этого пятна найдены пронизка с двумя вздутиями (-0,47; рис.2/10) и наконечник поясного ремня (-0,48; рис.2/12). Также на этом горизонте обнаружены поясная накладка щитовидной формы (-0,45; рис.2/9) и 5 фрагментов лепной керамики.

*VI условный горизонт (-0,5 – 0,6 м)*

Культурные напластования представлены темно-коричневым суглинком с керамической крошкой.

На глубине -0,52 от условного «0» у северной стенки пятно, зафиксированное на горизонте V, стало разрастаться, занимая примерно  $\frac{1}{4}$  площади шурфа. Если считать от северной стенки шурфа, то чередование слоев выглядит в этом пятне следующим образом: прокал (рыжий суглинок), зола, черный суглинок, обильно насыщенный углем. У восточной стенки шурфа на глубине -0,52 от условного «0» было выявлено пятно коричневого суглинка с вкраплениями угля округлой формы диаметром 0,2 м.

Находки на горизонте: костяная расческа (-0,57; рис.2/13), поясная накладка (-0,5; рис.3/1), фрагмент браслета (-0,55; рис.3/2), накладка круглая (-0,55; рис.3/3), железный шлак (-0,5; рис.3/4), железный предмет (-0,55; рис.3/5), бронзовый предмет в виде проволоки прямоугольного сечения (-0,5; рис.3/6) и железный предмет (-0,55; рис.3/7). Кроме этого, на горизонте были найдены 6 фрагментов лепной керамики.

*VII условный горизонт (-0,6 – 0,7 м)*

Культурные напластования представлены темно-серым суглинком с вкраплением угля, золы и древесного тлена. Вблизи западной стенки на глубине -0,65 м от условного «0» было отмечено пятно темно-серого суглинка с обильным вкраплением угля.

Находки вещей и керамики на данном горизонте отсутствуют.

*VIII условный горизонт (-0,7 – 0,8 м; рис. 24, 31)*

Культурные напластования горизонта сложены темно-серым суглинком с вкраплением угля, золы и древесного тлена. У западной стенки шурфа отмечено пятно округлой формы диаметром 0,2 м, состоящее из золы (глубина – 0,8 от условного «0»).

Находки представлены костяным кочедыком (-0,75; рис.3/8), железным предметом (-0,8; рис. 3/9) и, предположительно, фрагментом браслета (-0,8; рис.3/10). Керамика представлена 8 лепными фрагментами.

*IX-X условный горизонт (-0,8 – 1,0 м)* сложен темно-серым суглинком с вкраплениями угля, золы и древесного тлена. В юго-восточном углу раскопа на глубине -0,95 от условного «0» было выявлено пятно бурого суглинка с остатками коры, которое прослеживалось до глубины -1,05 м. Ниже, на глубине -1,1 м слой сменяется на бурый суглинок с остатками коры. Подстилающий слой (серый суглинок) отмечен на глубине -1,4 м.

На горизонте были найдены: просверленный рыбий позвонок (-0,94; рис.3/11), железный предмет (-0,9; рис.3/12), бронзовый предмет (-0,93;

рис.3/13), привеска-колокольчик (-0,95; рис.3/14), медный костылек (-0,95; рис.3/15) и пронизка (-0,98; рис.3/16); у северной стенки шурфа найдена костяная заготовка из рога (-1,1; рис.4). Фрагментов лепной керамики обнаружено 4.

Помимо находок в шурфе, на площадке городища был собран подъемный материал, состоящий из: кресала калачевидного (рис.5/1), гвоздя (рис.5/2), наконечника стелы (рис.5/3), фрагментов ножей (рис.5/4-7), обмазки (рис.5/8), накладки квадратной с прорезью (рис.5/9), 2 медных пластин (рис.5/10, 13), привески (рис.5/11), привески-лапки (рис.5/12), двух медных колец (рис.5/14) и медного предмета (рис.5/16).

Всего в шурфе 1 было встречено 30 артефактов и 42 фрагмента керамики. Первой находкой на городище были шарнирные железные ножницы (рис.2/1). Нахождение их в грабительском вкопе, скорее всего, свидетельствует о позднем происхождении этого артефакта. Данные ножницы можно отнести к XIX в., т.е. ко времени функционирования деревни.

Оловянная привеска-лапка (рис.2/5) принадлежит к широко распространенным украшениям родановской археологической культуры, начиная с XII в. [5, с.105–113]. Железная набойка от каблука (рис.2/11) является довольно распространенной находкой на памятниках Восточной Европы X–XIII вв. [2, с.71, рис.40/39-46], несколько таких предметов встречены на Рождественском городище, расположенном в 60 км к юго-западу. Костяная расческа (рис.2/13), найденная на VI условном горизонте, имеет аналогии на городищах Анюшкар, Роданово, Острая Грива, Рождественск, расположенных в Пермском Предуралье. Аналогичные изделия, найденные на территории северо-восточной Руси (Белоозеро, юго-восточное Приладожье) датируются с IX по конец XI вв. [6, с.135–137, рис.57]. Трубчатая пронизка (рис.2/10), обнаруженная на глубине -0,98 м, похожа на аналогичные изделия с памятников Пермского Предуралья. Пронизки, подобные этой, только снабженные шумящими элементами, датируются XII – XIII вв. [4, прил. 8]. Медный костылек (рис.3/15), найденный на глубине -0,95, является частью шумящих украшений, при помощи которых они подвешивались к одежде или вплетались в косы. Костылек, найденный в шурфе, дугообразный, не имеет орнамента. Аналогичные изделия, обнаруженные на Рождественском могильнике, встречаются исключительно в комплексах XI в. [6, с.218, рис.89/33–37]. На этой же глубине найдена привеска-колокольчик (рис.3/14), датирующаяся в Пермском Предуралье второй половиной XI – XII вв. [5, с.5–12]. Наконечник ремня (рис.2/12), по аналогии с находками на Рождественском городище, Вычегды, Волжской Болгарии и Марийского Поволжья, датируется X – XI вв. [1, с.425–426, рис. 201/14].

Среди подъемного материала городища следует отметить железное кресало. Подобные изделия известны на памятниках Пермского Предуралья, в материалах Новгорода, на памятниках Республики Коми и Западной Сибири конца XI – середины XIII в. [6, с.135–137, рис.57]. Гладкие овальные звенья цепи от шумящих подвесок в Пермского Предуралья преобладали в X–XI вв.

Остальные предметы из подъемного материала можно датировать эпохой средних веков.

Из 42 фрагментов керамики 39 – лепные и 3 – гончарные, подобные тем, что изготовлялись на территории Волжской Болгарии в домонгольский период. Лепные фрагменты керамики с орнаментом в виде гребенки и шнура являются типичными для ломоватовской и родановской культур в Пермском Предуралье.

Судя по культурным напластованиям шурфа, можно заключить, что исследованию подверглось, предположительно, хозяйственное сооружение. На это указывает значительная глубина шурфа, разнообразность находок и их большое количество для такой небольшой площади.

Таким образом, материалы шурфа позволяют отнести исследованный участок культурного слоя к довольно узкому промежутку времени – концу XI – началу XII вв., т.е. к пограничью ломоватовской и родановской археологических культур. Подъемный материал и вещи, собранные в XIX в., и поступившие в коллекцию Теплоуховых, позволяют, в целом, датировать весь памятник X – XIII вв., таким образом, городище Полюты является синхронным расположенным вблизи с ним городищам Купрос, Анюшкар, Роданово.

#### Библиографический список

1. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН. – 603 с.
2. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – 198 с.
3. Вострокнутов А.В. Звенья цепи и шумящие привески украшений родановской культуры Верхнего Прикамья как датирующий элемент // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* – 2013. – №12 (303). – С. 5-12
4. Вострокнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI – XIV вв.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация / дисс. канд. ист. наук. – Пермь, 2016.
5. Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // *Вестник Пермского университета.* – 2012. – Вып. 1(18). – С.105–113
6. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.
7. Талицкий М.В. Научный отчет о командировке (07 – 28.08.1938 г.). Археологические памятники бассейна Иньвы (правого притока Камы). –1938. / Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка. Фонд 926, опись 1, дело 1.

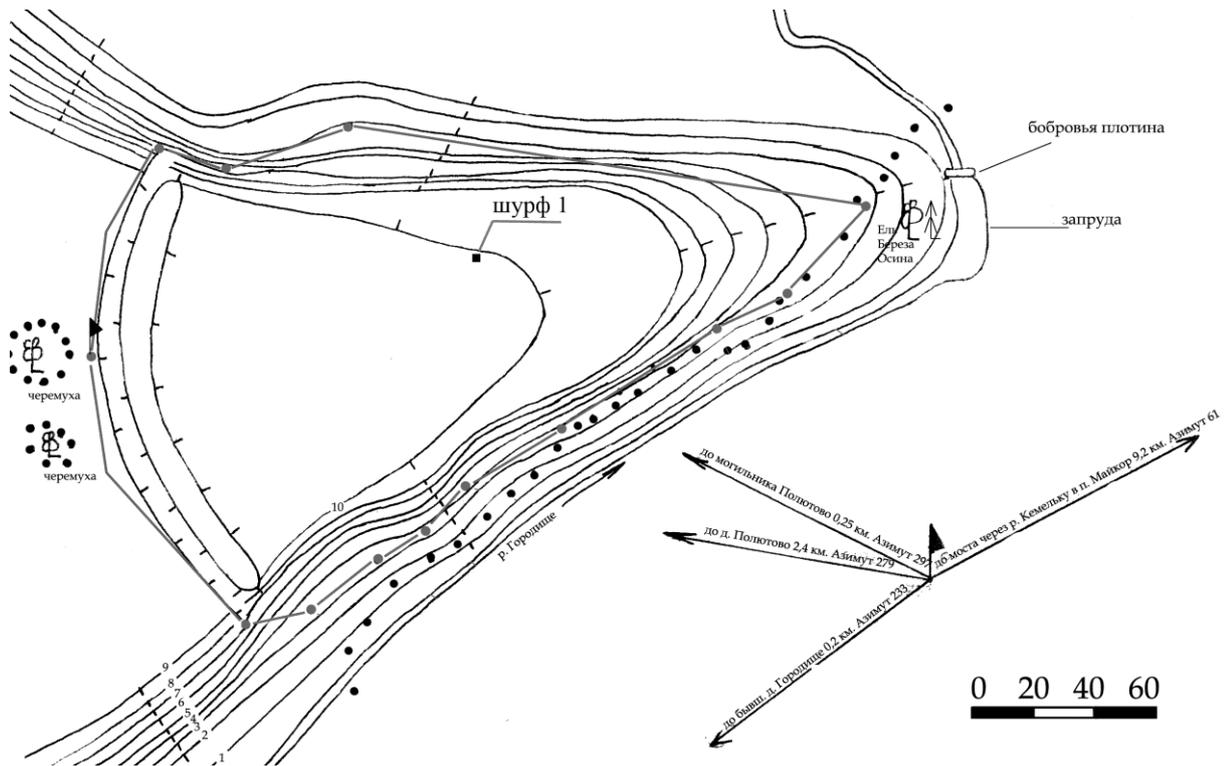


Рис. 1. Полюты, городище. Топографический план

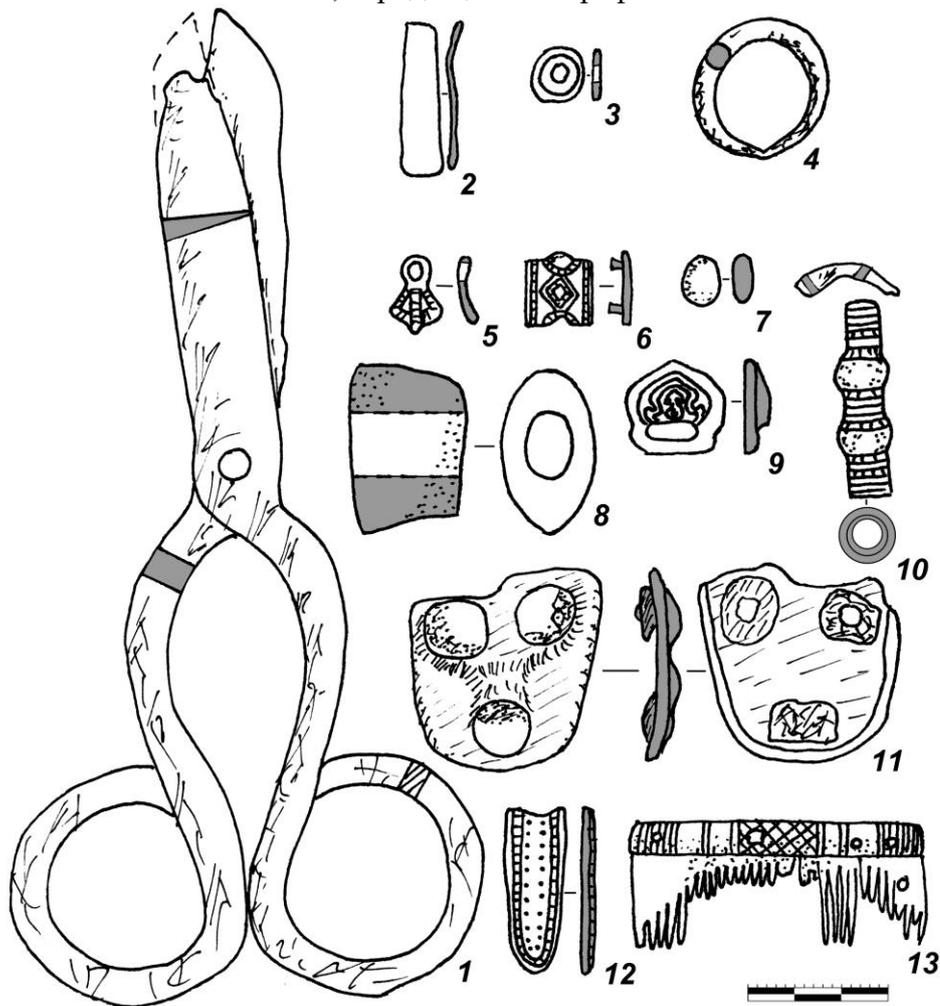


Рис. 2. Находки из шурфа 1. 1, 4, 7, 11 – железо, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 12 – медь, олово, 8, 13 – кость

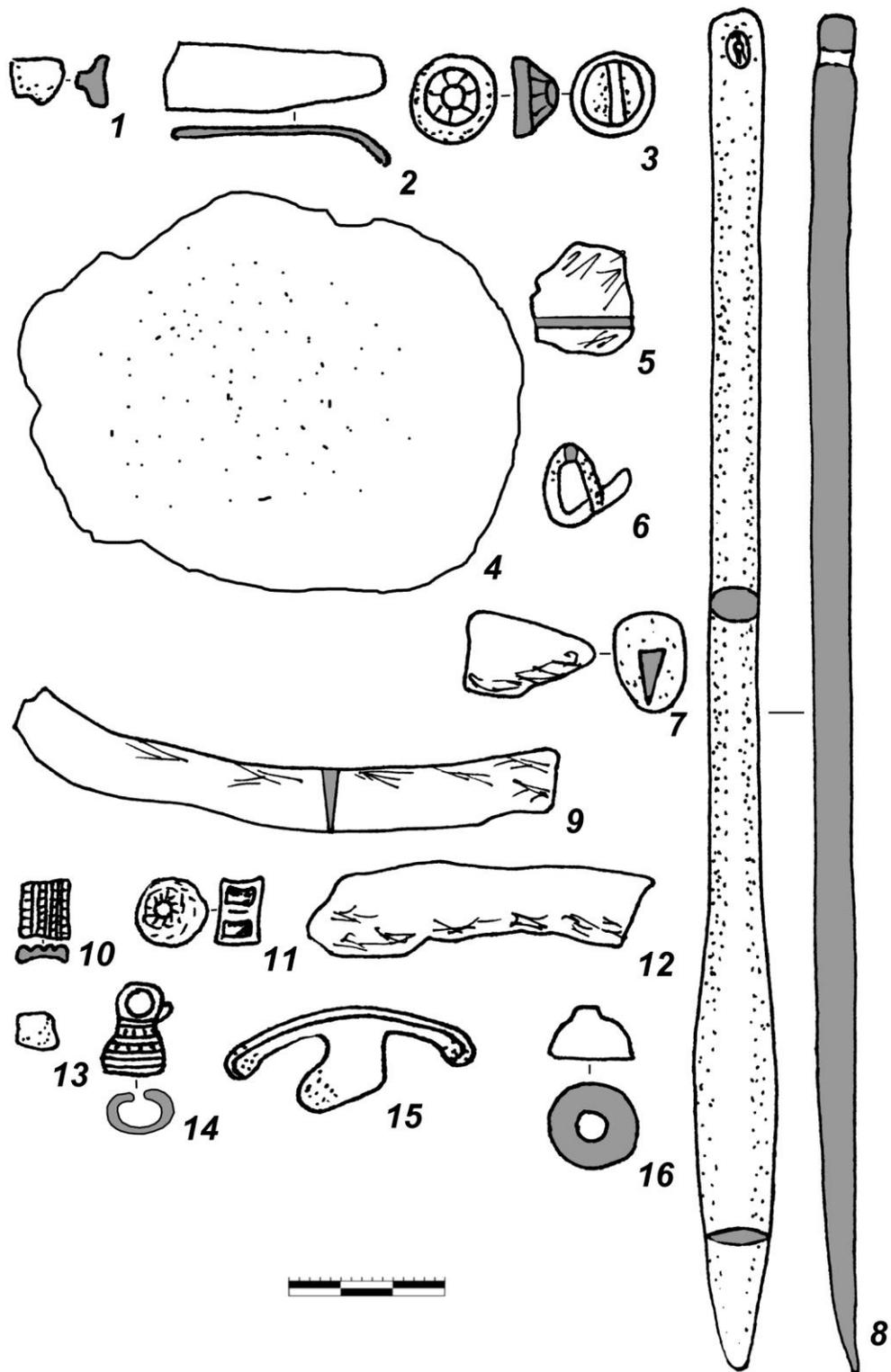


Рис. 3. Находки из шурфа 1. 4 – шлак, 5, 7, 9, 12 – железо,  
1 – 3, 6, 10, 13 – 16 – медь, олово, 8, 11 – кость

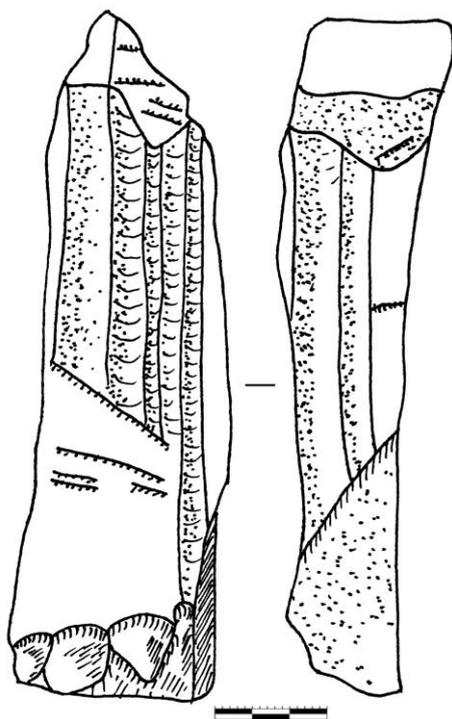


Рис. 4. Заготовка рога из шурфа 1

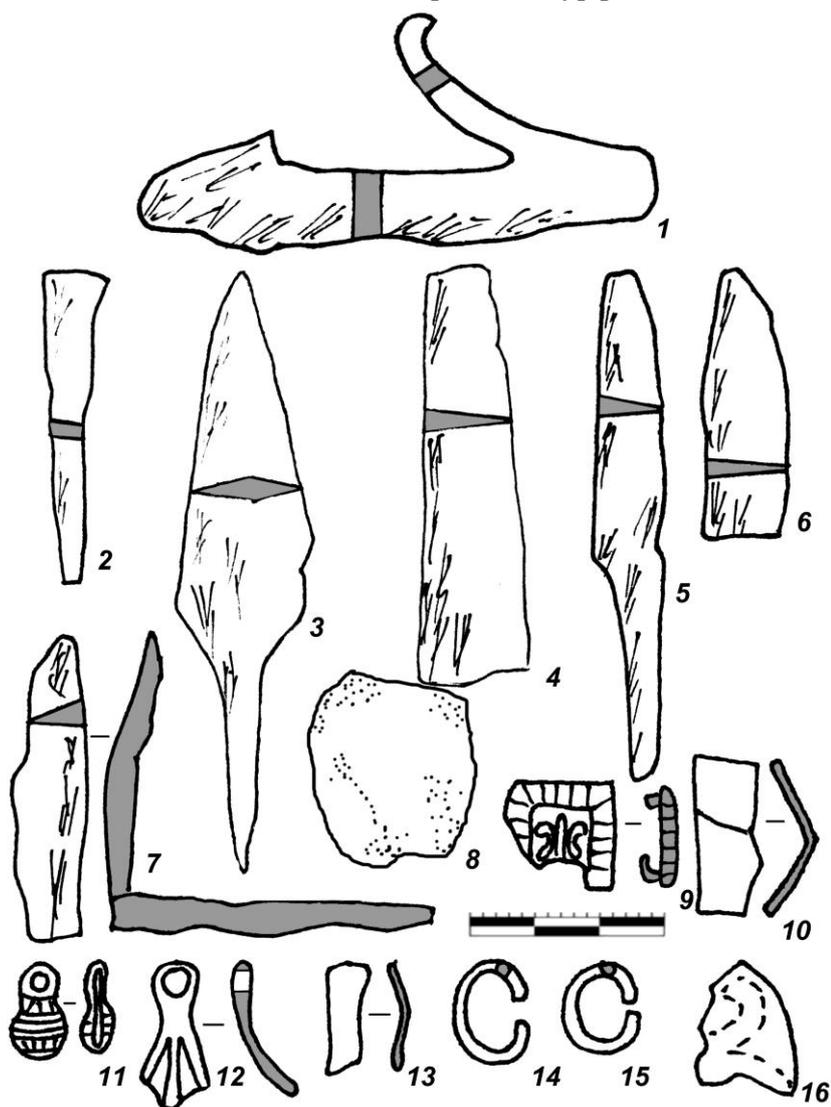


Рис. 5. Полюты, городище. Подъемный материал

УДК 903.43

**А.Ф. Мельничук\*, Г.П. Головчанский\*, С.В. Скорнякова\*\*****ГЫРЧИКОВСКОЕ (ЮСЬВЕНСКОЕ) ГОРОДИЩЕ – ПАМЯТНИК  
РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАСЕЙНЕ Р. ИНЬВА**

\*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь

\*\*Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников, Пермь

*В статье дается развернутая характеристика известного с XIX в. Гырчиковского (Юсьвенского) городища, его морфологии, хронологии, стратиграфии и материальной культуры.*

*Ключевые слова: Иньвенское поречье, средневековье, городище, материальная культура.*

**A.F. Melnichuk\*, G.P. Golovchansky\*, S.V. Skornyakova\*\*****GYRCHIKOVSKOE (JUSVENKO) HILLFORT – ARCHAEOLOGICAL  
SITES OF RODANOVSKAYA CULTURE IN THE BASIN R.YNAVA**

\*Perm State National Research University, Perm

\*\*Perm Regional Research and Production Center for the Preservation of Monuments, Perm

*The article gives a detailed description of the well-known from the XIX century. Gyrchik (Yusvensky) ancient settlement, its morphology, chronology, stratigraphy and material culture.*

*Keywords: Invenskoe Poreche, middle ages, settlement, material culture.*

В 3 км югу от с. Юсьва и в 0,1 км к югу от местоположения бывшей д. Гырчиково расположено городище эпохи средневековья. Памятник занимает высокий (до 18 м) мыс правого берега р. Юсьва (лев. приток р. Иньвы), образованный с севера крупным логом, а с юга-вытянутым оврагом (рис.1).

Памятник известен с давних пор и упоминался в работах различных исследователей второй половины XIX вв. в связи с находкой «на месте Чудсага Городища, на речке Юсьве» бронзового птицевидного идола, очевидно, позднемоматовского облика «с распротёртыми крыльями и человеческим лицом. Другое человеческое же лицо расположено на груди. Сзади ушко» [1, с.89; 11, с.141; 27, с.618]. Другие предметы из состава коллекции Теплоуховых (костяные наконечники стрел, трубчатая шумящая подвеска, литейная формочка), происходящие с площадки Гырчиковского городища, датированы А.А. Спицыным в широких хронологических пределах X-XIV вв. [24, табл. XXVIII].

В 1928 г. на городище были проведены неквалифицированные раскопки учительницей из с. Юсьва Л.М. Вересовой. Материалы её раскопок не сохранились. В 1938 г. памятник осмотрен основным исследователем средневековых древностей Верхнего Прикамья в довоенный период М.В. Талицким [25, с.139, №1070]. В 1985 г. Гырчиковское городище исследовалось отрядом КАЭ ПГУ под руководством А.Ф. Мельничука [15, с.192-193; 16].

Площадь городища достигает 5,5 тыс. кв. м. Оно занимает только северную часть мыса. С запада склоны памятника круто обрываются к р. Юсьва, а с востока и юга, где нет природных оборонительных преград, прослеживаются остатки мощных валообразных насыпей, приподнимающих площадку памятника на 1-1,5 м. Эскарпирован северный склон поселения, обращённый к логу. К сожалению, фортификационные сооружения памятника в значительной степени пострадали от земледельческих работ, но характер их расположения позволяют полагать, что они представляли полукольцевую систему укреплений.

За пределами оборонительных укреплений также выявлен культурный слой раннесредневекового времени, который распространялся до устья оврага, ограничивающего мыс с юга. Ориентировочная площадь неукреплённого поселения – «посада» достигает до 1 га, что увеличивает общую площадь памятника до 1,6 га.

В ходе раскопок 1985 г. в южной части городища на площади 100 кв. м. прослежена следующая стратиграфия: 1. Сверху залегал дерново-почвенный слой мощностью до 0,06 м; 2. Ниже следовала пахотная залежь – тёмно-серый лёгкий суглинок с находками измельчённой керамики и отдельных изделий, мощностью в пределах 0,2-0,25 м; 3. Под пахотным слоем прослеживался нетронутый культурный слой в виде серовато-коричневого рассыпчатого суглинка, насыщенного угольками, костями животных и средневековыми предметами. На северных участках раскопа его мощность не превышала 0,1 м. Ближе к южным оборонительным сооружениям он возрастал местами до 0,5 м. В пределах фортификаций культурный слой прослеживался крайне слабо и часто выклинивался; 4. На отдельных участках раскопа отмечался тонкий слой тёмно-серого суглинка, насыщенного известковым щебнем. Средняя его мощность 0,15-0,3 м. Часто из этого слоя состояло заполнение ям и различных углублений. 5. Материком служил слой белого рассыпчатого известняка, на фоне которого ярко фиксировались очертания различных древних объектов.

Следует обратить внимание на стратиграфию южных фортификационных сооружений: 1. Сверху отмечался дерново-почвенный слой до 0,06 м. 2. Под ним прослеживалась пахотная залежь, но её мощность была менее значительна, чем на основной площади раскопа – 0,1-0,17 м; 3. Культурный слой в виде серовато-коричневого суглинка, не затронутый пахотой, сохранился лишь местами и не превышал 0,15 м; 4. Под серовато-коричневым суглинком, а местами сразу же под залежью, следовал тёмный суглинок, насыщенный зольно-углистыми линзами. В нём встречались средневековые предметы, а также фрагменты горелого дерева, фиксировались углистые пятна округлой формы, остатки столбовых конструкций оборонительного частокола. 5. Под слоем золы и угля (уч. О/4) прослеживалась крупная линза обожжённой оранжевой глины, в заполнении которой встречались кости животных. Мощность глиняной подушки достигала 0,4 м; 6. На внутренних участках вала фиксировался местами прямо под пахотным слоем напластования известковой щебёнки с небольшим содержанием тёмного су-

глинка, которую при возведении насыпи укрепления древние строители брали с площадки городища. Максимальная мощность этого слоя 0,4 м. К западу данный слой был менее значителен – до 0,1 м; 7. В основании вала слой щебня местами перекрывал культурный слой, очевидно, образовавшийся до возведения городища. Он состоял из слоя сероватого суглинка с небольшим содержанием щебня, мощностью от 0,1 до 0,25 м. 8. Материк – белый рассыпчатый известняк.

Исследование южной части фортификаций позволило установить, что подсыпка вала производилась как с площадки городища, так и с внешней стороны. Со стороны городища насыпался известковый щебень, а также культурный слой более раннего неукрепленного поселения ломоватовской эпохи (VIII-IX вв.). С внешней стороны, где, судя по береговым обнажениям, слой известняка перекрывался более мощными четвертичными отложениями, насыпался слой материковой глины, частично смешанный с культурным слоем раннесредневекового времени. Внешнюю сторону оборонительных укреплений, судя по наличию здесь обожженной глиняной подушки, тщательно утрамбовывали для предохранения земляной насыпи от оползания. Сохранившиеся фрагменты обугленного дерева и небольшие округлые ямы, заполненные углём, позволяют полагать, что на гребне вала располагались несложные оборонительные конструкции в виде деревянного тына или частокола.

В северной части раскопа изучен крупный объект, связанный с металлургическим производством, преимущественно с выплавкой и обработкой железа. Он представлял собой две подпрямоугольные ямы с линзами обожженной глины в верхней части. На дне ям фиксировался мощный слой прокаленной материковой извести. В их заполнении встречены угли, скопления кальцинированных костей животных, заготовки железных предметов и обломки криц. Рядом с ямами отмечены небольшие овальные углубления от деревянных кольев. Между ямами прослеживались углистые полосы от сгоревших деревянных конструкций. Очевидно, над металлургическим объектом располагалось деревянное каркасное сооружение, предохранявшее его от непогоды. Интерес представляют округлые ямки, с запада примыкавшие к металлургическому комплексу. В одной из них найдена половина каменного жёрнова, в другой – три уплощенных железных крицы овальной формы, а в третьей – круглое керамическое пряслице.

Изученный участок городища связан с металлургическим комплексом, где происходила выплавка железа и его переработка, что подтверждается находками целых железных криц и их обломками, а также наличием металлических заготовок. С чёрной металлургией неразрывно был связан процесс меднолитейного производства, что фиксируется находками на площадке городища обломков глиняных тиглей и медной ошлаковки. Металлургический комплекс с севера и юга оконтуривали столбовые ямы. Наличие в его пределах фрагментов жёрнова, керамического пряслица, овальных кричных лепёшек, специально локализованных в ямах, свидетельствует о проведении здесь сложных сакральных обрядов, связанных с металлургическим производством (культ огненной стихии). Во время

производственного металлургического цикла совершались обрядовые церемонии, которые были необходимым условием успешной работы. Следы подобных сакральных действий выявлены в металлургических объектах других раннесредневековых памятников Верхнего Прикамья – Чашкинское II, Володин Камень II [10, с. 56].

К югу от металлургического комплекса располагались различные объекты в виде трех углублений, двух глинобитных очагов и отдельных столбовых ям. Из них наиболее яркие отмечены в привальной части раскопа. В верхних горизонтах (0,4 м от поверхности) выявлено две очажные глинобитные линзы, располагавшиеся непосредственно рядом друг с другом. Первый очаг, мощностью до 0,12 м, исследован не полностью (0,6 x 0,3 м). Его очертания уходили в западную стенку раскопа. Под подушкой обожжённой глины прослежен значительный провал (10 см), что говорит об относительной его долговременности. Рядом с очагом выявлены кости животных, обломок медного предмета, фрагмент костяного наконечника стрелы, костяная коромысловидная пуговица с точечным декором. Второй овальный очаг (1,4 x 0,44 м) имел мощность до 5 см. В его пределах и рядом с ним найдены фрагменты керамики, глиняный сформованный предмет с ногтевидным декором и железная ременная накладка с подвеской-колючком «аскизоидного» облика.

Интерес вызывает прямоугольная яма-кладовка с остатками деревянной рамы (1,4 x 1,4 м), дно и стенки которой, судя по древесному тлену, были обшиты горбылём. Её очертания отмечены на уровне 0,5 м от поверхности. Плоское дно ямы опускалось в материк на глубину 0,5 м. В ней обнаружено большое количество костей животных, среди которых преобладали птичьи. Также содержалось значительное число рыбьих костей. На самом дне ямы расчищен целый скелет небольшой щуки (0,8 м – определение ихтиолога П.М. Богимова). Из предметов в яме отмечены железные ножи и их обломки, железный крюк, медный предмет невыясненного назначения, обломки керамики. Рядом с ямой найден обломок жёрнова. Не исключено, что объект мог иметь и сакральное значение, так как почти все костяные амулеты на раскопе (7 экз.) найдены в непосредственной близости от него или на соседних участках. То же самое можно сказать и о находках бус и украшений, которые также тяготели к этому углублению. Таким образом, если бы не скелет щуки на дне, данную яму можно было бы рассматривать как обычное хозяйственное сооружение. За всю практику исследований на средневековых памятниках Верхнего Прикамья нам не известно ни одного случая, чтобы на дне традиционной ямы-кладовки прятали останки целых щук или других крупных рыб. Это позволяет считать, что данный объект обладал каким-то сакральным значением. Следует отметить нестандартный набор остеологического материала в заполнении ямы; где помимо костей млекопитающих найдены значительное число костей птиц и рыб. С этим явлением сопрягаются и костяные амулеты из костей крупного млекопитающего, бобра, птицы и рыбы. А о том, что щука в мифологии народов коми являлась ипоста-

стью водного или нижнего мира сохранилось достаточно много фольклорных источников [23, с. 48].

Материальная культура поселения достаточно выразительна.

**Керамическая посуда** (рис.1/1-2; 4). Характерной особенностью Гырчиковского городища является слабая насыщенность культурная слоя обломками столовой посуды, что свидетельствует о производственном, а не жилом характере этого участка памятника. Всего найдено до 500 отдельных фрагментов керамики, в большинстве своём сильно измельчённой. Вся посуда имеет мелкотолчёную примесь раковины в глиняном тесте. Цвет сосудов варьировался от серых до коричневых оттенков. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась, иногда до лощения. Полностью преобладала посуда с толщиной стенок до 7мм (94%). По сохранившимся фрагментам выделено 40 сосудов. Всего орнаментировано 23 сосуда (58%). Индекс орнаментации венчиков достигает 35%. Такую же степень орнаментации отмечается по шейке сосудов (35%). По венчику сосуды (от всех орнаментированных) декорировались зубчатым орнаментом (57%), различными защипами (22%) и насечками (21%).

Яркой чертой керамического комплекса является большая доля сосудов, орнаментированных по шейке горизонтальными оттисками шнуровых узоров (71%). Причём, шнур также встречается в сочетании с вертикальными оттисками гребёнки и эсовидного зубчатого орнамента (21%). Можно отметить один сосуд, украшенный узорами в виде кружкового орнамента, выполненного поллой косточкой. Среди фрагментов керамики, не вошедших в разборку по сосудам, обращают внимание стенки, декорированные узорами в виде кружкового орнамента в сочетании с подковообразным гребенчатым декором, а также с орнаментом в форме гребенчатой «сетки» и «ёлочки». Выделяется фрагмент керамики с ямочно-защипным рельефным орнаментом по шейке. Кроме керамики родановской культуры здесь обнаружен небольшой фрагмент кружальной красноглиняной посуды Волжской Булгарии с лощённой поверхностью.

**Керамические изделия.** В южной привальной части городища найден один фрагмент глиняного тигля со следами медной ошлаковки. Здесь же отмечены оригинальные изделия из глины с значительной примесью песка: два глиняных шарика (d-4 см; 2,5 см) (рис.3/17) и два подпрямоугольных предмета (4 x 4 x 3; 3 x 3 x 2,8 см). Один из подпрямоугольных предметов («статуэток») (рис.1/6) местами по поверхности украшен горизонтальными и вертикальными рядами ногтевидных насечек. Данные предметы были приурочены к глинобитным открытым очагам. Не исключено, что они относятся к поселению, существовавшему до появления городища. Эти изделия, по взглядам исследователей, предположительно, можно отнести к классу детских игрушек [4, с.467-473].

Привлекает внимание литейная форма для отливки украшений (рис.3/16), изготовленная на толстостенном фрагменте красноглиняной керамики Волжской Булгарии, которая была в своё время опубликована А.М. Белавиным [3, с.67, рис.24/2].

*Пряслица* (7 экз.) (рис.1/3-5) изготовлены из стенок разбитых родановских сосудов с примесью мелкотолчёной раковины в глиняном тесте ( $d$  – от 2, 2 до 3 см). Одно пряслице найдено в одной из ям металлургического комплекса, пять изделий за его пределами в южной привальной части раскопа и один предмет в верхней части засыпи вала.

**Украшения.** Украшения и детали поясной гарнитуры составляют выразительную коллекцию, позволяющую определить хронологические рамки функционирования городищ.

**Поясная гарнитура** (рис.3/1-5): *бронзовый наконечник ремня* (1 экз.). Поясное украшение относится по классификации А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой к группе 3 (предметы продолговатой формы с вогнутым основанием и приострѐнным окончанием), типу 2 (верхний конец наконечника оформлен в виде «ласточкиного хвоста»), подтипу 2.9 (поверхность наконечника декорирована растительной плетенкой). Наиболее близки к гырчиковской находке наконечники ремней из коллекции Теплоуховых (5 экз.), происходящих с территории Рождественского археологического комплекса [4, с.425–427, рис.201/35]. Находки похожих изделий известны в материалах Кичилькоського I могильника (X-XI вв.) Перми Вычегодской [21, с.95, рис. 4/26]. Наконечники ремней с растительным орнаментом в виде «ласточкина хвоста» широко распространялись в лесной и лесостепной Евразии в X-XI вв. [26, с. 68].

*Бронзовая накладка ремня* (2 экз). Первый предмет по классификации А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой относится к типу 1 –квадратные, к подтипу 1.1 – с прямоугольной прорезью, к варианту 5 – с «Ж»-образным растительным орнаментом. Находка по форме и размерам наиболее близка к бронзовой накладке из погребения № 48 Рождественского некрополя [4, с. 412, рис.199, 11]. Однако оформление растительного декора на щитке изделия обладает определённой оригинальностью. Подобные украшения также свойственны для финно-угорских и тюркских древностей Евразии в целом для X-XI вв. Вторая накладка, по классификации А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, относится к типу 4 – в виде «варяжского» геральдического шита, к подтипу 5.1. – треугольно-подпрямоугольной формы, декорированные бордюром из ложной зерни и растительным «бабочковидным» орнаментом; вариант 2 – непрорезные. Аналогии гырчиковской накладке выявлены в Рождественском археологическом комплексе, как на площадке городища, так и в захоронениях некрополя [4, с.414, рис.199/34]. Найденная на городище накладка произведена из высококачественной бронзы с большой примесью других металлов (серебро или олово), отчего изделие приобрело серебристый оттенок. В датированных погребальных комплексах вымской культуры данные детали поясной гарнитуры относятся к концу X-XI вв. [20, с.136, рис. 36/1; 37/21]. К XI в. относят эти накладки исследователи верхнекамского Агафоновского II могильника [9, с.454, рис. 6/102].

*Железная накладка ремня* (1 экз). Близкие изделия, только из бронзы, в позднеломоватовских древностях Прикамья (IX в.) относятся, по классификации

Р.Д. Голдиной, к типу 28 – накладки с основой и прикреплённым к ней свободно висящим кольцом [7, с.42, табл. XII/36]. Подобные железные предметы, по классификации К.А. Руденко, относятся к отделу Б и типу 18а – объёмные прямоугольные накладки с подвеской-колючкой. Данные изделия использовались в конском убранстве. Они датированы исследователем концом XI-XII вв. и отнесены к изделиям «аскизского культурного круга» [18, с.49]. В средневековых финно-пермских древностях, в частности в некрополях северных удмуртов подобные накладки применялись для оформления мужских поясов, и отнесены к XII в. [12, рис.12/10-12; 38/6; 47/33]. Представительное количество этих железных деталей конского убранства собрано в ходе исследований уникального Золотарёвского поселения, погибшего в ходе монгольского нашествия в 1237 г. Исследователь этого памятника Г.Н. Белорыбкин помещает данные накладки в целом в XII в. Однако он отмечает: «можно предположить, что во время монгольского нашествия в начале XIII в. здесь произошло сражение, в результате которого погиб конный военный отряд, использовавший аскизоидные украшения и вещи» [5, с.172, рис.101/1-12]. Таким образом, исследователь не исключает, что время бытования этих железных предметов следует в хронологической шкале Восточной Европы повысить до второй четверти XIII века.

*Медные бляшки* – 2 экз (рис.3/18). 1. Круглая бляшка (d-4 см) с петлёй для привешивания с внутренней стороны. Подобные украшения известны в материалах некрополей Перми Вычегодской (Кичилькосьский могильник), где они датируются в пределах X-XI вв. [19, табл. 11/18]. 2. Небольшая медная умбоновидная бляшка с едва различимым спиральным орнаментом. Аналогичные украшения известны на памятниках вымской культуры XI-XII вв. [20, рис. 35/47].

*Привеска* в виде утиной лапки изготовлена из белого сплава – 1 экз (рис.3/7). По классификации А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, относится к типу 1 – с петлёй для привешивания в одной плоскости с привеской; подтипу 1.1 – с реалистичными лапками небольших размеров с рельефно выделенными пальцами; вариант 1 – с пальцами в виде гладких валиков с выпуклостями на концах. Подобные украшения имеют широкий хронологический диапазон бытования в средневековых древностях таёжного Приуралья в пределах IX – XI вв. [4, 2008, с.400, рис. 196/3].

*Подвеска биконьковая* – 1 экз (рис.3/6). Сохранилась фрагментарно. В нижней части основы отмечается 6 отверстий для цепочек. В одном из них сохранилось одно звено. В виду фрагментарности украшения, его можно, по классификации А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, отнести только к типу 3 – подвески, имеющие в центре основы прорези в виде соединения двух обращённых друг к другу вершинами треугольников или круга и треугольника (в виде «замочной скважины»). Данные изделия датированы в таёжном Приуралье в пределах IX – X вв. [4, 2008, с.379-380].

*Бусы* (рис.3/8-10) – 3 экз. Две бусины изготовлены из хрусталя. Первая, по классификации хрустальных бус Болгара и Золотой Орды М.Д. Полубояриновой,

относится к отделу III – граненные; типу IV – битрапецеидные с гранёным пояском. В Восточной Европе данные бусы датируются в пределах X-XI вв. По отношению к болгарским находкам подобных бус исследователь полагает, что они могут относиться к более позднему времени, т.е. к XII в. [17, с.36-37, рис.2/9]. В Верхнем Прикамье подобные бусы датированы в пределах XII в. [8, тип 167]. Вполне, вероятно, что данная разновидность хрустальных бус могла бытовать у населения лесной части Восточной Европы вплоть до нашествия монголов (1236-1241 гг.). Во всяком случае, одна из этих бус зафиксирована в слое средневековой Твери, датированном по дендродате 1311-1330 гг. [14, с.121]. Две бусины, по классификации М.Д. Полубояриновой, относятся к отделу III – граненные; типу II – бипирамидальные. На памятниках Северной Европы и Древней Руси они отмечены в хронологических комплексах X-XIII вв. [17, с.36, рис.2/6]. В Верхнем Прикамье хрустальные бусы подобной разновидности бытовали с VII по XII в. [8, с.61. Вклейка № 184]. Очевидно, что они входили в состав женских ожерелий в этом регионе вплоть до второй четверти XIII века.

Почти все украшения найдены за пределами металлургического комплекса в привальной южной части раскопа. В засыпи вала в слое тёмного суглинка найдена привеска в виде утиной лапы и бипирамидальная хрустальная бусина (гл. 0,44-0,46 м от поверхности).

**Орудия труда и быта.** Железные ножи (рис.2/3-5) – найдено 2 целых предмета и 5 обломков. Эти изделия функционально относятся к типу универсальных, и обладают крайне слабо выраженными уступами при переходе черешка в лезвие. Их длина достигала 12 см. Из других железных орудий следует отметить находки *двух шильев и одного клина*. Остальные железные предметы представлены фрагментами отдельных изделий, среди которых выделяются 2 *скобы для ношения топоров* (рис.2/9; 3/11), формы которых сохраняются у населения таёжного Приуралья до позднего средневековья и нового времени [28, рис.54]. Интересны 3 пластины, одну из которых с забитостями по краям можно квалифицировать как *пластинчатое кресало* (рис.2/8). Остальные железные предметы (22 экз.) в виде различных стержней являются заготовками каких-то изделий или своеобразными гвоздями. Эти заготовки встречались по всей площади городища, включая верхнюю часть насыпи вала.

Кроме того, найдены обломки различных медных предметов в виде пластин и фрагментов *котелков* (8 экз.), которые, очевидно, являлись ломом для дальнейшей переплавки и изготовления новых изделий, о чём свидетельствует находка литейной формы на городище. Интерес представляет обломок овального свинцового предмета, диаметром до 3 см, который предположительно можно квалифицировать как *гирьку для весов* (рис.3/17).

**Костяные изделия.** Орудия труда представлены сработанными *разбивниками* (рис.2/11) (2 экз.) и *иглой* (рис.3/14). Найдены два обломка *наконечников стрел* довольно небрежной обработки (рис.2/1-2). Привлекает внимание *манок-птичник*, изготовленный из птичьей кости.

Интерес представляют 2 костяные *коромыслообразные пуговицы* с просверленным выступом в центре (рис.3/12-13). Одна из них декорирована мелкоточечным орнаментом и почти аналогична подобной находке, обнаруженной в основании второго вала городище Искор в Северном Прикамье (исследования В.А. Оборина 1975 г.).

На небольшой площади городища собрана представительная коллекция *костяных амулетов* (7 экз.): 1 – амулет с отверстием в центре, изготовленный из овального эпифиза кости нижней конечности крупного млекопитающего; 2 – два амулета из просверленного астрагала млекопитающего, возможно, бобра (рис.3/19). Данные предметы имеют широкое распространение в лесной полосе Восточной Европы [6, с.92, рис.3/13-15]; 3 – амулет из резца крупного грызуна со сверлиной в нижней части; 4 – амулет из птичьей кости; 5 – амулет из позвонка крупной рыбы (рис.3/20). Подобные амулеты известны на раннесредневековых славянских памятниках Подонья [6, с.92, рис.3/19]. Просверленные позвонки крупных рыб выявлены в ходе исследований городища Искор – крупного позднесредневекового сакрального центра Северного Прикамья (исследования В. А. Оборина в 1975-76 гг.); 6 – амулет из кабаньего клыка со сверлиной в нижней части. Все амулеты собраны в южной привальной части раскопа. Интересно, что они тяготели в глубокой яме-кладовке, на дне которой был захоронен скелет щуки.

Следует обратить внимание на находку в центре раскопа небольшого фрагмента *стеклянного сосуда* с чрезвычайно мощной патиной, отличающий его от патинированной посуды XVIII-XIX вв., найденных в ходе раскопок городских поселений Верхнего Прикамья. Не исключено, что эта находка связана с средневековым слоем памятника. Из каменных предметов следует отметить 2 обломка жерновов, найденных в пределах металлургического комплекса и у ямы-кладовки, и фрагмент точила.

За пределами городища в северной части неукрепленного поселения – «посада» в раскопе (40 кв. м.) под дерново-почвенным горизонтом (2-3 см) отмечался слой пахотной залежи в виде тёмно-серого вязкого суглинка (30-35 см), содержавшего фрагменты лепной керамики, кости животных и обожжённую глину. Далее следовал культурный слой в виде серо-коричневого вязкого суглинка (15-28 см) с фрагментами лепной посуды и гранулами обожжённой глины. Материк – плотная жёлтая глина.

На площади раскопа остатков древних объектов не зафиксировано. Здесь собрано до 200 фрагментов лепной слабоорнаментированной средневековой посуды. По сохранившимся венчикам и шейкам из них выделено 17 сосудов со слабой профилировкой и нечётко выраженной шейкой. Степень их орнаментации значительна – 12 сосудов (70,5%). Все эти сосуды декорировались по венчику. Лишь один сосуд был украшен по стенке невзрачным резным или гладким орнаментом в виде насечек. Из орнаментированных сосудов по венчику защипами украшено 10 экз. (83%) и 2 экз. резными насечками (17%). Коллекция кера-

мики неукреплённой части Гырчиковского поселения невелика, но она имеет значительные отличия от городищенской посуды, для которой характерно значительно большее разнообразие узоров на стенках сосудов, значительно меньший индекс орнаментации венчиков (35 %), где защитная техника их оформления резко проигрывает гребенчатому декору. На наш взгляд, керамика неукрепленной части поселения является более ранней, и отражает керамическое производство древнего населения памятника до возведения в его северной части городища в IX веке.

На площади раскопа найдена одна датирующая вещь – обломок битрапечи-евидной бусины из жёлтого стекла. Такие бусины на памятниках Верхнего Прикамья в хронологической шкале занимают временной диапазон в пределах XI–XIV вв. [8, цв.вклейка, тип 94]. Здесь же найдены целый железный нож, железные шлаки и медная пластинка. Кроме того, на раскопе обнаружено 3 каменных предмета, относящихся к эпохи мезолита: призматический нуклеус из зеленого яшмовидного полосчатого кремня, узкая ножевидная пластина, пластина с вентральной краевой ретушью.

Раскопки Гырчиковского (Юсьвенского) городища и поселения дали возможность получить небольшой, но выразительный материал, позволяющий определить характер памятника и его хронологию. Памятник возник в ломоватовское время первоначально как неукрепленное поселение, занимавшее весь мыс на значительной площади до 1,6 га. Очевидно, в XI в. в северной возвышенной части мыса, где наблюдаются выходы известкового слоя, возникает городище с мощным металлургическим комплексом. Время существования городища определяется в пределах X – первой половиной XIII вв. Явных фактов существования памятника в послемонгольское время пока не выявлено.

К сожалению, средневековые поселения среднего течения р. Иньвы изучены крайне слабо. Помимо Гырчиковского городища исследования проводились на городище Купрос, материалы которого как в хронологическом, так и в локально-культурном плане очень близки к публикуемому нами средневековому комплексу [2; 22]. С тем, чтобы получить наиболее полное представление о средневековых иньвенских древностях в дальнейшем необходимо проанализировать материал центрального средневекового памятника среднего течения р. Иньвы – городища Кудымкар (исследования В.А. Оборина и В.П. Бочкарёвой).

### **Библиографический список**

1. Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди // МАВГР. – М.: Изд-во ИМАО, 1899. – Вып. III. – С.87-160
2. Белавин А.М. Купросское городище в Коми-Пермяцком округе // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: НПЦ ОПИК, 1999. – Вып. 3. – С.189-195.
3. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.

4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
5. Белорыбкин Г.Н. Золотарёвское поселение. – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – 198 с.
6. Винников А.З. Костяные амулеты со славянского Животинного городища VIII – начала XI века // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. – 2011. – № 1. – С. 87-94
7. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1985. – 280 с.
8. Голдина Р.Д., Королёва О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск: УдГУ, 1983. – С.40-72
9. Голдина Р.Д., Ютина Т.К. О датировке и хронологии комплекса Агофоновского могильника (IX-XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: УдГУ, 2012. – С.447-472
10. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Рублёв А.В., Скорнякова С.В. Чашкинское II поселение – крупнейший неукреплённый памятник родановской культуры в Верхнем Прикамье // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – Вып. 1(15). – С.49-64
11. Ешевский С.В. Заметки о пермских древностях // Пермский сборник. – М., 1859. – Кн. I. – С. 132–142
12. Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI – XIII вв. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1992. – 184 с.
13. Кривощёков И.Я. Материалы для истории с. Кудымкара Соликамского уезда Пермской губернии. – Пермь, Тип. н-ков П.Ф. Каменского, 1894. – 29 с.
14. Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 540 с.
15. Мельничук А.Ф. Исследование средневековых памятников в Верхнем Прикамье // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С.192-193.
16. Мельничук А.Ф. Средневековое городище близ с. Юсьва // Наш край. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1995. – С.14-18.
17. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М.: Эвтектика, 1991. – 112 с.
18. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XII вв. (археологический аспект проблемы) // Татарская археология. – 2000. – № 1-2 (6-7). – С.42-102
19. Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. – М.: Наука. 1971. – 221 с.
20. Савельева Э. А. Вымские могильники XI – XIV вв. – Л.:ЛГУ, 1987. – 200 с.
21. Савельева Э.А., Королёв К.С. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2011. – Вып. 3(7). – С. 89-97

22. Сарапулов А.Н. Охранные раскопки городища Купрос // Труды КАЭЭ. – Пермь: ПГПУ, 2008. – Вып.V. – С. 57-62.
23. Сидоров А.С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян // Коми-му. – Усть-Сысольск, 1924. – № 1-2. – С.43-50
24. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. – СПб., 1902. – №26. – 109 с.
25. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. – 1952. – № 27. – 224 с.
26. Турова Н.П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I-II тыс. н.э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 2(33). – С.63-76.
27. Шишонко В.Н. Пермская летопись. IV летопись. – Пермь, 1884. – 653 с.
28. Шутова Н.И. Удмурты XVI–первой половины XIXв.–Ижевск, 1992.–264с.

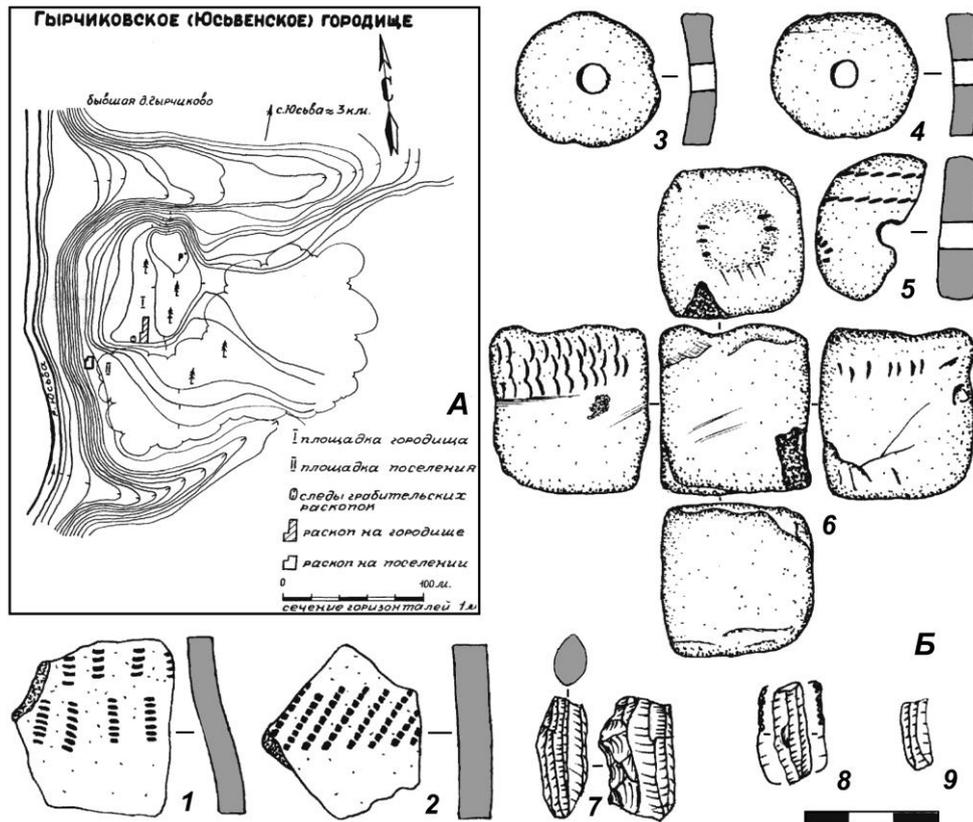


Рис.1. А – план Гырчиковского городища. Б – инвентарь: 1-2 – фрагменты сосудов; 3-5 – пряслица; 6 – «статуэтка» с ногтевидными насечками; 7-9 – кремневый инвентарь. 1-6 – керамика, 7-9 – камень

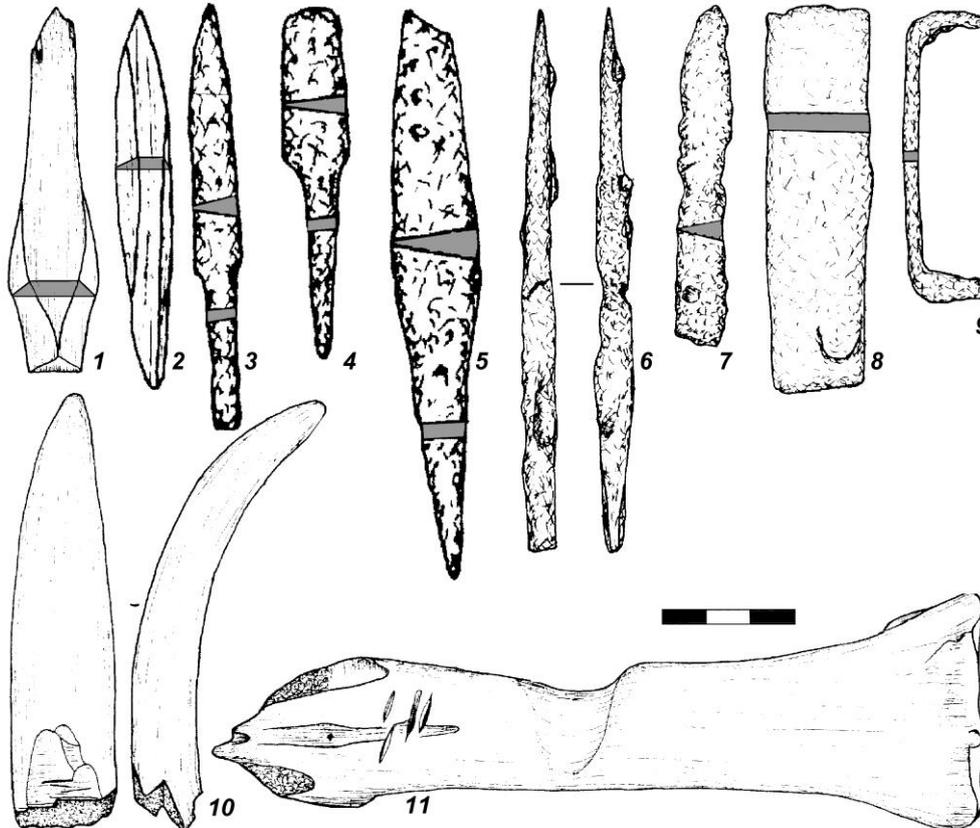


Рис.2. Гырчиковское городище. 1-2 – наконечники стрел; 3-5 – ножи, 6 – шило, 7 – стержень, 8 – пластинчатое кресало, 9 – скоба, 10 – рог со следами обработки, 11 – разбивальник. 1-2, 10-11 – кость и рог, 3-9 – железо

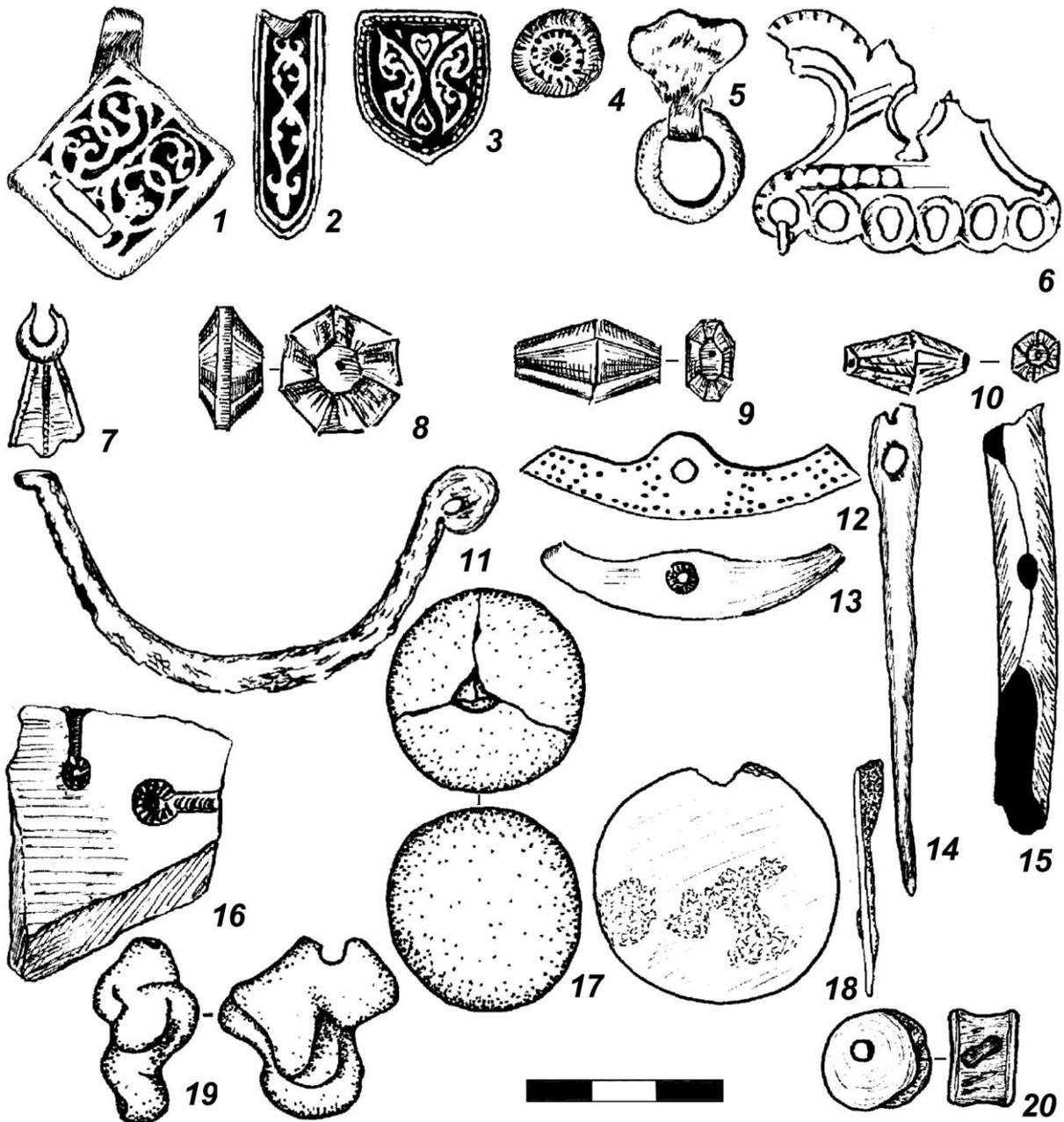


Рис.3. Гырчиковское городище. 1-5 – детали поясного набора; 6 – фрагмент биконьковой подвески; 7 – фрагмент привески «утиная лапка»; 8-10 – бусины; 11 – скоба для подвешивания топора; 12-13 – пуговицы; 14 – игла; 15 – манок; 16 – литейная форма; 17 – гирька; 18 – бляшка; 19 – амулет; 20 – просверленный рыбий позвонок – амулет. 1-4, 6-7, 17-18 – цветной металл, 5, 11 – железо, 8-10 – хрусталь, 12-15, 19-20 – кость, 16 – глина

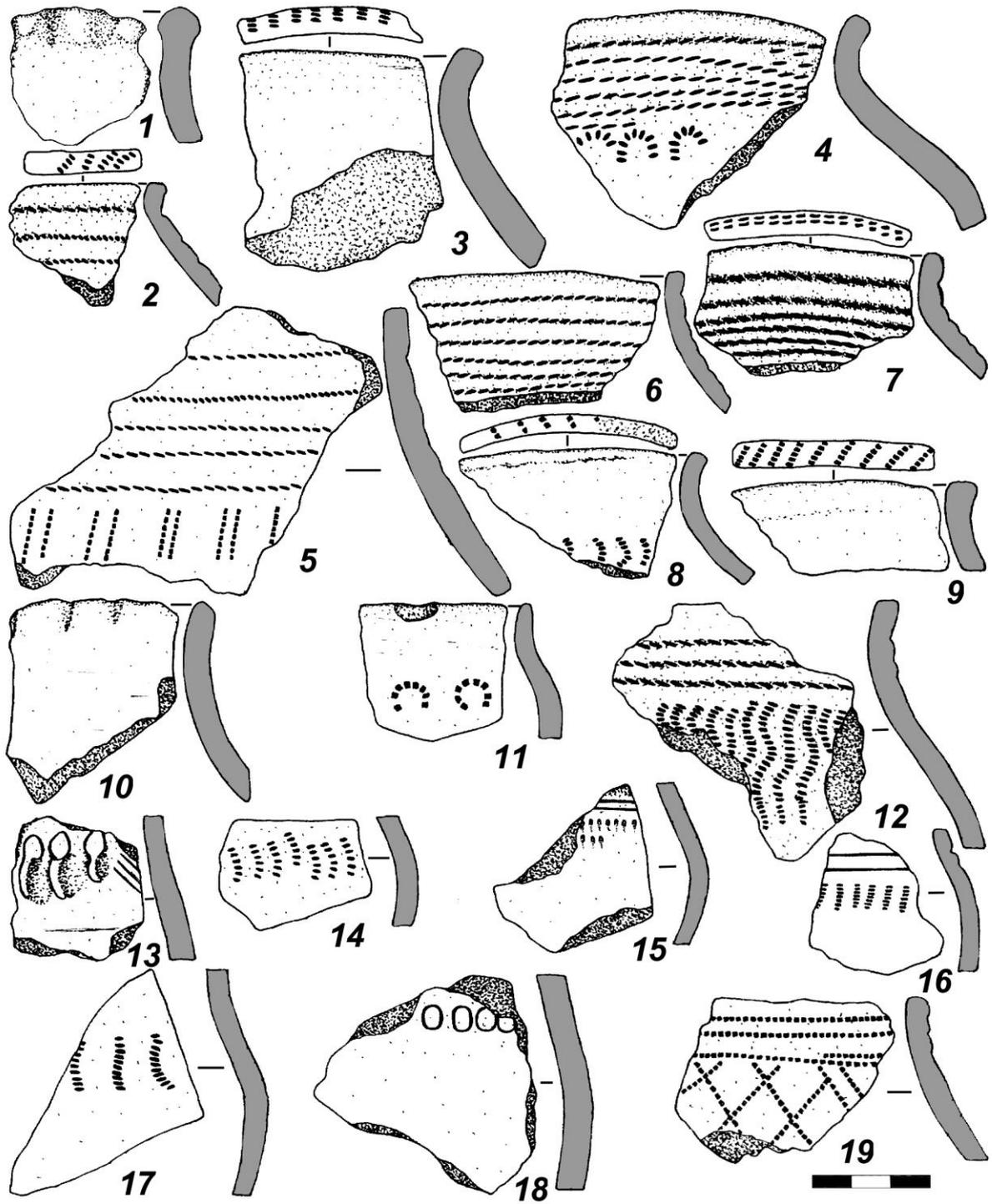


Рис.4. Орнаментация керамики Гырчиковского городища

УДК 623.11

**А.М. Губайдуллин****ОБ УКРЕПЛЕНИЯХ «ПОГРАНИЧНЫХ» ГОРОДИЩ  
ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ**

Институт археологии им. А.Х. Халикова, Академия наук Республики Татарстан, Казань, РФ

*В статье рассматриваются укрепленные поселения северных территорий, входивших в Булгарское государство. В домонгольский период здесь возникают 5 известных нам городищ. Это Казань, Елабужское городище, городище Кашан I, Чаллыньское городище и Рождественское. К «пограничным» укрепленным поселениям относятся Казань, Елабужское и Рождественское городища. Все эти памятники несли также и торгово-административные функции. Их оборонительные сооружения были изучены археологически довольно хорошо, что позволило определить основные тенденции развития фортификации в регионе для такого рода городищ. Таким образом, можно проследить эволюцию дерево-земляных оборонительных сооружений от относительно простого к сложному. Начиная с возведения крепостных стен в виде частоколов или тыновых оград в X–XI веках, в болгарской военно-инженерной науке стали применяться столбовые конструкции, часто двухрядные с внутренней забутовкой, которые не позже XII века переросли в создание более сложных срубных укреплений по всей территории Волжской Булгарии.*

*Ключевые слова: Средневековье, Волжская Булгария, пограничные укрепленные поселения, фортификация*

**A.M. Gubaidullin****ON THE FORTIFICATIONS OF THE "FRONTIER" SETTLEMENTS  
OF THE VOLGA BULGARIA**

Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, RF

*In article the strengthened settlements of the northern territories entering into the Bulgar state are considered. In the pre-Mongolian period, here are built 5 known to us town sites. This is Kazan, Elabuga mound, Kashan I fortification, Chullin settlement and Rozhdestvenskoe. The "border" fortified settlements include Kazan, Elabuga and Christmas fortifications. All these monuments also had trade and administrative functions. Their defenses were investigated archaeologically pretty good, which allowed to identify the main trends in the development of fortification in the region for this type of settlements. Thus, it is possible to trace the evolution of tree-earth defensive structures from simple to complex. Starting with the construction of fortress walls in the form of palisades or dunes in the 10th-11th centuries, pillar structures began to be used in the Bulgarian military engineering science, which were often two-row with internal backfilling. They no later than the 12th century began to be reconstructed into more complex fortifications, consisting of wooden log cabins throughout the territory of the Volga Bulgaria.*

*Keywords: Middle Ages, Volga Bulgaria, border fortified settlements. fortification*

Предкамье являлось одной из важных территорий, входивших в Булгарское государство. В домонгольский период здесь возникают 5 известных нам горо-

дищ. Все они имеют различную датировку. Казань, основанная как самый северный форпост Волжской Булгарии не позже конца X – начала XI вв., существует без перерыва до нашего времени; Елабужское «Чертово» городище датировано на сегодняшний день только домонгольским периодом – XI–XIII вв.; городище Кашан I – XII–XIV вв.; Чаллыньское городище – XII–XVI вв.; Рождественское – XI–XIV вв. Все эти укрепленные поселения, за исключением Елабужского и Рождественского городищ, находятся в междуречье Волги и Вятки. Первое расположено много восточнее, а второе севернее. Елабужское городище являлось единственным болгарским укрепленным поселением, существовавшим между низовой рек Камы и Вятки, как еще один передовой центр в Предкамье. В то же время, Рождественское осуществляло функции форпоста на территории Средней Камы. По-видимому, оба памятника несли также и торгово-административные функции, причем значение первого было значительно меньше. По-видимому, это и обусловило его непродолжительное существование по сравнению с другими городищами.

Их оборонительные сооружения были изучены археологически довольно хорошо, что позволило определить основные тенденции развития фортификации в регионе для такого рода памятников. У Казани крепостные конструкции представлены двумя типами и хронологически разделяются на самые ранние, относящиеся ко времени основания укрепленного поселения, и поздние, возведенные во второй половине домонгольского периода. Вскрытие наиболее ранних фортификационных сооружений Казани Ф.Ш. Хузиным и А.Г. Ситдиковым позволило полнее представить их облик [5, с.133; 6, с.17–18; 3, с.26–28]. Используя полученные в ходе исследований данные, можно с долей вероятности реконструировать наиболее ранние оборонительные сооружения Казани. По-видимому, с напольной стороны они имели вид тыновой ограды с боевой площадкой позади, а вдоль крутых склонов мыса стоял частокол, т.к. там не требовалось создание серьезных дополнительных укреплений кроме эскарпирования склонов.

Позднее, в XII–XIII вв., крепостные сооружения Казани были перестроены и стали представлять собой ров, каменную стену и предмостное сооружение [4, с.93]. Можно считать, что это пока единственное достоверно известное городище Волжской Булгарии, которое имело каменную крепостную стену, ограждавшую поселение с напольной стороны.

Следующий памятник – Елабужское «Чертово» городище. По результатам археологических исследований М.М. Кавеева и автора статьи, можно реконструировать имевшиеся здесь крепостные сооружения в виде тыновой ограды с боевой площадкой позади, которые представляли собой укрепления внешней ограды поселения [2, с.20–21]. Как же выглядели внутренние (здесь основные) крепостные сооружения Елабужского городища – на сегодняшний день не известно из-за отсутствия археологических данных. Тем не менее, учитывая, что внутренний вал даже в оплывшем состоянии до сих пор имеет значительные размеры по

сравнению с внешними, можно предположить существование здесь в древности каких-то значительных дерево-земляных оборонительных конструкций типа городней. Некоторым подтверждением этому могут быть и аналогичные исследованные крепостные сооружения целого ряда других болгарских городищ.

Рождественское городище, расположенное на выступах коренного левого берега р. Обва, правого притока р. Камы, являлось, по-видимому, главным центром продвижения и болгарского влияния к северо-востоку от основных территорий государства. Оно состоит из двух частей – собственно Рождественского, а также Филипповского городищ, разделенных глубоким логом. С напольных сторон они были ограждены валом и рвом [1, с.6–7, 79, 82].

Структура вала Рождественского городища была выявлена в ходе археологических раскопок А.М. Белавина. Он включал в себя два одновременных строительных периода. Время сооружения первого было отнесено исследователями к X в., а его разрушение к концу XI – началу XII вв. [1, с.80–81]. Во время второго строительного периода, который приходится на XII век, первоначальная насыпь была перекрыта с внешней стороны слоем плотной глины. Авторам раскопок удалось проследить «...остатки изгороди типа частокола, который, вероятно, был переплетен жердями и забутован глиной», шедшей по гребню этого вала [1, с. 81].

По результатам исследований линии обороны Филипповского городища Н.Б. Крыласовой был зафиксирован один строительный период возведения вала. Основу его составляло тулово, сложенное из суглинка, в нижней части которого имелась канавка, заполненная рыхлой глиной вперемежку с древесным тленом, напоминавшая сгнившую деревянную конструкцию. Во внешней отлогости вала залегал слой, содержащий древесный тлен и мелкие угольки. По мнению автора раскопок, он мог свидетельствовать о каких-то «деревянных устройствах» [1, с.83–84]. Также здесь было выявлено множество столбовых ямок диаметром от 10 до 16 см, которые являлись следами «укреплений типа частокола или плетня», поддерживавших склоны от осыпания [1, с.84].

Исходя из результатов исследований А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, вырисовывается довольно интересная картина фортификационных сооружений данного памятника. Собственно Рождественское городище, не смотря на отсутствие рва, имело довольно серьезную оборонительную преграду. По-видимому, она представляла собой стену, имевшую вид двойной столбовой конструкции с внутренней забутовкой, где нижняя ее часть, возможно, была заглублена в тулово вала. На Филипповском городище был примерно схожий тип дерево-земляных сооружений, но уже дополненный трапециевидным рвом. Не исключено, что здесь также имелась стена из столбовых конструкций, однако с полной уверенностью мы бы не стали этого утверждать. Возможно, что она имела и вид тыновой ограды. Таким образом, крепостные стены обоих памятников не представляли собой сложных «тяжелых» построек типа городней. Впрочем, они здесь вряд ли были нужны, т.к. оборона городищ, скорее всего, была рассчитана

для защиты местных жителей во время возможных внутренних локальных конфликтов, а также охраны самого торгового поселения и, являясь составляющим элементом, Камского торгового пути в целом.

Принимая во внимание имеющиеся данные по общей фортификации городищ домонгольского времени, можно проследить эволюцию дерево-земляных оборонительных сооружений от относительно простого к сложному. Начиная с возведения крепостных стен в виде частоколов или тыновых оград в X–XI вв., в болгарской военно-инженерной науке стали применяться столбовые конструкции, часто двухрядные с внутренней забутовкой, которые не позже XII века переросли в создание более сложных срубных укреплений по всей территории Волжской Булгарии. Причем так называемые более «простые» крепостные сооружения использовались на протяжении всего домонгольского периода и не только в качестве дополнительных, но и в качестве основных. Все зависело от социального статуса городищ, их роли в обороне, месторасположения, а также принципа разумной достаточности.

#### Библиографический список

1. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афукула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
2. Кавеев М.М. Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. – С.18–27.
3. Ситдигов А.Г. Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С.22–40.
4. Халиков А.Х. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. – С.90–111.
5. Хузин Ф.Ш. Новые открытия Казанского Кремля (предварительное сообщение о раскопках 1997 года) // Tatarica. – Казань: Институт истории АН РТ, 1997/98. – № 1. – С.133–137.
6. Хузин Ф.Ш. Новое в археологии древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С.12–21.

УДК 902.2+550.8+528.85+631.4

**И.В. Журбин, М.Г. Иванова****АЛГОРИТМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ**

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Ижевск, РФ

*В статье представлен алгоритм комплексного применения методов археологии и естественных наук, ориентированный на углублённое изучение средневековых поселений, культурный слой которых разрушен современной распашкой. Актуальность комплексных исследований определяется отсутствием рельефных признаков поселений и, следовательно, сложностью определения границ и планировки памятников. Алгоритм предполагает последовательное применение аэрофотосъёмки беспилотными летательными аппаратами, комплексных геофизических и почвенных исследований, а также археобиологический анализ материалов культурных напластований и применение методов пространственного анализа в геоинформационных системах.*

*Эффективность предложенного алгоритма доказана при изучении средневекового финно-угорского Кушманского городища Учкакар IX-XIII вв. В результате исследований выявлено четыре структурные части городища: мысовая (ограничена внутренней линией укреплений, сnivelированной в древности), средняя и внешняя (ограничены укреплениями, выраженными в рельефе) и напольная (за пределами внешнего вала). На всех структурных частях восстановлена планировка и получена оценка сохранности культурного слоя поселения. Целенаправленные археологические раскопки ключевых участков всех четырёх структурных частей городища, анализ напластований культурного слоя и распределения находок подтвердили ранее определённые даты городища и позволили раскрыть особенности процесса постепенного расширения обитаемой территории поселения. Анализ остеологической коллекции и археоботанический анализ образцов, позволили наметить контуры модели системы жизнеобеспечения.*

*Ключевые слова: средневековье, поселение, аэрофотосъёмка, геофизика, раскопки, почвоведение, археозоология, археоботаника, геоинформационные системы*

**I.V. Zhurbin, M.G. Ivanova****ALGORITHM OF INTERDISCIPLINARY RESEARCHES OF  
MEDIÉVAL FINNO-UGRIC SETTLEMENTS\***

Udmurt Federal Research Center of the UrB RAS, Izhevsk, Russian Federation

*The article presents the algorithm of complex application of methods of archeology and natural sciences, focused on profound studying of medieval settlements, whose the cultural layer is destroyed by modern plowing. The relevance of complex researches is defined by the absence of relief features of settlements and, therefore, the complexity of determining the boundaries and planning of cultural sites. The algorithm assumes consecutive application of aerial photography by unmanned aerial vehicles, complex geophysical and soil investigations, and also archaeobiological analysis of materials of cultural layers and the application of spatial analysis methods in geoinformation systems.*

*The efficiency of the offered algorithm is proved in studies of the medieval Finno-Ugric Kushmansky ancient settlement Uchkakar, dating to the 9-13th centuries. As a result of researches four*

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-180007 р-а.

*structural parts of the ancient settlement are revealed: promontory (limited by the inner line of fortifications leveled in the ancient time), middle and external (limited by fortifications expressed in relief) and outdoor (outside the external shaft). On all structural parts planning is restored and assessment of safety of the culture layer of the settlement is received. Purposeful archeological excavations of key sites of all four structural parts of the ancient settlement, the analysis of beddings of the culture layer and distribution of finds have confirmed earlier defined dates of the ancient settlement and have allowed to reveal features of process of gradual expansion of the inhabited territory of the settlement. Analysis of the osteological collection and archaeological analysis of samples allowed to outline the contours of the life support system model.*

*Keywords: middle ages, settlement, aerial photography, geophysics, excavation, soil science, archaeozoology, archaeobotany, geographic information systems.*

Активная хозяйственная деятельность второй половины XX в. вызвала разрушение значительного количества археологических памятников [20]. В частности, в Предуралье распашке подвергались практически все открытые участки. В первую очередь сглаживались рельефные признаки поселений. Кроме того, распашка вызвала эрозионные процессы и, как следствие, постепенное разрушение культурного слоя – перемещение с водными потоками больших объемов почвенно-грунтового материала с водоразделов и склонов в подчиненные элементы рельефа. Следовательно, археологические памятники, оказавшиеся в зоне сельскохозяйственной деятельности, интенсивно разрушались, сохранялись заглубленные в материк части сооружений, которые не фиксируются на поверхности.

Достоверным признаком поселения является наличие собственно культурного слоя или сохранившихся сооружений. Современный подход предполагает комплексное использование методов археологии и естественных наук. Примером практической реализации данного подхода являются междисциплинарные исследования Кушманского городища Учкакар IX-XIII вв. – одного из значимых центров финно-угорского средневековья [9, с. 200-203; 10]. Учкакар относится к числу крупных укрепленных поселений бассейна р. Чепцы (северная часть Удмуртской Республики), имеет две линии обороны, выраженные в рельефе. Расположение городища на западной границе чепецкой культуры, вероятно, определяло его существенное стратегическое значение. Программа исследований включала аэрофотосъемку беспилотными летательными аппаратами (БПЛА), комплексные геофизические и почвенные исследования, археозоологический и археоботанический анализ материалов культурных напластований, методы пространственного анализа в геоинформационных системах. Междисциплинарный подход позволил получить принципиально новую информацию о структуре поселения, которая оказалась более сложной, чем представлялась по внешне выраженным топографическим параметрам. Выявлено четыре структурные части городища: мысовая (ограничена внутренней линией укреплений, сnivelированной в древности), средняя и внешняя (ограничены укреплениями, выраженными в рельефе) и напольная (за пределами внешнего вала). На всех структурных частях восстановлена планировка.



Рис.1. Алгоритм междисциплинарных исследований

Алгоритм междисциплинарных исследований может быть представлен следующим образом (рис.1). Предварительную информацию о возможных границах поселения и выраженных в рельефе объектах планировки даёт аэрофотосъёмка БПЛА в видимом диапазоне [5]. Ландшафтное распознавание позволило определить естественные рубежи, ограничивающие территорию Учкакара, а рельефные признаки и особенности распространения растительности – контрастно выявить рвы двух линий оборонительных сооружений, которые при наземном обследовании выделяются фрагментарно.

Дополнительная оценка сохранности культурного слоя основана на результатах тепловизионной и многозональной БПЛА-съёмки. Тепловизионная съёмка фиксирует распределение температуры земной поверхности, что характеризует мощность почвенного слоя и изменение состава грунта. На городище Учкакар это позволило прогнозировать расположение зон сохранившегося культурного слоя и участков эрозии. Очевидно, что эти особенности не выражены в рельефе и не проявляются на снимках в видимом диапазоне. Аналогичная информация была получена при многозональной съёмке на основе метода фитоиндикации [8].

Сравнительный анализ показал хорошее согласие по расположению и конфигурации участков гумусированного слоя значительной мощности. Наиболее мощный слой фиксируется на средней части поселения. Кроме того, по предварительной оценке гумусированный слой практически отсутствует на мысовой части Уччакара, периферии внешней части и напольной части городища.

Мощный гумусированный слой может сформироваться как в результате природных процессов (постепенное накопление почвенного слоя в отрицательных формах рельефа), так и в результате антропогенной деятельности (культурный слой археологических памятников). Применение методов геофизики снижает неоднозначность интерпретации данных аэрофотосъёмки.

Дальнейшее уточнение было получено при комплексных геофизических исследованиях перспективных участков, выявленных БПЛА-съёмкой [8]. Геофизика позволила выявить ранее неизвестную линию укреплений и, соответственно, структурную часть поселения (что принципиально меняет концепцию развития памятника); восстановить планировку всех структурных частей; определить структуру и размеры всех трёх линий оборонительных сооружений, а также выявить объекты на напольной части, за пределами визуально фиксируемой границы городища. Показано, что наибольшая эффективность достигается при последовательном многоуровневом наложении информации [7]: площадное электропрофилирование (основной метод), магниторазведка (уточняющий метод) и электротомография (детализирующий метод).

Бурение участков геофизических аномалий, изучение гранулометрического состава и морфологических свойств почв органично связано с геофизическим направлением. Геофизика, по сути, определяет лишь различие в составе и структуре грунтов. Выявленные аномалии могут в равной степени соответствовать археологическим объектам и неоднородностям грунта естественного происхождения. Анализ почв в кернах позволяет доказать наличие конкретного археологического объекта и культурного слоя поселения. Таким образом, почвенное зондирование позволяет решить две существенные задачи: во-первых, «разделить» природные и антропогенные неоднородности в грунте, во-вторых, оценить структуру культурных напластований. Этим достигается качественно новый уровень интерпретации – на основе сравнительного анализа данных геофизической съёмки и ограниченного количества бурений возможно прогнозировать планировку поселения.

Целенаправленные археологические раскопки участков геофизических аномалий являются завершающей стадией полевых исследований [12-14]. С одной стороны, они необходимы для проверки прогноза, полученного при сравнительном анализе результатов аэрофотосъёмки, геофизических и почвенных исследований. С другой стороны, раскопки являются единственным способом получения археологических материалов, необходимых для историко-культурных реконструкций – определение типологии и конструктивных особенностей сооружений, оценка хронологии развития поселения и т.п. На

Кушманском городище целенаправленными раскопками изучены несколько объектов различных типов: жилое и хозяйственные сооружения, группа хозяйственных и производственных ям, внутренняя линия укреплений. Раскопки, проведённые на всех структурных частях поселения, показали, что городище функционировало в пределах IX–XIII вв. Выявлено, что внешняя часть была заселена позже внутренней и средней, скорее всего – в XI в., примерно в это же время осваивалась и территория за пределами внешней линии укреплений. Начальный период освоения площадки остаётся не совсем ясным [11, с. 152–163]. Можно полагать, что жилая зона располагалась преимущественно на средней части, хотя первые жилища были сосредоточены на мысу. На внешней части и за пределами вала, по всей вероятности, были локализованы преимущественно хозяйственно-производственные сооружения.

Соотнесение результатов раскопок (менее 2% территории городища) со сводной картой геофизических аномалий позволило восстановить планировку и структуру Учкакара в целом [7]. Впервые на средневековых городищах бассейна р. Чепцы выявлены объекты за пределами укреплений.

Анализ химических и микробиологических свойств культурных напластований существенно дополняет информацию о разнообразных, но визуально схожих, сооружениях. Сопоставление тенденций изменения содержания фосфатов, органического углерода, активности фосфатазы и уреазной активности позволяет реконструировать этапы использования объектов, их назначение на каждом этапе (бытовое или производственное) и особенности разрушения после завершения использования (естественное заполнение или реконструкция) [6, 21].

Непременным условием междисциплинарных исследований Учкакара стал археозоологический и археоботанический анализ собранных остеологических и ботанических материалов. Их сбор осуществлялся по разработанным и практикуемым сотрудниками Института археологии РАН методикам, особенностью которых является их направленность на получение репрезентативных и сравнимых между собой выборок из разных по функциональным характеристикам участков и объектов памятника [1, 16]. Аналитическая часть изучения археобиологических коллекций и интерпретация полученных данных базируется на подсчетах и сравнении специфических показателей и оценок, целенаправленно разработанных и адаптированных для палеоэкономических реконструкций [2, 4, 15, 18, 19]. В частности, для получения коллекции растительных макроостатков проводился по заранее разработанному плану с учетом геофизических и почвенных данных отбор стандартных по объему проб культурного слоя с последующей их флотацией. Наиболее существенная для Учкакара археоботаническая информация раскрывается при сравнительном анализе таких показателей, как результативность флотации, характеризующая степень насыщенности культурного слоя растительными макроостатками, и общий археоботанический спектр, представляющий состав и разнообразие используемых населением растительных ресурсов [17]. Остеологическая коллекция формировалась при мак-

симально полном извлечении всех видимых при ручной переборке культурного слоя остатков животного происхождения с последующей их привязкой к конкретному археологическому и стратиграфическому контексту. Благодаря фиксации следов искусственного воздействия на костных остатках и степени их раздробленности было на количественном уровне продемонстрировано присутствие в напластованиях Уччакара многочисленной специфической фракции сожженных и необожженных мелких скелетных фрагментов. Данные по этой фракции не только обогатили традиционно анализируемые в археозоологии показатели (видовой состав и остеологический спектр), но и позволили обсуждать ряд явлений из жизни городища, связанных с пожарами и хозяйственной трансформацией его территории [3]. Заключительный этап биологического направления междисциплинарных исследований обязательно включает сопряжение археоботанических и археозоологических показателей и оценок в рамках археологической информации о функциональном статусе городища и хозяйственных занятиях его жителей, что позволяет обозначить контуры модели практиковавшейся системы жизнеобеспечения [19].

Геоинформационная система обеспечивает обобщение данных аэрофотосъемки, комплексных геофизических исследований, почвенных бурений и археологических раскопок.

Таким образом, при изучении Кушманского городища Уччакар успешно применён междисциплинарный подход. Взаимосвязанный комплекс методов археологии и естественных наук обеспечивает последовательное уточнение информации об археологическом памятнике: граница памятника – структура и планировка – изучение отдельных сооружений – реконструкция системы хозяйства. Корреляция между данными, полученными различными методами, повышает достоверность интерпретации. При этом минимизация площадей целенаправленных раскопок обеспечивает сохранение памятника археологии как объекта историко-культурного наследия.

### **Библиографический список**

1. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 7–33.
2. Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). – М.: ИА РАН, 2016. – С.96–118.
3. Антипина Е.Е., Яворская Л.В. Предварительные результаты исследования остеологической коллекции городища Уччакар. Раскоп I-2011 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 3. – М.: ИА РАН, 2013. – С.159–166.

4. Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // Российская археология. – 2005. – № 4. – С.70–78.

5. Воробьева Н.Г., Журбин И.В., Князева Л.Ф. Исследование возможностей БПЛА Supercam S350-f в задачах изучения и сохранения археологического наследия // Известия Высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъёмка. – 2016. – Т.60. № 2. – С.83-90.

6. Журбин И.В., Зинчук С.В., Борисов А.В. Геофизические, геохимические и биологические следы средневековых поселений // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика» / Товарищество научных изданий КМК. – Пушино, 2017. – С.74-79.

7. Журбин И.В., Иванова М.Г. Геофизические исследования Кушманского городища Уччакар в Прикамье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т.46, № 1. – С.76-85.

8. Журбин И.В., Милич В.Н., Назмутдинова А.И., Петров Р.П., Воробьева Н.Г. Комплексное применение низковысотной аэрофотосъёмки и геофизических методов в археологических исследованиях // Инженерная физика. – 2016. – №12. – С.74-81.

9. Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 276 с.

10. Иванова М.Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. – Ижевск: Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка при СМ УАССР, 1976. – С.93–106.

11. Иванова М.Г. Хронология структурных частей городища Уччакар в бассейне р. Чепцы // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – Вып.3. – С.152-163.

12. Иванова М.Г., Журбин И.В., Модин Р.Н. Кушманский комплекс памятников X–XIII веков в бассейне реки Чепцы: основные результаты междисциплинарных исследований // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2017. – Т. 27. № 4. – С.581-586.

13. Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Кушманское городище Уччакар в бассейне р. Чепцы: итоги исследований 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Ижевск: УдГУ, 2013. – С.75–79.

14. Иванова М.Г., Модин Р.Н. Кушманское городище Уччакар X–XIII вв.: материалы внешней части в контексте развития средневековых поселений // Труды КАЭЭ. – Вып. X. – Пермь: ПГГПУ, 2015. – С.138–151.

15. Лебедева Е.Ю. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. – Вып. 6. – М.: ИА РАН, 2008. – С.86–109.

16. Лебедева Е.Ю. Методические рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 1. – М.: ИА РАН, 2009. – С.258–266.

17. Лебедева Е.Ю. Предварительные результаты изучения археоботанической коллекции средневекового городища Уччакар (Кушманское) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 3. – М.: ИА РАН, 2013. – С.182–201.

18. Лебедева Е.Ю. Археоботаника: методы исследований и интерпретация результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников. – М.: ИА РАН, 2016. – С.118-146.

19. Лебедева Ю.А., Антипина Е.Е. Неоднозначность интерпретации археобиологической информации (по материалам городищ железного века) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. Материалы международного симпозиума «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы». – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. – С.125–137.

20. Россия как археологическое пространство. – М.: ИА РАН, 2016. – 152 с.

21. Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. – М.: ГЕОС, 2016. – 240 с.

УДК 902

**Васильев Д.В.****О КРИТЕРИЯХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО  
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

Астраханский государственный университет, Астрахань, РФ

*Автор пытается выяснить, насколько велико было влияние городов в Улусе Джучи, и каковы были причины возникновения городов в степи. В статье решается дискуссионная проблема соотношения археологических остатков золотоордынских поселений с типами населённых пунктов – городов, посёлков, сёл. Подробно анализируются имеющиеся в науке концептуальные подходы к периодизации урбанизации Золотой Орды, критикуется существующие принципы интерпретации памятников археологии. Автор предлагает ряд критериев правомерности соотношения археологического памятника с городом золотоордынской эпохи по следующим параметрам: исключительно большие размеры памятника, наличие богатого подъёмного материала, включающего остатки столовой и тарной посуды, в том числе поливной, наличие богатого нумизматического материала, остатков строений из обожжённого кирпича, мощного культурного слоя, наличие среди находок большого числа ремесленных изделий, свидетельств транзитной торговли (предметов импорта и торгового инвентаря), возможность соотношения памятника с упоминающимся в письменных источниках золотоордынским городом, наличие местной монетной чеканки. Нужно принимать во внимание, считался ли данный населённый пункт городом в средние века.*

*Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, город, поселение, городище, городская культура, урбанизация, археология, история, средневековье*

**Dmitry V. Vasil'ev****CITIES OF THE GOLDEN HORDE:  
ABOUT THE CRITERIAS OF ARCAEOLOGICAL DEFINITION OF  
THE GOLDEN HORDE CITIES**

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

*The author is trying to find out how great was the influence of cities in Ulus Juchi and what were the reasons for the emergence of the cities in the steppe. In addition, the article deals with the discussion problem of correlating archaeological remains of the Golden Horde settlements with the types of settlements - cities, towns and villages. He thoroughly analyzes the conceptual approaches in science to the periodization of the urbanization of the Golden Horde, and also criticizes the existing principles of interpretation of archeological monuments. The author offers a number of criteria for the legitimacy of relating the archaeological monument to the city of the Golden Horde era. These are the following parameters: the exceptionally large size of the monument, the presence of a rich finds on the surface of the ground, including the remains of a tabelware and a container utensils, including glazed ceramics, the availability of a rich numismatic material, the presence of remains of buildings built of burned bricks, the presence of a powerful cultural layer, the presence of a large number of handicraft items among the finds, the availability of evidence of transit trade (items of imports and trade equipment), the possibility of relating the monument to the Golden Horde city that mentioned in written sources, the presence of local coinage. In addition, one must take into account whether the given settlement was considered a city in the Middle Ages.*

*Key words: Golden Horde, Ulus Juchi, city, settlement, ancient settlement, urban culture, urbanization, archeology, history, the Middle Ages.*

Поразительно, но факт – большая часть сведений о Золотой Орде, которую мы привыкли воспринимать как кочевое государство, получены археологами в результате раскопок развалин золотоордынских городов. Насколько же велико было влияние городской культуры в Улусе Джучи, и каковы были причины возникновения городов в степях?

Археологические исследования начала XXI в. позволяют отнести к числу оседлых регионов предмонгольской эпохи помимо Среднего Поволжья, Хорезма, Крыма, Северного Кавказа и Приазовья также дельтовые и пойменные районы Нижней Волги, где располагались город Саксин и сопутствовавшие ему поселения, которые образовывали одноимённую область [4, с.189-267]. Таким образом, города стали относительно новым социальным и хозяйственным явлением лишь для степного региона, центром которого являлось Нижнее Поволжье. Именно уровень развития нижеволжских городов Золотой Орды можно считать тем показателем, который отражает уровень развития Улуса Джучи на каждом этапе его существования, а жизненный цикл этих городов удивительно точно совпадает с жизненным циклом золотоордынского государства в целом.

Как писал Г.А. Фёдоров-Давыдов, города монголов основывались по приказам монгольских завоевателей и быстро вырастали трудом подневольного населения как ремесленные и торговые центры [16, с.215-220]. Новые города в странах с развитыми традициями городской жизни возникали в качестве новых административных центров, которые не были связаны с прежними опорными пунктами власти. В регионах же с преобладанием кочевой культуры основные причины возникновения городов были связаны, по мнению В.Л. Егорова, с изменениями, происходившими в обществе самих кочевников [9, с.45-49]. Возможно, у монголов в доимперский период существовали какие-то элементы оседлости, поскольку в «Сокровенном сказании» упоминается какое-то население, пользующееся деревянными дверьми, наряду с монголами, живущими за войлочными стенами [10, с.151-163]. Но здесь наверняка не было ещё городов с укреплениями и торгово-ремесленными функциями, которые появляются у кочевников лишь после образования государства с бюрократическими функциями, с аппаратом чиновников и прочими атрибутами. Оперативные решения может принимать хан в кочевой ставке. Однако громоздкий и разветвлённый чиновничий госаппарат нуждается в постоянном местопребывании. Это первая стадия развития городской жизни. Как пишет В.Л. Егоров, если город возникал как исключительно административный центр, то его жизнь без экономической подпитки была недолгой. Вторая стадия развития – перерастание небольшого административного центра в центр ремесла и торговли, который превращается в многолюдный город [9, с.45-49].

В качестве примера появления города как административного центра можно рассмотреть ранний Каракорум (городище Хир-Хира). Вторую стадию наблюдал Гильом де Рубрук, который побывал в Каракоруме на рубеже 1253 и 1254 гг. [3, с.20]. Опираясь ещё на одно на сообщение Рубрука, В.Л. Егоров де-

лает предположение, что и столица Улуса Джучи – Сарай – на раннем этапе существования представляла собой небольшой город, скорее напоминающий кочевье [9, с.44-45]. Он также выделяет два основных типа городов у монголов в степной зоне и на ранней стадии развития государства. Тип 1 – Город, возникший как административный центр вокруг зимней ставки, когда «на помощь армии, вооружённой луками и саблями приходит армия, вооружённая перьями и законами» [9, с.46]. В дальнейшем эти города приобретают функции торговых и ремесленных центров и обрастают бахчами и посевами. Тип 2 – Город-колония. Эти города заселялись ремесленниками и земледельцами из захваченных оседлых земель для обеспечения кочевников своей продукцией. В качестве примера такого города в Золотой Орде В.Л. Егоров приводит Бельджамен (Водянское городище) [9, с.47].

Г.А. Фёдоров-Давыдов выделял особенности, которые присущи были городам Золотой Орды. Первая – строительство новых городских центров в сжатые сроки, с использованием труда пленников, стимулирование процесса ханской властью. Вторая – развитие рабовладельческого хозяйственного уклада, что особенно ярко проявилось в такой форме организации ремесла, как рабская мануфактура типа иранского кархана. Третья особенность – дуализм города и кочевой ставки-орды. В городе концентрировалась экономическая мощь государства, в кочевой ставке – политическая [16, с.215-220]. М.Г. Крамаровский пишет, что с появлением городов и денежного обращения в степи приходят новые формы разделения труда, новые экономические способы концентрации, перераспределения и реализации прибавочного продукта, получаемого из степи, земледельческих зон империи, и в результате международной торговли. Города становятся центрами трансконтинентальной торговли, духовной жизни, интеллектуальной деятельности и полиэтнической культуры. Но их ресурсы, их жизненный ритм оказались подчинены степной империи. Крушение власти кочевых ханов автоматически приводит к краху степных городов [11, с.567-568].

В целом, процессы урбанизации в Золотой Орде следует рассматривать на локально-региональном уровне. Здесь общие тенденции в развитии государства актуализируются на местном уровне неожиданным образом. Так, А.М. Белавин первым подметил одну особенность, касающуюся такого урбанизированного с домонгольских времён региона Золотой Орды, как Волжская Болгария. В XIII-XIV вв. Волжская Болгария представляла собой «младшего торгового партнёра» Прикамья, при этом наблюдается усиление миграционного потока в регион со стороны Волжской Болгарии [1, с.33]. Эти явления можно связать с монгольским разорением Среднего Поволжья и «великой замятней» в Орде во второй половине XIV века. В это время источники называют, кроме Касабы Аваколь ещё несколько городов в Предуралье: Чулыман, Сибыр, Ибыр. К этому же времени относятся надмогильные плиты с болгарскими надписями у городища Гурьякар в Удмуртии [1, с.33].

В качестве основных причин строительства новых городов в степях Нижнего Поволжья, которое стало центром самостоятельного государства Джучидов, а также неполного использования потенциала старых городских центров оседлых регионов, А.Ю. Якубовский называл благоприятное сочетание здесь природно-климатических условий, позволяющих вести земледельческое и кочевое хозяйство [6, с.68]. Кроме того, Нижнее Поволжье находилось на пересечении торговых путей, являвшихся важнейшими на континенте – Волго-Каспийского торгового пути и северного маршрута Великого Шёлкового пути. Контроль над этими путями наполнял ханскую казну. Однако до воцарения хана Менгу-Тимура говорить о самостоятельности Улуса Джучи не приходилось, а это значило, что доходы от старых городских центров уходили каракорумским ставленникам [17, с.78]. Таким образом, развитие Нижнего Поволжья, которое являлось личным доменом ханов из дома Бату и аккумулировало материальные и людские ресурсы [3, с.24], означало возможность «перехвата» части доходов, которые сулила эксплуатация оседлых регионов.

Итак, основным фактором, определяющим возникновение золотоордынских городов, является фактор административно-политический. В качестве примеров подобного возникновения городов можно привести обе столицы Золотой Орды – Старый и Новый Сарай [3, с.25]. М.Г. Сафаргалиев писал, что большинство городов, возникших при монголах, было построено на месте военных лагерей – он считал, что причина возникновения города зачастую может быть прочитана по его названию. В качестве примеров он приводил Старый Крым, Ак-Керман (Монкастро), Хан-Керман (Касимов), Керменчук (на реке Вятке), Керменчук (на Днепре) и другие. Слово «керман» в половецком словаре переведено на латинский как «Castrum» – «укрепление», «крепость», «лагерь». Помимо этого, название современного Темникова в Мордовии, сибирской Тюмени, Тюмени на реке Тереке он связывает с местами расположения лагерей ханских темников – начальников десятитысячных гарнизонов [14, с.79]. В.Л. Егоров связывал возникновение таких городов, как Тула, Калуга, Елец в так называемой «буферной» лесостепной зоне между русскими и собственно ордынскими владениями с существованием на их месте баскаческих слобод и военных застав [7, с.23-24]. М.Н. Насонов фиксирует многочисленные названия деревень, происхождение которых восходит также к баскаческим поселкам и слободам, на территории Руси: Баскаки, Баскаково, Баскачи и т.п. [12, с.180-20].

Другие города Золотой Орды, по словам М.Г. Сафаргалиева, были обязаны своим возникновением караванной торговле. К таковым он относил Солхат, Азак (Тану), Маджар, Сарай, Сарайчик, Хаджи-Тархан, Укек, Бельджамен [14, с.79-80]. Однако, как справедливо заметил М.Г. Крамаровский, вопрос о том, что новые города Джучидов появляются вне воли ханов и поддержки родовой и воинской аристократии, не стоит даже обсуждать: в Золотой Орде, тем более в XIII веке, не было другой социальной силы, способной изменить стереотип кочевнического хозяйствования в пользу седентаризации [11, с.572]. Кроме того,

тезис М.Г. Сафаргалиева о возникновении городов из укрепленных лагерей не выдержал проверки временем. Археологические исследования, проведенные на многих золотоордынских городищах, дали целый комплекс «фактов, свидетельствующих о том, что в урбанизации коренных областей Улуса Джучи был использован способ принудительной концентрации ремесленников. Но не в форме укрепленных поселений. В степи Джучидам нечего и некого было опасаться» [11, с.574].

Города в степи возникали по воле ханов без опоры на традиции предшествующего периода. Интересно, что в ходе раскопок на развалинах городов, которые были основаны монголами на новом месте, нигде до сих пор не выявлена стадия «предгорода». Таким образом, пока не удалось проследить эволюцию золотоордынского города с момента основания до превращения в полноценное городское поселение.

В настоящее время в изучении градостроительства в Золотой Орде существует концепция, предполагающая наличие двух основных путей возникновения городов. Это «степной» путь (в тех районах, где отсутствовала традиция оседлости домонгольского времени) и «автохтонный» (там, где существовали города со своими градостроительными традициями). На деле же в чистом виде эти «пути» нигде не реализуются, поскольку изначально имперская культура монголов была синкретичной и базировалась на смешении оседлого и степного элементов, на взаимопроникновении разнообразных культурных традиций [11, с.574].

В.Л. Егоров в своё время выделил 6 стадий развития городов в Золотой Орде [8, с.78], среди которых были период восстановления и использования старых городов, существовавших ещё до прихода монголов – 40-е годы XIII в., начало градостроительства в степях во время правления Бату – первая половина 50-х годов XIII в., подъём градостроительства при Берке – с середины 50-х до середины 60-х годов XIII в., период замедленного роста городов – с 70-х годов XIII в. до начала второго десятилетия XIV в., расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – со второго десятилетия до 60-х годов XIV в., затухание и упадок градостроительства – с 60-х годов XIV в. до 1395 года.

Как показали дальнейшие исследования, в этой общей схеме не учтены оказались локальные особенности городской культуры в Золотой Орде [15, с.16].

М.Г. Крамаровский, опираясь на нумизматические исследования, выделяет следующие этапы «лидерства наиболее значимых стационарных поселений и градообразующих провинций» [11, с.576-578]:

Первый период (1240-50-е – до 1290-х гг.). Монетная чеканка сосредоточена в старых городских центрах – Болгаре, Крыму, Хорезме и появляется в новообразованном Сарае.

Второй период (1290–1341 гг.). Начинается он с исчезновения на 30 лет монетной чеканки в Болгаре при сохранении остальных центров чеканки. В этот период предпринимается попытка чеканки монеты от имени Ногай в Крыму и в

Исакче. При хане Тохте начинается чеканка монет в Маджаре. При Узбеке монеты выпускаются в центрах улусов – в Крыму, в Сарае, Хорезме, Мохши и Болгаре, а также в Азаке и Сыгнаке.

Третий период – от Джанибека до Тохтамышша (1341/42 – 1380/81 гг.) Лидерами монетной эмиссии в этот период выступают монетные дворы Сарая ал-Джадид и Хорезма. В связи с распадом государства начинается независимая монетная чеканка в Гюлистане, Бельджамене, Ак-Сарае, Мохше, Хаджи-Тархане, Сарайчике. Процветают монетные дворы Шахр ал-Джедида в Поднепровье, Орду ал-Муаззам в Поднепровье, Азака в Подонье. На протяжении всего периода независимости Хорезма здесь выпускаются даже золотые динары.

Четвёртый период приходится на время правления от Тохтамышша до Джалал ад-Дина (1380–1412 гг.). В этот период все региональные центры становятся городами-эмитентами. Вместе с ними работает монетный двор кочевой Орды [5, с. 7-102].

Из этой периодизации отчётливо видно, что новые центры эмиссии, которые активизируются в годы политической раздробленности, не являются признаком упадка урбанизации, они маркируют начало выравнивания уровней экономического развития регионов, которое стало возможным в годы обретения политической независимости. Эти процессы запускаются всегда и везде в ситуации феодальной раздробленности некогда единой страны.

Л.Ф. Недашковский выделяет основные этапы развития округа золотоордынских городов Нижней Волги, основываясь на закономерностях денежного обращения в регионе. Всего он насчитывает шесть этапов: 1. 1266–1310 (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Тохты); 2. С 1310 по 1365 гг. (с реформы Тохты до начал массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет); 3. С 1365 по 1380 гг. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи); 4. С 1380 по 1395 гг. (правление Тохтамышша); 5. С 1395 по 1420 гг. (эпоха Идегея); 6. С 1420 по 1459 гг. (период распада Золотой Орды) [13, с.225].

В.Г. Блохин пришёл в своём исследовании к похожим результатам, используя обобщённые нумизматические данные. Критикуя В.Л. Егорова, он пишет, что выделение им второго и третьего периодов развития градостроительства кажется не обоснованным, и не подтверждается ни археологическими, ни письменными источниками. К настоящему времени известно только одно монументальное здание, которое могло быть построено при Берке – мечеть в Болгаре. Каких-либо чётко выраженных культурных слоёв, датируемых XIII в., на нижневолжских памятниках до настоящего времени не выявлено [3, с.40]. На основании анализа монетного материала кладов с территории Нижнего Поволжья можно сказать, что в период с 1240-х по 1310 г. в градостроительной политике золотоордынских ханов на Нижней Волге каких-либо кардинальных изменений, чередования периодов подъёма и замедленного развития уловить сложно [3, с.41]. Монетная активность начинается в 671 г.х. в Сарае, и в течение всей второй половины XIII в. происходит медленное поступательное развитие городов, начина-

ется постепенная концентрация ресурсов, обеспечивших подъём градостроительства в конце правления Тохты, когда с 710 г.х. начинает функционировать монетный двор «Сарай ал-Махруса», обеспечивший чеканку монеты для всего государства. Резко увеличился объём денежного обращения в годы правления ханов Узбека и Джанибека. Политическая дестабилизация, связанная с Великой замятней 1359-1380 гг. привела к стагнации в градостроительстве и сокращению в несколько раз объёмов денежного обращения. Следующий подъём денежного обращения связан с кратковременным объединением страны под властью Тохтамыша в 1380-1395 гг. Окончательный подрыв хозяйственно-экономических основ государства связан с походом Тимура на Золотую Орду в 1395-1396 гг. Большая часть золотоордынских городов погибла, но наиболее крупные центры, связанные с международной транзитной торговлей, возродились и существовали ещё долгое время – например, Сарай, Хаджи-Тархан и Сарайчик, ставшие политическими центрами постордынских государств [3, с.42-44].

Таким образом, согласно В.Г. Блохину, историю развития городов нужно делить на следующие отрезки:

1. Период медленного поступательного развития урбанизационной структуры – с 1240-х гг. по начало XIV века.
2. Стремительный подъём градостроительства – с начала XIV в. до начала 60-х гг. XIV века.
3. Период упадка городской культуры, связанный с Великой замятней – начало 60-х гг. – начало 80-х гг. XIV века.
4. Временный незначительный подъём, связанный с восстановительной деятельностью Тохтамыша – начало 80-х гг. XIV в. – 1395 г.
5. Полная деградация городской культуры в Золотой Орде – 1395 г. – первая половина XV века.

Таким образом, налицо стремление большинства исследователей, касавшихся данного вопроса, найти опору для аргументации выделения периодов развития и существования золотоордынских городов в монетном обращении на территории Улуса Джучи. Тем самым признаётся чрезвычайная важность торговли, ремесла и уровня развития рынка в целом для существования городов в Золотой Орде. Отметим также общую особенность данных периодизаций – основной исторический рубеж, на котором был дан старт урбанизации, в целом связан с обретением Улусом Джучи реальной независимости от Монгольской империи.

В.Л. Егоров насчитывает на территории бывшей Золотой Орды остатки 110 населённых пунктов, которые на настоящий момент по большей части археологизированы и представляют собой городища и селища. 30 городов, известных в средневековье, до сих пор не локализованы [8, с.139]. Археологические наблюдения близки к сведениям о 170 городах в степи, которые приводит Эвлия Челеби [18, с.143]. Однако являются ли все городища и селища в степях от Днепра до Урала и Западной Сибири остатками городов? Очевидно, что нет.

Сам В.Л. Егоров наиболее важными золотоордынскими городами считает Сарай, сарай ал-Джедид, Хорезм (Ургенч), Гюлистан, Булгар, Биляр, Азак, Крым, Кафу, Хаджи-Тархан, Орда-Базар, Бек-Базар, Укек, Сарайчик, Мохши, Шехр ал-Джедид, Маджар. Эти города выделены по наличию у них права монетной чеканки. Кроме того, к важнейшим относятся города Бельджамен, Тюмень, Трестаго, Аккерман, помеченные флажками на карте братьев Пицигани. Все они были не только центрами ремесла и торговли, но и важными административными центрами [8, с.139].

В.Г. Блохин высказал сомнение в завышенном, на его взгляд, уровне урбанизированности Золотой Орды. Он считает, что большинство памятников, исследованных лишь разведочно, не дают возможности отнести их к категории городов. Даже раскопанные площади на остатках крупных поселений незначительны по сравнению с размерами самих поселений. Естественно, что в подобных условиях данные о структуре, функциональной нагрузке, времени и условиях возникновения тех или иных поселений будут достаточно условны. Из всего списка городищ, который приведён у В.Л. Егорова, В.Г. Блохин причисляет к остаткам городов лишь Увек, Хаджи-Тархан, а также Водянское, Селитренное и Царёвское городища. Статус ещё нескольких крупных поселений – Мечётного, Комсомольского, Красноярского, Самосдельского – он предлагает определить после проведения широкомасштабных раскопок [2, с.164-171].

Естественно, что подобная постановка вопроса абсурдна. Археолог и историк, приняв эти правила, лишаются возможности не просто рассуждать о золотоордынских городах в общем, но даже судить об интерпретации того или иного отдельно взятого объекта «до проведения широкомасштабных исследований». К сожалению, для многих памятников археологии такое время не наступит никогда – это совершенно очевидно. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой археологической и исторической идентификации памятника, и рискуем превратить любой поселенческий памятник в непознаваемый объект. Ясно также, что проблема состоит в степени допущения, с которой мы готовы смириться в ходе исторической интерпретации.

Известным фактом является отсутствие у большинства золотоордынских городов укреплений – во всяком случае, у тех, которые существовали в степях. Исходя из общепринятой археологической терминологии, мы должны назвать остатки этих городов «селищами» (даже те, которые В.Г. Блохин определяет в качестве остатков городов). Тем не менее, по сложившейся традиции они именуются городищами, поскольку являются остатками крупных городов, то есть поселений, которые современниками назывались городами. Теоретические основы отнесения того или иного поселения к городам ещё не выделены и не разработаны. Можно предложить в качестве таковых следующие:

1. Исключительно большие размеры памятника (размеры золотоордынских городищ варьируются в пределах от 15 га до 3 600 га). Этот критерий субъективен, но учесть все местные особенности невозможно. Л.Ф. Недашковский,

например, предлагает остатками крупных городов считать памятники с площадью 205-3385 га (таких в Нижнем Поволжье всего четыре – Увек, Царёвское и Селитренное городища и Шареный бугор, что несколько расходится с точкой зрения В.Г. Блохина). К группе малых городов он относит памятники с площадью 10-100 га, к остаткам сельских поселений – селища с площадью 1-7 га, а к группе деревень – селища с площадью менее 1 га [13, с.15].

2. Наличие богатого подъёмного материала, включающего остатки столовой и тарной посуды, в том числе поливной.

3. Наличие богатого нумизматического материала – медных и серебряных монет.

4. Наличие на памятнике остатков строений из обожжённого кирпича, а также поливных изразцов, мозаики и майолики.

5. Наличие мощного культурного слоя, датирующегося как минимум XIV веком.

6. Наличие среди находок большого числа фрагментов ремесленных изделий (не только керамики) – костяных, железных, медных, стеклянных, а также, возможно, следов производств.

7. Наличие на памятнике свидетельств транзитной торговли – значительное число предметов импорта, свинцовых грузиков-пломб, медных гирек, бронзовых и костяных весов и пр.

8. Возможность соотнесения памятника с упоминающимся в письменных источниках или с отмеченным на средневековых картах золотоордынским городом по особенностям топографии или по монетному материалу.

9. Одним из критериев отнесения памятника археологии к категории городов может явиться свидетельство чеканки на нём монеты в своё время, пусть даже в краткий период. Это будет означать, что поселение являлось административным и экономическим центром большой или малой округи, а значит, выполняло функции города. (Конечно, при этом следует также учитывать факт наличия обильной монетной чеканки в кочевой ставке – Орде, которая городом не являлась, по крайней мере – стационарным).

Кроме того, нужно иметь в виду, что средневековые критерии города не всегда совпадали с современными. Если населённый пункт считался городом в средние века и это зафиксировано в письменных источниках, у нас нет оснований считать его остатками сельского поселения.

### **Библиографический список**

1. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГГПУ, 2000. – 200 с.
2. Блохин В.Г. Золотоордынские города Нижнего Поволжья: проблема социокультурной идентификации археологических бытовых памятников // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Волгоград, 2007. – С.164-171.

3. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. – Волгоград: ВолГУ, 2006. – 249 с.
4. Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. – 2015. – №2 (12). – С.189-267.
5. Гончаров Е.Ю. Монетные дворы Улуса Джучи // Труды II Международной нумизматической конференции “Монеты и денежное обращение в монгольских государствах в XIII-XIV вв.” Муром, 6-12 сентября 2003 г. – М.: Нумизматическая литература, 2005. – С.97-102.
6. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – 505 с.
7. Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. – М.: Знание, 1990. – С.23-24.
8. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв.. – М.: Наука, 1985. – 246 с.
9. Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов // История СССР. – 1969. – №4. – С.39-49.
10. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un Niruca tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. – М.-Л.: АН СССР, 1941. – 620 с.
11. Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времён. В семи томах. Том. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009. – С.567-589.
12. Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). – М.-Л.: АН СССР, 1940. – 178 с.
13. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М.: Наука, 2010. – 368 с.
14. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1960. – 279 с.
15. Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: МГУ, 1994. – 228 с.
16. Фёдоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: материалы Всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г., г. Алма-Ата. – Алма-Ата: “Наука” Казахской ССР, 1983. – С.215-220.
17. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: МГУ, 1973. – 180 с.
18. Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века): Перевод и комментарии. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков; Предисл. А.П. Григорьева; Примеч. и коммент. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. Институт востоковедения АН СССР. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979. – 288 с.



**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ****А.М. БЕЛАВИНА**

Составители:

Котельникова Анна Александровна, библиограф ПГГПУ

Костицина Анна Вадимовна, главный библиотекарь ПГГПУ

**BIBLIOGRAPHIC LIST OF PUBLICATIONS****A. M. BELAVIN**

Kotelnikova Anna Aleksandrovna, bibliographer, PSHPU

Kostitsina Anna Vadimovna, chief librarian, PSHPU

Библиографический список включает описания 270 публикаций А.М. Белавина. В разделе «Научные публикации» описания сгруппированы по дате выхода, внутри по алфавиту заглавий. В отдельный раздел выделены учебно-методические и учебные публикации, которые приводятся в алфавите заглавий. К библиографическому списку составлен «Алфавитный указатель заглавий», в нем рядом с заглавием в скобках указана дата публикации и порядковый номер в списке.

***Научные публикации******1983 год***

1. О выявлении и охране памятников археологии (для юных туристов) / А. М. Белавин. – Пермь : ПГДТЮ, 1983. – 16 с.
2. Работы Пермского Дворца пионеров / А. М. Белавин // Археологические открытия 1981 года. – М. : Наука, 1983. – С. 136.

***1984 год***

3. Раскопки памятников средневековья в Верхнем Прикамье / А. М. Белавин // Археологические открытия 1982 года. – М. : Наука, 1984. – С. 141-142.
4. Средневековые памятники у д. Володин Камень в приустьевой части р. Яйвы / А. М. Белавин, А. Ф. Мельничук // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья : межвуз. сб. науч. тр. – Ижевск : УдмГУ, 1984. – С. 8-16.

***1985 год***

5. Ties of the Finno-Ugric population of the Kama area with Bulgaria on the Volga in the 9th-14th centuries / А. М. Belavin // Шестой международный конгресс финно-угроведов : тез. докл. Т. 4 : Этнография, археология, антропология. – Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1985. – С. 167-168.
6. Археологические памятники окрестностей г. Березники Пермской области : каталог / А. М. Белавин, А. Ф. Мельничук. – Березники : БКМ, 1985. – 32 с.
7. Раскопки в окрестностях г. Березники / А. М. Белавин // Археологические открытия 1983 года. – М. : Наука, 1985. – С. 137-138.

***1986 год***

8. Городищенское городище на р. Усолке / А. М. Белавин // Приуралье в древности и средние века : межвуз. сб. науч. тр. – Устинов : УдГУ, 1986. – С.130-142.

9. О связях племен Верхнего Прикамья с государством волжских булгар / А. М. Белавин // Источники по истории и культуре Башкирии : тез. докл. – Уфа : [БФ АН СССР], 1986. – С. 87-91.

10. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII в. / А. М. Белавин, В. А. Оборин // Волжская Булгария и Русь : (к 1000-летию русско-булгарского договора) : сб. ст. – Казань : ИЯЛИ, 1986. – С. 63–75.

11. Работы на берегах Камского и Воткинского водохранилищ / А. М. Белавин, А. Ф. Мельничук, А. В. Рублев // Археологические открытия 1984 года. – М. : Наука, 1986. – С. 117.

12. Работы Пермского пединститута / А. М. Белавин // Археологические открытия 1984 года. – М. : Наука, 1986. – С. 116.

#### *1987 год*

13. К вопросу о содержании исторического процесса в конце I – начале II тыс. н.э. в Верхнем Прикамье / А. М. Белавин // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция : тез. докл. 2: Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение. – Устинов: УдмНИИ : УГУ, 1987. – С. 8-10.

14. Некоторые итоги и перспективы развития археологии Приуралья в свете решений XXVII съезда КПСС / А. М. Белавин // Новое мышление и актуальные проблемы гуманитарного знания : тез. докл. 5-й межвуз. конф. молодых учёных. – Пермь, 1987. – С. 31-32.

15. О современном подходе к периодизации Верхнего Прикамья / А.М. Белавин // Новое мышление и актуальные проблемы гуманитарного знания : тез. докл. 5 межвуз. конф. молодых учёных. – Пермь, 1987. – С. 33-34.

16. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I - начале II тыс. н.э. (по материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) / А.М. Белавин // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. : межвуз. сб. – Йошкар-Ола : МарГУ, 1987. – С.113-126

17. Работы в Карагайском районе Пермской области / А.М. Белавин, А.В. Голдобин, Г.Т. Ленц // Археологические открытия 1985 года. – М. : Наука, 1987. – С. 164-165.

#### *1988 год*

18. Археологические памятники бассейна реки Чусовой / А.М. Белавин, А.В. Голдобин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц, А.Г. Милиаскарова, А.А. Терехин. – Чусовой : Музей истории г. Чусовой при СДЮШОР «Огонек», 1988. – 48 с.

19. Работы на р. Усьве / А. М. Белавин // Археологические открытия 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 156.

#### *1989 год*

20. Археологические памятники Соликамского района: каталог / А.М. Белавин, Г.А. Бординских, А.Ф. Мельничук. – Соликамск : СКМ, 1989. – 36 с.

21. Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии) : дис. ... канд. ист. наук / А.М. Белавин. – Казань : Ин-т археологии, 1989. – 300 с.
22. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X-XIII веков / А. М. Белавин. // Актуальные проблемы исторической науки : тез. докл. II межвуз. обл. конф. студ. и мол. учен. – Пермь : ПГПИ, 1989. – С. 35-37.
23. Раскопки памятников эпохи средневековья в Пермском Приуралье в 1987-1988 гг. / А.М. Белавин // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар : КНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 43-45.
24. Связи финно-угорских племен Прикамья с Волжской Болгарией в X-XIV вв. / А.М. Белавин // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов [24-30 июля 1985 г., Сыктывкар]. Т. 1. – М. : Наука, 1989. – С. 16-19.
25. Серебряная бляха из могильника Телячий Брод / А.М. Белавин, Е.Н. Носкова // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 253-256.

*1990 год*

26. О раннем этапе болгаро-пермских контактов / А. М. Белавин // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе : [сб. ст.]. – Казань : ИЯЛИ, 1990. – С. 125-131.

*1991 год*

27. Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв.: (К вопросу о культурном и экономическом взаимодействии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: (07.00.06) / АН СССР, Ин-т археологии, Ленингр. отд-ние. – Л., 1991. – 15 [1] с.
28. Раскопки средневековых могильников в Пермской области / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин // Археологические открытия Урала и Поволжья : сб. ст. – Ижевск: Удм. ин-т истории яз. и лит., 1991. – С. 56-58.
29. Раскопки средневековых поселений в Верхнем Прикамье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археологические открытия Урала и Поволжья : сб. ст. – Ижевск : Удм. ин-т истории яз. и лит., 1991. – С. 26-28.

*1992 год*

30. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X-XIII вв. / А. М. Белавин // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья : [материалы совещ., посвящ. памяти А. П. Смирнова, дек. 1989 г.] – Сыктывкар : КНЦ Уро РАН, 1992. – С. 142-148.

*1993 год*

31. Камская археолого-этнографическая экспедиция за десять лет / А.М. Белавин, Н.Н. Агафонова // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тез. XII Урал. археол. совещ., 19-22 апр. 1993 г., (г. Екатеринбург) – Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1993. – С. 48-49.
32. Некоторые особенности исторического процесса на Западном Урале в конце I – начале II тыс. н.э. / А.М. Белавин // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : материалы XII Урал. археол. совещ. – Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1993. – С. 64-65.

33. Раскопки Рождественского и Филипповского городищ в Верхнем Прикамье / А. М. Белавин // Археологические открытия 1992 года. – М. : ИА РАН, 1993. – С. 124-125.

*1994 год*

34. Еще раз к вопросу о поздней смене угорского населения финским в Верхнем Прикамье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье : материалы междунар. конф., Сыктывкар, 7-10 июня 1994 г. : [Посвящается памяти археолога В. Ф. Генинга] : тез. докл. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1994. – С. 118-122.

35. О северном продолжении Булгар-Киевского торгового пути / А.М. Белавин // Город Болгар и его округа : тез. докл. науч. конф., посвящ. 25-летию БГИАЗ. – Болгар: ИЯЛИ, 1994.

36. Раскопки средневековых городищ в Верхнем Прикамье / А.М. Белавин, О.А. Нечаев // Археологические открытия Урала и Поволжья : сб. ст. – Йошкар-Ола: ИЯЛИ при СМ респ. Марий-Эл, 1994. – С. 11-14.

*1995 год*

37. Военно-политические взаимоотношения Древней Руси, Волжской Болгарии и Верхнего Прикамья в XIII-XVI вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Великий подвиг народа : ист. чтения, посвящ. 50-летию Победы в Велик. Отеч. войне : тез. докл., 5-6 мая 1995 г., Сургут. – Екатеринбург, 1995. – С. 34-41.

38. Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Уржумка : науч. журн. Челяб. гос. пед. ин-та. – 1995. – № 1. – С. 5-15.

39. Еще раз к вопросу о поздней смене угорского населения финским в Верхнем Прикамье / А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова // Узловые проблемы современного финно-угроведения : материалы I всерос. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения, 1995. – С. 16-18.

40. Окрестности Березников в эпоху средневековья / А.М. Белавин // Коноваловские чтения. Вып. 1: Материалы краевед. конф., посвящ. 70-летию Березниковского краевед. музея. – Березники, 1995. – С. 41-44.

41. Особенности градообразовательного процесса в средневековом Прикамье / А.М. Белавин // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Березники: БФ ПГТУ, 1995. – С. 77-79.

42. Финно-угорская археология Приуралья и пермская школа археологов / А.М. Белавин // История и культура финно-угорских народов : материалы 2-й междунар. финно-угорской конф. студ. и мол. учен. – Глазов, 1995.

*1996 год*

43. Губернская Пермь / А.М. Белавин, М.Г. Нечаев. – Пермь : [изд-во ПГПУ], 1996. – 100 с. : ил.

44. Исследования Огурдинского археологического комплекса / А.М. Белавин // Археологические открытия 1995 года. – М. : ИА РАН, 1996. – С. 250-251.

45. О роли угров в этнической истории Верхнего Прикамья / А.М. Белавин // XIII Уральское археологическое совещание (23-25 апр. 1996 г.) : тез. докл. Ч. 2. – Уфа : Восточный университет, 1996. – С. 61-62.
46. Об угорском характере Пермского звериного стиля / А.М. Белавин // Историческая наука сегодня: проблемы и перспективы : тез. межвуз. конф. – Пермь : ПГПУ, 1996. – С. 61-62.
47. Проблемы этнической археологии Приуралья / А.М. Белавин // Этническая археология Евразии : сб. материалы междунар. конф. – Томск, 1996. – С. 64-67.
48. Священные рощи коми-пермяков (о культе природы у населения Коми-Пермяцкого округа) / А.М. Белавин // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии : полев. симп. – Пермь, 1996. – С. 9-14.
49. Этнокультурные контакты средневекового населения Прикамья / А.М. Белавин // Историческое познание: традиции и новации : материалы междунар. теорет. конф., Ижевск, 26-28 октября 1993 г. [Ч. 1]. – Ижевск : УдГУ, 1996. – С. 66-75.

*1997 год*

50. Еще раз о локализации «стран и народов» средневековых арабских источников в Приуралье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере региона Ср. Прикамья) : тез. докл. науч.-практ. конф. – Сарапул : СИКМ, 1997. – С. 40-44.
51. Задачи и проблемы охраны памятников археологии в Пермской области / А.М. Белавин // Охрана историко-культурного наследия в России : материалы науч.-метод. семинара МК РФ. – М., 1997. – С. 66.
52. К вопросу о характере этнокультурного взаимодействия Прикамья и Западной Сибири в эпоху железа / А.М. Белавин // Культурное наследие Азиатской России : материалы Сиб.-Ур. ист. конгресса (25-27 ноября 1997 г., г. Тобольск). – Тобольск : Изд-во Тоб. гос. пед. ин-та, 1997. – С. 66-67.
53. Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья / А.М. Белавин, А.В. Старков // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. – Екатеринбург : НПЦ ОПИК, 1997. – С.152-158.
54. О дате образования Пермской губернии и города Перми / А. М. Белавин // Взгляд на историю Прикамья на пороге XXI века : тез. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Перм. губернии. – Пермь : ПГУ, 1997. – С. 4-7.
55. О локализации Страны Вису в Пермском Приуралье / А.М. Белавин // Коми-пермяки и финно-угорский мир : материалы I междунар. науч.-практ. конф., г.Кудымкар, 26-27 мая 1995 г. – Кудымкар : Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1997. – С.166-170.
56. О символах, эмблемах и гербах: к вопросу о современном гербе Пермской области (научные аспекты и подходы) / А.М. Белавин // Архивы, вузы, школы :

материалы межотрасл. науч.-практ. конф. – Пермь : Обл. архив. упр., 1997. – С.39-44.

57. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Коми-пермяки и финно-угорский мир : материалы I междунар. науч.-практ. конф., г. Кудымкар, 26-27 мая 1995 г. – Кудымкар : Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1997. – С. 130-138.

58. Юность – науке / А. М. Белавин // Сборник тезисов лучших докладов конференции НОУ. – Пермь, 1997. – С. 3-6.

*1998 год*

59. Проблемы охраны археологического наследия Пермской области / А.М. Белавин, А.Ф. Мельничук, В.П. Денисов // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Березники, 1998. – С.124-128.

60. Финно-угроведение в Пермском государственном педагогическом университете / А.М. Белавин // История и культура финно-угорских народов : материалы междунар. студ. науч.-практ. конф., Глазов, 11-13 дек. 1996 г. Ч. 2 : Языкознание. Фольклор и краеведение. – Глазов, 1998. – С. 3-6.

61. Этнокультурное взаимодействие средневекового населения Западного Урала с ближним и дальним окружением / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Урал в прошлом и настоящем : материалы науч. конф., Екатеринбург, 24-25 февр. 1998 г. – Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1998. – С. 142-146.

*1999 год*

62. Взаимодействие населения Приуралья и Зауралья в древности и средние века / А.М. Белавин // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. – Челябинск : Рифей, 1999. – С. 9-12.

63. Височные кольца, подвески и серьги болгарской работы в Приуралье / А. М. Белавин // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Пермь : Перм. обл. краевед. музей, 1999. – С.127-134.

64. Внешние и внутренние этнокультурные и экономические контакты средневекового населения Предуралья (по керамическому комплексу) / А.М. Белавин // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Предуралья : материалы междунар. полевого симп., посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Смирнова и 25-летию исследований городища Иднакар – Ижевск-Глазов, 1999. – С. 65-72.

65. Историко-культурные связи населения Чердынского края в эпоху средневековья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Чердын. краевед. музея им. А. С. Пушкина – Пермь : Чердын. музей, 1999. – С. 77-81.

66. Камский торговый путь из Болгара «в страну Вису и Чулман» / А.М. Белавин // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков : материалы междунар. симп., Казань, 8-10 сент. 1998 г. – Казань : Мастер Лайн, 1999. – С. 161-173.

67. Купросское городище в Коми-Пермяцком автономном округе / А.М. Белавин // Охранные археологические исследования на Среднем Урале : сб. ст. Вып. 3. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 1999. – С. 189-195.
68. О находках предметов болгарской ювелирной продукции в окрестностях Березников / А.М. Белавин // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Березники, 1999. – С. 36-37.
69. Об употреблении этнических имен и терминов в археологической литературе Урала / А. М. Белавин // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. – Челябинск : Рифей, 1999. – С. 151-152.
70. Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» / А.М. Белавин // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья : сб. ст. – Казань : Мастер Лайн, 1999. – С. 73-85.
71. Этнические проблемы археологии Предуралья эпохи железа / А.М. Белавин // Проблемы первобытной и средневековой археологии : тез. докл. Первых Халиков. чтений, 12-13 окт. 1999 г. – Казань : Мастер Лайн, 1999. – С. 64-67.

*2000 год*

72. История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль) / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. : материалы науч. конф., Ижевск, 28-30 марта : 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УдГУ, [2000?]. – С. 325-327.
73. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях / А.М. Белавин. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с. : ил., карт., портр.
74. Пермское Предуралье в эпоху средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, И.В. Бочаров // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. : материалы науч. конф., Ижевск, 28-30 марта : 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УдГУ, [2000?]. – С. 318-321.
75. Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки / [авт. кол.: А.М. Белавин, Т.И. Быстрых, Л.В. Вальнева и др.; под ред. М.Г. Нечаева]. – Пермь : Кн. мир, 2000. – 390, [1] с. : ил., портр.<sup>36</sup>
76. Ранний этап «древнерусской колонизации» и проблема смены вмещающего этноса Пермского Предуралья / А.М. Белавин // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: материалы междунар. науч. конф. (Сыктывкар, 17-19 мая 2000 г.) – Сыктывкар, 2000. – С. 146-150.
77. Раскопки Чашкинского 2 селища в Пермской области / А.М. Белавин // Археологические открытия 1998 года. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 218-219

<sup>36</sup> В данном издании А.М. Белавиным написаны следующие главы: «Предыстория. Первоначальное заселение» (в соавт. с А. Ф. Мельничуком, с. 12-20); «Егошиха» (с. 21-26); «Возникновение города» (с. 26-30)

78. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века / А.М. Белавин // Средневековая Казань: возникновение и развитие : материалы междунар. науч. конф., Казань, 1-3 июня 1999 г. – Казань : Мастер Лайн, 2000. – С. 122-126.

79. Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.М. Белавин. – Санкт-Петербург, 2000. – 52 с.

80. Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья : дис. ... д-ра ист. наук / А.М. Белавин. – Санкт-Петербург, 2000. – 306 с. + Прил. (95 с.: ил.).

81. Этнокультурные связи Предуралья в эпоху средневековья / А. М. Белавин // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. : материалы науч. конф., Ижевск, 28-30 марта : 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск : УдГУ, [2000?]. – С. 316-318.

#### 2001 год

82. Анюшкарский меридиан / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 1-2. – Пермь, 2001. – С. 96-99.

83. Бляхи с «охотничьим» сюжетом из Верхнего Прикамья / А.М. Белавин // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. – Березники : тип. Купца Тарасова, 2001. – С. 116-122.

84. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути / А.М. Белавин // Великий Волжский путь : материалы круглого стола и междунар. науч. семинара, Казань, 28-29 авг. 2000 г. – Казань : Мастер Лайн, 2001. – С. 140-144.

85. Культурный комплекс на селище Телячий Брод / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Пермский регион: история, современность, перспективы: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Березники, 2001. – С. 34-38.

86. Неволинские пояса в системе международных связей / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры : 5-е чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 декабря 2000 г.) : материалы к чтениям. – СПб. : Староладож. ист.-архит. и археол. музей-заповедник, 2001. – С. 88-94.

87. О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 1-2. – Пермь, 2001. – С. 108-111.

88. Об этнической принадлежности Пермского средневекового звериного стиля / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической. – Вып. 1-2. – Пермь, 2001. – С. 14-24.

89. Предисловие / А.М. Белавин // Путилова Н.Н. Полазна : Большая история малого поселка. Ч. 1. – Пермь : Кн. мир, 2001. – С. 3.

90. Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли / А.М. Белавин // Древние ремесленники Приуралья : материалы всерос. науч. конф. (Ижевск, 21-23 нояб. 2000 г.). – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2001. – С. 139-147.

91. Этническая ситуация в Пермском Предуралье и Тюменском Зауралье в эпоху средневековья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, В.И. Семенова // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. – С. 55-76.

92. Этнокультурная ситуация в Среднем (Пермском) Предуралье в эпоху позднего неолита / А.М. Белавин, Е.Л. Лычагина // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 1-2. – Пермь, 2001. – С. 10-14.

*2002 год*

93. Взаимодействие населения Западной Сибири и Предуралья в эпоху средневековья / А.М. Белавин // Северный археологический конгресс, г. Ханты-Мансийск, 9-14 сентября 2002 г. : тез. докл. - Екатеринбург; Ханты-Мансийск : Академкнига, 2002. – С. 42-53.

94. Возникновение Земли Пермской / А.М. Белавин // Прикамье: Направления туристских маршрутов. – Пермь : С-лайт, 2002. – С. 6-7.

95. Зарождение предпринимательских традиций в Предуралье в эпоху средневековья / А.М. Белавин // Родовое сознание и духовное предпринимательство : материалы междунар. науч.-практ. конф. : 27-30 марта 2002. – Пермь : ПРИПИТ, 2002. – С. 15-20.

96. Истоки межэтнической толерантности в Прикамье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья : материалы междунар. науч. конф., (Ижевск, 29-31 окт. 2002 г.) –Ижевск : Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2002. – С. 124-131.

97. «Пермский период» в истории / А.М. Белавин // Желтые страницы. Пермская область. – Пермь: «М+Б», 2002. – С. 17-24.

*2003 год*

98. Анатолий Николаевич Лепихин. Некролог / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. III. – Пермь, 2003. – С. 39.

99. Аскизские предметы в Пермском Предуралье / А.М. Белавин // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы междунар. научной конф. 6-10 окт. 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 138-139.

100. Древние хакасы и Пермское Предуралье (по материалам Рождественского археологического комплекса) / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 3. – Пермь, 2003. – С. 72-79.

101. Заселение и освоение Гайнского края в древности и средние века / А.М. Белавин // Деревня Монастырь на Каме-реке : сб. фольклор.-этнолингв. материалов по Гайнскому району. – Пермь, [2003?]. – На тит. л. годизд.: 2001. – С. 8-13.

102. К столетию со дня рождения О.Н. Бадера / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 3. – Пермь, 2003. – С. 6-10.

103. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин, Г.Т. Ленц // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 3. – Пермь, 2003. – С. 56-71.

104. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц // Великий Волжский путь : материалы II-го этапа Междунар. науч.-практ. конф. "Великий Волжский путь", Санкт-Петербург-Стокгольм-Санкт-Петербург, 5-14 авг., 2002 г. – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2003. – С. 106-124.

105. Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Предуралья эпохи средневековья / А.М. Белавин // Из археологии Поволжья и Приуралья : материалы II Халиковских чтений. – Казань : РИЦ «Школа», 2003. – С. 143-147.

#### 2004 год

106. Археологические свидетельства проникновения христианства в Прикамье в 1-й половине 2 тыс. н. э. / А.М. Белавин // Древность и средневековье Волго-Камья : материалы III Халиков. чтений. – Казань : ИИ АНРТ, 2004. – С. 20-26.

107. К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья / А.М. Белавин // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Удмурт. археол. экспедиции и 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и литературы УрО РАН, 2004. – С. 331-339.

108. Камский торговый путь в системе торговых путей средневековья / А.М. Белавин // Пути средневековых торговцев : сб. материалов "круглого стола", провед. в рамках Междунар. (XVI Уральского) археол. совещ., Пермь, 6-10 окт. 2003 г. – Пермь : ПГПУ, 2004. – С. 4-16.

109. Основные этапы этнической истории коренного населения Пермского Прикамья (по данным археологии) / А.М. Белавин // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов : материалы III Междунар. ист. конгресса финно-угроведов, [г. Йошкар-Ола, 28 окт.-1 нояб. 2003 г.]. – Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2004. – С. 97-100.

110. К читателям / А.М. Белавин // Тулвинские татары и башкиры : этногр. очерки и тексты / [А. В. Черных и др.; науч. ред. Г. Н. Чагин]. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 2004. – С. 3-4.

111. Становление российских музеев. Вопросы формирования правового статуса [Текст] / Н.А. Чернядзева, А.М. Белавин : М-во образования и науки РФ, ПГПУ. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 2004. – 78 с. : ил.

112. Усольская земля в древности и средние века / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Усольские древности : сб. трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX-XX вв. / [науч. ред. И.А. Подюков]. – Усолье : [б. и.], 2004. – С. 5-23.

#### 2005 год

113. Археологические памятники Верхокамья в этнической истории народов Коми-Пермяцкого округа / А.М. Белавин // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. – Пермь, 2005. – Вып. 1. – С. 105-125.

114. Война и Песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья / А.М. Белавин, И.А. Подюков, А.В. Черных, К.Э. Шумов. – Пермь : [Перм. кн. изд-во], 2005. – 200 с.

115. Комплекс метательного оружия из раскопок Рождественского археологического комплекса на р. Обва / А.М. Белавин // Современный музей как важный ресурс развития города и региона : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1000-летию Казани и 110-летию Нац. музея Республики Татарстан, 12-17 сент. 2005 г. – Казань : Школа, 2005. – С. 159-164.

116. Предметы культового литья (пермский звериный стиль) с выделенным знаком пола / А.М. Белавин // Коми-пермяки и финно-угорский мир : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Кудымкар, 30 июня – 1 июля 2005 г.) – Кудымкар, 2005. – С. 65-75.

#### *2006 год*

117. Археология и школа / А.М. Белавин // Русановские чтения : регион. обществ.-ист. чтения им. В.Н. Русанова (20 мая 2006 г., г. Оса). Вып. 2. – Пермь: ПГПУ, 2006. – С. 11-14.

118. Булгарская керамика Рождественского городища / Е.В. Богданова, А.М. Белавин // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Вып. 1. – 2006. – С. 37-73.

119. Вперед, вперед! / А.М. Белавин // Урало-поволжская лесостепь в эпоху бронзового века : сб. ст., посвящ. 60-летию Владимира Степановича Горбунова. – Уфа : БГПУ, 2006. – С. 26-27.

120. Древняя Афкула (Рождественский археологический комплекс X-XIII вв. в Пермском Предуралье) / А.М. Белавин // Современные проблемы археологии России : материалы всерос. археол. съезда (23-28 окт. 2006 г., Новосибирск). Т.2. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 111-114

121. Камский торговый путь / А.М. Белавин // История татар с древнейших времен. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Рухият, 2006. – С. 326-330.

122. Костяные и железные наконечники стрел Рождественского археологического комплекса / А.М. Белавин, А.В. Данич // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Вып. 1. – 2006. – С. 25-37.

123. Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария / А.М. Белавин // История татар с древнейших времен. Т.2: Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань : Рухият, 2006. – С. 395-408.

124. Пермское Предуралье – перекресток торговых путей Евразии / А.М. Белавин // II Северный археологический конгресс = II Northern archaeological congress : тез. докл. : 24-30 сент. 2006, Ханты-Мансийск. – Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Чароид, 2006. – С. 12-29.

#### *2007 год*

125. Взаимодействие степи и леса (по археологическим материалам Предуралья) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Средневековая археология евразийских степей: материалы учред. съезда Междунар. конгр., Казань 14-16 февр. 2007 г. Т.1. – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2007 – С. 136-142.

126. К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья / А.М. Белавин, И.В. Бочаров, Н.Б. Крыласова // Уфимский археологический вестник. – Вып. 6-7. – 2007. – С. 131-144.
127. О «медовой составляющей» в палеоэкономике Пермского Предуралья / А.М. Белавин // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: чтения памяти К. В. Сальникова (1990-1966) : материалы Междунар. конф. (20-22 апр. 2007 г., г. Уфа). – Уфа : Китап, 2007. – С. 222-230.
128. Пермское Предуралье как культурно-экологическая область / А.М. Белавин // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез : сб. науч. ст. – СПб : ИИМК РАН, 2007. – С. 26-40.
129. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье / А.М. Белавин // XVII Уральское археологическое совещание : материалы науч. конф. (Екатеринбург, 19-22 нояб. 2007 г. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. – С.8
130. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 4: Поселенческие памятники Предуралья Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации. – Пермь, 2007. – С. 4-12.
131. Редикарский археологический комплекс (по материалам раскопок 1996 г.) / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып.4: Поселенческие памятники Предуралья Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации. – Пермь, 2007. – С. 23-50.
132. Три века пермской археологии и современность / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Доклады XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции : (Пермь, ПГПУ 31 янв. – 4 февр. 2007 г.). – Пермь : ПГПУ, 2007. – С. 4-8.
133. Этнокультурная ситуация в Пермском Предуралье периода средневековья и нового времени / А.М. Белавин // Пермские финны: археологические культуры и этносы : материалы I Всерос. науч. конф. (Сыктывкар, Республика Коми 25-28 сент. 2007 г.). – Сыктывкар : Ин-т языка, лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 8-12.

#### 2008 год

134. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск : [монография] / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова: Федер. агентство по образованию, ПГПУ, Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь : Изд-во РАН : Изд-во ПГПУ, 2008. – 603 с. : ил., табл. ; 30 см. – (Археология Пермского края: свод археологических источников ; вып. I). – Прил. (36 с.).
135. Жилищно-хозяйственный комплекс селища Запоселье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии : [материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции, Ижевск, 29-30 янв. 2008]. – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2008. – С. 414-419.

136. Запосельское поселение в Пермском крае / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Краткие сообщения Института археологии. – 2008. – № 222. – С. 151-164.
137. Камская археолого-этнографическая экспедиция за двадцать пять лет / А. М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып.5: Университет и историко-культурное наследие региона. – Пермь, 2008. – С. 63-70.
138. Камский торговый путь / А.М. Белавин // КАМWA: альманах. Вып.1. – Пермь: РПК «Мастер-Флок», 2008. – С. 14-22.
139. Находки крестов на Рождественском археологическом комплексе / А.М. Белавин // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Вып. 2. – 2008. – С. 4-9.
140. Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национальногоразвития = Russia between the past and the future: historical experiences of the national development : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4-5 марта 2008 г. – Екатеринбург : Ин-т истории и археологии, 2008. – С. 47-51.
141. Редкий предмет из грабительских раскопок / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст : материалы темат. науч. конф., Санкт-Петербург 16-19 дек. 2008 г. – СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2008. – С. 215-218.
142. Роль А.А. Спицына в возникновении научной археологии в Пермской губернии / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // История и практика археологических исследований: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына. Санкт-Петербург, 26-30 нояб. 2008 г. – СПб : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2008. – С. 8-12.
143. Учебный модуль «Мультимедийные технологии представления учебного материала по теме «Первобытная и древняя история»» (для дисциплины ОПД.Ф.04 «Теория и методика обучения истории и обществознанию») / А.М. Белавин, Л.В. Женина // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Информационные компьютерные технологии в образовании». – 2008. – № 4. – С. 35-45.
- 2009 год*
144. Древняя Афкула / А.М. Белавин // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2009. – № 1. – С. 78-86.
145. Императорская Археологическая Комиссия и археология Пермской губернии / О.В. Игнатьева, Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин // Императорская археологическая комиссия (1859-1917) = The Imperial archaeological commissiom (1859 – 1917) : у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия : к 150-летию со дня основания. – М. : Санкт-Петербург : Буланин, 2009. – С. 637-660.

146. Миграции и колонизация в древней истории Предуралья / А.М. Белавин // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2. – С. 50-59.
147. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афкула) в Пермском крае / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Научный Татарстан. – 2009. – № 2. – С. 6-20.
148. Пермские финны: археологические культуры и этносы / А.М. Белавин, А.Н. Сарапулов // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2009. – № 4. – С. 89-93.
149. Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа : монография / Е.И. Оятева, О.В. Игнатьева, А.М. Белавин. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 2009. – 160 с. : ил., табл.
150. Плотниковский могильник – раскопки 2007 г. (новая коллекция музея) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Наш край : сб. науч.-краевед. ст. – Вып. 10. – СПб : Маматов, 2009. – С. 95-105.
151. Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 6: Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. – Пермь, 2009. – С. 7-16.
152. Предуралье в XIII -XV вв. / А.М. Белавин // История татар с древнейших времен : в 7-ми т. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань : [Рухият], 2009. – С. 482-484.
153. Угры Предуралья в древности и средние века / А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова ; Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, Перм. гос. пед. ун-т, Музей археологии и этнографии перм. Предуралья, Перм. фил. ин-та истории и археологии УрО РАН. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2009. – 285 с. : ил.
154. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа! / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 6: Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. – Пермь, 2009. – С. 118-124.
- 2010 год*
155. Tarsolyemez Perm vidékéről. – Sabretache Plate from the Perm Region / А.М. Belavin, N.B. Krylasova // Folia Archaeologica. – Vol. LIII. – Budapest, 2010. – P.210-234.
156. The ugric people of the Permian Cis-Urals in the middle ages (the question of the Ural Oecumene of the ugric people revisited) / А.М. Belavin, N.B. Krylasova // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Pars II: Summariaacrosium in sectionibus – Piliscsaba, 2010. – P. 263.
157. Археология этнической идентичности / А.М. Белавин // XVIII Уральское археологическое совещание: Культурные области, археологические культуры, хронология : материалы XVIII Урал. археолог. совещ. – Уфа : БГПУ, 2010. – С.10-13.

158. Вторая всероссийская научная конференция «Пермские финны: археологические культуры и этносы» / А.М. Белавин, А.Н. Сарапулов // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 1. – С. 138-140.
159. Карасово городище на р. Велва / А.М. Белавин // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Вып. 3. – 2010. – С. 12-15.
160. Концепция Виртуального Музея истории Пермского государственного педагогического университета (ВМИ ПГПУ) / А.М. Белавин, Е.В. Ветлугина // Мономузей в многоликом музейном мире : сб. материалов науч.–практич. конф. «Мономузей в многоликом музейном мире», г. Нытва 18 мая 2010 г. – Пермь ; Нытва, 2010. – С. 25-31.
161. Народы Пермского края: Истоки. Становление. Развитие / [авт. кол.: А.В. Черных, А.М. Белавин, Т.Г. Голева, С.В. Неганов, Р.И. Щукина, Т.Н. Лепоринска, Д.И. Вайман, М.С. Каменских, К.А. Скрыбина] ; Департ. внутр. политики Адм. губернатора Перм. края, РАН, Урал отд-ние, Перм. фил. ин-та истории и археологии, ПГПУ, Перм. краевой ин-т повышения квалиф. работников образования, Перм. гос. краевая универсал. б-ка им. А. М. Горького. – Пермь : ОТ и ДО, 2010. - 142 с.
162. Наш друг – профессор В.А. Иванов / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Уфимский археологический вестник. – 2010. – № 10. – С. 5-9.
163. Организация исследовательской работы с одаренными детьми на основе научного объединения учащихся / А.М. Белавин, А.В. Рубцов // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 2. – С. 72-75.
164. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – №2. – С. 79-88. (перевод. версия ст.: Objects with ‘animal and rider imagery on the base’ in the medieval culture of northern Eurasia / А.М. Belavin, N.B. Krylasova // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2010. – Vol. 38, №2. – P.79-88)
165. Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий к этнокультурным процессам I-II тыс. н.э.) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.И. Козлов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 : [сб. ст.]. – Йошкар-Ола, 2010. – С. 106-122.
166. Роль вузовского музея в научном и учебном процессе / А.М. Белавин // Мономузей в многоликом музейном мире : сб. материалов науч.–практич. конф. «Мономузей в многоликом музейном мире», г. Нытва 18 мая 2010 г. – Пермь; Нытва, 2010. – С. 19-25.
167. Рукояти шильев в угорских древностях / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. – М. : Ломоносовъ, 2010. – С. 97-102.
168. Современный взгляд на пермский звериный стиль / А.М. Белавин, О.В. Игнатьева // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2010. – № 2. – С. 69-77.

**2011 год**

169. The Ugric Population of the Permian Cis-Urals in the Middle Ages (the Question of the Ural Ecumene of the Ugric Peoples Revisited) / A.M. Belavin, N.B. Krylasova // *Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Pars VIII. Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica.* – Piliscsaba, 2011. – P.161-166.

170. Булгарские эсегелы (об этнической принадлежности пермского средневековья) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Урало-Поволжье в древности и средневековье : материалы Междунар. науч. конф. V Халиков. чтения "Урало-Поволжье в древности и средневековье", посвящ. 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова, 27-30 мая 2009 г., Казань. – Казань: Ин-т истории АН РТ : ООО "Фолиант", 2011. – С. 26-30.

171. Восход золотого полумесяца над Восточной Европой (начальные этапы утверждения ислама в Урало-Поволжье) / А.М. Белавин, В.А. Иванов ; М-во образования и науки РФ, ГБОУ ВПО "Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы", Рос. ислам. ун-т ЦДУМ России. – Уфа : БГПУ, 2011. – 147 с.

172. Древние хакасы в Пермском Предуралье X-XIII вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // *Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe.* – Cair : Office of the Hungarian Cultural Counsellor in Cairo, 2011. – P.4-8

173. История Пермского педагогического университета как источник инноваций в образовании / А.М. Белавин // Социокультурная многомерность образовательной деятельности: материалы всерос. науч.-практ. конф., г. Пермь, 14-15 апр. 2011 г. – Пермь : ПГПУ, 2011. – С. 9-10.

174. К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье / А.М. Белавин, В.А. Иванов // Вестник Пермского университета. Сер. История и политология. – 2011. – № 1. – С. 173-180.

175. Лаврятское городище (по раскопкам 1992 г.) / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 7: Археология Предуралья и сопредельных территорий. – Пермь, 2011. – С. 69-86.

176. Пути формирования городской сети в средневековом Волго-Камье / А.М. Белавин // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда, Великий Новгород – Старая Руса. Т.2. – СПб. ; М. ; Новгород, 2011. – С. 121-122.

**2012 год**

177. Ancient Khakasses and the Permian Cis-Urals / A. M. Belavin, N. B. Krylasova // *Chronica : Annual of the Institute of History, University of Szeged.* – Vol. 11 – P. 193-197.

178. Антропоморфные фигуры Северной Евразии: Перун, Войпель или Нумиторум / А.М. Белавин // Археология Арктики: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Салехард, 27-30 нояб. 2012 г. – Екатеринбург : Деловая пресса, 2012. – С. 131-136.

179. Археологические исследования Пермского Предуралья и идеи А.Х. Халикова / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической

экспедиции. – Вып. 8: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь, 2012. – С. 18-24.

180. Болгары в Предуралье / А.М. Белавин // *Vulgarica*. Время и пространство Болгарской цивилизации : атлас / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан, Респ. фонд возрожд. памятников истории и культуры Респ. Татарстан : [гл. ред. Р. С. Хакимов ; науч. ред. и сост. Ф. Ш. Хузин ; отв. ред.: Р.Р. Салихов, А.Г. Ситдинов, Р.Р. Хайрутдинов]. – М. ; Казань : Феория, 2012. – С. 336-343.

181. Древняя Афкула – исламская столица «Седьмого» климата» / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием в рамках Третьего Межрегионального форума мусульманской культуры "Мусульманский мир-2012" (г. Пермь, 16 марта 2012 г.). – Пермь : ПГПУ, 2012. – С. 30-41.

182. О роли серебра в культовой практике угров эпохи средневековья и т.н. «серебро закаменское» / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси (конец XV-XXI вв.): материалы междунар. науч. семинара (Минск, 7-8 октября 2012 года). – Пермь: ОТ и ДО, 2012. – С. 22-32

183. Огурдинский могильник : [монография] / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова ; Федер. агентство по образованию, ПГПУ, Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь : Изд-во РАН : Изд-во ПГПУ, 2012. – 259 с. : ил.; 30 см. – (Археология Пермского края: свод археологических источников ; вып.2).

184. Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника / Н.Б. Крыласова, Н.Г. Брюхова, А.М. Белавин // *Российская археология*. – 2012. – № 2. – С. 127-133.

185. Связи Приуралья с Западной Сибирью (на примере средневековых памятников Березниковско-Соликамского археологического микрорайона) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // *Человек и Север : антропология, археология, экология*. Вып. 2 : материалы всерос. конф., г. Тюмень, 26-30 марта 2012 г. – Тюмень : Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2012. – С. 84-88.

#### 2013 год

186. Ancient burial masks : catalogue / А.М. Belavin, I.Fodor, N.B. Krylasova. – Budapest : Hungarian National Museum, 2013. – 72 p.

187. Radiocarbon dating of the oldest gunshot wound: the case of the Plotnikovskiy burial complex / N.G. Bryukhova, A.M. Belavin, N.D. Burova, N.B. Krylasova // *14 C & Archaeology 7th International Symposium (Ghent, Belgium, 8-12 April 2013) : book of abstracts*. – Ghent, 2013. – P. 115.

188. Археологическое содержание и основные этапы формирования Угорской ойкумены в Предуралье / А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова // II Международный Мадьярский симпозиум 13-17 авг. 2013 : сб. науч. тр. – Челябинск : [Рифей], 2013. – С. 167-173.

189. Городище Купрос: итоги полевых исследований / А.М. Белавин, В.А. Оборин, А.Н. Сарапулов // Историческое и культурное наследие села Купрос : [сб. ст.] / [редкол.: А.Н. Сарапулов (отв. ред.), А.М. Белавин, А.С. Лобанова] – Пермь: ПГГПУ, 2013. – (Труды Института истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа ПГГПУ. Вып. IX). – С. 4-80.
190. К вопросу об использовании цифровых и 3D технологий при работе с археологическими материалами / А.М. Белавин, А.В. Вострокнутов // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи : материалы всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1-4 окт. 2013 г.). – Екатеринбург-Сургут : [Магеллан], 2013. – С. 285-287.
191. Материальная культура Предуралья X-XI вв.: вопросы хронологии / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи : материалы всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1-4 окт. 2013 г.). – Екатеринбург-Сургут : [Магеллан], 2013. – С. 77-85.
192. О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X-XI вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 18 : Культурные связи населения Европейского Северо-востока в древности и средневековье. – Сыктывкар, 2013. – С. 99-105.
193. Пермь от основания до наших дней, 1723–2013 : исторические очерки : в 2-х т. Т. 1 / [А.М. Белавин, Г.Д. Канторович, А.Ф. Мельничук и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Пермь : Пушкина, 2013. – 528 с. : ил., цв. ил., факс., портр.
194. Ранний этап урбанизации в Прикамье: проблема и решения / А.М. Белавин // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях : сб. науч. ст. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 85-99.
195. Русановские чтения: идея и реализация / А.М. Белавин // V Русановские чтения : всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (18 октября 2013 г., г.Оса). – Вып. 5, ч. 1. – Пермь, 2013. – С. 3.
196. Рыболовный словарь Прикамья / М.А. Бакланов, А.М. Белавин, В.В. Жук, И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых ; ФГБОУ ВПО "Пермский гос. гуманитарно-пед. ун-т", Адм. губернатора Перм. края, Департамент внутренней политики. – Санкт-Петербург : Маматов, 2013. – 198, [2] с., [7] л. цв. ил. – (Фольклор народов России)
197. «Серебро закамское» в истории и археологии Пермского Предуралья / А.М. Белавин // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2013. – № 2. – С. 50-61.

#### 2014 год

198. Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkészségek klasszifikációjához Volga–Káma-vidéki analógiáik fényében (The classification of Conquest period purses and tinder sets in the light of analogies from the Volga-Kama region) / А.М. Belavin, N.B. Krylasova, A.Turk // Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60 születésnapjára. – Budapest. 2014, – P. 457–496.

199. 900 лет имени «Пермь» / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 9 : 900 лет имени «Пермь»: от имени в летописи до губернского центра. – Пермь, 2014. – С. 4-10.
200. Археологические памятники Чашкинского озера [монография] / [авт.]: Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.М. Белавин, С.В. Скорнякова ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО "Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т", Музей археологии и этнографии Перм. Предуралья. – Пермь : Изд-во РАН, 2014. – 565 с. : ил. – (Археология Пермского края: свод археологических источников ; вып. 3)
201. Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие : [словарь-справочник] / [А.М. Белавин и др. ; редкол.: С.В. Неганов и др.] ; Администрация губернатора Пермского края [и др.]. – Санкт-Петербург : Маматов, 2014. – 413, [2] с. : табл.
202. Славяно-финская колонизация Прикамья и ее роль в изменении материальной культуры / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 3. – Казань, 2014. – С. 86-88
203. Страничка главного редактора / А.М. Белавин // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2014. – № 4. – С. 3.
204. Тайны «закамского» серебра / А.М. Белавин // Наука в России. – 2014. – № 4. – С. 96-103.

#### 2015 год

205. Urals and the problem of 'eastern ancestral home' of Hungarians / А.М. Belavin, N.B. Krylasova, V.A. Ivanov // European Journal of Science and Theology. – 2015. – Vol. 11. – № 3. – P. 201-207.
206. Археологическое изучение Западного Урала в начале XXI в.: экспедиционные, исследовательские и издательские проекты / А.М. Белавин // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2015. – № 4. – С. 5-16.
207. Древние мадьяры в Предуралье / А.М. Белавин, А.В. Данич, В.А. Иванов // Венгры: древняя история и обретение родины / Фодор Иштван ; науч. ред. Н.Б. Крыласова ; пер. на рус. Т.А. Ефремова. – Пермь : Тип. "ЗЁБРА", 2015. – С. 101-128.
208. Знаки Рюриковичей из Пермского Предуралья / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 10. – Пермь, 2015. – С.36-45.
209. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин // Magistra Vitae: электрон. журн. по историческим наукам и археологии. – 2015. – № 6 (361). – С. 16-27.
210. Погребения с воинскими знаками средневековых могильников Пермского Предуралья / А.М. Белавин // IV Северный археологический конгресс = IV Northern archaeological congress : материалы, 19-23 окт., 2015, Ханты-Мансийск. – Екатеринбург : Альфа Принт; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2015. – С. 160-163.

211. Раскопки Рождественского археологического комплекса в 2010-2012 гг. / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин // Археологические открытия 2010-2013 гг. – М. : ИА РАН, 2015. – С. 499-502.
212. Страницка главного редактора / А.М. Белавин // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2015. – № 5. – С. 3.
213. Юсьва — лебединая река : сб. тр. и материалов по традиц. культуре жителей Юсьв. р-на / [авт. кол.]: Е.Н. Баяндина, А.М. Белавин, Е.А. Васильева, Н.В. Падерина, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых. – Усолье, 2015. – 450 с., с ил.
- 2016 год**
214. Bulgar factories (trading posts) in the Kama river area as a factor of adjustment to feudalism / N.B. Krylasova, A.M. Belavin, Y.A. Podosenova // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11. – № 17. – P. 10311-10320.
215. Археологическое наследие коми-пермяцкой земли / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Музей в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Кудымкар, 16-18 нояб. 2016 г.). – Кудымкар : Коми-Пермяцкий краевед. музей, 2016. – С. 209-216.
216. Взаимодействие Предуралья и населения салтово-маяцкой археологической культуры / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Medieval Nomads. Sixth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe : abstracts of the conference. – Szeged, 2016. – P. 32-33.
217. Жилища средневекового Прикамья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Средневековая археология Волго-Уралья : сб. науч. трудов. к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф. Ш. Хузина. – Казань : Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. – С. 67-71.
218. Западное Приуралье в составе Булгарского государства / А.М. Белавин // История татар Западного Приуралья : [коллектив. моногр.]. Т. 1 : Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 72-85.
219. Золотые височные кольца с уточкой из Пермского Предуралья / А.М. Белавин // Поволжская Археология. – 2016. – № 2. – С. 260-269.
220. Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ за тридцать лет: от экспедиции до научной школы / А.М. Белавин, А.А. Белавина // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья : материалы всерос. науч.-практ. конф. г. Пермь, 9–12 февр. 2016 г. – Пермь, 2016. – С. 42-47.
221. Металлические лицевые покрытия в погребальном обряде древних венгров Урала / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // The scientific heritage. – 2016. – Vol. 1. – № 3. – P. 78-81.
222. Население Западного Приуралья в X-XIV вв. / А.М. Белавин, В.А. Иванов // История татар Западного Приуралья : [коллектив. моногр.]. Т. 1 : Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 118-127.

223. О необходимости переноса границы между ломоватовской и родановской археологическими культурами на рубеж XI-XII вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археологическое наследие Урала от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) : материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием, 25-29 октября, 2016 г. . – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2016. – С. 280-284.
224. Поясные сумочки из Предуралья и их распространение в Европе / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // 3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti Régészeti Konferencia = 3-й Международный мадьярский симпозиум по археологии : абстракты докл. – Будапешт, 2016. – С. 14-15
225. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016. – № 1 (32). – С. 28-41.
226. Противоаварийные археологические исследования КАЭЭ ПГГПУ / А.М. Белавин, А.В. Голдобин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 11 : Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края. – Пермь, 2016. – С. 3-9.
227. Раскопки Рождественского археологического комплекса / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин // Археологические открытия 2014 года. – М. : ИА РАН, 2016. – С. 290-294.
228. Рыбная ловля в Прикамье в древности и средние века / А.М. Белавин // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2016. – № 3. – С. 42-47.
229. Страничка главного редактора / А.М. Белавин // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2016. – № 6. – С. 1.
230. Финно-угры в Приуралье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // История татар Западного Приуралья : [коллектив. моногр.]. Том 1 : Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 51-63.

#### 2017 год

231. Bone carving in Perm Cis-Ural Region in the Middle Ages (Talla ósea en Perm Región Cis-Ural en la Edad Media) / N.B. Krylasova, A.M. Belavin, Y.A. Podosenova // Revista ESPACIOS. – 2017. – Vol. 38 (№ 49). – P. 30.
232. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X-XI вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Поволжская Археология. – 2017. – № 1. – С. 284-297.
233. К юбилею Натальи Борисовны Крыласовой / А.М. Белавин, А.Н. Сарапулов // Российская археология. – 2017. – № 3. – С. 188-189.
234. Касаба Афкула в письменных источниках и в археологической реальности / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований : материалы всерос. (с междунар. участием) археол. конф. (Астрахань, 29 сент. - 01 окт. 2017 г.). – Астрахань : Изд. Сорокин Роман Васильевич, 2017. – С. 3-10.

235. Лицевые накладки поясных сумочек «венгерского типа» из Волго-Камья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2017. – № 1. – С. 107-121.
236. Новые материалы раскопок Рождественского комплекса в Пермском крае / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации: материалы всерос. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию Биллярской археологической экспедиции : 1-4 авг. 2017 г., Казань – Болгар-Биллярск. – Казань, 2017. – С. 30-38.
237. Новый «Венгерский комплекс» из раскопок Рождественского могильника / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин, Ю.А. Подосенова // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2017. – № 4. – С. 91-99.
238. Орудия охоты средневекового Предуралья (археологический очерк) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – 2017. – № 3. – С. 66-80.
239. От редакционной коллегии / А.М. Белавин, Е.Л. Лычагина, Ю.А. Подосенова, А.Н. Сарапулов // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 12 : Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. – Пермь, 2017. – С. 3.
240. Прикамский ювелирный центр эпохи средневековья: комплексное исследование / А.М. Белавин // V (XXI) Всероссийский археологический съезд : сб. науч. тр. – Барнаул : АлтГУ, 2017. – С. 93.
241. Страницка главного редактора / А.М. Белавин // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2017. – № 7. – С. 2
242. Такая вот Наталья Борисовна: к юбилею профессора Н.Б. Крыласовой / А.М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 12 : Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. – Пермь, 2017. – С. 4-10.
243. Ювелирные инструменты средневекового населения Предуралья (по материалам Рождественского археологического комплекса) : препринт науч. докл на междунар. конф. «Археология Арктики» (г. Салехард, 19-22 нояб. 2017 г.) / А. М. Белавин. – Пермь : ПГГПУ, 2017. – 19 с.

***Учебно-методические и учебные работы***

244. История культуры Прикамья и Приуралья в древности и средневековье : учеб. пособие / В.А. Иванов, А.М. Белавин, О.В. Игнатьева ; М-во образования и науки РФ, ПГПУ. – Пермь : ОТ и ДО, 2010. – 172 с.
245. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. : курс лекций : учеб. пособие для студентов / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова ; Федер. агентство по образованию, ПГПУ. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 2008. – 123 с. : ил. ; 29 см.
246. Марафон знаний : задания 1 тура областного интеллектуального турнира : метод. изд. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. – Пермь : ДО Перм. обл., 2000. – 8 с.

247. Материальная культура средневекового Предуралья : в 2 ч. Ч. 2. Культура производства. Вооружение. Торговля / А.М. Белавин, А.В. Данич, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц, Ю.А. Подосенова, А.Н. Сарапулов ; М-во образования и науки РФ, ПГПУ, Музей археологии и этнографии Перм. Предуралья. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 2010. – 189 с. : ил.
248. Методическое планирование по курсу «Страницы истории Земли Пермской» : пособие для учителя / А.М. Белавин. – Пермь : ОблОНО, 1993. – 56 с.
249. Основы археологии : прогр. учеб. курса и метод. указания для студ. гуманитар. фак. / А.М. Белавин. – Пермь : ПГПУ, 2003. – 30 с.
250. Основы археологии : учеб.-метод. комплекс курса спец. 050401 «История» / [авт.-сост. А.М. Белавин, Е.Л. Лычагина]. – Пермь : ПГПУ, 2008. – 56 с.
251. Основы археологии : учеб.-метод. комплекс курса спец. 050403 «Культурология с доп. спец. «История» (ДПП «Основы археологии») / [авт.-сост. А.М. Белавин, Е.Л. Лычагина, А.Н. Сарапулов]. – Пермь : ПГПУ, 2008. – 41 с.
252. Очерки археологии Пермского Предуралья : [учеб. пособие для студ. и асп.]<sup>37</sup> / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Л.Е. Лычагина, А.В. Голдобин, О.В. Игнатьева, Г.Т. Ленц ; под ред. А.М. Белавина. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 2002. – 253 с. : ил.
253. Примерное тематическое планирование по курсу «История Прикамья (историческое краеведение)» и тематика исследовательских работ для учащихся / А.М. Белавин. – Пермь : ЦНО ПГПУ, 1995. – 48 с.
254. Программа и учебно-методические рекомендации по проведению полевой археологической (археолого-этнографической) практики : метод. пособие для студ. I курса ист. отд. гуманитар. ВУЗов / сост. А.М. Белавин. – Пермь : ПГПУ, 2003. – 28 с.
255. Программа и учебно-методические рекомендации по проведению полевой археологической практики : (метод. пособие) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. – Пермь : ПГПУ, 2008. – 36 с.
256. Программа курса «История Прикамья» и методические указания для учащихся Областной заочной гуманитарной школы / А.М. Белавин. – Пермь, 1995. – 24 с.
257. Ремесло и домашние производства Средневекового Предуралья [Электронный ресурс] : учеб. пособие : направл. подгот. 44.03.05 – "Пед. образование" (с двумя профилями подгот.), профили подгот. – "История и Доп. образование (Музейно-экскурсионная деятельность)" и "История и обществознание". Уро-

---

37 В данном издании А.М. Белавиным написаны следующие главы: «Задачи археологии. История археологии в Пермском Предуралье» (в соавт. с Н.Б. Крыласовой, с. 4-20); «Эпоха бронзы в Пермском Предуралье (XV-IX вв. до н.э.)» (в соавт. с Н.Б. Крыласовой, с. 89-100); «Ранний железный век. Ананьинская общность (VIII-III вв. до н.э.)» (в соавт. с А.В. Голдобиним, с. 101-114); «Ранний железный век. Археологические культуры постананьинского времени (III в. до н.э. – III-IV вв. н.э.)» (с. 115-128); «Поздний железный век. Период средневековья в Предуралье IV-XV вв.» (в соавт. с Н.Б. Крыласовой, с.129-171); «Волжская Булгария и Пермское Предуралье» (в соавт. с С.Л. Островским, с.185-202); «Археологические памятники эпохи русской колонизации Предуралья и нового времени» (с.243-251).

- вень высш. образования – бакалавриат : направл. подгот. 44.04.01 – "Пед. образование" Профиль подгот. – "Ист. краеведение". Уровень высш. образования – магистратура. Направл. подгот. 46.06.01 – "Ист. науки и археология". Научная спец. 07.00.06 – "Археология". Уровень высш. образования – аспирантура / [авт.]: Н.С. Батуева, А.М. Белавин, Р.В. Бубнова, Г.И. ВострокнUTOва, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц, Ю.А. Подосёнова, Е.В. Юркова. – Пермь : Изд-во ПГГПУ, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).
258. Русская колонизация Прикамья : прогр. и метод. рек. по спецкурсу для спец. 032600 «История» (ДПП.В.01) / А.М. Белавин. – Уфа : БГПУ, 2004. – 28 с.
259. Секция «История Урала, археологии и первобытного общества» / А.М. Белавин, Г.Д. Селянинова // Программа LVI студенческой научной конференции (апр.-май 2000 г.). – Пермь : ПГПУ, 2000. – С. 5-6.
260. Страницы истории Земли Пермской : Прикамье в древности и средние века : рабочая тетр. : учеб. пособие для сред. шк. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. – Пермь : Кн. мир, 1996. – 52 с.
261. Страницы истории Земли Пермской : Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века : учеб. пособие / Н.Н. Агафонова, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова ; под ред. А.М. Белавина. – Пермь : Кн. мир, 1995. – 171, [3] с., [24] л. ил.
262. Страницы истории Земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века : учеб. пособие / Н.Н. Агафонова, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова ; под ред. А.М. Белавина. – Пермь : Кн. мир, 1996. – 171, [3] с., [24] л. ил.
263. Страницы истории земли Пермской : рабочая тетр. по истории Прикамья : [для сред. шк. / А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова]. – Пермь : Кн. мир, б. г. (1997). – 43 с. : ил., карты.
264. Страницы истории Земли Пермской : рабочая тетр. по истории Прикамья для сред. шк / [А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.Б. Суслов]. – Пермь : Кн. мир, 1998. – 43 с. : ил.
265. Страницы истории Земли Пермской : учеб. пособие. Ч. 2 : Прикамье в XVIII-XX веках : учеб. пособие / А.М. Белавин, Н.Н. Агафонова, Н.Б. Крыласова, А.Б. Суслов, М.Г. Нечаев. – Пермь : Кн. мир, 1997. – 336 с.
266. Учебно-методический комплекс дисциплины «Основы археологии» [Электронный ресурс] : спец. 050403.65 Культурология с доп. спец. История / авт.-сост.: А.М. Белавин, Е.Л. Лычагина, А.Н. Сарапулов. – Пермь : [ПГПУ], 2008.
267. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Археология» [Электронный ресурс] : спец. 050403: "Культурология" (ОЗО), 050403: "Культурология" с доп. спец. "История" / [авт.-сост.: А.М. Белавин, Е.Л. Лычагина, А.Н. Сарапулов]. – Пермь : [ПГПУ], 2008.
268. Учебно-методический комплекс по курсу «Памятники истории и культуры Пермского края» [Электронный ресурс] : направл. подгот. 050100 «Педагогическое образование», Профиль подгот. «Региональные этнокультурные и социаль-

- но-политические процессы в контексте исторического образования» / [авт.-сост.: А.М. Белавин]. – Пермь : ПГПУ, 2012.
269. Хозяйство, торговля и военное снаряжение средневекового Предуралья [Электронный ресурс] : учеб. пособие : направл. подгот. 44.03.05 – "Пед. образование" (с двумя профилями подгот.), Профили подгот. – "История и Доп. образование (Музейно-экскурсионная деятельность)" и "История и обществознание". Уровень высш. образования – бакалавриат : направл. подгот. 44.04.01 – "Пед. образование", профиль подгот. – "Ист. краеведение". Уровень высш. образования – магистратура : направл. подгот. 46.06.01 – "Ист. науки и археология". Науч. спец. 07.00.06 – "Археология". Уровень высш. образования – аспирантура / [авт.]: А.М. Белавин, А.В. Данич, Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосёнова, А.Н. Сарапулов. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 2017. – 1 электрон. диск (CD-ROM).
270. Этнография народов Урала и Поволжья : прогр. учеб. курса / А. М. Белавин – Пермь : ПГПИ, 1990. – 14 с.

## АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗАГЛАВИЙ

900 лет имени «Пермь» (2014, 199)

Ancient burial masks: catalogue (2013, 186)

Ancient Khakassians and the Permian Cis-Urals (2012, 177)

Bone carving in Perm Cis-Ural Region in the Middle Ages (Talla ósea en Perm Región Cis-Ural en la Edad Media) (2017, 231)

Bulgar factories (trading posts) in the Kama river area as a factor of adjustment to feudalism (2016, 214)

Objects with 'animal and rider imagery on the base' in the medieval culture of northern Eurasia (2010, 164)

Radiocarbon dating of the oldest gunshot wound: the case of the Plotnikovskiy burial complex (2013, 187)

Tarsolyemez Perm vidékéről. – Sabretache Plate from the Perm Region (2010, 155)

The Ugric people of the Permian Cis-Urals in the middle ages (the question of the Ural Oecumene of the Ugric people revisited) (2010, 156)

The Ugric Population of the Permian Cis-Urals in the Middle Ages (the Question of the Ural Ecumene of the Ugric Peoples Revisited) (2011, 169)

Ties of the Finno-Ugric population of the Kama area with Bulgaria on the Volga in the 9th-14th centuries (1985, 5)

Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkészségek klasszifikációjához Volga–Káma-vidéki analógiáik fényében (The classification of Conquest period purses and tinder sets in the light of analogies from the Volga-Kama region) (2014, 198)

Urals and the problem of 'eastern ancestral home' of Hungarians (2015, 206)

A

Анатолий Николаевич Лепихин. Некролог (2003, 98)

Антропоморфные фигуры Северной Евразии: Перун, Войпель или Нуми-Торум (2012, 178)

Анюшкарский меридиан (2001, 82)

Археологические исследования Пермского Предуралья и идеи А. Х. Халикова (2012, 179)

Археологические памятники бассейна реки Чусовой (1988, 18)

Археологические памятники Верхокамья в этнической истории народов Коми-Пермяцкого округа (2005, 113)

Археологические памятники окрестностей г. Березники Пермской области: каталог (1985, 6)

Археологические памятники Соликамского района: каталог (1989, 20)

Археологические памятники Чашкинского озера (2014, 201)

Археологические свидетельства проникновения христианства в Прикамье в 1-й половине 2 тыс. н.э. (2004, 106)

Археологическое изучение Западного Урала в начале XXI в.: экспедиционные, исследовательские и издательские проекты (2015, 206)

Археологическое наследие коми-пермяцкой земли (2016, 215)

Археологическое содержание и основные этапы формирования Угорской ойкумены в Предуралье (2013, 188)

Археология и школа (2006, 117)

Археология этнической идентичности (2010, 157)

Аскизские предметы в Пермском Предуралье (2003, 99)

## **Б**

Бляхи с «охотничьим» сюжетом из Верхнего Прикамья (2001, 83)

Болгары в Предуралье (2012, 180)

Булгарская керамика Рождественского городища (2006, 118)

Булгарские эсегелы (об этнической принадлежности пермского средневековья) (2011, 170)

## **В**

Взаимодействие населения Западной Сибири и Предуралья в эпоху средневековья (2002, 93)

Взаимодействие населения Приуралья и Зауралья в древности и средние века (1999, 62)

Взаимодействие Предуралья и населения салтово-маяцкой археологической культуры (2016, 216)

Взаимодействие степи и леса (по археологическим материалам Предуралья) (2007, 125)

Височные кольца, подвески и серьги болгарской работы в Приуралье (1999, 63)

Внешние и внутренние этнокультурные и экономические контакты средневекового населения Предуралья (по керамическому комплексу) (1999, 64)

Военно-политические взаимоотношения Древней Руси, Волжской Болгарии и Верхнего Прикамья в XIII-XVI вв. (1995, 37)

Возникновение Земли Пермской (2002, 94)

Война и Песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья (2005, 114)

Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии) : дис. ... (1989, 21)

Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии) : автореф. дис. ... (1991, 27)

Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса) (1995, 38)

Восход золотого полумесяца над Восточной Европой (начальные этапы утверждения ислама в Урало-Поволжье) (2011, 171)

Вперед, вперед! (2006, 119)

Вторая всероссийская научная конференция «Пермские финны: археологические культуры и этносы» (2010, 158)

### Г

Городище Купрос: итоги полевых исследований (2013, 189)

Городищенское городище на р. Усолке (1986, 8)

Губернская Пермь (1996, 43)

### Д

Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X-XI вв. (2017, 232)

Древние мадьяры в Предуралье (2015, 207)

Древние хакасы в Пермском Предуралье X-XIII вв. (2011, 172)

Древние хакасы и Пермское Предуралье (по материалам Рождественского археологического комплекса) (2003, 100)

Древняя Афкула – исламская столица «Седьмого» климата» (2012, 181)

Древняя Афкула (2009, 144)

Древняя Афкула (Рождественский археологический комплекс X-XIII вв. в Пермском Предуралье) (2006, 120)

Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск (2008, 134)

### Е

Еще раз к вопросу о поздней смене угорского населения финским в Верхнем Прикамье (1994, 34; 1995, 39)

Еще раз о локализации «стран и народов» средневековых арабских источников в Приуралье (1997, 50)

### Ж

Жилища средневекового Прикамья (2016, 217)

Жилищно-хозяйственный комплекс селища Запоселье (2008, 135)

### З

Задачи и проблемы охраны памятников археологии в Пермской области (1997, 51)

Западное Приуралье в составе Булгарского государства (2016, 218)

Запосельское поселение в Пермском крае (2008, 136)

Зарождение предпринимательских традиций в Предуралье в эпоху средневековья (2002, 95)

Заселение и освоение Гайнского края в древности и средние века (2003, 101)

Знаки Рюриковичей из Пермского Предуралья (2015, 208)

Золотые височные кольца с уточкой из Пермского Предуралья (2016, 219)

## И

Императорская Археологическая Комиссия и археология Пермской губернии (2009, 145)

Исследования Огурдинского археологического комплекса (1996, 44)

Истоки межэтнической толерантности в Прикамье (2002, 96)

Историко-культурные связи населения Чердынского края в эпоху средневековья (1999, 65)

История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль) (2000, 72)

История культуры Прикамья и Приуралья в древности и средневековье (2010, 244)

История Пермского педагогического университета как источник инноваций в образовании (2011, 173)

История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. (2008, 245)

## К

К вопросу о характере этнокультурного взаимодействия Прикамья и Западной Сибири в эпоху железа (1997, 52)

К вопросу о содержании исторического процесса в конце I - начале II тыс. н.э. в Верхнем Прикамье (1987, 13)

К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья (2004, 107)

К вопросу об использовании цифровых и 3D технологий при работе с археологическими материалами (2013, 191)

К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья (2007, 126)

К читателям / А. М. Белавин // Тулвинские татары и башкиры : этногр. очерки и тексты (2004, 110)

К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье (2011, 174)

К столетию со дня рождения О.Н. Бадера (2003, 102)

К юбилею Натальи Борисовны Крыласовой (2017, 233)

Камская археолого-этнографическая экспедиция за двадцать пять лет (2008, 137)

Камская археолого-этнографическая экспедиция за десять лет (1993, 31)

Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГПУ за тридцать лет: от экспедиции до научной школы (2016, 220)

Камский торговый путь (2006, 121; 2008, 138)

Камский торговый путь в системе торговых путей средневековья (2004, 108)

Камский торговый путь из Болгара «в страну Вису и Чулыман» (1999, 66)

Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути (2001, 84)

Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях (2000, 73)

Карасово городище на р. Велва (2010, 159)

Касаба Афкула в письменных источниках и в археологической реальности (2017, 234)

Комплекс метательного оружия из раскопок Рождественского археологического комплекса на р. Обва (2005, 115)

Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения (2015, 209)

Концепция Виртуального Музея истории Пермского государственного педагогического университета (ВМИ ПГПУ) (2010, 160)

Костяные и железные наконечники стрел Рождественского археологического комплекса (2006, 122)

Культовый комплекс на селище Телячий Брод (2001, 85)

Купросское городище в Коми-Пермяцком автономном округе (1999, 67)

## Л

Лаврятское городище (по раскопкам 1992 г.) (2011, 175)

Лицевые накладки поясных сумочек «венгерского типа» из Волго-Камья (2017, 235)

## М

Марафон знаний (2000, 246)

Материальная культура Предуралья X-XI вв.: вопросы хронологии (2013, 191)

Материальная культура средневекового Предуралья (2010, 247)

Металлические лицевые покрытия в погребальном обряде древних венгров Урала (2016, 221)

Методическое планирование по курсу «Страницы истории Земли Пермской» (1993, 249)

Миграции и колонизация в древней истории Предуралья (2009, 146)

Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье (2003, 103; 2003, 104)

## Н

Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария (2006, 123)

Народы Пермского края: Истоки. Становление. Развитие (2010, 161)

Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие (2014, 201)

Население Западного Приуралья в X-XIV вв. (2016, 222)

Находки крестов на Рождественском археологическом комплексе (2008, 139)

Наш друг – профессор В.А. Иванов (2010, 162)

Неволинские пояса в системе международных связей (2001, 86)

Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья (1997, 53)

Некоторые итоги и перспективы развития археологии Приуралья в свете решений XXVII съезда КПСС (1987, 14)

Некоторые особенности исторического процесса на Западном Урале в конце I – начале II тыс. н.э. (1993, 32)

Новые материалы раскопок Рождественского комплекса в Пермском крае (2017, 236)

Новый «Венгерский комплекс» из раскопок Рождественского могильника (2017, 237)

## О

О «медовой составляющей» в палеоэкономике Пермского Предуралья (2007, 127)

О выявлении и охране памятников археологии (для юных туристов) (1983, 1)

О дате образования Пермской губернии и города Перми (1997, 54)

О локализации Страны Вису в Пермском Приуралье (1997, 55)

О находках предметов болгарской ювелирной продукции в окрестностях Березников (1999, 68)

О необходимости переноса границы между ломоватовской и родановской археологическими культурами на рубеж XI-XII вв. (2016, 223)

О раннем этапе болгаро-пермских контактов (1990, 26)

О роли серебра в культовой практике угров эпохи средневековья и т.н. «серебро закаменское» (2012, 182)

О роли угров в этнической истории Верхнего Прикамья (1996, 45)

О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X-XIII веков (1989, 22; 1992, 30)

О связях племен Верхнего Прикамья с государством волжских болгар (1986, 9)

О северном продолжении Булгар-Киевского торгового пути (1994, 35)

О символах, эмблемах и гербах: к вопросу о современном гербе Пермской области (научные аспекты и подходы) (1997, 56)

О современном подходе к периодизации Верхнего Прикамья (1987, 15)

О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья (2001, 87)

О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X-XI вв. (2013, 192)

Об угорском характере Пермского звериного стиля (1996, 46)

Об употреблении этнических имен и терминов в археологической литературе Урала (1999, 69)

- Об этнической принадлежности Пермского средневекового звериного стиля (2001, 88)
- Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» (1999, 70)
- Огурдинский могильник (2012, 183)
- Окрестности Березников в эпоху средневековья (1995, 40)
- Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Предуралья эпохи средневековья (2003, 105)
- Организация исследовательской работы с одаренными детьми на основе научного объединения учащихся (2010; 163)
- Орудия охоты средневекового Предуралья (2017, 238)
- Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афкула) в Пермском крае (2009, 147)
- Основные этапы этнической истории коренного населения Пермского Прикамья (по данным археологии) (2004, 109)
- Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа (1997, 57)
- Основы археологии : программа учебного курса (2003, 249)
- Основы археологии : учебно-методический комплекс курса (2008, 250-251)
- Особенности градообразовательного процесса в средневековом Прикамье (1995, 41)
- От редакционной коллегии (2017; 240)
- Очерки археологии Пермского Предуралья (2002, 252)
- II**
- Пермские финны: археологические культуры и этносы (2009, 148)
- Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа (2009, 149)
- «Пермский период» в истории (2002, 98)
- Пермское Предуралье – перекресток торговых путей Евразии (2006, 124)
- Пермское Предуралье в эпоху средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) (2000, 74)
- Пермское Предуралье как культурно-экологическая область (2007, 128)
- Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки (2000, 75)
- Пермь от основания до наших дней, 1723–2013 : исторические очерки (2013, 193)
- Плотниковский могильник – раскопки 2007 г. (новая коллекция музея) (2009, 149)
- Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер (2008, 140)
- Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер (2009, 151)
- Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника (2012, 185)

Погребения с воинскими знаками средневековых могильников Пермского Предуралья (2015, 210)

Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII в. (1986, 10)

Поясные сумочки из Предуралья и их распространение в Европе (2016, 224)

Предисловие // Путилова, Н. Н. Полазна. Большая история малого поселка (2001, 89)

Предметы культового литья (пермский звериный стиль) с выделенным знаком пола (2005, 116)

Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии (2010, 164)

Предуралье в XIII -XV вв. (2009, 152)

Прикамский ювелирный центр эпохи средневековья: комплексное исследование (2017, 240)

Примерное тематическое планирование по курсу «История Прикамья (историческое краеведение)» и тематика исследовательских работ для учащихся (1995, 253)

Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий к этнокультурным процессам I-II тыс. н.э.) (2010, 165)

Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья (2016, 225)

Проблемы охраны археологического наследия Пермской области (1998, 59)

Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье (2007, 129-130)

Проблемы этнической археологии Приуралья (1996, 47)

Программа и учебно-методические рекомендации по проведению полевой археологической (археолого-этнографической) практики (2003, 254)

Программа и учебно-методические рекомендации по проведению полевой археологической практики (2008, 255)

Программа курса «История Прикамья» и методические указания для учащихся Областной заочной гуманитарной школы (1995, 256)

Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н.э. (по материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) (1987, 16)

Противоаварийные археологические исследования КАЭЭ ПГГПУ (2016, 226)

Пути формирования городской сети в средневековом Волго-Камье (2011, 176)

## Р

Работы в Карагайском районе Пермской области (1987, 17)

Работы на берегах Камского и Воткинского водохранилищ (1986, 11)

Работы на р. Усьве (1988, 19)

Работы Пермского Дворца пионеров (1983, 2)

Работы Пермского пединститута (1986, 12)

- Ранний этап «древнерусской колонизации» и проблема смены вмещающего этноса Пермского Предуралья (2000, 76)
- Ранний этап урбанизации в Прикамье: проблема и решения (2013, 194)
- Раскопки в окрестностях г. Березники (1985, 7)
- Раскопки памятников средневековья в Верхнем Прикамье (1984, 3)
- Раскопки памятников эпохи средневековья в Пермском Приуралье в 1987-1988 гг. (1989, 23)
- Раскопки Рождественского археологического комплекса (2016, 227)
- Раскопки Рождественского археологического комплекса в 2010-2012 гг. (2015, 211)
- Раскопки Рождественского и Филипповского городищ в Верхнем Прикамье (1993, 33)
- Раскопки средневековых городищ в Верхнем Прикамье (1994, 36)
- Раскопки средневековых могильников в Пермской области (1991, 28)
- Раскопки средневековых поселений в Верхнем Прикамье (1991, 29)
- Раскопки Чашкинского 2 селища в Пермской области (2000, 77)
- Редикарский археологический комплекс (по материалам раскопок 1996 г.) (2007, 131)
- Редкий предмет из грабительских раскопок (2008, 141)
- Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли (2001, 90)
- Ремесло и домашние производства Средневекового Предуралья (2017, 257)
- Роль А.А. Спицина в возникновении научной археологии в Пермской губернии (2008, 142)
- Роль вузовского музея в научном и учебном процессе (2010, 166)
- Рукояти шильев в угорских древностях (2010, 167)
- Русановские чтения: идея и реализация (2013, 195)
- Русская колонизация Прикамья (2004, 258)
- Рыбная ловля в Прикамье в древности и средние века (2016, 228)
- Рыболовный словарь Прикамья (2013, 196)

### С

- Связи Приуралья с Западной Сибирью (на примере средневековых памятников Березниковско-Соликамского археологического микрорайона) (2012, 185)
- Связи финно-угорских племен Прикамья с Волжской Болгарией в X-XIV вв. (1989, 24)
- Священные рощи коми-пермяков (о культе природы у населения Коми-Пермяцкого округа (1996, 48)
- Секция «История Урала, археологии и первобытного общества» (2000, 259)
- «Серебро закамское» в истории и археологии Пермского Предуралья (2013, 198)
- Серебряная бляха из могильника Телячий Брод (1989, 25)

Славяно-финская колонизация Прикамья и ее роль в изменении материальной культуры (2014, 202)

Современный взгляд на пермский звериный стиль (2010, 168)

Средневековые памятники у д. Володин Камень в приустьевой части р. Яйвы (1984, 4)

Становление российских музеев. Вопросы формирования правового статуса (2004, 111)

Страницы истории Земли Пермской : Прикамье в древности и средние века (1996, 260)

Страницы истории Земли Пермской : Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века (1995, 261; 1996, 262)

Страницы истории земли Пермской : рабочая тетрадь по истории Прикамья (1997, 263; 1998, 264)

Страницы истории Земли Пермской : учебное пособие. Ч. 2 : Прикамье в XVIII-XX веках (1997, 265)

Страничка главного редактора (2014, 203; 2015, 212; 2016, 229; 2017, 241)

#### Т

Тайны «закамского» серебра (2014, 205)

Такая вот Наталья Борисовна: к юбилею профессора Н. Б. Крыласовой (2017, 242)

Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века (2000, 78)

Три века пермской археологии и современность (2007, 132)

#### У

Угры Предуралья в древности и средние века (2009, 153)

Усольская земля в древности и средние века (2004, 112)

Учебно-методический комплекс дисциплины «Основы археологии» (2008, 266)

Учебно-методический комплекс по дисциплине «Археология» (2008, 267)

Учебно-методический комплекс по курсу «Памятники истории и культуры Пермского края» (2012, 268)

Учебный модуль «Мультимедийные технологии представления учебного материала по теме «Первобытная и древняя история»» (для дисциплины ОПД.Ф.04 «Теория и методика обучения истории и обществознанию») (2008, 143)

#### Ф

Финно-угорская археология Приуралья и пермская школа археологов (1995, 42)

Финно-угроведение в Пермском государственном педагогическом университете (1997, 60)

Финно-угры в Приуралье (2016, 230)

#### Х

Хозяйство, торговля и военное снаряжение средневекового Предуралья (2017, 269)

**Ш**

Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа! (2009, 153)

**Э**

Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья : автореф. дис. ... (2000, 79)

Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья : дис. ... (2000, 80)

Этническая ситуация в Пермском Предуралье и Тюменском Зауралье в эпоху средневековья (2001, 91)

Этнические проблемы археологии Предуралья эпохи железа (1999, 71)

Этнография народов Урала и Поволжья (1990, 270)

Этнокультурная ситуация в Пермском Предуралье периода средневековья и нового времени (2007, 133)

Этнокультурная ситуация в Среднем (Пермском) Предуралье в эпоху позднего неолита (2001, 92)

Этнокультурное взаимодействие средневекового населения Западного Урала с ближним и дальним окружением (1998, 61)

Этнокультурные контакты средневекового населения Прикамья (1996, 49)

Этнокультурные связи Предуралья в эпоху средневековья (2000, 81)

**Ю**

Ювелирные инструменты средневекового населения Предуралья (по материалам Рождественского археологического комплекса) (2017, 243)

Юность – науке (1997, 58)

Юсьва — лебединая река (2015, 213)

**Содержание:**

А.Н. Сарапулов А.М. БЕЛАВИН: ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ (К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ В ПЕРМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ) .....	4
Д.В. Шмуратко, О.В. Полякова СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ АРХЕОЛОГОВ В ПГГПУ В РАМКАХ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА А.М. БЕЛАВИНА .....	27
А.А. Белавина МОЙ ПАПА – САМЫЙ ЛУЧШИЙ .....	34
Р.Д. Голдина ОБ АНДРЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ БЕЛАВИНЕ .....	35
В.А. Иванов	

КОНЦЕПЦИЯ УРБАНИЗАЦИИ ПРИКАМЬЯ А.М.БЕЛАВИНА В СВЕТЕ КОНТЕНТ- И ДИСКУРС-АНАЛИЗА.....	47
Н.Б. Крыласова К РАЗВИТИЮ КОНЦЕПЦИИ А.М.БЕЛАВИНА О ТОВАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ МЕДИ И СПЛАВОВ НА ЕЕ ОСНОВЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ .....	54
Жукова О.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БОРСКОГО И ГАРИНСКОГО КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ .....	70
И. Фодор НЕИЗВЕСТНАЯ ФОТОГРАФИЯ ТУРБИНСКОГО НОЖА .....	82
Н.В. Федорова ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ КЛАДЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК-СРЕДНЕВЕКОВЬЕ) .....	88
А.Ф. Мельничук, А.В. Голдобин, М.Л. Перескоков, А.А. Ракшин РЕДКИЕ ОБРАЗЫ СДВОЕННЫХ СУЩЕСТВ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В ЛОМОВАТОВСКО-НЕВОЛИНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ.....	114
В. А. Калинин, Вяч. С. Кулешов БОНДЮЖСКИЙ КЛАД КУФИЧЕСКИХ ДИРХАМОВ НАЧАЛА X ВЕКА .....	127
Владимир И. Кулаков СТАТУСНЫЕ МЕЧИ КУРШЕЙ.....	133
А.В. Данич СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ (СТРЕМЕНА) НА МАТЕРИАЛАХ РАСКОПОК ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЦЕ) МОГИЛЬНИКА .....	144
К.В. Моряхина ИМПОРТНЫЕ УКРАШЕНИЯ РУК НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ .....	155
А.Тюрк АМУЛЕТЫ-ТОПОРИКИ В МАТЕРИАЛЕ КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА XI-XII ВВ.....	165
В.Н. Кузнецова ПОЛЫЕ ОРНИТОМОРФНЫЕ ПОДВЕСКИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ X–XIII ВЕКОВ .....	183
Ю.А. Подосенова НОЖНЫ В СЕРЕБРЯНЫХ ОБКЛАДКАХ С ФИЛИГРАННЫМ И ЗЕРНЕВЫМ ДЕКОРОМ ИЗ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ .....	199
К.А. Руденко ПЛЕТЕННЫЕ ГРИВНЫ С ПОДВЕСКАМИ-ЛУННИЦАМИ ИЗ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ: ДИЗАЙН, АТРИБУЦИЯ.....	205
А.В. Курбатов	

---

КОЖЕВЕННОЕ ремесло и обувь средневекового населения пермского Прикамья в I – начале II тыс.н.э.....	220
Р.Д. Голдина, С.А. Перевозчикова ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЙ ПОД КУРГАНАМИ ВЕРХ-САИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В СЫЛВЕНСКОМ ПОРЕЧЬЕ.....	239
Брюхова Н.Г., Смертин А.Р. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ОПИСАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ .....	251
А.В. Вострокнутов ГОРОДИЩЕ ПОЛЮТЫ – СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ В БАССЕЙНЕ Р. ИНЬВА.....	267
А.Ф. Мельничук, Г.П. Головчанский, С.В. Скорнякова ГЫРЧИКОВСКОЕ (ЮСЬВЕНСКОЕ) ГОРОДИЩЕ – ПАМЯТНИК РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ Р. ИНЬВА .....	275
А.М. Губайдуллин О УКРЕПЛЕНИЯХ «ПОГРАНИЧНЫХ» ГОРОДИЩ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ .....	290
И.В. Журбин, М.Г. Иванова АЛГОРИТМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФИННО- УГОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ .....	294
Васильев Д.В. О КРИТЕРИЯХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.....	302
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ А.М. БЕЛАВИНА .....	313

*Научное издание*

**ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ  
ЭКСПЕДИЦИИ  
Выпуск XIV**

**Средневековая археология Евразии:  
от Ямала до Карпат**

*Сборник научных трудов к 60-летнему юбилею А.М. Белавина*

На обложке – .....

*Издание зарегистрировано в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)*

**Р е д к о л л е г и я :**

**Крыласова** Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)  
**Лычагина** Евгения Леонидовна  
**Подосенова** Юлия Александровна  
**Сарапулов** Алексей Николаевич

*Издается в авторской редакции.*

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений, цитирования и использованных иллюстративных материалов*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ  
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью  
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

**ИБ № 875**

Свидетельство о государственной аккредитации вуза  
№ 0902 от 07.03.2014

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001

Подписано в печать 01.06.2018. Формат 60x90 1/8

Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 44,12. Уч.-изд. л. 24,5.

Тираж 300 экз. Заказ № .....

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета  
614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,  
тел. (342) 238-63-12, факс (342) 212-70-19

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Астер-Диджитал»  
614000, г. Пермь, ул. газеты «Звезда», 5  
тел. +7 (342) 206-06-86  
<http://www.asterdigital.ru>